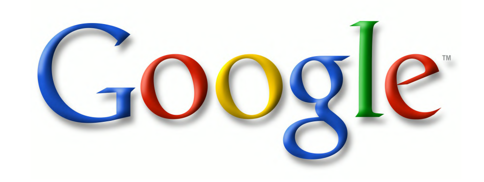

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ВТОРОЙ.
МАРТЪ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1881 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Графиня Шатобріанъ, историческій романъ **Г. Лаубе.** Окончаніе II части и части III, глава I.—2) Портретъ **Ѳ. М. Достоевскаго**. 3) Карта Текинскаго оазиса.

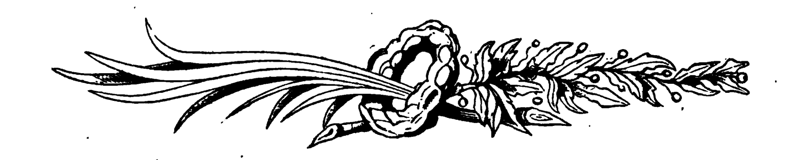

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

Съ посмертнаго портрета, рисованнаго съ натуры академикомъ Крамскимъ, рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

КЪ ПОРТРЕТУ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Пишемъ эти строки въ поясненіе къ портрету почившаго писателя, прилагаемому при настоящей книжкѣ нашего журнала. Это будетъ нѣсколько чертъ его характера, нѣсколько подробностей для портрета писателя, который былъ увѣнчанъ слезами и вѣнками въ гробѣ своемъ, писателя, который былъ признанъ слишкомъ поздно.

Да, слишкомъ поздно. Никто изъ русскихъ писателей не былъ такъ оригиналенъ, никто такъ мало не старался идти за вѣкомъ, за господствующими вѣяніями, за модою, и никто изъ нашихъ большихъ писателей не былъ брошенъ такъ безжалостно на съѣденіе нужды, на необходимость заработывать свой хлѣбъ только литературнымъ трудомъ. Мы говоримъ о писателяхъ художникахъ. Ни Тургеневъ, ни Некрасовъ, ни графъ Толстой, ни Гончаровъ, ни Писемскій, ни Салтыковъ, никто изъ этихъ крупныхъ талантовъ не былъ въ такомъ положеніи вѣчнаго работника, какъ Достоевскій, и никто изъ нихъ не жилъ всю свою жизнь въ такой скромной обстановкѣ, какъ покойный, у котораго наканунѣ смерти вырвалась скорбная фраза: „я оставляю дѣтей своихъ нищими“. Онъ не предчувствовалъ, не предугадывалъ, ни милости Государя къ его семьѣ, ни участія общества. Скорбная, тяжелая мысль эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Къ его соперникамъ по таланту и значенію, судьба была привѣтливѣе: она наградила ихъ богатымъ наслѣдствомъ, состояніемъ, хорошею службою, жалованьемъ, всѣмъ тѣмъ, что даетъ писателю досугъ, что даетъ ему возможность обработывать свои произведенія, вычищать ихъ и холить, держать въ портфели, со всѣхъ сторонъ обдумывать и передѣлывать.

Этого огромнаго преимущества для художественной работы покойный не имѣлъ совсѣмъ.

И самъ онъ, всей своей фигурой, не выглядывалъ орломъ. На немъ была какая то печать скромности, конфузливости, скажемъ болѣе—забитости и угловатости. Каторга и падучая болѣзнь, пріобрѣтенная имъ тамъ же, очевидно оставили на немъ свои слѣды, сообщили ему этотъ какъ бы униженный видъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность въ обращеніи съ людьми. Онъ самъ былъ выраженіемъ униженныхъ и оскорбленныхъ, изображенію которыхъ посвятилъ свой талантъ. Своихъ признаній и своихъ думъ онъ не выкладывалъ всякому, и надо было, чтобъ хорошо узналъ онъ человѣка прежде чѣмъ станетъ говорить съ нимъ со всею своею искренностью. Постоянная болѣзненность также дѣлала его характеръ нервнымъ и мало общительнымъ. За то когда онъ разговорится, когда онъ чувствуетъ себя хорошо—можно было заслушаться его бесѣды, всегда интересной и глубокой, всегда посвященной или вопросамъ современнаго положенія Россіи, или нравственнымъ и психическимъ вопросамъ. Ошибался ли онъ, нѣтъ ли, но онъ не заимствовалъ готовыхъ сужденій, не подчинялся ходячимъ мнѣніямъ, а былъ всегда самъ собою и былъ всегда искреннимъ. Отсюда его значеніе между молодежью, которая, въ своихъ сомнѣніяхъ, въ буряхъ молодой жизни, въ исканіи правды, въ исканіи примиренія съ дѣйствительностію, приходила къ нему открывать свою душу и получить слово утѣшенія отъ человѣка, который такъ много испыталъ и выстрадалъ, и который говорилъ такимъ оригинальнымъ, такимъ сердечнымъ языкомъ. Это особая сторона его жизни, интимныя подробности которой будутъ когда нибудь выяснены и которая отнимала у него много времени на переписку. Ему случалось выслушивать исповѣди самыя сердечныя, какія рѣдко приходится выслушивать духовнику; ему случалось проводить цѣлые вечера глазъ на глазъ съ юношами, которые рѣшились на самоубійство и отцы которыхъ упросили ихъ поговорить съ Достоевскимъ. Въ то время, когда его называли обскурантомъ, мистикомъ, ханжею [1]),

---

[1]) Одно изъ лучшихъ стихотвореній на смерть Достоевскаго, вызванное портретомъ Крамскаго, который былъ выставленъ во время пушкинскаго вечера, написано г-жею Бартъ, слушательницею Бестужевскихъ курсовъ. Она говоритъ между прочимъ:

Тебя легкомысленно мистикомъ звали,
Толпѣ непонятенъ ты былъ,
Огуломъ тебя въ ханжествѣ обвиняли,
Смѣялся ничтожный зоилъ.
Теперь же все смолкло предъ этимъ портретомъ,
Толпа сожалѣнья полна

онъ продолжалъ служить родинѣ и какъ писатель, и какъ честный частный человѣкъ. Онъ по себѣ зналъ, по годамъ своей каторги, какое облегченіе приноситъ участіе, и шелъ на встрѣчу всѣмъ тѣмъ, кто искалъ у него слова участія. Переписка его должна открыть многое для характеристики этого человѣка, у котораго такъ мало было хорошихъ дней и такъ много больныхъ и тяжелыхъ.

Онъ родился 30 октября 1821 г. Отецъ его былъ врачемъ Маріинской больницы для бѣдныхъ въ Сущевѣ, въ Москвѣ; мать была изъ духовнаго званія. Дѣтство свое онъ провелъ въ сельцѣ Даровомъ, Тульской губ., потомъ отданъ былъ въ московскій пансіонъ Чермака, гдѣ преподавателями были Д. М. Перевощиковъ, А. М. Кубаревъ, К. М. Романовскій, лучшіе учителя того времени. Уже въ пансіонѣ онъ отличался большою любовью къ литературѣ и остался ей вѣренъ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ. Въ этомъ учебномъ заведеніи онъ сталъ даже нѣкоторымъ литературнымъ цензоромъ, давалъ читать книги и указывалъ что читать. Онъ казался серьезнѣе всѣхъ и былъ очень религіозенъ, за что надъ нимъ трунили втихомолку. Первымъ напечатанымъ его произведеніемъ были не „Бѣдныя люди", а переводъ романъ Бальзака „Евгенія Гранде", помѣщенный въ „Библіотекѣ для чтенія". Бальзакомъ онъ восхищался сильно, вопреки корифеямъ тогдашней русской литературы, вопреки Бѣлинскому. Отчасти споры о Бальзакѣ были поводомъ и къ охлажденію Бѣлинскаго къ Достоевскому.

Мы не остановимся на литературныхъ произведеніяхъ покойнаго: они извѣстны и объ этомъ рѣчь впереди. Мы лучше напомнимъ главнѣйшія черты того „заговора", за участіе въ которомъ пострадалъ Достоевскій. На могилѣ писателя нечего лгать: надо говорить правду. Тогдашнее правительство раздуло дѣло Петрашевскаго до-нельзя; въ

И вмѣстѣ съ любимымъ, погибшимъ поэтомъ,
Тебя вспоминаетъ она.
А тѣ, что тебя и при жизни любили —
Ихъ скорбь безконечно сильнѣй...
. . . .
. . . .
...Мы должны обозначить могилу
Того, кто въ насъ душу будилъ,
Того, кто души благодатную силу
Въ могучее слово вложилъ;
Кто сердце людское глубоко извѣдалъ,
Любовь и прощенье намъ всѣмъ проповѣдалъ
Святыми устами Христа,
Кто выше стоитъ клеветы, порицанья:
Душа, перенесшая столько страданья,
Предъ міромъ свѣтла и чиста.

настоящее время его стараются выставить чуть ли не какъ шалость. На самомъ дѣлѣ, это было ни то, ни другое. Если декабристы выразили своими стремленіями либерализмъ своего времени, то петрашевцы обозначали собою начало соціализма. Декабристы были болѣе организованы и болѣе у нихъ было силъ нравственныхъ и матеріальныхъ; петрашевцы только набрасывали организацію, только стремились къ ней. Глава дѣла серьезно вѣрилъ въ возможность переворота и работалъ въ этомъ смыслѣ. Вокругъ его собрались горячія головы, увлекавшіеся идеями переворота въ духѣ Фурье. Фурье являлся для нихъ носителемъ новаго откровенія міру и Достоевскій любилъ его систему, его идеалъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его сотоварищей. Имъ казалось, что идеи эти примѣнимы къ Россіи, что въ Россіи скорѣе и легче чѣмъ гдѣ нибудь онѣ могутъ восторжествовать. А русская дѣйствительность была тяжела и вызывала протесты тѣмъ болѣе горячія, чѣмъ меньше ихъ можно было выражать гласно. Естественно, что при условіяхъ полнѣйшей замкнутости жизни, полнѣйшей ея духоты, всякій кружокъ легко обращался въ тайное общество, порывался составлять уставъ такого общества, его программу, его цѣли, намѣчать его средства и пропаганду. Затѣмъ, молодая вѣра въ свои силы дополняла остальное воображеніемъ, надеждами и чудесами, чудесами, которыя могли совершиться во благо тѣмъ цѣлямъ, которыми задавались горячія головы. Конечно, эти молодые люди не были заговорщиками, но они были недовольными и отводили въ интимномъ кружкѣ свою душу, вольно говорили, вольно думали, вольно мечтали, и старались распространить свои мнѣнія, завести связи въ провинціи. Всякое литературное произведеніе кружило имъ голову. „Теперь всѣ восхищаются письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, пьеской Искандера „Передъ грозою“ и комедіей Тургенева „Нахлѣбникъ“; такъ писалъ одинъ изъ петрашевцевъ къ своему пріятелю изъ Москвы въ Петербургъ. Соціалистическія идеи были въ это время въ большомъ ходу. Въ недавнихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненкова, въ „Вѣстникѣ Европы“, мы читали, что этими идеями увлекался даже такой не нервный человѣкъ, какъ г. Анненковъ, увлекались ими Тургеневъ, Бѣлинскій и др. Тургеневъ, быть можетъ, ушелъ отъ бѣды только благодаря тому, что уѣхалъ заграницу, а Бѣлинскій — благодаря смерти. Слѣдствіе, какъ видно, натолкнулось на явленіе, которое оно не совсѣмъ понимало, и слѣдователи постоянно путали слова „либералъ и либерализмъ“ съ словами „соціалистъ и соціализмъ“. Но серьезность явленія оно понимало, и серьезность эта заключалась въ большой твердости и убѣжденности этихъ „злоумышленниковъ“ и въ готовой почвѣ для про-

паганды, которая успѣла уже кое-что сдѣлать, распространивъ соціалистическія книги, образовавъ кое-гдѣ въ провинціи кружки. Липранди въ своей запискѣ, представленной въ слѣдственную комиссію, говорилъ: „Въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ... Довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ общество одушевлено въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководимые какою нибудь личною идеею или страстью, наприм. мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія".

Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма провинціальнаго петрашевца къ брату своему въ Петербургъ, отъ 8-го мая 1848 г.: „Посылаю тебѣ 10 р. сер., если возможно достань мнѣ какъ нибудь: 1) Considerant: Destinées Sociales—и кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье (наприм. Mairon); впрочемъ, въ этомъ отношеніи, я совершенно полагаюсь на тебя. Всего болѣе я желалъ бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр. Прудона, Луи Блана. Не худо бы мнѣ прочитать Saint Simon. Что же касается до Кабе, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что нибудь лучше Voyage en Icarie и проч.; не останавливайся въ цѣнѣ; напр. я за Considerant готовъ дать втрое и вчетверо противъ обыкновенной цѣны". Въ другомъ письмѣ: „Деньгами не стѣсняйся, я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье".

Достоевскій, даже по своей глубокой натурѣ, по своимъ стремленіямъ къ мистицизму, по таланту, умѣвшему проникать въ тайники человѣческой души, не могъ не увлекаться новымъ ученіемъ. Скажемъ болѣе: онъ былъ полонъ имъ, онъ изучалъ его, и конечно мечталъ объ осуществленіи идеальной общины, идеальнаго государства. Ссылка дала ему знаніе простого русскаго человѣка, его быта, его

тайныхъ думъ. Значеніе ея для себя онъ даже преувеличивалъ иногда до рѣзкихъ противорѣчій съ самимъ же собою. Противники его довели это его положеніе до каррикатуры, увѣряя, что онъ всѣмъ совѣтовалъ совершать преступленія, чтобы попасть на каторгу. Онъ требовалъ только знанія народа и вѣрилъ глубоко только въ тѣ политическія формы, которыя дали бы огромному большинству счастіе, а не меньшинству. Въ глубинѣ души онъ сохранилъ въ значительной степени тѣ же идеалы, какіе волновали его душу въ молодости. Отсюда его нелюбовь къ конституціи, къ парламентаризму, къ либераламъ: она основывалась на той же любви къ народу, на тѣхъ же вѣрованіяхъ въ возможность лучшаго порядка другими путями, чѣмъ общеевропейскій. Потому же желалъ онъ земскаго собора по сословіямъ, и прежде всего земскаго собора, на которомъ высказались бы представители отъ крестьянъ. Онъ боялся, чтобъ не затерли народа, чтобъ не сдѣлали его орудіемъ для цѣлей, которыя народу ровно ничего не принесли бы, чтобъ не оставили на произволъ судьбы его экономическихъ условій, погнавшись слишкомъ горячо за разными свободами для самихъ себя, т. е., для образованнаго общества и господъ сытыхъ. Онъ желалъ, чтобъ самодержавная власть оставалась неприкосновенною, потому что она только, въ своемъ высокомъ безпристрастіи, можетъ защищать народъ и, опираясь на его силу, дать Россіи самую широкую свободу печати, сходокъ, исповѣданій и пр. Министры должны быть отвѣтственными передъ земскимъ соборомъ, который долженъ служить непосредственнымъ звеномъ между самодержавной властью монарха и народомъ. Пишущему эти строки онъ говорилъ за нѣсколько дней до своей смерти: „Я высказывалъ все это нѣкоторымъ высокопоставленнымъ людямъ. Они во многомъ соглашаются со мною, но безграничной свободы печати не могутъ понять. А не понимая этого, ничего понять нельзя"...

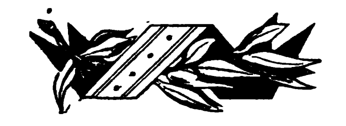
Мы намѣчаемъ эти общія черты его политическихъ убѣжденій потому, что у насъ сплошь и рядомъ такъ судятъ, что если человѣкъ не либералъ, то онъ навѣрное ретроградъ, если онъ въ Бога вѣритъ, то и подавно. Вѣрить въ клочекъ бумаги—великая заслуга; не зная ни аза ни въ химіи, ни въ физіологіи, вѣрить только въ химическіе процессы — значитъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ. У насъ постоянно забываютъ, что ни міра, ни человѣка, не слѣдуетъ измѣрять своею ограниченностью, какъ бы она ни была учена и либеральна.

Онъ былъ русскій человѣкъ до глубины души. На свое торжество на пушкинскомъ праздникѣ онъ смотрѣлъ не столько съ личной точки зрѣнія, сколько съ точки зрѣнія тѣхъ началъ, которымъ

онъ служилъ. „Мы побѣдили“, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ, такимъ же общинникамъ и соборникамъ, какъ и онъ. Въ Тургеневѣ онъ видѣлъ представителя западно-европейскихъ началъ и наканунѣ произнесенія рѣчи своей очень безпокоился на счетъ того, какъ будетъ принята эта рѣчь, столь противоположная взглядамъ Тургенева, такъ прекрасно принятымъ публикою. Это былъ турниръ не только двухъ литературныхъ репутацій, но и двухъ воззрѣній политическихъ. Западническая партія какъ-то „оттирала“ Достоевскаго, не давала ему ходу. На литературномъ обѣдѣ, предшествовавшемъ засѣданію общества, гдѣ Достоевскій выступилъ съ своей рѣчью, ему даже не дали предложить какого нибудь спеціальнаго тоста (эти тосты были заранѣе распредѣлены), если не считать предложенія — произнести тостъ за педагоговъ, объяснявшихъ Пушкина. Достоевскій отъ него отказался, справедливо возмущаясь такимъ тостомъ: педагоги только обирали Пушкина, или повторяли о немъ, какъ попугаи, радикально-отрицательные взгляды модныхъ критиковъ. Борьба этихъ двухъ „политическихъ“ воззрѣній была очень замѣчена всѣми, она дала и особую привлекательность празднику, особую жизнь ему и выпуклость, хотя, кажется, никто не сказалъ объ этомъ въ печати. Тургеневъ и Достоевскій олицетворяли эти партіи и могли убѣдиться оба, что и та и другая партія имѣетъ на своей сторонѣ многочисленныхъ поклонниковъ и что въ будущемъ борьба между ними, и борьба серьезная и упорная, рѣшительно неизбѣжна. При первой же возможности, при первомъ осуществленіи такихъ учрежденій, которыя вызовутъ на арену общественныя силы, обѣ партіи жестоко схватятся между собою. Оба писателя дожили до тѣхъ дней, когда общество привѣтствовало въ нихъ не только большія литературныя заслуги, но и нѣкоторое политическое представительство. Это былъ столько же политическій, какъ и литературный праздникъ, и въ засѣданіяхъ литературы и общества въ залѣ дворянскаго собранія слышалась горячая политическая страсть, страсть парламентскихъ засѣданій...

На этомъ мы заканчиваемъ. Скорбныя черты почившаго писателя, быть можетъ, доскажутъ за насъ что нибудь читателю. Въ гравюрѣ онѣ вышли не такъ рельефно, какъ въ превосходномъ портретѣ, написанномъ съ покойнаго И. Н. Крамскимъ, нашимъ извѣстнымъ художникомъ: съ портрета этого снята фотографія и переведена на доску, на которой вырѣзана гравюра для нашего журнала. Увѣдомленный о смерти Ѳ. М. Достоевскаго на другой день рано утромъ однимъ изъ пріятелей послѣдняго, Крамской тотчасъ же отправился на квартиру покойнаго, устроилъ тамъ подмостки и въ нѣсколько

часовъ написалъ карандашемъ и тушью портретъ, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Сходство этого портрета поразительное. Попытки фотографовъ снять портретъ съ покойнаго въ маленькой комнаткѣ, при слабомъ свѣтѣ и при томъ, по необходимости, въ профиль, совершенно не удались. Оригиналъ портрета Крамской просилъ вдову покойнаго принять отъ него, какъ слабый даръ за тѣ часы наслажденія, которые доставляли художнику произведенія Достоевскаго.

ВЗГЛЯДЪ НА РАЗВИТІЕ МОСКОВСКАГО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ [1].

По смерти Александра Невскаго, въ Новгородѣ оставался старшій его сынъ Дмитрій. Казалось бы, по новому суздальскому порядку великое княженіе должно принадлежать ему. Но, главное, онъ былъ очень молодъ, а къ тому же отецъ при жизни не высказалъ своей воли на этотъ случай, да и не было уже тѣхъ володимірцевъ, которые вольнымъ голосомъ избирали себѣ князя и стояли крѣпко и за его дѣтей. Оставалось слѣдовать старому кіевскому обычаю, что старшій въ родѣ самъ собою уже и великій князь надъ всѣми князьями. Вскорѣ за Александромъ померъ и братъ его Андрей: великое княженіе досталось слѣдующему брату, тверскому Ярославу.

Новгородская партія вящихъ, недовольныхъ Невскимъ, и еще прежде призывавшая Ярослава, теперь восторжествовала. Дмитрій Александровичъ былъ изгнанъ затѣмъ будто бы, что былъ молодъ. Но теперь и Ярославъ былъ уже другой человѣкъ. Если прежде при Невскомъ онъ готовъ былъ сѣсть въ Новгородѣ на всей волѣ вящихъ, то теперь, какъ великій князь, онъ хотѣлъ поставить тамъ во всемъ свою волю. Онъ такъ не поладилъ съ вольными людьми, что они, разъ изгнавши его, потомъ ни за что не хотѣли принять, не смотря на то, что онъ каялся передъ ними во всемъ и соглашался на всякія условія.—„Все отдаю вамъ и крестъ цѣлую на всей вашей волѣ", говорилъ онъ.—„Уже не можемъ терпѣть твоего насилія. Поѣзжай прочь, не хотимъ тебя, али идемъ весь Новгородъ и прогонимъ тебя", отвѣчали вольные люди. Тогда тверской князь сталъ полки копить и послалъ въ татарскому царю, прося помощи и жалуясь на Новгородъ. — „Новгородцы тебя не слушаютъ, говорилъ его посолъ, новгородскій же тысяцкій, Ратиборъ, мы дани про-

[1]) Продолженіе. См. стр. 233—268.

сили тебѣ, а они насъ выгнали, иныхъ избили, домы наши разграбили, а великаго князя безчествовали!“ Однако отъ татарской напасти Новгородъ былъ спасенъ меншимъ братомъ Ярослава, Васильемъ костромскимъ, который самъ поѣхалъ въ Орду и объяснилъ царю, что новгородцы правы, а Ярославъ виноватъ. Посланная уже татарская рать воротилась. Но Ярославъ ладилъ свое: „Все уступаю, въ чемъ на меня негодуете. Всѣ князья за меня поручатся“—посылалъ онъ опять, отыскивая любви у вольныхъ людей.—„Отъѣзжай прочь, или изомремъ честно за св. Софію. Нѣтъ теперь у насъ князя, но есть Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хочемъ“. Наконецъ прислалъ свое слово за Ярослава самъ митрополитъ, ручался за него, что злобу оставитъ, что если и крестъ цѣловали противъ него, то святитель бралъ грѣхъ и отвѣтъ передъ Богомъ на свою душу. Тѣмъ только и установился миръ на всей новгородской волѣ. Бывали часто у Новгорода ссоры съ князьями, но такого озлобленія не бывало. Такими то дѣлами Тверь закладывала основаніе для своей будущей исторіи. Если для вольныхъ людей въ чемъ-то несовсѣмъ удобенъ былъ Невскій, то онъ на это имѣлъ большіе права въ своихъ геройскихъ заслугахъ передъ Новгородомъ; но Ярославъ, не оказавши никакой особой услуги, являлся повидимому крутѣе и самаго Невскаго, и вмѣсто услугъ выставлялъ на видъ только самого себя.

Не умѣя ладить съ Новгородомъ, Тверь между тѣмъ вполнѣ зависѣла именно отъ Новгорода. Ея географическое положеніе между Суздальской и Новгородской областями повидимому сулило ей могущественную будущность; на дѣлѣ, это самое положеніе было первою причиною всѣхъ ея неудачь, главнымъ образомъ по случаю ея отношеній къ Новгороду. У Новгорода уже съ древнихъ временъ былъ выдвинутъ къ Суздальской области новый торгъ, который и былъ, такъ сказать, столицею всего верхняго Поволжья, гдѣ Тверь занимала не особенно видное мѣсто. Естественно, что, выростая, она становилась соперникомъ новгородскаго Торжка. Это соперничество и опредѣлило характеръ тверской исторіи.

Помирившись съ Новгородомъ, въ ту же зиму (1270 г.), Ярославъ отправился въ Орду, и на слѣдующій годъ на возвратномъ пути оттуда померъ, прокняживъ всего семь лѣтъ и оставивъ маленькаго сына Михаила, который родился вскорѣ послѣ его смерти. Въ княженіе Ярослава, Москва принадлежала Твери. При немъ семь лѣтъ въ ней сидѣли тверскіе тіуны, вѣроятно за малолѣтствомъ ея вотчиннаго князя, Даніила Александровича, который только по смерти Ярослава становится уже прямымъ отчичемъ своей волости, т. е. пріобрѣтаетъ независимость отъ Твери. Тогда ему было около 10 лѣтъ.

На великое княженіе сѣлъ, по кіевскому порядку, послѣдній изъ Ярославичей, Василій Мизинный, костромской. Новгородцы однако не пустили его къ себѣ и взяли Дмитрія Александровича, за что тверской князь опустошилъ ихъ волости. Новгородцы вышли было на

защиту, но въ Торжкѣ люди опять раздѣлились и Дмитрій уступилъ Василью добровольно. Василій впрочемъ княжилъ тоже не долго, только пять лѣтъ. Послѣ него, княженіе перешло къ колѣну Александра Невскаго. Старшій его сынъ, Дмитрій Александровичъ, какъ только сѣлъ на великое княженіе, тотчасъ же былъ позванъ и въ Новгородъ. По слѣдамъ отца, онъ больше всего работалъ на сѣверѣ, противъ старыхъ новгородскихъ враговъ, противъ нѣмцевъ и чуди, и успѣлъ уже пріобрѣсть славное имя. Однако Новгородъ вскорѣ чѣмъ-то его обидѣлъ. Онъ поднялъ рать, но кончилъ миромъ, потому что вольные люди покорились. Противъ Дмитрія, какъ и противъ его отца, особенно возставало передовое старѣйшее боярство, вячшіе. Во время этой ссоры, вѣроятно не безъ содѣйствія новгородскихъ бояръ, на Дмитрія поднялъ крамолу братъ его Андрей Городецкій подъ руководствомъ боярина Семена Толигнѣвича [1]). Это значило, что послѣ Андрея суздальскаго осталось крамольное наслѣдство, которое въ лицѣ бояръ собралось теперь около новаго Андрея, городецкаго. Въ то время, какъ и въ послѣдствіи, Суздаль, Городецъ и Нижній, составляли особый уголъ низовой суздальской Волги, гдѣ при суздальскомъ Андреѣ скопилось, вѣроятно, довольное число бояръ, пришедшихъ, какъ мы упоминали, изъ южной Руси, и которые конечно искали первенства и владычества надъ всею Суздальской землею, почему и пользовались всякимъ подходящимъ случаемъ, дабы забрать великое княженіе въ свои руки. Какъ для Андрея суздальскаго, такъ теперь для Андрея городецкаго, они выхлопотали въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе, „а не по старѣйшинству“, замѣчаетъ лѣтопись.

Возвратясь изъ Орды, Андрей привелъ съ собою татарскую рать, которая, идя на Переяславль, разсыпалась по всей землѣ и опустошила волости отъ Мурома по самый Торжокъ.

По ходу дѣлъ видно, что Андрей въ сущности былъ только подставкою для боярской крамолы, исходившей, какъ мы упомянули, отъ его бояръ, а больше всего изъ Новгорода. Дмитрій не уступалъ и потому борьба продолжалась. На слѣдующій годъ (1282) Андрей привелъ новую татарскую рать и снова опустошилъ землю, какъ въ первый разъ. Послѣ того Дмитрій самъ ходилъ въ Орду и, возвратившись, примирился съ братомъ, но повелѣлъ своимъ боярамъ убить Семена Толигнѣвича, „льстиваго крамольника“, сидѣвшаго въ Костромѣ. Борьба слѣдовательно не унималась. Андрея въ то время снова позвали къ себѣ Новгородцы. Посадникъ Семенъ Михайловичъ и старѣйшіе бояре заключили съ нимъ крѣпкій договоръ, чтобъ не отдавалъ своего мѣста Дмитрію. На томъ Андрей укрѣпился съ Новгородомъ, въ Торжкѣ; но, возвращаясь домой и встрѣтившись съ братомъ, измѣнилъ Новгороду, отступилъ отъ новгородскаго стола и даже

[1]) Вѣроятный братъ или сынъ кіевскаго боярина Юрія Толигнѣвича, упом. въ 1228 г.

за одно съ братомъ ходилъ на Новгородъ ратью, при чемъ новгородцы по прежнему принуждены были посадить у себя Дмитрія. А Андрей на слѣдующій же годъ, (1285) привелъ на брата какого то татарскаго царевича и много зла сотворилъ христіанамъ. Дмитрій съ остальными братьями прогналъ царевича и захватилъ заводчиковъ крамолы, Андреевыхъ бояръ. И въ Новгородѣ въ слѣдъ за тѣмъ поднялся великій народный мятежъ на посадника Семена: возсталъ на него весь Новгородъ, безъ явной причины, со всѣхъ концовъ пошли на него, какъ сильная рать, всякій съ оружіемъ, силою великою. Жалостно было видѣть, замѣчаетъ лѣтопись: „пошли на дворъ его, разнесли весь домъ его съ шумомъ". Семенъ убѣжалъ къ владыкѣ, который спряталъ его въ соборѣ св. Софіи. На утро горожане успокоились. Но Семенъ разболѣлся и черезъ нѣсколько дней скончался.

Что княжескими крамолами и ссорами по большой части руководили бояре, объ этомъ свидѣтельствуетъ и поведеніе тверскаго князя Михаила Ярославича, который, 15 лѣтній мальчикъ и притомъ двоюродный братъ, вдругъ не восхотѣлъ (въ 1288 г.) „поклониться", какъ выражается тверская лѣтопись, своему старшему брату великому князю. Дмитрій принужденъ былъ усмирить его ратью. Вмѣстѣ съ братьями Андреемъ и Даніиломъ московскимъ, съ однимъ изъ ростовскихъ князей и съ новгородцами, онъ опустошилъ Тверскія волости и Михаилъ запросилъ мира. Это былъ первый починъ честолюбивыхъ замысловъ Твери, возникавшихъ конечно въ средѣ ея боярства, которое въ томъ же направленіи воспитывало и своего молодого князя.

Лѣтъ пять прошло въ тишинѣ. Въ это время возстало междоусобіе у самихъ татаръ. Ростовцы воспользовались случаемъ, сотворили вѣче и всѣхъ своихъ татаръ изгнали и даже пограбили ихъ. Народъ хорошо понималъ, какъ нужно было поступать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но не такъ понимали свое положеніе князья. Въ 1293 г. городецкій Андрей опять пошелъ въ Орду жаловаться на брата. Съ нимъ отправились три князя ростовскіе, князь ярославскій и даже епископъ ростовскій Тарасій; ходилъ въ это время въ Орду и тверской князь, конечно не съ цѣлью защищать Дмитрія. Для наказанія виновнаго, ханъ съ князьями же отправилъ большую рать подъ предводительствомъ своего брата Дюденя. Прежде всего они разграбили велико-княжескій городъ Владиміръ; изъ соборной церкви выдрали чудное дно мѣдное (помостъ) захватили всѣ священные сосуды. Потомъ опустошили всѣ великокняжескіе города, безвинные, какъ выражается новгородскій лѣтописецъ: Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Угличь, Москву, Коломну, Можайскъ, Волокъ-Ламскій; всего 14 городовъ и всю землю опустошили, а во Твери не были, сообщаетъ тверское извѣстіе. Татары хотѣли идти и къ Новгороду и Пскову, но на Волокѣ ихъ встрѣтили новгородскіе послы съ богатыми и многими дарами. Татары взяли дары и возвратились въ

Орду. Великій князь спасся отъ бѣдъ во Псковѣ. Андрей отправилъ свою рать домой, прошелъ въ Новгородъ и сѣлъ на княженіе. Сотрудникъ Андрея, Ѳедоръ Ярославскій (изъ Смоленскихъ) сѣлъ княжить въ отчиномъ городѣ Дмитрія, Переяславлѣ, откуда и сынъ послѣдняго, Иванъ, былъ выведенъ въ Кострому. Явное дѣло, что Ѳедоръ, овладѣвая Переяславлемъ, стремился вмѣстѣ съ тѣмъ преобрѣсть старшинство послѣ великаго князя, ибо Переяславль почитался старшимъ городомъ послѣ Владиміра. На другой годъ, когда Дмитрій вознамѣрился перебраться къ себѣ домой, т. е. по крайней мѣрѣ въ Переяславль, Андрей съ новгородскимъ посадникомъ и вячшими мужами хотѣлъ было схватить его у Торжка, но успѣлъ только пограбить весь его обозъ; самъ великій князь спасся, убѣжавъ въ Тверь, откуда послалъ къ брату молить о пощадѣ тверского владыку и князя Святослава. Андрей уступилъ и удалился въ Торжокъ, а лишенный отчины Дмитрій поѣхалъ на Волокъ-Ламскій, тамъ разболѣлся и померъ. Между тѣмъ Ѳедоръ Ярославскій пожогъ весь городъ Переяславль, свое новое княженье, и водворился по прежнему въ Ярославлѣ. Это показывало, что сами переяславцы его выпроводили. Дѣйствительно, въ этой борьбѣ именно за переяславское княженіе, переяславцы, живя безъ князя, дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ и ставили свою волю наровнѣ съ волею князей. Къ счастію, на ихъ сторонѣ были два сосѣдніе князя, тверской и московскій. Дѣло конечно дошло до Орды, куда отправился искать своей законной отчины Иванъ Дмитріевичъ, поручивъ защиту Переяславля этимъ двумъ князьямъ.

Разсудить князей въ этомъ спорѣ въ 1296 г. пришелъ посолъ изъ Орды, Неврюй. Всѣ князья собрались на съѣздъ во Владимірѣ и каждый говорилъ передъ посломъ свою обиду. Въ спорѣ съ одной стороны стали великій князь Андрей, его другъ Ѳедоръ, и Константинъ ростовскій; съ другой стороны Данило московскій, и Михаилъ тверской, да съ ними переяславцы за одинъ, представлявшіе какъ-бы лицо князя Ивана, своего вотчинника. Брань была такова, что чуть не дошло до кровопролитія; примирилъ владимірскій владыко Симеонъ. Князья разошлись, но Андрей все таки собралъ большую рать и поднялся не только на Переяславль, но и на Москву и на Тверь, которыхъ князья тоже собрали рать и перегородили дорогу Андрею у города Юрьева. Начались переговоры и Андрей уступилъ. Переяславль достался своему законному вотчиннику. Однако вражда, несомнѣнно за волости, не угасала.

Въ 1301 г. снова съѣхались всѣ князья въ Дмитровѣ, споря о княженіяхъ; снова была молва великая между великимъ княземъ Андреемъ, Михаиломъ тверскимъ, Даніиломъ московскимъ и Иваномъ переяславскимъ;—наконецъ подѣлились и помирились. Не покончили миромъ только Михаилъ тверской и Иванъ переяславскій, такъ и разошлись. Это показываетъ, что, отстаивая прежде Переяславль отъ

Андрея, Михаилъ искалъ въ немъ какой либо и своей выгоды, но не получилъ ее и теперь поссорился съ переяславскимъ княземъ.

На слѣдующій годъ (1302) Иванъ Дмитріевичъ, тихій, кроткій, смиренный, померъ и отказалъ свою отчину родному своему дядѣ, Даніилу московскому, ибо „любилъ его больше всѣхъ“.

Ясно, что въ наслѣдство Даніилу переходилъ и неоконченный споръ Ивана съ тверскимъ княземъ. Однако великій князь Андрей не думалъ исполнять переяславское завѣщаніе и поспѣшилъ посадить въ Переяславлѣ своихъ намѣстниковъ. Съ своей стороны и Даніилъ московскій поспѣшилъ ихъ выгнать и посадилъ своихъ, а потомъ посадилъ тамъ своего старшаго сына Юрья. Андрей пошелъ въ Орду, конечно, съ жалобою. Но вскорѣ на слѣдующій же годъ (1303) Даніилъ скончался въ Москвѣ. Тогда переяславцы, не желая другихъ князей и боясь Твери, ухватились за его сына Юрья и не выпустили его даже и на погребенье отца.

Эта переяславская исторія, о которой лѣтописи проговариваются нѣсколько явственнѣе, заслуживаетъ особаго вниманія. Она во первыхъ показываетъ, что города въ Суздальской землѣ принимали большое и дѣятельное участіе въ княжескихъ спорахъ о волостяхъ или о тѣхъ же городахъ, давали этимъ спорамъ извѣстное желанное направленіе и даже возбуждали эти споры, руководясь несомнѣнно промышленными и торговыми выгодами, о которыхъ лѣтописи совсѣмъ не говорятъ, но присутствіе которыхъ очень замѣчается во всѣхъ обстоятельствахъ.

Во вторыхъ, переяславская исторія показываетъ, что стремленіе князей усиливать себя во чтобы то ни стало на счетъ другихъ, встрѣчало неодолимую преграду въ самомъ населеніи городовъ, которое въ этомъ отношеніи руководилось своими цѣлями. Всегда можно было захватить въ расплохъ тотъ или другой городъ, но не было возможности удержаться въ немъ дольше того времени, какъ городъ справлялся съ силами. Обыкновенно онъ изгонялъ насильника, или при своемъ безсиліи всячески сопротивлялся ему, поднималъ время отъ времени крамолы и мятежи.

Но важнѣе всего было то, что суздальскіе города стремились установить у себя въ наслѣдованіи князей, вмѣсто родоваго, начало семейственное, право прямаго наслѣдства отъ отца къ сыну, котораго нерѣдко добивались и южные князья, но безуспѣшно. Вслѣдствіе преобладающаго вліянія родовыхъ идей, семейственное право наслѣдства въ замѣнъ родового поддерживалось въ Суздальской землѣ прямыми выгодами земства, какъ и самого боярства, которое здѣсь является осѣдлымъ и служитъ больше всего городу или своей волости, чѣмъ князю и его личнымъ выгодамъ. Для осѣдлаго боярства всякій иной князь былъ уже потому непріятенъ и опасенъ, что по обычаю онъ непремѣнно приводилъ съ собою свою собственную дружину, своихъ бояръ, которые необходимо должны были получать особыя

кормленья, а потому необходимо создавали передѣлъ земель, чѣмъ и тѣснили старожильцевъ; между тѣмъ, наслѣдство, переходившее къ сыну, не только не нарушало установленныхъ земельныхъ правъ кормленья, но, въ большинствѣ случаевъ, по молодости и даже по дѣтству великаго князя—сына, еще больше усиливало думцевъ отца, сосредоточивало великокняжескую власть въ ихъ рукахъ. Вотъ причина, почему суздальскіе города такъ крѣпко держались семейственнаго права и тѣмъ болѣе, что выгоды промышленнаго земства въ этомъ случаѣ совпадали съ выгодами бояръ. Осѣдлая княжеская семья съ осѣдлымъ боярствомъ служили всегда болѣе вѣрнымъ залогомъ земской тишины и порядка, чѣмъ перемѣна князей и дружины по родовому порядку.

Ясно такимъ образомъ, что каждый суздальскій городъ могъ усиливаться или падать, смотря потому, какъ усиливалась или падала въ немъ осѣдлость боярства, которое, подобно переяславцамъ, и въ случаѣ несчастій или вымиранія княжеской семьи всегда умѣло постоять за себя съ должною твердостью. Тамъ гдѣ боярство не успѣвало свить прочнаго гнѣзда, не установлялось и княжеское владѣнье и городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и совсѣмъ изчезалъ съ поля исторіи. Это самое произошло съ главнымъ городомъ Суздальской земли, Владиміромъ. Его несчастіе заключалось именно въ томъ, что, на подобіе Кіева, онъ сдѣлался родовымъ, т. е. общимъ наслѣдствомъ для всѣхъ суздальскихъ князей. Борьба за это наслѣдство и управляла исторіею Суздальской земли во время владычества татаръ.

Городецкій Андрей воротился изъ Орды съ царскимъ пожалованіемъ и съ царскими послами, пріѣхавшими опять разбирать княжескій споръ. Всѣ князья и митрополитъ съѣхались на съѣздъ въ Переяславлѣ—читали грамоты царевы, въ которыхъ однако было писано, чтобы князья жили въ мирѣ, чтобы каждый чужого не переступалъ и былъ доволенъ тѣмъ что имѣетъ. Князья установили миръ-договоръ. Переяславль достался Юрью. „Князь Юрій прія любовь и взя себѣ Переяславль“, замѣчаетъ лѣтописецъ.

На слѣдующій годъ умеръ и Андрей Городецкій. Послѣ него остался сынъ Михаилъ, но умирающій благословилъ (будто-бы) на великое княженіе тверского князя Михаила, къ которому въ Тверь и поспѣшили перебраться его бояре, несомнѣнно сами же устроившіе этотъ переходъ великокняжескаго старшинства изъ Городца въ Тверь. Это обстоятельство очень примѣчательно, ибо показываетъ, что Андрей, отыскивая чужихъ волостей, не успѣлъ устроить себѣ въ своемъ городѣ крѣпкое гнѣздо, и что составъ его боярства повидимому былъ кочевой, южнорусскій, стремившійся только владѣть, но не сидѣть на одномъ мѣстѣ.

Примѣчательно и то, что оба брата Александровичи, Дмитрій и Андрей, какъ предполагаемые проводники новаго начала жизни,

стремясь во все время усиливать себя во чтобы ни стало, не разбирая средствъ, на счетъ другихъ, къ концу оказались совсѣмъ безсильными. Одинъ потерялъ даже свою коренную отчину, другой, въ лицѣ оставшихся бояръ, бросилъ ее какъ вещь негодную. Намъ кажется, что вѣрнѣе мы поймемъ исторію этого времени, если допустимъ, что и въ Суздальской землѣ, и при татарахъ, она происходила все также, какъ при половцахъ происходила въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ княжескія отношенія вращались все въ томъ же кругу войны за волости, за добываніе волостей, безъ всякой задней и при томъ еще государственной мысли усилить себя съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться надъ всѣми единымъ государемъ—самодержцемъ.

Тверь усилилась новою и не малою дружиною, такъ какъ эта дружина принадлежала не рядовому, а великому князю. Естественно, что эти **новые** дружинники принесли въ Тверь и свои старыя стремленія, какими они ознаменовали все княженіе Андрея Александровича.

Изъ удаленнаго Городца они успѣли при немъ овладѣть великимъ княженіемъ, очистивъ своему князю мѣсто и въ великомъ Новгородѣ. Теперь они хотѣли господствовать изъ Твери и по прежнему хотѣли отыскивать того, чего искали при жизни своего князя. Андрей съ ними же добывалъ Переяславль и не успѣлъ въ этомъ, сходивши даже и въ Орду. Теперь тотъ же Переяславль можно было добывать съ новымъ княземъ, тѣмъ болѣе, что этотъ князь и самъ имѣлъ какіе-то неоконченные счеты съ прежнимъ переяславскимъ княземъ, уступленные московскому Юрью только по миролюбивой грамотѣ Ординскаго царя.

„Сперлись о великомъ княженіи два князя, Михаилъ тверской и Юрій московскій, и пошли къ царю въ Орду въ спорѣ и въ великой брани и много было замятни на всей Суздальской землѣ, во всѣхъ городахъ“, говоритъ новгородскій лѣтописецъ.

Почему же поднялось такое волненіе во всѣхъ городахъ? Какая нужда была городамъ вступаться въ споръ между князьями и склоняться на ту или на другую сторону, особенно на сторону Юрья, главною цѣлью котораго, какъ его рисуютъ, было пріобрѣтать и усиливаться на счетъ другихъ во чтобы-то ни стало, не разбирая средствъ, т. е. на сторону завзятаго разбойника и грабителя?

Намъ кажется, что волненія земства въ этомъ случаѣ имѣли болѣе разумныя основанія, чѣмъ удовлетвореніе только своекорыстному честолюбію двухъ князей. Повидимому, поднимался вопросъ о томъ, кому господствовать надъ городами, т. е. надъ промышленною жизнью всей страны, молодой Твери или старому Переяславлю и Москвѣ.

Несомнѣнно, и Тверь и Москва достаточно уже могли выразить свой характеръ по отношенію къ населенію всей Суздальской земли. Похожденія Андрея городецкаго съ своими боярами, приводив-

шаго четыре раза татарскую рать на своего брата Дмитрія переяславскаго; недавнее страшное опустошеніе отъ этой рати всей земли и безвинныхъ городовъ, кончившееся захватомъ Переяславля,—развѣ все это не было памятно и понятно народу, увидавшему въ концѣ концовъ, что Андрей благословилъ на великое княженіе тверского князя, что Андреевы бояре—это гнѣздо заводчика междоусобій, переселились не въ Москву, а въ Тверь. Очень естественно, что земля раздѣлилась на двѣ стороны. Именно, кто желалъ пріобрѣсть съ тверскимъ княземъ, тотъ къ нему и пошелъ, тотъ за него и всталъ; кто желалъ пріобрѣсть съ московскимъ княземъ, тотъ сталъ за него.

Различіе было только въ цѣляхъ пріобрѣтенія. Доставшійся московскому князю по завѣщанію, по княжескому уговору и по грамотѣ ординскаго царя—Переяславль, законное его пріобрѣтеніе, хотѣли у него беззаконно и разбойнически отнять. Не успѣли этого сдѣлать при жизни Андрея, надѣялись совершить это теперь при помощи великаго князя отъ Твери. По боярскимъ преданіямъ тверской князь и началъ тѣмъ, что захватилъ себѣ отъ Москвы переяславскую волость Вьюлку (рѣка Вьюлка притокъ переяславской Нерли).

Что же оставалось московскому Юрью? Сидѣть сложа руки и ожидать, когда онъ будетъ совсѣмъ ограбленъ? Онъ дѣйствительно былъ въ уровень своему отчаянному положенію и потому, не долго думая, отправился тоже въ Орду. Тамъ вѣдь все могли передѣлать, какъ кому надо. Москву и Переяславль онъ оставилъ третьему брату Ивану Даниловичу, а второго брата, Бориса, послалъ на Кострому, такъ какъ въ это время тамъ померъ сынъ Андрея, Борисъ же, а не задолго передъ тѣмъ въ немъ княжилъ изгнанный изъ Переяславля Иванъ Дмитріевичъ, завѣщатель своей вотчины въ пользу Москвы. Тверскіе бояре, конечно, не дремали, схватили Бориса московскаго и отправили плѣннымъ въ Тверь. Они около Костромы ожидали и самого Юрья, намѣреваясь и его перехватить: стерегли его и у Суздаля; но, опасаясь, онъ прошелъ инымъ путемъ. Авторъ житія Михаила тверского, писавшій, конечно, съ естественнымъ пристрастіемъ къ своему князю-мученику, разсказываетъ, что Юрій во Владимірѣ былъ у Максима митрополита, несомнѣнно, за благословеніемъ. Святитель много уговаривалъ его не ходить въ Орду. „Не ходи, говорилъ онъ, я тебѣ порука и съ матерью князя Михаила, Оксиньею, чего захочешь изъ вашей отчины, онъ тебѣ дастъ“. Юрій промолвилъ, что хотя и идетъ въ Орду, но не ищетъ великаго княженія. Авторъ житія затѣмъ подтверждаетъ, что Юрій соблазнился на этотъ поискъ уже въ Ордѣ, наученный татарскими князьями, которые превратили его сердце, сказали ему: „Если дашь выходъ больше князь Михайлова, то тебѣ и отдадимъ великое княженіе“. Конечно Юрій, не столько богатый, какъ тверской князь, если и помышлялъ о великомъ княжескомъ столѣ, то долженъ былъ очень сомнѣваться въ успѣхѣ. Его поѣздка могла имѣть ближайшею цѣлью

только желаніе прочнѣе утвердить за собою колебавшееся переяславское княжество. Но и спорить о великомъ княженіи онъ имѣлъ столько же правъ, сколько и тверской князь. Онъ былъ хотя сыновецъ-племянникъ князю Михаилу, но происходилъ отъ старшаго брата, а Михаилъ отъ восьмого, что въ старыхъ родословныхъ счетахъ было важно, ибо по нимъ не только племянникъ бывалъ старше дяди, но и внукъ бывалъ старше дѣда многими мѣстами, даже десятью. Родовое старшинство здѣсь едва ли что значило. Важно было, что отецъ Михаила былъ великимъ княземъ, а отецъ Юрья не былъ; за то послѣдній, получивъ Переяславль, сдѣлался наслѣдникомъ великаго княженія по этому городу. Слѣдовательно и здѣсь права были равны. По настоящему, велико-княжеское старшинство принадлежало сыну Андрея городецкаго, Михаилу, который, однако, оставленный боярами отца, вовсе объ этомъ не думалъ. Затѣмъ и по старшинству вотчинъ Москва почиталась старше Твери, ибо въ началѣ отдана была седьмому сыну, а Тверь восьмому.

Это старшинство затерлось при тверскомъ Ярославѣ по случаю малолѣтства московскаго Даніила. Но московскій Юрій обладалъ и еще наслѣдствомъ, которое въ спорѣ о великомъ княженіи быть можетъ было значительнѣе, чѣмъ какія либо родовыя или юридическія права. Онъ былъ внукъ Александра Невскаго. Это было великое нравственное наслѣдство, ставившее его въ глазахъ народа выше тверского князя, почему и волненія въ городахъ могли происходить дѣйствительно по случаю споровъ о томъ, какому князю желаннѣе отдать великое княженіе.

Пока́ князья-соперники спорили объ этомъ въ Ордѣ, тверское боярство, усиленное боярствомъ городецкаго князя, спѣшило уже впередъ устроить всѣ дѣла, какъ подобало боярству великаго князя. Тверичи не медля послали въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ „съ силою и съ безстудствомъ многимъ“. Вольные люди положили ихъ высокоуміе ни во что, не допустили намѣстниковъ и собрались въ Торжкѣ защищать свою волю. Тверичи тоже собрались у Торжка. Начались переговоры. „Подождите, сказали новгородцы, когда придутъ изъ Орды князья, тогда мы и изберемъ себѣ князя по своей волѣ, по старому своему обычаю“. Ясное дѣло, что Новгородъ былъ на сторонѣ московскаго Юрья. Въ тоже время тверскіе бояре спѣшили захватить и Переяславль, но и здѣсь не застали людей спящими. Братъ Юрья, Иванъ Даниловичь, по тайной вѣсти изъ Твери, узналъ, что тверичи замыслили напасть на городъ внезапно въ расплохъ. Онъ поспѣшно явился въ Переяславлѣ, укрѣпился, позвавъ на помощь и московскую рать. Изъ Твери быстро пригналъ съ полками бывшій городецкій бояринъ Акинѳъ. Быстро прибѣжали и москвичи. Иванъ Даниловичь успѣлъ встрѣтить его въ полѣ и въ упорной битвѣ разгромилъ тверскіе полки; спаслись немногіе, причемъ былъ убитъ и самъ предводитель Акинѳъ. „Была въ Твери печаль и

скорбь великая, а въ Переяславлѣ было веселіе и радость великая", замѣчаетъ лѣтописецъ.

Волненіе въ городахъ также не прошло даромъ. Въ Костромѣ, послѣ того, какъ былъ схваченъ братъ Юрья, Борисъ, люди возстали вѣчемъ на бояръ и двухъ изъ нихъ убили.

Между тѣмъ, въ Ордѣ происходилъ настоящій аукціонъ. „Кто больше дастъ, тотъ и будетъ князь великій", думали татары, смотря на соперниковъ. Каждый изъ нихъ носилъ многіе дары царю и царицамъ и князьямъ ординскимъ, а тѣ сколько брали, столько же и больше еще желали. Наконецъ Юрій узналъ, что тверской князь хочетъ обѣщать хану увеличенную дань съ великаго княженія. Легко было обѣщать увеличенную дань съ народа, но выполнить это обѣщаніе, конечно, было не легко. Не желая губить Русскую землю, Юрій уступилъ и сказалъ о томъ самому Михаилу и хану. Тогда ярлыкъ на великое княженіе получилъ Михаилъ. Если это свидѣтельство (Татищевское) достовѣрно, то въ народномъ мнѣніи оно давало Юрью всякое оправданіе въ его борьбѣ съ Михаиломъ.

По возвращеніи изъ Орды, первымъ дѣломъ Михаила было идти ратью на Юрья къ Москвѣ. Города онъ взять не осилилъ, но была брань многая, спорили и не уступали другъ другу, но подъ конецъ кой-какъ помирились. Въ самой Москвѣ поднялась какая то крамола: два Юрьева брата, Андрей и Борисъ, отъѣхали въ Тверь. Борисъ, передъ тѣмъ взятый съ Костромы, былъ плѣнникомъ въ Твери и вѣроятно недавно оттуда воротился. Затѣмъ Юрій повелѣлъ убить (казнить) рязанскаго князя Константина, который уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Москвѣ въ плѣну, взятый еще Юрьевымъ отцомъ Даниломъ. Въ тоже время въ Нижнемъ черные люди избили бояръ покойнаго великаго князя Андрея. Его сынъ Михаилъ, прійдя изъ Орды, женившись тамъ и получивъ въ княженіе отцовскій Городецъ, Суздаль и Нижній, показнилъ буйныхъ вѣчниковъ; но все-таки это событіе служитъ показаніемъ каковы были Андреевы бояре, наслѣдники „льстиваго крамольника" Семена Толигнѣвича, и какъ относился къ нимъ народъ, и въ Костромѣ, и въ Нижнемъ, да вѣроятно и во всѣхъ другихъ городахъ, гдѣ ходила ихъ воля.

На время все успокоилось, но искры страшной ненависти и вражды тлѣли неугасимо и по временамъ вспыхивали. Примѣчательно, что, получивъ великое княженіе, Михаилъ только спустя три года сѣлъ на княженіе и въ Новгородѣ. Лѣтописи молчатъ, отчего это могло произойдти, но разсказываютъ, что въ тотъ же годъ Михаилъ ходилъ въ другой разъ къ Москвѣ со многою силою, былъ бой, но города не взялъ и возвратился ни съ чѣмъ. Въ одной книжной припискѣ объ этомъ самомъ событіи современникъ отмѣчаетъ слѣдующее: „Сего же лѣта (1307) бысть бой на русской землѣ Михаила съ Юрьемъ о княженьи новгородскомъ. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы (крамолы) и

вѣци скоротишася человѣкомъ“. Стало быть новгородцы все тянули къ московскому Юрью, ибо это былъ внукъ ихъ любимаго князя Александра Невскаго, готовый теперь, по случаю борьбы съ Михаиломъ, жить съ ними на всей ихъ волѣ. Повидимому и другой Новгородъ, Нижній, тоже тянулъ къ московскому князю. Спустя года три, сынъ тверского князя, Дмитрій, пошелъ было туда и на Юрья съ большимъ войскомъ, но былъ остановленъ во Владимірѣ митрополитомъ Петромъ, стоялъ даромъ три недѣли и ушелъ домой. Этому князю въ то время было всего 12 лѣтъ, его водили конечно бояре и непремѣнно бывшіе городецкіе. Самый необдуманный поступокъ Твери въ достиженіи владычества надъ русскою землею былъ лживый доносъ на митрополита Петра, посланный цареградскому патріарху отъ тверскаго епископа Андрея (родомъ изъ литовскихъ князей). По этому случаю былъ созванъ соборъ въ Переяславлѣ. Святитель Петръ оправдался, но поступокъ тверского владыки ложился темнымъ пятномъ и на всѣ дѣйствія тверскихъ князей и ихъ бояръ. Церковная власть, искавшая въ это самое время покойнаго пребыванія въ какомъ либо изъ городовъ болѣе безопасныхъ, чѣмъ стольный городъ Владиміръ, конечно не могла уже благопріятствовать Твери и не могла основать въ нейсвое пребываніе. Въ ея глазахъ, а слѣдовательно и въ глазахъ разумѣющаго народа, Тверь являлась гнѣздомъ постоянной крамолы. Не менѣе близоруки были и отношенія тверского князя къ Новгороду. По слѣдамъ отца, онъ никакъ не могъ поладить съ вольными людьми и обращался съ ними съ такою жестокостью, какой они до тѣхъ поръ ни отъ кого не испытывали. Поссорившись съ ними въ 1312 г., онъ такъ ихъ стѣснилъ, захвативъ волости, затворивъ ворота для хлѣба, что они едва умолили его о мирѣ, уплативъ ему 1500 гривенъ серебра. Въ Ордѣ между тѣмъ умеръ царь Токта и на его мѣсто вступилъ Узбекъ. Великій князь долженъ былъ отправиться въ Орду на поклонъ новому царю. Новгородцы, испытывая обиду и тѣсноту отъ Михайловыхъ намѣстниковъ, рѣшились воспользоваться случаемъ и послали въ Москву звать Юрья, который конечно не заставилъ себя долго ждать. „И рады были новгородцы своему хотѣнію“, замѣчаетъ лѣтописецъ, говоря о пріѣздѣ въ городъ Юрья, но эта радость была очень кратковременна. Тотчасъ же Юрій былъ позванъ въ Орду, конечно по жалобѣ Михаила, тамъ еще жившаго. Оставивъ новгородцамъ вмѣсто себя брата Аѳанасія, Юрій пошелъ въ Орду и съ новгородцами, а Михаилъ тѣмъ временемъ возвратился, ведя съ собою окаянную татарскую рать, съ которою и со всею низовскою силою прямо и направился къ Торжку. Новгородцы потерпѣли страшный погромъ. Больше всего пострадалъ Торжокъ. Михаилъ зналъ, чѣмъ наказывать купцовъ и богатыхъ людей. Онъ заставилъ Новгородъ уплатить пять темъ (50,000) гривенъ серебра, а въ Торжкѣ забралъ у жителей не только деньги, но все имущество и особенно коней и

доспѣхи. Московскій князь Аѳонасій, пріѣхавъ къ Михаилу уставлять договоръ, коварно былъ схваченъ и отправленъ въ Тверь.

Въ невыразимой скорби новгородцы сами по себѣ пошли было жаловаться въ Орду, но на пути были всѣ перехватаны тверичами. Однако, оправившись, новгородцы все-таки выслали Михаиловыхъ намѣстниковъ. Тверь подняла новый походъ уже къ самому Новгороду, окончившійся впрочемъ большею неудачею. Такъ дѣйствуя, новгородцы непремѣнно знали, что изъ Орды вѣтеръ можетъ перемѣниться, что Юрій можетъ выйдти оттуда великимъ княземъ. Само собою разумѣется, что и они не жалѣли серебра въ поддержкѣ московскаго князя.

Дѣйствительно, Юрій, проживъ у царя года три и женившись тамъ на царской сестрѣ, пришелъ наконецъ съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ полками татаръ, подъ предводительствомъ Кавгадыя. Онъ шелъ по Волгѣ и сталъ у Костромы. Тверской князь, собравшись съ суздальскими князьями, поспѣшилъ встрѣтить его съ этого берега. Долго войска стояли по обоимъ берегамъ рѣки. Юрій, не надѣясь быть можетъ на свою силу, по совѣту съ Кавгадыемъ отступился отъ великаго княженія и Михаилъ возвратился въ Тверь. Но житіе Михаила говоритъ, что Михаилъ отступился, прося только не вступаться въ его опришнину. Какъ бы ни было, но Юрій стоялъ въ Костромѣ до осени. Тогда пришли къ нему и суздальскіе князья, и иные (ростовскіе) князья пошли къ нему, и многія силы собрались къ нему на Кострому. Это показываетъ что Михаилъ не уступилъ. Со всею собравшеюся силою Юрій двинулся къ Твери, а съ другой стороны туда же шли новгородцы, но тверская дружина осилила всѣхъ. Юрій съ своими полками и Кавгадый съ татарами были разбиты, какъ случалось рѣдко. Юрьева княгиня, сестра царева, его братъ и другіе князья и бояре, и татары, были захвачены въ плѣнъ. Остался слухъ, что въ плѣну въ Твери Юрьева княгиня была уморена зельемъ. Но Кавгадыя и его татаръ, Михаилъ принялъ со многою честью, зная что въ Ордѣ этотъ народъ надобный, и что за ихъ плѣненіе или, Боже сохрани, за ихъ убійство, хотя бы и на рати, должно отвѣчать предъ ханомъ. Юрій убѣжалъ въ Новгородъ. Тамъ и новгородцы и псковичи всѣ стали за него и снова пошли къ Твери на Михаила, пригласивъ съ собою и новгородскаго владыку. Михаилъ снова встрѣтилъ ихъ на Волгѣ. Стали переговаривать ся и утвердились на томъ что идти обоимъ въ Орду и тамъ судиться у царя.

Въ это время отпущенъ былъ изъ Твери и другой братъ Юрья, Аѳанасій, три года сидѣвшій тамъ и съ новгородцами въ плѣну.

Вскорѣ Кострома и Ростовъ, конечно за то, что стояли за Юрья, потерпѣли наказанье. Пришелъ лютый татарскій посолъ, побилъ людей и пограбилъ эти города. Но быть можетъ предвидя не совсѣмъ благополучный исходъ своей борьбы съ московскимъ княземъ, Михаилъ послалъ къ Юрью посла съ предложеніемъ мира и любви. Что и какъ

посолъ говорилъ въ Москвѣ, неизвѣстно, но Юрій убилъ его. Онъ собирался на судъ въ Орду. По совѣту Кавгадыя, съ Юрьемъ пошли жаловаться на Михаила всѣ князья низовскіе и бояре съ городовъ, и новгородцы, стало быть вся земля поднялась съ жалобою. Въ Ордѣ на судѣ были поданы многія грамоты со многимъ замышленіемъ, въ которыхъ говорилось, что великій князь собиралъ на городахъ многія дани и царю не отдалъ. Это была самая существенная вина въ глазахъ хана. Но возводили и еще вины. Татары обвиняли Михаила въ гордости и непокорности царю, въ томъ, что обезчестилъ Кавгадыя— бился съ нимъ, и князей, и татаръ царевыхъ побилъ; что сестру царя, Юрьеву княгиню, зельемъ уморилъ. Русскіе обвиняли, что хотѣлъ (будто бы) съ собранною казною бѣжать къ нѣмцамъ, что казну отпустилъ даже въ Римъ къ папѣ. Михаилъ оправдывался, но его не слушали и всѣ помогали Юрью. Не помогла ему и царица, къ которой онъ посылалъ просить о помощи.

Михаилъ приговоренъ былъ къ смертной казни и выданъ головою Юрью.

Мы не можемъ правильно судить объ этомъ татарскомъ судѣ, потому что не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ выросла такая ненависть къ тверскому великому князю не только со стороны московскаго Юрья, но и другихъ князей, и у бояръ съ городовъ.

Между исполнителями казни упомянуты Иванецъ и Романецъ, имена русскія, принадлежавшія по всему вѣроятію русскимъ людямъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что этотъ Иванецъ, издѣваясь надъ несчастнымъ великимъ княземъ, взялъ его голову за уши и ударяя о землю приговаривалъ: „скокливъ ты и поспѣшенъ, твори теперь сколько хочешь!“

Но, потерпѣвъ судъ неправедный или праведный, Михаилъ, подобно Андрею Боголюбскому, омылъ кровью свои грѣхи и въ глазахъ русскаго народа сталъ св. мученикомъ, ибо погибъ отъ иновѣрныхъ и отъ вражды своего же брата, отдалъ себя за всѣхъ православныхъ христіанъ. „Еслибъ онъ не пошелъ въ Орду, разсуждаетъ лѣтописецъ, и побѣжалъ бы въ иныя земли, тогда пришли бы татары, его отыскивая: сколько бы христіанъ они замучили и смерти предали, сколько бы святыхъ церквей поругали! Но блаженный Михаилъ за всѣхъ себя отдалъ и отошелъ ко своему Владыкѣ Христу въ небесное царствіе. Смертно бо есть житіе сіе. Аще бы не тако умеръ, умеръ же бы всяко!“

Михаилъ, какъ мы сказали, былъ выданъ Юрью головою. Поэтому московскій князь забралъ въ Ордѣ съ собою не только весь дворъ Михаила, его бояръ и слугъ, и его сына Константина, но и самое тѣло покойника, которое и было привезено въ Москву. Послѣ Михаила остались сыновья, съ которыми требовалось устроить докончанье, твердый договоръ, дабы обезпечить себя отъ ихъ вражды и мести. Посредникомъ этого докончанья былъ Прохоръ, епископъ рос-

товскій. Говорятъ, что сыновья едва умолили Юрья отпустить имъ останки отца, что Юрій взялъ съ нихъ множество серебра. Впрочемъ, состоялся размѣнъ. Тѣло Михаила повезли въ Тверь а изъ Твери повезли тѣло Юрьевой княгини Кончаки въ Ростовъ.

На другой (1320) годъ, сыновья Михаила, всѣ трое, поженились и любопытно, что одинъ изъ нихъ, Константинъ, бывшій съ отцомъ въ Ордѣ и выведенный оттуда княземъ Юрьемъ, какъ бы плѣнникомъ, женился на его дочери Софьѣ. Константинъ былъ человѣкъ тихій и кроткій, вовсе не честолюбивый, но умѣвшій княжить, какъ оказалось впослѣдствіи, съ пользою для своей земли. Напротивъ, два старшіе его брата, Дмитрій и Александръ, шли путемъ отчимъ, а потому и по смерти Михаила положеніе московскаго Юрья нисколько не измѣнилось; напрасно онъ утверждался съ новыми соперниками крѣпкимъ договоромъ и миролюбіемъ. Прошло не болѣе полгода, онъ все таки долженъ былъ идти ратью къ Твери на князя Дмитрія, который однако остановилъ походъ, выславъ для переговоровъ тверского владыку. Юрій помирился, взявъ 2000 р. серебра и клятву, что князь Дмитрій не будетъ искать великаго княженія. Забравши тверское серебро, Юрій пошелъ съ нимъ въ Новгородъ Великій, ибо тамъ ему было дѣло: Новгороду была тѣснота отъ нѣмцевъ. Съ новгородцами онъ сооружалъ осадныя машины и ходилъ осаждать нѣмцевъ въ Выборгѣ. Въ Твери растолковали поведеніе Юрья такимъ образомъ, что взятое серебро было выходное, которое слѣдовало доставить прямо хану, а великій князь вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу цареву послу, ушелъ съ серебромъ въ Новгородъ, значитъ похитилъ его у хана. Съ такою жалобою Дмитрій тверской поспѣшилъ въ Орду къ царю Узбеку, былъ принятъ съ честью и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. За княземъ Юрьемъ на Русь былъ посланъ посолъ сильный, Ахмылъ, котораго сопровождалъ и братъ Юрья, Иванъ Даниловичъ. Искалъ что ли онъ великаго князя, но по низовскимъ городамъ много зла сотворилъ и увелъ безчисленный полонъ. Въ это время былъ взятъ и сожженъ Ярославль. Въ лѣтописяхъ коротко и глухо этотъ случай такъ разсказанъ, что какъ будто вмѣстѣ съ татариномъ жечь и грабить приходилъ и самъ Иванъ Даниловичъ. Но татаринъ приходилъ за Юрьемъ. Очень вѣроятно, что кстати онъ далъ почувствовать свой приходъ и тѣмъ городамъ, которые стояли за Юрья же. Не все злое должно думать о московскихъ князьяхъ; быть можетъ присутствіе при послѣ Ивана Даниловича значительно уменьшило неотразимыя бѣдствія и спасало по крайней мѣрѣ его собственную московскую волость. Должно упомянуть, что года за два предъ тѣмъ ростовцы возстали противъ татаръ и изгнали ихъ изъ города. И этотъ случай могъ быть причиною теперешнихъ татарскихъ насилій.

Съ осады Выборга, Юрій, по зову царя, пошелъ въ Орду, упросивъ новгородцевъ проводить его мимо Твери, уже зная, что ему не сдо-

бровать. Дѣйствительно его давно стерегъ на пути тверской князь Александръ Михаиловичъ. Самъ Юрій едва спасся, побѣжавъ во Псковъ, а потомъ въ Новгородъ, а его бояре были захвачены, все имущество разграблено.

Въ то самое время Дмитрій Михаиловичъ пришелъ спокойно изъ Орды съ ярлыкомъ и сѣлъ на великое княженіе. Юрій, не имѣя возможности пройдти безопасно въ Орду, остался на сѣверѣ, и принужденъ былъ работать и работать за Новгородъ. Цѣлый годъ онъ хлопоталъ то съ нѣмцами, то съ шведами, ходилъ на Неву, поставилъ городъ Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и тѣмъ самымъ заставилъ шведовъ заключить съ Новгородомъ вѣчный миръ. А затѣмъ поднялись на Новгородъ устюжане, ограбили новгородскихъ данниковъ кто ходилъ на Югру. Слѣдовало и съ этой стороны защитить вольный городъ. Юрій и это дѣло исполнилъ блистательно; взялъ Устюгъ приступомъ и заключилъ миръ по старой пошлинѣ. Новгородцы въ добромъ здоровьѣ поворотили домой, а князь изъ Заволочья пошелъ на Пермь и по Камѣ въ Орду. Такимъ только круговымъ обходомъ онъ могъ миновать всѣ тверскія засады. Но онъ не могъ никуда уйдти отъ московско-тверской трагедіи, которая только еще началась, только еще развивалась. Въ Орду скоро явился и Дмитрій Михайловичъ. Встрѣтивъ московскаго князя въ самый канунъ годовщины убійства своего отца, онъ тутъ же и убилъ своего врага, „безъ царева слова, надѣясь на царево жалованье; но не добро было и самому, говоритъ лѣтописецъ, ибо что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ".—Въ Москвѣ встрѣтили тѣло убитаго князя братъ его Иванъ и весь народъ отъ мала до велика съ плачемъ великимъ. Похоронили его (23 февр. 1326 г.) митрополитъ Петръ съ владыками новгородскимъ, тверскимъ, ростовскимъ, рязанскимъ въ церкви в.мч. Димитрія, которая составила предѣлъ новозаложеннаго тогда же Успенскаго собора. Мѣсто погребенія лучше всего указывало, какъ разсуждала Москва о погибели своего князя. Она, отдавая все дѣло на судъ Господу, на костяхъ своего политическаго мученика создала по благословенію митрополита свой первый каменный соборъ.

Карамзинъ очень красиво описываетъ событіе Юрьевой погибели и достаточно смягчаетъ самоуправный подвигъ тверского князя. ...„Они увидѣли другъ друга, говоритъ историкъ, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Дмитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій... Такъ одно злодѣяніе рождаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго". Но для судилища исторіи весь вопросъ въ томъ и состоитъ, гдѣ и когда началось это первое злодѣяніе, то есть самый зародышъ междоусобной ненависти, изъ котораго съ неумолимою послѣдовательностію возраждались одно за

другимъ и всѣ новыя злодѣянія, въ своемъ стремленіи къ конечной цѣли всегда кончавшія убійствомъ.

Спустя годъ, погибъ въ Ордѣ и тверской князь Дмитрій, казненный за убійство Юрья московскаго. По словамъ лѣтописи, царь Узбекъ очень разгнѣвался на всѣхъ тверскихъ князей, называлъ ихъ крамольниками его царской волѣ. Но не смотря на гнѣвъ, великое княженіе все таки отдалъ брату убитаго, Александру. Московскій Иванъ Даниловичъ, бывши тогда въ Ордѣ, видно не смѣлъ и помышлять о великокняжскомъ столѣ.

Чего же достигла „алчная, хитрая, коварная“ Москва въ первыя 20 лѣтъ своего хищничества, при князѣ, который дѣйствительно былъ до крайности вспыльчивъ и дерзокъ, который, какъ объ немъ пишетъ исторія, не разбиралъ никакихъ средствъ и всю жизнь стремился во чтобы то ни стало усилить себя на счетъ другихъ. Мы разсказали его исторію по тѣмъ же показаніямъ лѣтописей, которыя послужили красками и для очерненія его дѣятельности. Но безъ увлеченія въ сторону гуманной чувствительности или въ сторону ученой, впередъ поставленной идеи, что мы можемъ сказать по правдѣ объ этомъ несчастномъ Юрьѣ Даниловичѣ? Оказывается, что хищный князь всю жизнь только защищался отъ хищничества тверскихъ князей и въ защитѣ конечно иной разъ прибѣгалъ къ крайнимъ послѣднимъ средствамъ, какъ тѣ, въ нападеніи, прибѣгали тоже ко всякимъ подходящимъ средствамъ. Люди боролись и всячески умышляли нанести другъ другу какъ возможно больше зла. Какое же право мы имѣемъ приписывать только одной сторонѣ все злое и непривлекательное въ этой борьбѣ? Мы не знаемъ, что сотворили бы тверскіе князья, еслибъ Юрій попался къ нимъ въ руки. А они всячески старались его уловить, поджидая въ засадахъ. Видимо, что для ихъ цѣлей онъ служилъ великою помѣхою, но не въ томъ, что былъ хищникомъ чужихъ волостей—онъ не успѣлъ ничего у нихъ отнять — а въ томъ больше всего, что онъ былъ представитель старшаго Невскаго колѣна въ княжескомъ родѣ, къ которому вся земля питала особое почтеніе и выражала желаніе, чтобы этому колѣну было отдано и великое княженіе. Вотъ собственно въ чемъ былъ виноватъ Юрій московскій. Въ его исторіи съ Михаиломъ выразилась не столько борьба лицъ, сколько борьба земскихъ интересовъ, которымъ очень насолилъ еще предшественникъ тверского Михаила, городецкій Андрей, завѣщавшій свое мятежное княженіе именно тверскому князю. Юрій защищалъ отъ Михаила свой Переяславль, доставшійся ему законно; защищалъ отъ него Новгородъ, призвавшій его на защиту по новгородски тоже законно. Защищая Новгородъ, онъ за это былъ позванъ въ Орду къ отвѣту, и конечно при новгородской денежной помощи, вмѣсто ожидаемаго бѣдствія, не только оправдался въ Ордѣ, но и женился на царской сестрѣ и получилъ войско для борьбы съ своимъ обвинителемъ, Михаиломъ, а потомъ, потерпѣвъ отъ него

пораженіе, пошелъ съ нимъ судиться въ ту же Орду, имѣя на своей сторонѣ не только Новгородъ, но и князей и бояръ всей Низовской земли. Всѣ эти дѣянія и событія развивались одно изъ другого не вслѣдствіе хищническихъ стремленій Юрья, но вслѣдствіе его самообороны, самозащиты. Онъ въ дѣйствительности боролся за свое существованіе, за свою жизнь, которую все таки не успѣлъ спасти. Кромѣ того, Юрій былъ рядовой человѣкъ въ развитіи княжескихъ споровъ собственно за Переяславль. Этотъ городъ былъ отнятъ еще у его дѣда—Александра Невскаго—при участіи тверского же князя, Михаилова отца, потомъ былъ отнятъ у Дмитрія Невскаго, у Юрьева дяди. Юрій такимъ образомъ, защищая свое, шелъ по пути дѣда и старшаго дяди, какъ шли въ своихъ захватахъ отчимъ же путемъ и тверскіе князья.

Всѣ событія Юрьева княженія изслѣдователи непремѣнно приписываютъ его хищничеству: въ ссорѣ побѣжали отъ него братья въ Тверь, потому что онъ хотѣлъ усилиться; однако они очень скоро воротились, слѣдовательно, онъ унялся отъ хищничества. „Желая усилиться на счетъ Рязани, говорятъ изслѣдователи, онъ убилъ (повелѣлъ убить) князя ея, плѣненнаго отцемъ его Даниломъ, и хотя не успѣлъ въ своемъ намѣреніи касательно всего княжества, однако удержалъ за собою Коломну". Но все это вѣдь голыя догадки сдѣланныя еще Карамзинымъ, для котораго Юрій былъ черная душа именно за убійство рязанскаго князя. Убійство это названо въ родословныхъ казнью и совершено слѣдовательно за достаточную вину. Лѣтописи ни слова не говорятъ о пріобрѣтеніи въ это время Коломны, которая, какъ мы замѣтили, могла отойдти отъ Рязани къ Суздальской землѣ еще при Всеволодѣ III, когда рязанскіе князья были усмирены до-зела. При нашествіи татаръ, она является уже какъ-бы пограничнымъ городомъ Суздальскаго великаго-княженія. Она показывается въ числѣ суздальскихъ городовъ и какъ бы собственно московскихъ еще при Андреѣ Александровичѣ въ 1293 году, когда потерпѣла опустошеніе отъ татарскаго нашествія. Въ это время рядомъ съ Москвою и Коломною упомянутъ также и Можайскъ, завоеванный Москвою спустя 10 лѣтъ, въ 1303 г. Юрій съ братьею привелъ тогда въ Москву плѣнникомъ и можайскаго князя Святослава. Можайскъ передъ тѣмъ временемъ принадлежалъ искателю Переяславля, Өедору Ростиславичу, который съ татарами и произвелъ упомянутыя опустошенія и Коломны, и Можайска. Быть можетъ Можайскъ отошелъ къ Москвѣ по какимъ либо договорамъ съ того времени, какъ этотъ князь Өедоръ, женившись на ярославской княжнѣ, сдѣлался ярославскимъ княземъ. Быть можетъ Святославъ отнялъ свою смоленскую волость у Москвы и по этому случаю вызвалъ походъ Юрья.

Какъ бы ни было, но Можайскъ и Коломна, находящіеся почти въ равномъ разстояніи отъ Москвы, одинъ наверху, другой на низу

Москвы рѣки, должны были очень рано сдѣлаться ея волостями и конечно поступили въ ея область, какъ только она развила свои княжескія силы, что могло произойдти еще при Михаилѣ Хоробритѣ, который и погибъ отъ литвы на Поротвѣ, несомнѣнно защищая свою волость. Безъ Можайска и Коломны Москва не могла существовать, ибо ея существованіе заключалось въ рѣчной области Москвы рѣки, а эти города запирали ей дорогу и въ низу къ Рязани и Волгѣ, и въ верху къ смоленскимъ и новгородскимъ землямъ. Въ этихъ двухъ городахъ и заключаются всѣ первичныя завоеванія—примыслы Москвы, добытые въ истинномъ смыслѣ борьбою за существованіе.

Слѣды царскаго гнѣва на тверскихъ князей можно находить въ томъ обстоятельствѣ, что вскорѣ въ Тверь отправленъ былъ посломъ братаничъ (племянникъ) царя, Щелканъ Дуденевичъ, о которомъ лѣтописи говорятъ, что онъ далъ будто бы царю мысль истребить всѣхъ русскихъ князей, дабы спокойнѣе владѣть Русской землею; что будто бы онъ хотѣлъ самъ сѣсть на великое княженіе въ Твери, а другихъ татарскихъ князей посажать по другимъ русскимъ городамъ и все русское христіанство привести въ магометанскую вѣру.— „Пойду въ Русь, говорилъ онъ царю, раззорю христіанство, князей изобью, а княгинь и дѣтей къ тебѣ приведу“! Такъ несомнѣнно объясняли дѣло именно тверичи и ихъ князья, оправдывая свой отчаянный поступокъ съ этимъ Щелканомъ и его татарами.

Надо замѣтить, что послы отъ татарскаго царя были посланы особаго рода. Они приходили не для переговоровъ, а для побора установленныхъ и обѣщанныхъ даней, запросовъ и сдѣланныхъ долговъ, посредствомъ которыхъ князья покупали ярлыки на великое княженіе. У лѣтописцевъ эти послы всегда прозываются грозными, немилостивыми и даже лютыми, потому что появленіе такого посла всегда сопровождалось ужасами правежа и грабежа надъ всѣмъ населеніемъ. Чѣмъ дороже покупался ярлыкъ, тѣмъ лютѣе приходилъ ординскій посолъ.

Грозный посолъ, придя въ Тверь, съ великою гордостію прогналъ съ двора великаго князя Александра и самъ занялъ его жилище. Затѣмъ сталъ дѣлать жителямъ нестерпимыя насилія на каждомъ шагу. Народъ возмутился и хотя князь Александръ уговаривалъ терпѣть—но было уже достаточно одного случайнаго обстоятельства, чтобы возгорѣлся всеобщій мятежъ. Случилась ссора на улицѣ: народъ возсталъ и побилъ всѣхъ татаръ. Самого Щелкана сожгли во дворцѣ. Перебили и всѣхъ татарскихъ гостей и купцовъ. Подобная расправа, конечно, не въ такой степени, не одинъ разъ случалась напр. и въ Ростовѣ.

Побѣжалъ ли скоро самъ Иванъ Даниловичъ московскій въ Орду, или былъ позванъ царемъ, но событіе столько было важно и опасно для Русской Земли, что кому нибудь дѣйствительно надо было скорѣй предстать предъ ординскаго царя. Иванъ Даниловичъ былъ

внукъ Невскаго и остался теперь старѣйшимъ въ князьяхъ по правамъ на великое княженіе. Слѣдовательно, какъ старѣйшій, долженъ былъ держать отвѣтъ за всѣхъ. Царь ординскій разгорѣлся великою яростью, рыкая аки левъ на тверскихъ князей, намѣреваясь всѣхъ истребить и всю Русскую Землю плѣнить. Въ ярости онъ и потребовалъ къ себѣ Ивана Даниловича. Осенью пошелъ Иванъ Даниловичъ въ Орду, а зимою съ нимъ пришла татарская рать, 50 тысячъ, съ воеводою Ѳедорчюкомъ. Все тверское княжество было въ конецъ опустошено. Сохранилъ Богъ Москву, Новгородъ, который откупился 2000 р. с. да вѣроятно суздальское княжество, потому что суздальскій князь, какъ старѣйшій изъ другихъ, тоже участвовалъ въ этомъ походѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Даниловичемъ. Тверскіе князья убѣжали къ Новгороду, но новгородцы не приняли Александра и онъ удалился во Псковъ.

Послѣ этого погрома, на слѣдующій годъ отправились въ Орду князь московскій Иванъ, князь тверской Константинъ и новгородцы, въ лицѣ особаго посла Ѳедора Колесницы. Царь всѣхъ принялъ съ честью. Великое княженіе отдалъ Ивану Даниловичу „и иныя княженія отдалъ ему къ Москвѣ"; Константина тверского утвердилъ въ Твери; пожаловалъ и новгородцевъ „по ихъ челобитью", вѣроятно свободнымъ торгомъ во всей Суздальской землѣ, и всѣмъ за одно повелѣлъ отыскать тверского бѣглеца Александра Михайловича. Есть однако достовѣрное свидѣтельство, что въ первое время царь Узбекъ раздѣлилъ великое княженіе на двое, Ивану Даниловичу къ Москвѣ отдалъ Новгородъ и Кострому, а его двоюродному брату князю суздальскому, Александру Васильевичу—Владиміръ и поволожье (Городецъ, Нижній), и что уже по смерти суздальскаго князя черезъ $2^1/_2$ года (1332 г.) царь отдалъ московскому князю великое княженіе надо всею Русскою Землею, какъ было при его праотцѣ Всеволодѣ III. Собственно къ тому времени должно относиться и лѣтописное выраженіе, что „и иныя княженія отданы ему къ Москвѣ".

Стало быть и суздальскій князь почиталъ себя старшимъ въ князьяхъ, по крайней мѣрѣ, вторымъ послѣ Ивана Даниловича. Дѣйствительно онъ былъ внукъ второго Ярославова сына Андрея, а Иванъ Даниловичъ внукъ перваго—Александра [1]).

Установленіе такихъ отношеній имѣетъ свое значеніе для характеристики Ивана Даниловича и вообще для характеристики такъ называемаго московскаго хищничества.

Въ поведеніи Ивана Даниловича мы замѣчаемъ полное возстановленіе политики его славнаго дѣда, Александра Невскаго. Получивъ

[1]) При этомъ одинъ лѣтописецъ разсказываетъ, что получивши владимірское княженіе суздальскій великій князь перевезъ изъ Владиміра въ Суздаль и вѣчный, вѣчевой колоколъ; но колоколъ пересталъ звонить въ Суздалѣ. Увидѣвши, что сгрубилъ предъ св. Богородицею Владимірскою, суздальскій князь воротилъ колоколъ опять во Владиміръ и опять колоколъ сталъ звонить по прежнему.

великокняжеское достоинство, онъ однако вовсе не думаетъ владѣть землею на основаніи права сильнаго, т. е. вовсе не думаетъ усиливаться на счетъ другихъ во что бы то ни стало, не разбирая средствъ. Онъ напротивъ, по примѣру дѣда, раздѣляетъ свою власть съ сильнѣйшими князьями того времени, съ суздальскимъ и тверскимъ, какъ и дѣдъ дѣлилъ ее съ суздальскимъ и ростовскимъ. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ были приняты въ расчетъ отношенія земства.

Суздальскій край, или нижняя Волга, и Тверской край, или верхняя Волга, представляли сами по себѣ довольно особныя области, стремившіяся сосредоточить свои самостоятельныя силы въ особыхъ городахъ, что верхняя Волга успѣла сдѣлать уже въ Твери, а нижняя готовилась тоже исполнить въ Нижнемъ Новгородѣ, ибо ни Суздаль, ни Владиміръ, ни Городецъ, не были удобны для такого сосредоточенія. Иванъ Даниловичъ удержалъ за собою серединное положеніе между этими областями, взявъ себѣ Кострому, наслѣдницу ростовской силы, открывавшую свободный путь къ далекимъ сѣвернымъ областямъ, и которая въ княжескомъ наслѣдствѣ была такъ сказать межеумкомъ, хотя всегда принадлежала къ области великокняжеской, Владимірской.

Надо замѣтить, что полученіе ярлыка на великое княженіе, по видимому, не давало великому князю никакихъ самовластныхъ господарскихъ правъ относительно независимыхъ и самостоятельныхъ областей, къ которымъ отношенія великаго князя установлялись по старому русскому обычаю на договорахъ, на любви и мірѣ, записанномъ въ договорныхъ грамотахъ. Нарушеніе этихъ договоровъ и производило распри и усобицы между князьями. Права великаго князя по прежнему все еще заключались только въ правахъ названнаго отца-старѣйшины, въ старомъ русскомъ смыслѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могли сколько нибудь равняться и даже напоминать права татарскаго хана, ибо въ татарскомъ смыслѣ русскій великій князь все таки былъ только ханскимъ улусникомъ, воля котораго вполнѣ зависѣла не только отъ воли самаго хана и его басмановъ или пословъ, но и отъ воли другихъ русскихъ же улусниковъ, хотя и подчиненныхъ ему, но всегда имѣвшихъ право жаловаться на его поведеніе, если оно превышало данную ему власть. Такимъ образомъ ограниченіе правъ великаго князя исходило и отъ старыхъ русскихъ обычныхъ порядковъ, и отъ порядковъ ординскаго самовластія. Надъ нимъ господствовалъ татарскій произволъ, всегда дававшій случаи и русскимъ князьямъ подниматься на такой же произволъ противъ своего старѣйшины. Посреди такихъ отношеній очень трудно было устроить что либо правильное и крѣпкое въ развитіи великокняжескаго господства надъ землею. По этой причинѣ оставались крѣпкими и неизмѣнными только старые русскіе обычаи, которыхъ крѣпко и держались великіе московскіе князья до послѣдняго времени.

По старому обычаю великій князь Иванъ Даниловичъ общее зем-

ское дѣло ведетъ сообща съ большими князьями земли, призывая къ нему и всѣхъ остальныхъ меньшихъ.

Тверской князь, какъ мы упомянули, убѣжалъ отъ татарской грозы и поселился во Псковѣ. Изъ боязни передъ татарами никто не могъ дать ему убѣжища, кромѣ Пскова, потому что Псковъ крѣпко помнилъ заповѣдь св. князя, невскаго героя, который послѣ славной побѣды надъ нѣмцами на Чудскомъ озерѣ въ защиту Пскова же сказалъ псковичамъ такое слово: „Заповѣдаю вамъ на будущее время, если прибѣжитъ къ вамъ кто изъ моего племени въ печали, или такъ пріѣдетъ къ вамъ пожить, примите и почтите его... Если, не примите, не почтете его, какъ князя, то будете окаянные и назоветесь вторая жидова, распявшая Христа!“ Вотъ почему съ того времени князья бѣглецы всегда получали во Псковѣ радушный пріемъ и должную почесть. Псковичи не только приняли тверскаго Александра, какъ бѣглеца, но цѣловали ему крестъ, что не выдадутъ русскимъ князьямъ и посадили его у себя на княженіе. Ханъ Узбекъ, какъ упомянуто, повелѣлъ русскимъ князьямъ и новгородцамъ заодно всѣмъ добыть тверского князя и поставить передъ собою.

Дѣло касалось всѣхъ и особенно всѣхъ областей, ближайшихъ къ татарамъ, которыя первыя подвергались бѣдствію, еслибъ татары сами взялись отыскивать виновнаго князя. Надо было въ Ордѣ удостовѣрить, что онъ будетъ отысканъ во что бы ни стало; съ этою мыслью, подъ предводительствомъ Ивана Даниловича, собралась на Александра вся Земля, а новгородцы привели полки даже изъ Заволочья и отъ Корелы. Вся рать собралась въ Новгородѣ, прибылъ и митрополитъ всея Руси, Ѳеогностъ. Оттуда сначала отправили во Псковъ посольство и съ новгородскимъ владыкою. „Иди въ орду, зоветъ тебя царь, говорили послы. Повелѣлъ царь всѣмъ намъ искать тебя. Не погуби христіанъ! Лучше тебѣ одному за всѣхъ пострадать и спасти землю отъ бѣды“.—Противъ такихъ убѣжденій предъ лицемъ всего земства трудно было что либо говорить. Александръ уже соглашался отдать себя на земскую жертву предъ татарами. Но псковичи остановили его: „Не ходи въ Орду, будетъ что будетъ, а мы умремъ съ тобою на одномъ мѣстѣ!“ Псковичи держали свою честь, ибо, какъ сказано, дали клятву не выдавать бѣглеца русскимъ князьямъ. Въ далекомъ краю отъ татаръ можно было свободно защищать свою честь. Между тѣмъ, собранная рать тронулась изъ Новгорода и пришла уже къ городку Опонѣ (на рѣкѣ Шелони верстъ 30 къ сѣверу отъ Порхова). Хожденіе рати отъ Новгорода до Опони, 110 верстъ, продолжалось три недѣли. Такъ шелъ Иванъ Даниловичъ, „не хотя разгнѣвить псковичей“ говоритъ псковской же лѣтописецъ. Уже присутствіе посреди рати митрополита, показывало, что Иванъ Даниловичъ желалъ рѣшить дѣло мирнымъ путемъ. Но псковичи, какъ и слѣдовало честнымъ людямъ, стояли на своемъ. Догадался князь Иванъ Даниловичъ, что ни

вынуть князя Александра, ни выгнать его ратью изъ Пскова невозможно и намолвилъ митрополита Өеогноста, чтобы наложилъ на Псковъ и на князя Александра проклятіе и отлученіе церковное. Противъ этого не устоялъ и князь Александръ. Онъ рѣшился удалиться изъ города, развязалъ Псковичей отъ ихъ присяги, выпросивъ у нихъ только новую присягу, что не выдадутъ его княгиню. „А добротою и любовью онъ былъ по сердцу псковичамъ“. Впрочемъ, псковичи хорошо понимали трагическія обстоятельства и безъ всякой злобы, но съ добрымъ поклономъ, отправили пословъ къ Ивану Даниловичу, сказать, что князь Александръ выѣхалъ изъ города. Обрадовался и Иванъ Даниловичъ и кончилъ съ псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, а митрополитъ благословилъ добрыхъ и благородныхъ людей по прежнему. Такъ разсказываетъ объ этомъ событіи псковскій лѣтописецъ. Новгородскій объясняется короче, говоря, что когда Иванъ Даниловичъ пошелъ на Псковъ ратью, а митрополитъ наложилъ проклятіе, то псковичи выпроводили отъ себя князя Александра, а къ князю Ивану Даниловичу и къ новгородцамъ прислали пословъ съ поклономъ въ Опону и докончили миръ. Черезъ полтора года Александръ уже изъ рукъ Литвы сѣлъ опять во Псковѣ на княженіе. Псковичамъ въ то время онъ былъ надобенъ, какъ нельзя больше. Они боролись съ Новгородомъ за свою независимость, желая даже совсѣмъ отдѣлиться отъ своего старѣйшины. Въ лицѣ Александра Михайловича честолюбіе псковское сливалось съ честолюбіемъ тверскимъ, что конечно для псковскихъ цѣлей было очень благопріятно.

„Сѣлъ на великое княженіе Иванъ Даниловичь и настала тишина въ русской землѣ на много лѣтъ“, говорятъ въ одинъ голосъ всѣ лѣтописи. Иныя, напр. тверской лѣтописецъ, прибавляютъ, что тишина продолжалась сорокъ лѣтъ, что „перестали поганые воевать Русскую Землю и закалать христіанъ; отдохнули и успокоились христіане отъ великой истомы и многой тягости, отъ насилія татарскаго и была съ той поры тишина великая по всей Землѣ“. Дѣйствительно, въ теченіи 40 лѣтъ (1328—1368) не было слышно ни татарскихъ, ни другихъ нашествій и кровопролитій. Если и случались походы и столкновенія, то всѣ они были слишкомъ ничтожны предъ прежними.

Здѣсь открылась первая великая заслуга Москвы передъ всею Землею, и данъ былъ первый московскій задатокъ на привлеченіе къ Москвѣ здоровыхъ земскихъ силъ. Другія извѣстія къ этому присовокупляютъ, что Калита очистилъ землю отъ воровъ и разбойниковъ, что было также завѣтомъ Москвы и въ послѣдующее время.

Земля успокоилась. Но не былъ покоенъ только тверской князь-бѣглецъ. Онъ мыслилъ, что, убѣжавъ съ княженія, такимъ поступкомъ лишаетъ своихъ дѣтей ихъ законнаго наслѣдства, ибо по старымъ уставамъ русской княжеской жизни, чтобы укрѣпить за

дѣтьми хотя бы одинъ тверской столъ, необходимо было княжить на немъ до своей смерти, необходимо было умереть не бѣглецомъ, а тверскимъ княземъ. Такъ размышляя, онъ послалъ хлопотать въ Орду о прощенiи своего старшаго сына Өедора, и по возвращенiи его изъ Орды самъ прiѣзжалъ въ Тверь, и взявъ сына, возвратился во Псковъ. Московскiй великiй князь не препятствовалъ этимъ переговорамъ и разъѣздамъ. Александръ прислалъ въ Москву къ митрополиту своихъ бояръ, испросилъ у владыки и у всѣхъ святителей благословенiе и молитву на далекiй и опасный путь и затѣмъ отправился въ Орду. Тамъ своею „смирённою мудростiю", т. е. полнымъ раболѣпствомъ и покоренiемъ царю онъ успѣлъ получить прощенiе и былъ пожалованъ тверскимъ княжествомъ. Все это происходило стало быть съ согласiя Ивана Даниловича, ибо митрополитъ, жившiй въ Москвѣ, тайно не могъ давать такiя благословенiя. Въ то самое время, какъ только начались эти хлопоты Александра, въ 1335 г. Иванъ Даниловичь по какому-то случаю поднялся было на Псковъ съ новгородцами и со всею низовскою землею; но была ему рѣчь по любви и съ новгородцами и со всею низовскою землею и онъ отложилъ свой путь, оставивъ Псковъ безъ мира. Можно полагать, что Земля въ это время разсуждала о намѣренiяхъ и предпрiятiяхъ тверского князя, быть можетъ и тогда уже помышлявшаго не только о тверскомъ, но и о великомъ княженiи. Московскiй князь могъ укрѣпиться съ земствомъ, что тому небывать. Весною 1338 г. Александръ пришелъ изъ Орды въ Тверь и сталъ княжить. Вскорѣ обнаружилось, что онъ явился не для тишины, но для раздора. Многiе тверскiе бояре тогда же отъѣхали отъ Александра въ Москву. Затѣмъ онъ послалъ сына въ Орду, „не докончаша и мира не взяша" съ Иваномъ Даниловичемъ. Ясное дѣло, что онъ разсчитывалъ отнять у Москвы и великое княженiе. Поспѣшилъ въ Орду и московскiй князь. И вотъ, по его думѣ, царь Узбекъ потребовалъ къ себѣ не только тверского Александра, но и всѣхъ князей. „Нѣкiе много клеветали въ Ордѣ на князя Александра", говоритъ одинъ лѣтописецъ. Историки конечно обвиняютъ въ этомъ Ивана Даниловича, хотя недовольные, оскорбленные тверскiе бояре могли дѣйствительно взводить настоящiя клеветы на своего князя. Да нельзя совсѣмъ выгораживать изъ этого дѣла и Александрова брата Константина, который тихо и мирно княжилъ почти 10 лѣтъ, могъ очень привыкнуть къ своему положенiю и едва ли легко уступалъ брату. Онъ, по случаю тяжкой болѣзни, какъ говоритъ лѣтопись, не пошелъ проводить брата въ Орду. Извѣстно, что въ послѣдствiи въ Твери начались великiя усобицы между Константиномъ и дѣтьми Александра, и именно Константинъ сталъ ихъ обижать. Вообще въ погибели Александра участниковъ было много, едвали не все земство, ибо какiя клеветы на Александра могъ говорить въ Ордѣ Иванъ Даниловичь, кромѣ того, что тверской князь хочетъ раззорить земскую тишину, поднять междоусобiе и слѣдовательно опять по прежнему

опустошать и разорять татарскія же дани—Русскую Землю. Эта клевета была очевидною правдою для всей Земли, почему поддерживать или опровергать ее должны были позванные въ Орду всѣ князья. Одного изъ нихъ, своего зятя, князя ярославскаго (внукъ Өедора, что добывалъ себѣ Переяславль), который былъ на сторонѣ Александра, Иванъ Даниловичь не хотѣлъ пустить въ Орду, но не успѣлъ въ этомъ. Возвратившись самъ изъ Орды, Иванъ Даниловичь однако отправилъ туда всѣхъ своихъ троихъ сыновей еще отроковъ. Что князья говорили въ Ордѣ и для чего собственно они были позваны неизвѣстно, но Александръ и съ сыномъ при нихъ же былъ убитъ. Московскіе Ивановичи воротились изъ Орды съ пожалованіемъ, съ великою радостію и веселіемъ. На тверскомъ княженіи опять сѣлъ братъ Александра, Константинъ.

Погубивъ Александра, Москва стала усиливаться, но какъ и чѣмъ? Въ то время, говоритъ лѣтопись, Иванъ Даниловичъ взялъ изъ Твери въ Москву колоколъ отъ соборной церкви Спаса. Такой же поступокъ, какъ видѣли, случился и во Владимірѣ отъ суздальскаго князя. Быть можетъ это означало, что Тверь лишалась своихъ правъ на великое княженіе.

Обыкновенно вину хищническаго усиленія складываютъ на Ивана Даниловича, по случаю его вотчинныхъ примысловъ или собственно покупокъ селъ и деревень въ разныхъ мѣстахъ одной - лишь великокняжеской области, такъ какъ такія покупки въ другихъ княженіяхъ по обоюднымъ съ князьями договорнымъ запретамъ дѣлать было нельзя. Но эти самыя купли только въ великокняжеской области лучше всего и показываютъ, что со стороны Москвы не происходило никакого хищничества, что воля великаго князя даже и въ великокняжеской отчинѣ была ограничена древними порядками, которые Москва соблюдала больше, чѣмъ иныя княжества. Великокняжеская область принадлежала вѣдь великому князю, а онъ посреди ея же земель покупаетъ себѣ села и деревни; не захватываетъ по праву великаго владѣльца-собственника, а покупаетъ. Онъ не покупаетъ, но отнимаетъ такія села только у опальныхъ своихъ же бояръ, т. е. у виноватыхъ, но и виноватые князья по древнему русскому уставу лишались волости, какъ бояре за вину лишались головы. Отнятыя земли опять отдавались въ кормленіе боярамъ же. Иванъ Даниловичъ купилъ также Бѣлоозеро, Галичъ, Угличъ—но то была купля такого рода, что въ этихъ волостяхъ все-таки оставались князья; покупалась, слѣд. только служба этихъ князей, куплею ихъ отчинъ они приравнивались только къ старшимъ боярамъ.

Иные до того распространяютъ заученную и затверженную повѣсть объ усиленіи хищничества Москвы на счетъ другихъ, что приписываютъ Ивану Даниловичу пріобрѣтеніе напримѣръ Рузы, Звенигорода, то-есть городовъ, искони принадлежавшихъ Москвѣ.

Боярскія преданія, записанныя въ житіе св. Сергія и оттуда но-

павшія въ лѣтопись, записанныя спустя сто лѣтъ по смерти Ивана Даниловича со словъ троицкихъ чернецовъ—бояръ, крамолившихъ противъ Василья Темнаго въ его борьбѣ съ галицкими князьями, эти преданія такъ выражаются о княженіи Ивана Даниловича: „Настало насилованіе многое, сирѣчь княженіе великое досталось князю великому Ивану Даниловичу. Купно же досталось и княженіе ростовское къ Москвѣ, увы, увы, тогда граду Ростову и проч.“

Это могло случиться въ 1328 году, когда Ростовъ былъ раздѣленъ на двѣ половины; Срѣтенская сторона досталась Ѳедору Васильевичу, Борисоглѣбская—Константину Васильевичу, который былъ женатъ на дочери Ивана Даниловича и всегда участвовалъ въ его походахъ. Напротивъ о Ѳедорѣ ростовскомъ не имѣемъ свѣдѣній, почему и можемъ предполагать, что московское насиліе постигло этого князя и его Срѣтенскую сторону Ростова. Именно пріобрѣтеніе половины Ростова лѣтописи и относятъ къ Ивану Даниловичу, упоминая, что другую половину купилъ уже Иванъ Васильевичъ III. Можетъ быть и Иванъ Даниловичъ примыслилъ свою половину тоже куплею, причемъ весьма могло случиться сопротивленіе со стороны владѣющихъ бояръ.

Существенное усиленіе Москвы на счетъ другихъ княжествъ заключалось не въ хищническихъ захватахъ земель и волостей, въ чемъ ея воля была сильно ограничена существовавшими междукняжескими договорами и общимъ народнымъ мнѣніемъ, по которому такіе захваты всегда были дѣломъ разбойнымъ, грабительствомъ, какъ лѣтописцы и отзываются объ иныхъ князьяхъ; настоящее усиленіе Москвы заключалось въ ея поведеніи относительно всего земства.

Иванъ Даниловичъ, какъ и братъ его Юрій, слѣдуя дѣду, всякое свое предпріятіе, а тѣмъ болѣе всякое земское дѣло, всегда отдавалъ на разсужденіе всего земства, приглашая къ участію въ такихъ случаяхъ всю землю въ лицѣ ея князей. Со всею Землею онъ ходилъ ко Пскову на Александра, со всею низовскою Землею поднимался было и опять идти на Псковъ, но по совѣту со всею же Землею отложилъ походъ; всѣхъ князей по его думѣ и царь потребовалъ въ Орду для разсужденія о томъ же Александрѣ. Ясное дѣло, что въ своей внутренней политикѣ онъ держался стараго обычнаго мірского схода, чѣмъ искони жила вся Земля. Вотъ почему онъ такъ дорожилъ земскою тишиною, всегда выставляя впередъ интересы народа и отодвигая на второе мѣсто свои личные, въ собственномъ смыслѣ, московскіе интересы. Народъ вѣдь никогда не терялъ здраваго смысла и здраваго разсужденія и потому, руководясь очевидностью всѣхъ московскихъ дѣлъ, хорошо могъ различить, кто больше желаетъ добра христіанамъ—крестьянамъ, суздальскіе, городецкіе, тверскіе князья, или малая Москва. Народъ умилился подвигомъ тверского Михаила, принесшаго себя въ жертву за всѣхъ христіанъ. Народъ иначе не могъ объяснить себѣ этотъ подвигъ, какъ дѣломъ святости,

почему и причислилъ Михаила къ лику святыхъ. Но тотъ же народъ въ подвигахъ его сына Александра, столько интересныхъ для художника романиста, видѣлъ только одно стремленіе охранить и удоволить свою личность. „Князь тверской, говоритъ и Карамзинъ, могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки монголовъ, чтобы спасти подданныхъ: но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности“.

Еслибъ Александръ палъ въ борьбѣ съ Щелканомъ, еслибъ онъ тотчасъ съ повинною головою побѣжалъ бы къ царю въ Орду, отдавая себя, какъ главнаго виновника, на казнь за все свое земство, тогда въ умахъ народа онъ сталъ бы выше, святѣе своего отца, тогда навѣрное не случилось бы татарскаго погрома и все дѣло ограничилось бы новыми тяжкими поборами, которые во всякомъ случаѣ были бы меньше тягостны, чѣмъ полное кровавое раззореніе и опустошеніе тверской земли, да и другихъ сосѣдскихъ мѣстъ, ни въ чемъ не повинныхъ. Тогда не выдвинулся бы впередъ и московскій Иванъ Даниловичъ, волею или неволею принужденный вести татарскіе полки для наказанія виновныхъ. Александръ, какъ нѣкогда Андрей Суздальскій, вздумалъ не служить царю, а бѣгать отъ него, благо нашлись добрые люди псковичи, по своимъ обстоятельствамъ, борясь съ Новгородомъ, очень нуждавшіеся въ честолюбивомъ князѣ. Забравшись въ самый далекій уголъ отъ татаръ, онъ не хотѣлъ слышать призыва русскихъ князей и новгородцевъ, посылавшихъ его въ Орду по требованію царя. Онъ заставилъ поднять на Псковъ ратную силу. Кровопролитіе остановлено только церковнымъ словомъ отлученія. Онъ, взявши отъ псковичей присягу, что не выдадутъ его русскимъ князьямъ, совершалъ и нравственное насиліе надъ добрыми людьми, развязанное только церковью, что вообще не было легкимъ дѣломъ, хотя въ подобныхъ случаяхъ подобныя заклятія употреблялись и прежде. Святители и въ древней Руси говорили, что они приставлены въ русской Землѣ унимать кровопролитіе и съ этою цѣлью или брали на себя грѣхъ нарушенія клятвы или непокорныхъ отлучали отъ общенія съ церковью. Но въ то самое время, когда поведеніе тверского князя готовило совсѣмъ ненадобное кровопролитіе, московскій Иванъ Даниловичъ, не хотя разгнѣвить псковичей, шелъ съ войскомъ три недѣли по разстоянію съ небольшимъ во 100 верстъ. Все это новгородскій и псковскій народъ самъ видѣлъ, а низовскій народъ самъ слышалъ и конечно умѣлъ разобрать, кто строитель земской тишины, и кто заводчикъ земской смуты.

Участь Александра привлекательна потому, что она представляетъ полную трагедію. Онъ все таки долженъ былъ кончить тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему начать; онъ все таки пошелъ въ Орду для сохраненія княжескаго наслѣдства своимъ дѣтямъ. Но, получивъ желаемое, онъ не остановился на полпути и вознамѣрился увеличить это наслѣдство

столомъ великаго княженія. Онъ шелъ къ вѣрной погибели, ибо московскій князь уступить ему тоже не могъ. Началась бы опять усобица и навѣрное можно сказать, что Москва опять бы выиграла, но Земля безъ вины была бы опустошена. Десятилѣтняя тишина, добытая и поддерживаемая Москвою, была крѣпкимъ залогомъ, что вся Земля стала бы на сторонѣ Москвы.

Такимъ образомъ, съ московской, да и съ общеземской, точки зрѣнія тверскіе князья въ дѣйствительности являлись крамольниками, какъ ихъ обозвалъ царь Узбекъ, честолюбивыми искателями чужого добра, начиная отъ ихъ стремленій захватить Переяславль еще у Александра Невскаго, а потомъ у его сына Дмитрія. И если кто оправдываетъ ученую систему усиленія князей на счетъ другихъ во что бы ни стало, такъ именно всего больше тверскіе князья.

Они своими насиліями и притязаніями выдвинули на сцену и московскихъ князей, которые не могли же отдать имъ Переяславль, пріобрѣтенный законнымъ путемъ духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ сила Москвы развилась не изъ хищничества, а изъ крѣпкой самозащиты, изъ умѣнья постоять за себя.

Личныя качества Ивана Даниловича въ народной памяти запечатлѣны прозваніемъ его Калитою, что означало кошелекъ, мѣшокъ носимый при поясѣ. „Потому онъ былъ прозванъ Калитою, говоритъ одно сказаніе, что былъ очень милостивъ, нищелюбивъ и всегда носилъ при поясѣ калиту, полную серебреницъ, съ которою ходя раздавалъ нищимъ сколько вынется". Разсказывали, что одинъ нищій, взявши у него милостыню, забѣжалъ впередъ и еще проситъ; князь подалъ ему вторично. Нищій зашелъ по прежнему съ другой стороны и опять проситъ.—„Возми, несытыя зеницы" (очи), молвилъ князь, подавая ему третью милостыню.—„Это ты и есть несытыя зеница! И здѣсь царствуешь и тамо (на томъ свѣтѣ) хочешь царствовать!" отвѣтилъ ему нищій, давая намекъ, что по божески творитъ свое милостынное дѣло, никогда никому не отказывая въ милостынѣ. Разсказывали также, что нѣкая инокиня въ видѣніи видѣла великаго князя въ раю за его добрыя дѣла. Такія преданія объ Иванѣ Даниловичѣ сохранялись въ народѣ спустя болѣе полутораста лѣтъ послѣ его смерти, поэтому случаю Иванъ Даниловичь, какъ и отецъ его Даніилъ, были причислены къ лику мѣстныхъ московскихъ святыхъ. Само собою разумѣется, что твердая память о нихъ больше всего сохранялось у ихъ потомковъ, великихъ князей и потомъ царей Московскихъ и всея Руси. Въ царской казнѣ XVII вѣка, въ числѣ предметовъ большого государева наряда, т. е. въ числѣ царскихъ регалій, бережно хранилась и „старинная калита великаго князя Даніила", какъ равно и сума великаго князя Ивана Даниловича, по образцу которой сшивались сумы для царя Михаила Өедоровича, носимыя на выходахъ, для раздачи царской милостыни. Калита князя Даніила даетъ поводъ предполагать, что и сынъ его Иванъ Дани-

ловичь, ходя съ калитою, хранилъ и исполнялъ только добрый завѣтъ отца, какъ основателя добрыхъ порядковъ и добрыхъ нравовъ первой Москвы.

И что же привлекло въ Москву для поселенія даже митрополита, какъ не добрый нравъ ея князя, боголюбиваго, страннолюбиваго и зело тихолюбиваго, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ. Изслѣдователи, придавая не свойственный драматизмъ тогдашнимъ событіямъ и лицамъ, выражаются обыкновенно, что Иванъ Даниловичъ перезвалъ въ себѣ митрополита, какъ бы въ пику тверскимъ князьямъ, какъ будто митрополитъ могъ идти только туда, куда его усерднѣе другихъ позовутъ. Но кто же изъ князей не желалъ бы отдать свой городъ для митрополичьей кафедры? Несомнѣнно, всѣ этого желали не меньше московскаго князя. Дѣйствительно, послѣ татарскаго нашествія митрополиты всея Руси очутились въ положеніи безпріютныхъ странниковъ. Изъ Кіева они перебрались во Владиміръ, гдѣ въ началѣ было спокойнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ; но вскорѣ и Владиміръ суздальскій отъ княжескихъ усобицъ пріобрѣлъ ту же славу Кіева, т. е. безпокойнаго житья для церковной власти. Святитель Петръ, испытавъ тревоги отъ тверского доноса на него, конечно уже не могъ поселиться въ Твери. Обходя мѣста и города Суздальской области, узнавая и испытывая князей и людей, онъ полюбилъ больше другихъ московскаго Ивана Даниловича именно за его добрый нравъ. Изъ великокняжеской Твери шла крамола и вражда. Здѣсь въ маломъ московскомъ городкѣ тихолюбивый князь заботился больше всего о земской тишинѣ и по своимъ смирнымъ нравамъ подавалъ увѣренность, что желанное спокойствіе будетъ крѣпко и на будущее время. Святитель не ошибся, и на смертномъ одрѣ, еще въ то время, когда Иванъ Даниловичъ едва ли помышлялъ о великомъ княженіи, онъ благословилъ его и съ потомствомъ заочно, потому что князь отсутствовалъ изъ Москвы, и именно за то, что князь „столько успокоилъ его въ московскомъ житіи и пребываніи". Но московскій князь однимъ лицомъ въ этомъ отношеніи конечно не могъ сдѣлать всего, еслибъ не находилъ помощи вокругъ себя, во всемъ тогдашнемъ обществѣ Москвы и особенно въ боярствѣ, посреди котораго первое мѣсто занималъ тогда тысяцкій Протасій, потомокъ варяга Шимона и перваго ростовскаго тысяцкаго Георгія. Онъ самъ перешелъ въ Москву по однимъ свидѣтельствамъ изъ Владиміра, по другимъ изъ Ростова. Честный и вѣрный мужъ, украшенный всякими добрыми дѣлами, онъ присутствовалъ и при кончинѣ святителя Петра и принялъ отъ него благословеніе своему князю и кромѣ того завѣщаніе построить заложенный святителемъ храмъ Успенія, для чего тутъ же покойнымъ была ему передана особая казна.

Если московское боярское гнѣздо съ перваго же времени отличалось смирными и добрыми нравами, то съ поселеніемъ въ Москвѣ митрополита, оно по естественнымъ причинамъ должно было укрѣ-

пить и развить эти нравы еще въ бо̀льшей степени. Каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ народная пословица,—каковъ былъ князь, таковы были и бояре, но всѣ они вмѣстѣ теперь находились подъ благословеніемъ или неблагословеніемъ митрополита за доброе и худое въ своей жизни, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ церковной власти, которая ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться только мѣстною, исключительно московскою властью, и забыть о томъ, что прежде всего она церковная власть всея Руси, что она прежде всего охранительница не московскихъ только, но по преимуществу общеземскихъ интересовъ. Церковная власть, единая для всея Руси, необходимо требовала единства и для гражданской власти, необходимо воспитывала это единство всѣмъ смысломъ своей проповѣди и всѣмъ порядкомъ своего управленія. Первая Москва такимъ образомъ легко могла поставить правиломъ и завѣтомъ своей жизни крѣпкое единство и въ княжеской семьѣ, и въ боярской средѣ, чѣмъ собственно Москва и побѣждала всѣхъ своихъ соперниковъ и крамольниковъ. Впрочемъ единство и единодушіе, въ какомъ долгое время жили московскіе князья, и особенно бояре, создалось быть можетъ еще во время отчаянной борьбы съ Тверью Юрья Даниловича, именно по случаю тверскихъ притязаній на Переяславль, по случаю постоянной опасности отъ враждебныхъ захватовъ со стороны Твери. Болѣе 20 лѣтъ продолжалась бурная безпокойная неизвѣстность, чѣмъ можетъ окончиться для Москвы ея вражда съ Тверью. Естественно, что въ это время московское гнѣздо боярства въ борьбѣ за самое свое существованіе должно было крѣпко сторожить, чтобы не разрушилось оно отъ собственной своей крамолы. Первый опытъ такой крамолы еще при Юрьѣ, когда отъѣхали въ Тверь двое его братьевъ, послужилъ, какъ видно, доброю наукою на будущее время. Съ той поры ничего подобнаго уже не случилось въ теченіи пятидесяти лѣтъ, то-есть во все время основательной закладки московскаго могущества, которое, какъ добрый плодъ, выросло непосредственно только изъ московскаго единства.

Древній завѣтъ Ярослава, великаго правосуда—жить за едино или быть за одинъ, чего онъ требовалъ отъ Брячислава полоцкаго и что завѣщалъ своимъ дѣтямъ; древнія заботы и труды Владиміра Мономаха, который просилъ и заставлялъ князей жить однимъ сердцемъ; всѣ добрые помыслы другихъ князей установить единство въ княжескихъ отношеніяхъ; — все это въ древней Руси оставалось одною лишь мечтою, однимъ добрымъ желаніемъ, и только именно въ Москвѣ получило достойное воплощеніе и изъ добраго слова перешло въ доброе и крѣпкое дѣло. А какъ было полно и сильно въ Москвѣ сознаніе этой великой политической идеи—жить за едино, о томъ свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе Симеона Гордаго, гдѣ достойный сынъ Калиты такъ выражается о великомъ отцовскомъ наслѣдствѣ: „По благословенію нашего отца, говоритъ онъ своимъ братьямъ, что

приказалъ намъ жить за одинъ, и я вамъ приказываю, своей братьѣ жить за одинъ. А лихихъ бы людей вы не слушали, кто станетъ васъ сваживать (ссорить), слушали бы вы отца нашего владыки Алексѣя (митрополита) также и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра, и намъ. А пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла!“

Свѣча съ тѣхъ поръ дѣйствительно никогда не угасала и если случилось однажды, при Васильѣ Темномъ, смятенье въ семьѣ московскихъ князей, отъ котораго свѣча могла потухнуть, то въ это время ее крѣпко держалъ въ рукахъ и крѣпко охранялъ уже самъ народъ, или само передовое общество той же Москвы. Это самое смятенье послужило еще къ большему распространенію могущественнаго свѣта этой московской свѣчи. Единство жизни есть первая основная политическая добродѣтель для народнаго развитія; изъ нея уже выростаетъ и все остальное, чѣмъ бываетъ богато это развитіе. Въ этой первой добродѣтели и заключается высокое и великое преимущество Москвы передъ всѣми другими городами Русской Земли. Только при помощи внутренняго единенія Москва могла установить по Землѣ необходимую тишину и на всегда утвердить за собою великокняжеское старшинство, ибо ординскіе цари, которые съ того времени стали отдавать преимущество Москвѣ, не были тоже лишены здравыхъ понятій и хорошо знали, что частыя войны опустошаютъ и раззоряютъ ихъ же улусъ, ихъ же дани, и что земская тишина и миръ способствуютъ нарощенію населенія, а стало быть и нарощенію даней, хотя бы только отъ однихъ торговыхъ дѣлъ, въ которыхъ принимали весьма дѣятельное участіе и ординскіе купцы, такъ необдуманно побитые, напримѣръ въ Твери. Смута и усобица въ улусѣ никогда не была ручательствомъ вѣрнаго и полнаго сбора даней. Съ кого же было собирать дань и самимъ князьямъ, если народъ разбѣгался во всѣ стороны, если его жилище и имущество было сожигаемо, если люди, хотя бы и спасавшіеся отъ смерти, оставались голышами или же калѣками, неспособными ни на какую работу.

Такимъ образомъ, установивъ въ землѣ тишину, Москва уже тѣмъ самымъ являлась и въ Ордѣ надежнымъ хозяиномъ и надежнымъ плательщикамъ слѣдуемыхъ и не слѣдуемыхъ поборовъ. Москва въ это время дѣйствительно стала богатѣть, но не отъ того, что занималась, какъ догадывался Карамзинъ, обсчитываніемъ баскаковъ и воровствомъ изъ ординскихъ даней, а богатѣла потому, что и всѣ богатѣли, пользуясь цѣлыя сорокъ лѣтъ земскою тишиною. Прошло не болѣе 15 лѣтъ этой тишины, какъ не только въ разбоготѣвшей Москвѣ, но и въ раззоренной Твери стало процвѣтать церковное художество. Въ 1344 г. въ тверскомъ соборѣ Спаса устроены были мѣдныя двери, а въ 1359 помостъ выложенъ мраморомъ, чего не было и въ Москвѣ.

Объясняя, какимъ образомъ Москва богатѣла, Карамзинъ предлагаетъ свое любопытное замѣчаніе: „Иго татаръ, говоритъ онъ, обогатило казну княжескую... разными налогами дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для хана, но хитростію князей обращенными въ ихъ собственный доходъ, ибо баскаки легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ... Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даниловича... купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области... Такъ возвеличилъ Москву Иванъ Калита...“ Такъ легко историку по одному легковѣрному предположенію взводить тяжкія клеветы на безъотвѣтныхъ дѣятелей минувшаго. Но извѣстно, что всѣ сколько нибудь самостоятельные князья сами знали Орду, сами туда ходили для утвержденія во владѣніи своими княжествами и волостями, сами доставляли туда и дани съ своихъ волостей, поэтому они могли воровать только изъ сборовъ съ своихъ же городовъ и земель. Пожалованный ханомъ великій князь собиралъ дань, кромѣ своей опричной отчины, съ области великаго княженія, да съ Новгорода, а область великаго княженія ограничивалась волостью великокняжескаго города Владиміра съ нѣсколькими городами тянувшими къ Владиміру, за исключеніемъ выдѣленныхъ. Князья суздальскій, ростовскій, тверской, рязанскій—сами собирали и отвозили въ Орду свои дани.

Затѣмъ обвиненія въ утайкѣ даней начались еще со времени Александра Невскаго, да быть можетъ и отецъ его Ярославъ погибъ по тому же случаю, какъ первая жертва русской крамолы. За утайку даней главнымъ образомъ былъ судимъ и осужденъ Михаилъ Тверской. Въ утайкѣ 2000 р. не дани, а окупа по договору, Тверскіе князья обвинили Юрья московскаго. Послѣ такихъ плачевныхъ опытовъ едвали можно было и мыслить о воровствѣ изъ ординской казны, тѣмъ болѣе, что князья во всякое время зорко за этимъ слѣдили и особенно слѣдили за великимъ княземъ. Еще лучше наблюдали свои счеты татарскіе баскаки, которые никогда не были да и не могли быть розинями. Ихъ требованія напротивъ превышали вѣроятно и самые уставы утвержденные ханомъ. Сколько разъ по этому случаю изгоняли татаръ напр. изъ Ростова, а вѣроятно и изъ другихъ городовъ. Вообще въ тогдашнихъ обстоятельствахъ утайка дани всегда послужила бы самымъ легкимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ поднять противъ великаго князя крамолу и гнѣвъ и опалу отъ хана. Этотъ недостойный промыслъ ни въ какомъ случаѣ не могъ установить тишину въ земскихъ и княжескихъ отношеніяхъ, за которую лѣтописцы такъ прославляютъ Ивана Даниловича. Иго татарское не обогащало, а всегда раззоряло княжескую казну, была ли то казна великаго князя или князя мѣстнаго, даже и служебнаго, ибо тататы при посредствѣ своихъ же ординскихъ купцовъ очень хорошо узнавали благопріятное состояніе дѣлъ на Руси, и тотчасъ высылали грозныхъ и лютыхъ пословъ съ царевымъ запросомъ, т. е. съ требованіемъ

сверхсмѣтнаго вспоможенія или побора. По прежнему, какъ было и въ древности, княжеская казна обогащалась частію судными, а больше всего торговыми пошлинами; а торговля разросталась только отъ земской тишины, посреди которой больше всѣхъ богатѣлъ именно московскій князь, потому что Москва стояла на торговомъ распутіи, и съ особою силою стала развивать свои торги со времени перенесенія итальянцами черноморскаго торга въ устье Дона, такъ что теперь балтійскій и новгородскій сѣверъ къ итальянскому суражскому торгу по необходимости долженъ былъ проходить ближайшимъ путемъ черезъ Москву.

По рисунку Карамзина, какъ бы характерною чертою московскихъ князей и особенно Ивана Даниловича является крайнее холопство предъ ординскими царями. „Древніе князья брали земли мечемъ, говоритъ историкъ, князья московскіе поклонами въ Ордѣ. Иванъ Даниловичъ искуснымъ образомъ льстилъ хану и умною лестью и дарами снискалъ его милость. Этой милости и обязана Москва своимъ величіемъ“. Но самъ же краснорѣчивый историкъ отмѣчаетъ, что „князья ѣздили въ Орду какъ на страшный судъ. Счастливъ кто возвращался съ милостію царскою или по крайней мѣрѣ съ головой“. И именно объ Иванѣ Даниловичѣ замѣчаетъ, что онъ, отправляясь въ Орду уже въ званіи великаго князя, все таки чуть не каждый разъ писалъ духовную, соображая, конечно, тогда же сложившуюся пословицу, что въ Ордѣ—„близь царя—близь чести, близь царя—близь смерти“. Ясное дѣло, что помышлять о лести тутъ уже не приходилось. Здѣсь было простое свирѣпое уничиженіе каждой княжеской личности, но среди котораго льстивыя слова, хотя бы и очень умныя и искусныя, играли самую послѣднюю ничтожную роль, и ими ничего нельзя было выиграть. Не всегда помогали и богатыя дары, ибо татары, обобравъ эти дары, выдавали приказы все таки по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ болѣе постоянными и болѣе прочными выгодами, какихъ требовали отъ князей. Вообще холопство и дары были обычными установленными формами княжескихъ отношеній къ Ордѣ, и никакой князь, отправляясь въ Орду, миновать ихъ не могъ. Многіе князья, и ростовскіе первые (еще въ 1257 г.), стали жениться въ Ордѣ на татаркахъ; но это такъ же ни къ чему полезному не приводило.

Успѣхи въ Ордѣ московскаго князя происходили не сомнѣнно отъ болѣе существенныхъ услугъ, къ которымъ прежде всего принадлежалъ возстановленный въ Русскомъ улусѣ порядокъ, поднявшій торги и всякій промыслъ, и слѣд. обезпечившій болѣе вѣрное поступленіе въ Орду земскихъ даней и оброковъ.

Однако, не смотря на придуманную Карамзинымъ хитрую лесть и холопскіе поклоны, не смотря ни на какія услуги Ивана Даниловича, великое княженіе послѣ его смерти могло достаться и другимъ; такъ по крайней мѣрѣ разсуждали всѣ князья, почитавшіе себя стар-

шими передъ сыновьями московскаго князя. Они сперлись о великомъ княженіи и поспѣшили въ Орду. Пошелъ и сынъ Калиты, Симеонъ съ братьями, пошелъ тверской Константинъ, суздальскій Константинъ; пошелъ, даже впередъ всѣхъ, и неимѣвшій старшинства, Василій Давыдовичъ ярославскій. Пошли и прочіе князи русскіе, конечно, хлопотать о своихъ отчинахъ, какъ бы не случилось какой вотчинной обиды со стороны новаго великаго князя.

Предъ лицемъ всѣхъ князей московскій 24-лѣтній Симеонъ получилъ первенство и „всѣ князья отданы ему въ руки, даны подъ его руки". Это не значило, что онъ сталъ самодержцемъ: до такого порядка отношеній было еще очень далеко. Это означало только водвореніе того порядка, какимъ началась русская исторія при Олегѣ, когда всѣ свѣтлые князья находились подъ рукою великаго князя кіевскаго. По тогдашнимъ понятіямъ, быть подъ рукою значило быть въ сыновнемъ послушаніи. Слѣдовательно, всѣ князья сдѣлались младшими братьями московскому князю, за что они и прозвали его Гордымъ. Младшіе братья обязаны были являться на службу Землѣ, когда позоветъ старшій. Это и случилось въ первый же годъ (1341) Симеонова княженія, когда онъ поссорился съ Новгородомъ изъ за Торжка, гдѣ были самоуправно схвачены его бояре по случаю ихъ насилій и обидъ при сборѣ даней. Такъ покрайней мѣрѣ жаловались новгородцы. Онъ тотчасъ повелъ туда рать со всѣми князьями и даже съ митрополитомъ во главѣ. Присутствіе митрополита обнаруживало московскій обычай, что кровопролитія не будетъ, какъ его и не было; но всѣ князья послушно собрались (въ Москвѣ) и ходили ратью подъ Торжокъ. Этотъ торжковскій случай важенъ и въ другомъ отношеніи. Въ то время и въ Торжкѣ и въ Новгородѣ люди раздѣлились. Бояре подняли и самое дѣло, ибо московскія обиды до нихъ собственно и касались. Чернь возстала на бояръ и утишила крамолу, дѣйствуя какъ бы за одно съ Москвою, но главнымъ образомъ унимая причину войны, дальнѣйшее кровопролитье и раззоренье. Вѣдь „намъ погибать отъ вашей крамолы!" воскликнули люди, противъ своихъ бояръ вооружились и освободили московскихъ бояръ, закованныхъ и посаженныхъ по тюрьмамъ съ женами и дѣтьми.

Около этого времени начались и движенія Литвы на Москву. Ольгердъ подходилъ къ Можайску, а потомъ спустя нѣсколько лѣтъ послалъ въ Орду своего брата и бояръ съ жалобою на Симеона и съ просьбою о ратной помощи на него. Симеонъ не дремалъ и послалъ туда своихъ пословъ съ жалобою на Ольгерда. Эта московская жалоба можетъ служить указаніемъ, чѣмъ собственно Москва выигрывала передъ лицемъ ординскаго царя. Москва жалуется на Ольгерда, какъ на завоевателя. „Ольгердъ литовскій, говорили царю московскіе послы, улусы твои всѣ высѣкъ и въ полонъ вывелъ; а еще хочетъ и насъ всѣхъ вывести къ себѣ въ полонъ, а твой улусъ сотворить пустъ до конца; и такъ, убогатѣвъ, хочетъ тебѣ противенъ быти"!

Царь разгнѣвался на литовскаго князя и выдалъ головами его брата и бояръ московскому Симеону. Особый царевъ посолъ и привелъ ихъ всѣхъ въ Москву. Торжество Москвы было полное: Ольгердъ запросилъ мира и плѣнные были великодушно отпущены.

Само собою разумѣется, что каждый завоеватель или зачинщикъ войны, хотя бы и изъ русскихъ князей, непремѣнно являлся сопротивникамъ татарской власти, болѣе или менѣе опаснымъ, какъ всегда можно было растолковать его предпріятія и какъ по всему вѣроятію объяснялись поступки тверскихъ князей, Михаила и Александра. Многолѣтній опытъ показывалъ татарамъ, что Москва не столько ищетъ завоеваній, сколько усмиряетъ непокорныхъ, напр. псковичей и новгородцевъ, да и то старается оканчивать дѣло по возможности безъ кровопролитія, что она вообще умѣетъ держать Землю въ тишинѣ. Эти заслуги Москвы, очевидныя передъ всею Землею, не менѣе были цѣнимы и ординскими царями. Вотъ почему московскіе князья, какъ заботливые и надежные хозяева-домодержцы, выдвинулись впередъ передъ всѣми остальными.

Ив. Забѣлинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРНИГОВКА [1].

Быль второй половины XVII вѣка.

XIII.

Новый тесть Молявки, Бутримъ, былъ когда-то полковымъ есауломъ при черниговскомъ полковникѣ Небобѣ, еще во времена Богдана Хмельницкаго; но пробывши въ этой должности года три, сталъ войсковымъ товарищемъ и, получивши маетность въ Черниговскомъ полку, занялся исключительно увеличеніемъ своего состоянія, благо, что полкъ Черниговскій былъ одинъ изъ тѣхъ, которые менѣе другихъ подвергались опустошеніямъ въ оныя бурныя времена. Въ теченіи двадцати лѣтъ, Бутримъ успѣлъ значительно разбогатѣть захватомъ „займанщинъ", чѣмъ тогда обыкновенно богатѣли украинскіе землевладѣльцы. Изъ своего села, которое ему безспорно принадлежитъ, помѣщикъ высылаетъ своихъ подданныхъ, семью или двѣ, заводитъ хуторъ или слободку, присвоитъ къ этому хутору лѣса, сѣнокоса, луговъ, пашни, сколько захочетъ и сколько будетъ возможно въ окрестности; иногда, встрѣтивъ тутъ же поселившагося прежде него козака, подпоитъ его и выдуритъ у него поле выгодною для себя продажею, а если замѣтитъ, что хозяинъ поля не зубастъ, то и такъ отниметъ и къ своей землѣ примежуетъ. Такъ заводились новыя поселенія. И Бутримъ расширялся такимъ способомъ, и на всѣ свои выселки выхлопоталъ себѣ полковничьи листы, утвержденные въ гетманской канцеляріи. Бутримъ жилъ въ ладу со всѣми черниговскими полковниками, даромъ что они мѣнялись часто и поступавшій вновь на урядъ былъ врагомъ смѣщенному; Бутримъ со всѣми одинаково ладилъ и дружилъ. Но ближе

---

[1]) Окончаніе. См. стр. 46—74 и 269—329.

всѣхъ находился онъ съ Дунинымъ-Борковскимъ, потому что Бутримъ и Дунинъ-Борковскій женаты были на родныхъ сестрахъ. Было у Бутрима четыре дочери: изъ нихъ двѣ были уже выданы въ замужество, третья выходила теперь за сосницкаго сотника. Бутримъ считался во всемъ сосѣдствѣ, да и самъ себя считалъ, большимъ мудрецомъ въ житейскихъ дѣлахъ и любилъ давать совѣты. Когда пріѣхалъ къ нему Молявка женихомъ его дочери, Бутримъ набивалъ ему въ голову, что его положеніе рѣдкое, отмѣнное и всѣмъ завидное: въ короткое время изъ рядовика сталъ онъ сотникомъ, да еще какимъ! не выбраннымъ козаками, а самъ гетманъ его назначилъ и поручилъ ему важное царское дѣло — надзирать за Дорошенкомъ. Будутъ и въ Москвѣ знать про него. И сталъ Бутримъ дѣлать соображенія: какъ-бы кстати было, если-бъ у Дорошенка объявились бы какія нибудь недобрыя рѣчи противъ Москвы, а это, казалось, дѣло возможное; тутъ бы сотникъ, узнавши, сообщилъ гетману, а гетманъ въ Москву, и поднялся бы высоко Молявка. Зять не утерпѣлъ и сообщилъ тестю, что уже сталось именно то, чего тесть желалъ бы, а Бутримъ очень похвалилъ Молявку за его поступокъ, совѣтовалъ, однако, хранить пока это дѣло въ большой тайнѣ, но пророчилъ изъ него важныя послѣдствія, благопріятныя для сосницкаго сотника. Мать Молявки была внѣ себя отъ удовольствія, что сынъ ея вступаетъ въ свойство съ такимъ панскимъ семействомъ, съ такими богатыми значными людьми.—Это, говорила она, не то что какіе-то тамъ Кусы; при воспоминаніи о послѣднихъ она открещивалась и благодарила Бога за то, что избавилъ ея сына отъ нихъ. Преусердно старалась тогда старуха Молявчиха сдружиться съ панею Бутримовою, которая, однако, хоть и была любезна, но тутъ же показывала, что она себѣ на умѣ, и обращалась съ Молявчихою свысока. Въ Малороссіи въ тѣ времена было въ нравахъ, что кто разбогатѣетъ, тотъ смотритъ уже свысока на всякаго, кто побѣднѣе его и похуже живетъ. У женщинъ эта черта выдавалась еще рѣзче, чѣмъ у мужчинъ.

Пышно отпраздновали свадьбу пана Молявки-Многопѣняжнаго съ панною Бутримовною, по извѣчному прадѣдовскому обычаю, со старостами, дружками, боярами, со всѣми обрядами сохранившимися до нашего времени у простолюдиновъ, но въ описываемыя нами времена соблюдавшимися и въ знатнѣйшихъ панскихъ домахъ. Свадебный персоналъ обоего пола составился изъ семей окрестныхъ значныхъ товарищей, съѣхавшихся къ Бутримамъ нарочно по ихъ приглашенію. Во дворѣ панскомъ помѣститься всѣмъ было невозможно, по этому на время удалили нѣсколькихъ посполитыхъ подданныхъ и заставили ихъ помѣститься у сосѣдей, а собственныя жилища уступить гостямъ. Впрочемъ, никто изъ подданныхъ не лишенъ былъ участія въ праздникѣ своихъ пановъ: на панскомъ дворѣ разставлены были столы и за ними угощали народъ горѣлкою и свининою. Пиръ шелъ цѣлыхъ три дни и въ это время много было съѣдено кормленыхъ

кабановъ, барановъ, куръ, гусей, индѣекъ; съ утра до вечера гремѣла музыка, и въ домѣ и на дворѣ раздавался топотъ пляшущихъ, а по ночамъ въ увеселеніе гостямъ и толпѣ народа зажигались потѣшные огни. Послѣ пяти дней стали разъѣзжаться гости, за исключеніемъ самыхъ близкихъ, принадлежавшихъ къ свадебному персоналу: тѣ оставались до отъѣзда новобрачныхъ. Родители упаковали скрыньку новобрачной, состоявшую изъ полдюжины большихъ сундуковъ съ приданымъ: тамъ были женскіе наряды и уборы, саяны, кафтаны, плахты, шубки, рубахи, наволоки, одѣяла, завѣсы, чехлы, мониста, серебренная посуда, шкатулки съ разными бездѣлушками— все, что по тогдашнему образу жизни составляло домашнее богатство значныхъ людей. Ко всему этому прилагалась опись, потому что въ случаѣ смерти дочери приданое возвращалось въ ея родъ, если она не оставляла дѣтей.

Бутримъ вручилъ дочери и зятю документъ на уступаемое ей имѣніе, но этотъ документъ былъ написанъ такъ, что дочь его могла сдѣлаться полною владѣлицею своего имѣнія развѣ только послѣ смерти родителя; при своей жизни предусмотрительный родитель все таки оставлялъ за собою возможность держать въ рукахъ и имѣніе дочери и ее самое съ мужемъ въ зависимости отъ себя. Наступилъ день отъѣзда. Къ крыльцу панскаго дома подвезли крытыя сани. Новобрачные и мать Молявки вышли совсѣмъ одѣтые по дорожному, родители невѣсты, стоя съ образомъ, благословляли ихъ послѣдній разъ, а новобрачные поклонились имъ до земли. Тогда остававшіеся у Бутрима гости свадебнаго персонала, стоя вокругъ отъѣзжавшихъ, запѣли жалобную пѣсню, гдѣ говорилось объ отъѣздѣ дочери отъ родителей въ чужую дальнюю страну. Подъ голосъ этой пѣсни сѣли въ сани Молявки и двинулись въ путь.

Пріѣздъ Молявки-Многопѣняжнаго въ Сосницу съ молодой женой, казалось, былъ для него истиннымъ тріумфомъ. Первую новость, которую услышалъ онъ, было извѣстіе объ увозѣ Петра Дорошенка въ Москву. Вспомнилъ онъ пророчество Бутрима и обрадовался: онъ догадался, что все это сдѣлалось по его доносу и теперь его знаютъ въ Москвѣ, онъ сослужилъ царю службу и надѣется, что за то будетъ въ милости у гетмана и у верховныхъ властей. Но хоружій, управлявшій сотнею во время отсутствія сотника, сообщилъ ему другую, не такъ пріятную новость.

Вотъ что произошло въ Сосницѣ за то время, когда Молявка ѣздилъ сочетаться бракомъ. Андрей Дорошенко ѣздилъ къ гетману съ уликами противъ Рославца и Адамовича вмѣстѣ съ сотеннымъ писаремъ Куликомъ. Этотъ Куликъ съ перваго раза не взлюбилъ Молявку. Находясь вмѣстѣ съ Андреемъ Дорошенкомъ въ Батуринѣ, онъ близко зналъ, что гетманъ принялъ Андрея чрезвычайно ласково. Воротившись въ Сосницу, Куликъ бросилъ между козаками мысль, что можно было бы упросить гетмана дозволить учинить выборъ

сотника и избрать Андрея. Вслѣдъ за тѣмъ скоро пріѣхалъ въ Сосницу генеральный судья Домонтовичъ за Петромъ Дорошенкомъ и гласно заявилъ, что гетманъ получилъ изъ Москвы „листъ", гдѣ, въ утѣшеніе Дорошенкамъ, ему поручалось давать, по своему усмотрѣнію, его братьямъ и родственникамъ должности въ войскѣ Запорожскомъ. Петра Дорошенка увезли. Сотника Молявки-Многопѣняжнаго не было. Писарь, опираясь на слова генеральнаго судьи Домонтовича, сталъ дѣйствовать смѣлѣе и настроилъ противъ Молявки атамана городового Крука. Родился у этаго атамана ребенокъ; родитель пригласилъ къ себѣ на крестины четырехъ куренныхъ атамановъ изъ сосѣднихъ селъ. Куликъ былъ воспріемникомъ. На крестильномъ пиру подпившіе гости стали разсуждать о своемъ сотникѣ: всѣ вообще мало были имъ довольны; его обращеніе съ подчиненными было какъ-то сухо и заносчиво; замѣчали, что былъ онъ корыстолюбивъ, а главное противенъ имъ былъ онъ тѣмъ, что былъ не выбранъ козаками, какъ бы слѣдовало по вѣковому обычаю, а назначенъ сверху, не спрашиваясь, хотятъ или не хотятъ его подчиненные. Куликъ объяснилъ, что это все сталось только потому, что въ Сосницѣ указано было жить Петру Дорошенку и нужны были вначалѣ для него разомъ и помощь и надзоръ надъ нимъ. Теперь же Петра Дорошенка въ Сосницѣ нѣтъ; теперь можно подать гетману челобитную, чтобъ дозволилъ выбрать сотника по обычнымъ, извѣчнымъ, войсковымъ правамъ: такой выборъ будетъ по нраву самому гетману. Всѣ согласились. Писарь составилъ челобитную, атаманы, бывшіе у Крука, приложили руки и обѣщали склонить къ тому же другихъ куренныхъ. Куликъ попытался было склонить на свою сторону и хоружаго, но хоружій держался Молявки; ему казалось, что назначенный самимъ гетманомъ сотникъ сидитъ такъ крѣпко на своемъ мѣстѣ, что скорѣе пошатнется тотъ, кто задумаетъ столкнуть его съ мѣста. Хотя Куликъ не разсказалъ хоружему всего, что происходило у Крука, но хоружій самъ про все пронюхалъ. Когда Молявка воротился въ Сосницу, хоружій донесъ ему, что противъ него затѣвается.

Взъярился Молявка, закипѣлъ досадою и женщины—мать и жена стали обѣ разомъ побуждать его не спускать своимъ недругамъ. Не долго думая, сотникъ приказалъ позвать къ себѣ атамана городового и сотеннаго писаря.

Надменно встрѣтилъ онъ позванныхъ, одною рукою подпершись въ бокъ, другую заложивши за поясъ, обвивавшій его кармазинный кафтанъ, не кивнулъ головою въ отвѣтъ на ихъ глубокій поклонъ и разразился такою рѣчью:

— Что это такое! я вамъ сталъ неугоденъ? Вы собираетесь промежъ себя, да совѣтуетесь: кого себѣ иного въ сотники выбрать! Забыли, вѣрно, что не вы меня выбрали, а самъ ясневельможный гетманъ меня надъ вами поставилъ безъ вашего „сырна"? Того, вѣрно, не знаете, что коли противъ меня идете, то

все равно что самому гетману сопротивляетесь! А вы знаете, что значитъ сопротивляться нашему гетману: Петръ Рославецъ не вамъ ровня, а что съ нимъ сталось! Знаете вы, сякіе такіе дѣти, маленькую цыдулку напишу къ ясновельможному, такъ васъ зашлютъ туда, гдѣ и воронъ вашихъ костей не найдетъ! Это все ты, Куликъ! Твоя это подвохи! А ты, атаманъ Крукъ, какъ смѣлъ ты куренныхъ безъ меня собирать?

— Панъ сотникъ! отвѣчалъ Крукъ,—я не собиралъ. У меня на крестинахъ были гости, давніе пріятели. Такого у насъ еще никогда не бывало, чтобъ мы должны были спрашивать у твоей милости—можно ли намъ къ себѣ гостей звать, особенно же въ такомъ дѣлѣ какъ крестины. Твоей милости здѣсь не было! Не оставлять же дѣтей нашихъ не крещеными, дожидаючи, пока твоя милость изволитъ воротиться!

— Вы на своихъ крестинахъ обо мнѣ толковали, меня осуждали и какъ бы меня съ сотничества свести совѣтовались! А? Такъ? Говори! Были у васъ такія рѣчи?—спрашивалъ сотникъ.

— Панъ сотникъ! сказалъ городовой атаманъ,—я ужъ твоей милости отвѣчалъ и еще скажу: звалъ я гостей на крестины, а что тамъ было говорено, когда ѣли и пили, такъ мы тогда же и позабыли; подвыпивши были!

— А вотъ я позову „хлопцевъ", да растяну васъ тутъ, да палками хорошенько отваляю! сказалъ съ увеличивающеюся запальчивостію сотникъ: не думайте и не гадайте свести меня съ сотничества вашею волею; я не такой сотникъ, какъ другіе, что вы сами выберете, а потомъ и каверзничаете какъ вамъ захочется. Меня поставилъ надъ вами самъ ясневельможный, а все черезъ то, что онъ меня знаетъ и на меня полагается больше чѣмъ на всю вашу громаду. Гетманъ позволилъ мнѣ писать ему прямо, въ его собственныя руки, а другіе сотники этого не смѣютъ, должны сноситься съ гетманомъ черезъ своихъ полковниковъ. Только я одинъ, на всю Украину одинъ я такой сотникъ, что пишу прямо къ самому гетману. Вотъ и знайте меня! Ты, Куликъ, сякой-такой сынъ, собачья кровь, холопье рыло! Ты, ты всему заводчикъ, собачій ты сынъ!

Онъ схватилъ Кулика за грудь и началъ трясти его. Куликъ, пригнутый сильной рукой Молявки, поклонился ему до земли и говорилъ:

— Пане вельможный! не гнѣвайся! Твоя во всемъ воля, только я противъ твоей милости ничѣмъ не провинился; вѣрно твоей милости на меня что нибудь наврали.

— Знаю я васъ, лукавыхъ дѣтей! кричалъ самъ не свой Молявка,—и вы-жъ знайте меня, коли такъ! Не станетъ у васъ мочи со мной тягаться. Всѣ вы прежде пропадете съ вашими жонками и дѣтьми, въ Сибирь пойдете, нежели меня отъ себя сведете. За меня гетманъ, а за гетмана и самъ царь! Куда-жъ вамъ сѣрякамъ до

меня? Пошлите козаковъ къ куреннымъ, чтобъ съѣзжались поздравлять меня съ бракосочетаніемъ и везли бы мнѣ подарки отъ себя и отъ своихъ куреней. Слышишь?

— Слышимъ, вельможный панъ сотникъ! въ одинъ голосъ сказали атаманъ и писарь.

Во время этого разговора мать и жена стояли позади и потѣшались величіемъ—первая своего сына, вторая—своего мужа. Старуха Молявчиха еще какихъ нибудь полгода назадъ и мысли въ себѣ допустить не смѣла, чтобъ ея сынъ такъ распекалъ чиновныхъ людей—писарей и атамановъ, а теперь довелось ей тѣшиться, смотрѣть, какъ передъ ея сыномъ корятся и смиренно кланяются писари и атаманы; Бутримовна же и воспитывалась въ такой семьѣ, гдѣ ей внушали съ дѣтства, что она выйдетъ за значнаго человѣка, такого, что будетъ имѣть право другихъ гнуть и жать: это былъ идеалъ человѣческаго достоинства по понятіямъ господствовавшимъ въ томъ кругу, гдѣ взросла Бутримовна.

Вышедши отъ Молявки, писарь Куликъ сказалъ атаману Круку:

— Панъ кумъ! Посылай козаковъ звать куренныхъ, какъ приказываетъ панъ сотникъ, а тѣмъ временемъ скорѣй запряжемъ въ сани коней, да махнемъ въ Батуринъ: подадимъ гетману наше прошеніе. Что будетъ—то будетъ! А я твердо надѣюсь, что по нашему станется. Пока въ Сосницу съѣдутся куренные—мы и воротимся. Тогда по гетманской волѣ соберемъ раду выбирать сотника.

И въ тотъ же день уѣхали они изъ Сосницы.

Сметливый человѣкъ былъ писарь Куликъ. Слыхалъ онъ прежде, что у гетмана Самойловича въ большомъ довѣріи Мазепа и къ нему-то Куликъ съ Крукомъ обратились прямо. Они представили ему, что козацкая громада очень недовольна назначеннымъ ей отъ гетмана въ сотники Молявкою и проситъ возвратить ей старинное право избрать сотника по своему желанію вольными голосами.

Мазепа отвѣчалъ, что Самойловичъ и самъ уже не очень доволенъ этимъ сотникомъ: безпокойный онъ человѣкъ, лѣзетъ съ пустыми доносами, успѣлъ уже доносами выжить Петра Дорошенка.

— Однако—прибавилъ Мазепа—Петру Дорошенку въ Москвѣ худо не будетъ, кромѣ того изъ Москвы написали гетману, чтобъ ласковъ былъ къ его оставшейся роднѣ.

— Стало быть, замѣтили Куликъ и Крукъ,—гетману не будетъ противно, если мы Андрея Дорошенка выберемъ въ сотники!

Мазепа увѣрилъ ихъ, что, напротивъ, гетману это будетъ особенно пріятно. Взявши отъ нихъ „суплѣку" Мазепа отправился съ нею къ гетману. Въ тотъ же день написанъ былъ въ генеральной канцеляріи отъ лица гетмана листъ, дозволяющій сосничанамъ избрать себѣ сотника по своимъ правамъ и вольностямъ. О Молявкѣ-Многопѣняжномъ въ этомъ листѣ не упоминалось вовсе, какъ будто его въ Сос-

ницѣ не бывало. Мазепа самъ отдалъ гетманскій листъ „суплѣкантамъ“ и тѣ немедленно уѣхали обратно.

Между тѣмъ куренные атаманы, по призыву разосланныхъ къ нимъ козаковъ, стали собираться въ сотенный городъ: двое изъ нихъ успѣли уже явиться къ пану сотнику съ поздравленіями, заявили ему о подаркахъ отъ своихъ куреней и отъ себя лично; подарки эти состояли въ штукахъ скота и ульяхъ пчелъ, а отъ себя атаманы жертвовали новобрачнымъ разныя серебренныя вещицы. Но они только заявили о своихъ дарахъ, а ничего отдать не успѣли.

Воротились изъ Батурина Крукъ и Куликъ. Тотчасъ городовой атаманъ пригласилъ священника, мѣщанскаго войта и нѣсколькихъ куренныхъ, успѣвшихъ пріѣхать въ Сосницу. Онъ объявилъ всѣмъ, что будетъ рада по гетманскому приказанію. Зазвонили въ колоколъ. Ударили въ литавры.

Молявка не подозрѣвалъ, чтобъ городовой атаманъ и сотенный писарь осмѣлились ѣхать съ „суплѣкою“ прямо въ Батуринъ; напротивъ, Молявка думалъ, что напугалъ ихъ своимъ грознымъ пріемомъ, и они, желая загладить свою вину, выѣхали изъ Сосницы собирать куренныхъ за тѣмъ, чтобъ тѣ ѣхали съ поздравленіями къ сотнику. Оставаясь спокойно въ своемъ домѣ, сотникъ услышалъ неожиданный звонъ колокола, бой литавръ, и послалъ козака узнать что такое дѣлается.

Вышелъ козакъ изъ сотницкаго дома, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и очутился на площади передъ церковью. Валила толпа народа. Уже устроено было нà-скоро возвышенное мѣсто; на немъ стояли Крукъ и Куликъ, возлѣ нихъ куренные атаманы и войтъ; хоружій, пріятель и сторонникъ Молявки, стоялъ тутъ же съ ними и держалъ сотенное знамя.

Вотъ какъ это сталось:

Когда Крукъ съ Куликомъ ворочаясь изъ Батурина, случайно встрѣтили ѣдущаго хоружаго, остановили и показали гетманскій листъ, у хоружаго разомъ, такъ сказать, открылись глаза. Онъ увидалъ, что Молявка-Многопѣняжный вовсе не такъ силенъ и крѣпокъ, какимъ выдавалъ себя. По этому хоружій вдругъ измѣнился, не счелъ умѣстнымъ извѣщать своего бывшаго пріятеля о собравшейся надъ нимъ грозѣ, а совершенно отдался въ распоряженіе атамана городового и писаря, по ихъ приказанію взялъ сотенное знамя и поспѣшилъ на раду.

Писарь Куликъ, развернувши гетманскій листъ, читалъ предъ народомъ:

„Іоаннъ Самойловичъ, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра войска его царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго, ознаймуемъ симъ отворчатымъ листомъ нашимъ гетманскимъ города Сосницѣ и всей Сосницкой сотни обывателямъ всѣхъ чиновъ людямъ, ижъ ставили предъ нáми очевисто означеннаго города Сосницы атаманъ городовый

Василь Крукъ и писарь сотенный Иванъ Куликъ именемъ всѣхъ атамановъ и козаковъ и мѣщанъ и всего посольства вышенамѣченнаго города Сосницы и всей Сосницкой сотни супликовали намъ просячи, абы мысьмо дозволили имъ по стародавнымъ ихъ правамъ и вольностямъ войсковымъ обрати себѣ вольными голосами по своему излюбленію сотника, на що мы гледючи на старожитны права и вольности войска запорожскаго имъ на таковое обраніе дозволяемъ, варуючи еднакъ абы по скончаніи таковаго обранія намъ для конечной нашей о томъ сентенціи оный выборъ за рукоприкладствомъ ихъ доставленъ былъ чрезъ его милость вельможнаго пана полковника черниговскаго, до котораго регименту войскового сосницкая сотня належитъ".

Услыша такую рѣчь, посланный Молявкою козакъ не отправился назадъ, а остался смотрѣть, что̀ дальше происходить будетъ.

— Андрей Дорошенко нехай буде сотникомъ! закричали атаманы, а за ними и козаки.

— Андрей Дорошенко! повторило множество голосовъ мѣщанства и посполъства.

Андрей Дорошенко вышелъ изъ своего дома, услыхавши звукъ колоколовъ и бой литавръ, совсѣмъ не приготовленный и не ожидавшій ничего; Андрей Дорошенко не сталъ пробираться сквозь толпу, а сталъ близь церкви. Толпа козаковъ, увидя его, съ криками бросилась къ нему, схватила его, потащила и поставила на возвышенное мѣсто; атаманы накрывали его своими шапками, хоружій вручалъ ему знамя, всѣ кричали: „на сырно! на сырно!"

Андрей Дорошенко сталъ было упираться, извиняться въ своемъ не достоинствѣ, но Крукъ громогласно заявилъ, что такова воля всей громады м онъ не смѣетъ противиться общему желанію.

Тогда козакъ, посланный Молявкою, ушелъ съ площади и принесъ Молявкѣ вѣсть о состоявшемся выборѣ новаго сотника.

— Какъ они смѣютъ! закричалъ Молявка. За нимъ завопили на тотъ же ладъ его мать и жена.—Да это своеволіе! Это обманъ, это бунтъ противъ начальства. Я къ самому гетману сейчасъ поѣду.

Вдругъ вошелъ Куликъ. Молявка бросился было на него съ кулаками, скрежеталъ зубами отъ злости, но писарь обѣими руками остановилъ его задоръ и далъ совѣтъ вести себя потише:

— Ты ужъ, панъ мой, не сотникъ, громада выбрала другого сотника, Андрея Дорошенка.

— Что̀ мнѣ ваша громада! кричалъ въ бѣшенствѣ Молявка: я поважнѣе вашей негодной громады! Самъ гетманъ меня назначилъ надъ вами, такъ одинъ гетманъ, коли захочетъ, можетъ меня свести, а не вы, паршивцы!

Куликъ объявилъ, что у нихъ есть гетманскій „листъ" дозволяющій выбрать новаго сотника.

— Это листъ поддѣльный, фальшивый! Сами его сочинили!

кричалъ Молявка: гетманъ не подпишетъ такого листа! Покажи листъ!

— Иди на раду къ новому сотнику, онъ тебѣ и листъ покажетъ! произнесъ Куликъ.

— Не пойду, кричалъ Молявка, не пойду въ вашу мужицкую, черную раду. И вашего оборванца Андрея Дорошенка знать не хочу. Я больше всѣхъ васъ и сильнѣе. Панъ гетманъ меня назначилъ по царской волѣ, а это все равно, какъ бы самъ царь меня назначилъ Я васъ всѣхъ...

— Ничего ты намъ не сдѣлаешь! сказалъ Куликъ. Лучше тихо да любо покорись громадѣ, откажись отъ сотническихъ маетностей, поклонись новому сотнику, а потомъ ступай себѣ туда откуда пришелъ, или куда хочешь, туда отъ насъ и убирайся!

— Черти бы задрали вашего избраннаго, сотника и всѣхъ васъ, продолжалъ кричать Молявка. Поѣду къ самому гетману. Будете вы у меня знать, бунтовщики!..

— Нечего твоей милости ѣхать къ гетману: гетманскій листъ явно указываетъ гетманскую волю надъ нами въ этомъ дѣлѣ. А тотъ листъ у насъ! отвѣтилъ писарь.

— Подай мнѣ сюда этотъ листъ! Коли самъ своими глазами увижу, что ясневельможный меня смѣстилъ, тогда и покорюсь! сказалъ начавшій наконецъ опамятоваться сотникъ.

— Ладно, коли не хочешь идти къ намъ въ раду, то мы тебѣ сюда листъ принесемъ, только не я одинъ принесу, а то ты, пожалуй, вырвешь листъ и испортишь его, а свидѣтелей не будетъ. Мы придемъ къ тебѣ громадою.

Куликъ, сказавши это, вышелъ. Молявка и семья его тревожились, не зная за что приняться. Мать ломала себѣ руки и принялась за свои обычныя жалобы на долю, которая всю жизнь ее преслѣдуетъ съ сыномъ; ничего имъ не удается: поманила ихъ доля большимъ добромъ, а теперь вотъ все пошло по вѣтру. Жена давала мужу совѣтъ ѣхать къ черниговскому полковнику и просить, чтобъ онъ заступился за своихъ родичей передъ гетманомъ. Самъ Молявка бѣгалъ быстрыми шагами взадъ и впередъ, хватался обѣими руками за голову и судорожно пожималъ плечами. Въ сильномъ волненіи онъ не находилъ на чемъ ему остановиться, за что ухватиться.

Вошли Куликъ, Крукъ и Андрей Дорошенко.

— Добраго здоровья милостивому пану! сказалъ Андрей Дорошенко.

Такое же привѣтствіе повторилъ и Крукъ.

— Не поздравлялъ я еще твою милость съ законнымъ бракомъ! сказалъ Андрей Дорошенко. Пошли Господи твоей милости добраго здоровья и во всемъ счастливаго успѣха на многая лѣта! Твоей милости да будетъ вѣдомо, что къ сосницкой громадѣ пришелъ отъ ясневельможнаго пана гетмана „листъ“, дозволяющій выбрать сот-

ника вольными голосами. По этому гетманскому открытому листу, сосницкой сотни громада вольными и спокойными голосами единомысленно выбрала на сотницкій урядъ меня, Андрея Дорошенка. Желаешь повидать этотъ гетманскій „листъ"?—вотъ онъ, панъ бывшій сотникъ!

Онъ поднесъ ему бумагу съ выраженіемъ почтительности.

Молявка взялъ „листъ", прочиталъ его, выпучилъ глаза въ недоумѣніи, потомъ отдалъ назадъ „листъ" и минуты три молчалъ. И другіе молчали. Наконецъ Молявка самъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Поѣду къ вельможному пану, его милости полковнику черниговскому. Однакожъ, панъ Андрей Дорошенко! твое сотничество можетъ быть еще вилами на водѣ писано! Вижу я, что вы добыли какой-то „листъ" изъ гетманской войсковой канцеляріи. А панъ полковникъ таки развѣдаетъ отъ самаго гетмана, какъ такое могло случиться.

Всѣ трое, Дорошенко, Куликъ и Крукъ, изъявили ему желаніе счастливой дороги. Въ тотъ же день собрался Молявка и на ночь уѣхалъ съ женою и матерью въ Черниговъ, а для громоздкихъ сундуковъ съ женинымъ приданымъ нанялъ подводы.

Полковникъ Борковскій на ту пору недавно воротился изъ Чигирина, гдѣ съ осени стоялъ съ своимъ полкомъ на залогѣ. Явились къ нему Молявки. Полковникъ, узнавши отъ нихъ, что все это случилось, тотчасъ же велѣлъ запрягать сани и отправился на легкѣ въ Батуринъ, а Молявкѣ приказалъ дожидаться у него.

Ничего не удалось полковнику у гетмана. Самойловичъ объяснилъ ему, что назначилъ было въ Сосницу сотника только того ради, что нужно было устроить прямо отъ гетмана наблюденіе надъ Петромъ Дорошенкомъ. Теперь же, когда Петра Дорошенка вызвали въ Москву, наблюдать уже не надъ кѣмъ, и онъ гетманъ не считаетъ себя вправѣ нарушать для сосницкой сотни извѣчные уставы войска запорожскаго и запрещать сосничанамъ выборъ сотника по ихъ желанію. Не его, гетмана, въ томъ вина, что сосничане не выбрали себѣ этого Молявку-Многопѣняжнаго, а выбрали Андрея Дорошенка. Не утвердить Андрея не было никакого повода, тѣмъ болѣе, что и въ Москвѣ этимъ будутъ довольны.

Борковскій просилъ чѣмъ нибудь инымъ вознаградить Молявку. Самойловичъ отвѣчалъ, что когда нибудь со временемъ онъ покажетъ ему милость, когда тотъ ее чѣмъ либо заслужитъ. Борковскій за это озлобился на гетмана. Самолюбіе черниговскаго полковника было уязвлено тѣмъ, что гетманъ въ этомъ дѣлѣ не сдѣлалъ ничего по его просьбѣ; съ этой поры Борковскій сталъ недоброжелателемъ гетмана.

Молявки уѣхали къ Бутриму. Не очень радушно, не очень охотно помѣстилъ ихъ у себя этотъ господинъ. Но дѣлать было нечего: не

оставлять же дочки на волю судьбы. Старая Молявчиха очень скоро повздорила съ паньей Бутримовой; правда, она скоро и смирилась передъ нею, потому что иначе негдѣ было бы ей пріютиться, но съ тѣхъ поръ играла жалкую роль приживалки, сносила отъ Бутримихи невниманіе и явное къ себѣ пренебреженіе, а оставаясь на единѣ сыномъ, горько плакала, жаловалась на свою долю и вооружала сына какъ противъ тестя и тещи, такъ и противъ жены. Жена Молявки, чувствуя превосходство и своего отца и свое собственное по отцѣ предъ такимъ мужемъ, который остается безъ власти надъ другими, безъ богатства, безъ значенія, стала обращаться съ мужемъ заносчиво и высокомѣрно. Все терпѣлъ Молявка, потому что бывало, какъ только подниметъ онъ голосъ противъ сварливой жены, такъ за нее начинаетъ вступаться тесть и теща, задѣваютъ его колкими замѣчаніями, напоминаютъ, что онъ у нихъ на хлѣбахъ живетъ и самъ собственныхъ средствъ не имѣетъ, выражаютъ въ добавокъ обидное сожалѣніе, что ошиблись они, отдавши дочь за такого человѣка.

— Не живемъ мы тутъ, а мучимся, говорилъ подъ часъ матери Молявка-Многопѣняжный.

XIV.

Челобитная черниговцевъ всякаго чина и званія людей на воеводу Чоглокова была Борковскимъ отправлена къ гетману, а гетманъ безъ замедленія препроводилъ ее въ малороссійскій приказъ. Въ то время Самойловичъ былъ въ большой силѣ и въ довѣріи у московскаго правительства, и царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весь малороссійскій край держалъ, какъ говорилось тогда, въ большомъ возлюбленіи. Чоглоковъ былъ неугоденъ малороссіянамъ и на этомъ одномъ основаніи велѣно было его удалить съ воеводства, не разбирая справедливости возникшихъ противъ него жалобъ. Въ концѣ марта пріѣхалъ Чоглоковъ въ Москву; у него тамъ на Арбатѣ былъ собственный дворъ. Тотчасъ же принужденъ былъ Чоглоковъ въ малороссійскомъ приказѣ давать поминки и спустить бо̀льшую половину того, что успѣлъ награбить въ Черниговѣ. Такъ обыкновенно дѣлалось тогда съ царскими воеводами: ихъ высылали „въ городы“ на воеводство, они тамъ обирали жителей, а по возвращеніи въ Москву ихъ самихъ обирали въ приказахъ. Чоглоковъ не могъ тогда предвидѣть, что однимъ этимъ онъ не отдѣлается и послалъ въ свою Пахровскую вотчину приказаніе привезти красавицу Анну Черниговку съ ея мужемъ Ваською Чесноковымъ.

Все было исполнено по его боярскому приказанію. Пріѣхали изъ вотчины въ Москву Васька и Макарка. Привезли они съ собой и Ганну Кусовну.

Тогда въ домѣ Тимоѳея Васильевича Чоглокова происходила вотъ какая сцена.

Въ своемъ боярскомъ креслѣ сидѣлъ, развалясь, Тимоѳей Васильевичъ. Передъ нимъ стоялъ Васька Чесноковъ. Тимоѳей Васильевичъ говорилъ ему:

— Такъ-то, любезнѣйшій ты мой Васютка. Ты будешь приводить ко мнѣ свою жену на ночь, какъ только я потребую, а я тебѣ о томъ буду давать приказъ заранѣе. Жить вы будете у меня въ особой надворной избѣ и всякую харчь получать отъ моего стола, одѣвать я васъ буду паче другихъ слугъ моихъ и жаловать васъ буду, оттого что я васъ не за чужихъ, а за своихъ почитаю. Поживете годика три-четыре, я васъ на волю отпущу съ немалымъ награжденіемъ. Только чтобъ этого, что между нами творится, никто не зналъ, только бы вы двое, да я про то вѣдали, а другіе всѣ чтобъ и не догадывались.

— Ужь въ этомъ положись на меня, государь! отвѣчалъ Васька. У меня все равно, что въ могилу закопано. Никто не узнаетъ. Я твоею милостью по горло доволенъ и по смерть свою не забуду того, что твоя государская милость мнѣ дѣлаешь. Ужъ повѣрь, государь, будетъ по твоему скусу твоей милости бабенка, а я за чистотою смотрѣть буду, и чтобъ не гуляла.

— Я на тебя, Васютка, надѣюсь, какъ на каменную гору, сказалъ Чоглоковъ. — Ну, а какъ везли ее, не порывалась она стречка дать?

— Она—сказалъ Васька—може и убѣгла бы, да перво̀, что дороги не знала въ чужой землѣ, а тутъ мы за нею глядѣли въ четыре глаза. Только ужъ какъ привезли въ вотчину, да повели подъ вѣнецъ, такъ больно артачилась. Только отецъ Харитоній на то не посмотрѣлъ: она кричитъ благимъ матомъ—не хочу!—а онъ—Исаія ликуй! поетъ. Молодецъ попъ. Ей Богу, молодецъ! Потомъ уже тихо и смирно велась, боялась чтобъ ее не били; говорила только намъ: дѣлайте со мною, что хотите. Я ваша—говоритъ—невольница, я все равно, что у татаръ въ полону! И работаетъ бывало все, что ей прикажутъ. Только все скучна была да плакала по̀-часту: бывало, какъ только сама одна останется, такъ и реветъ.

— Ну что, бабьи слезы—вода, проговорилъ Чоглоковъ.—Обживется—слюбится. И здѣсь въ Москвѣ, смотри за нею, Васютка, чтобъ не убѣгла. Пока еще она тутъ никого не знаетъ. Держи ее, Васютка, такъ чтобъ окромя нашихъ людей во дворѣ никто ее не зналъ.

— Опасно—замѣтилъ Васька—пока не обыкнетъ, чтобъ не вздумала заорать: я чужая жена, меня обвѣнчали съ другимъ насильно! А тутъ какой нибудь лиходѣй подслушаетъ и донесетъ. Мнѣ за то какъ бы въ отвѣтѣ не быть передъ твоею осударскою милостію.

— Покрѣпче держи, позорче гляди, и не будешь передо мною въ отвѣтѣ, сказалъ Чоглоковъ.

— Буду смотрѣть за нею строго, по твоему боярскому приказу, сказалъ, поклонившись, Васька.

— Сегодня вечеромъ приведи ко мнѣ Анну! сказалъ Чоглоковъ.

— Слушаю, государь, отвѣчалъ, поклонившись, Васька.

Въ людской избѣ собралась дворня ужинать. Васькѣ и Аннѣ хоть назначилъ господинъ особый покой и харчъ отъ своего стола, но былъ еще первый только день ихъ пріѣзда въ Москву, и они до слѣдующаго утра расположились въ общей избѣ. Ганна, одѣтая въ цвѣтной лѣтникъ съ кикою на головѣ, была похожа на чистую великороссіянку и молча сидѣла на лавкѣ. Холопи и холопки поглядывали на нее съ любопытствомъ и дѣлали другъ съ другомъ на ея счетъ замѣчанія, а иные обращались съ рѣчью къ ней самой, но она отдѣлывалась короткими фразами, которыхъ другіе понять не могли и все-таки не удерживались отъ смѣха надъ малороссійскимъ акцентомъ Ганны.

Сѣли ужинать. Ганна, по приказанію Васьки, сѣла и взяла въ руку ложку.

— Ну что хохлачка? сказалъ кто-то:—скучно тебѣ, не бойсь, безъ вашихъ вареничковъ? А?

Ганна принужденно осклабилась.

— Иди къ своему гетману, вареничковъ у него попроси, сказалъ другой. Вонъ вашего гетмана привезли, говорятъ, и держатъ какъ собаку на цѣпи.

— Его помѣстили, говорятъ, на греческомъ дворѣ, замѣтилъ кто-то.

— На время. Построютъ особую избу для него, замѣтилъ другой.

— А въ Сибирь развѣ не пошлютъ его? спросилъ кто-то.

— Въ Сибирь не зашлютъ, объяснилъ другой; онъ вѣдь не нашего царя былъ холопъ, а польскій или турецкій—чортъ его знаетъ чей, только не нашинскій: онъ сдался нашему царю въ полонъ!

— Такъ, такъ! замѣтили другіе: ну, значитъ, онъ не согрубилъ противъ нашего царя, такъ его въ Сибирь не за что посылать, значитъ его въ Москвѣ держать станутъ!

— Такъ коли онъ нашему царю самъ сдался, зачѣмъ его не оставили тамъ гдѣ взяли? кто-то спросилъ.

— А видно не годится! отвѣтилъ другой.

— Его тамъ въ своей сторонѣ гдѣ-то помѣстили сперва, да провѣдали, что дуровать собирается, оттого сюда привезли, сказалъ Васька.

Ганна не проронила ни одного слова, все слышала, все твердо запечатлѣла въ своей памяти, но спросить ни о чемъ не смѣла.

— А какъ онъ прозывается? спросилъ кто-то.

— Петра Дорошонокъ! сказалъ Васька, жившій недавно въ Черниговѣ и наслышавшійся тамъ объ этомъ имени.

И Ганна вспомнила, что съ дѣтскихъ лѣтъ ея въ кругу ея семей-

ныхъ и знакомыхъ часто повторялось это имя, знала она, что мужъ ея Молявка Многопѣняжный съ казаками пошелъ въ походъ противъ этого Дорошенка.

Разговоры у холопей перешли на другіе предметы. Ганна не вмѣшивалась и погрузилась въ свою обычную задумчивость.

Послѣ ужина Васька вывелъ ее въ сѣни и сказалъ:

— Анна! Бояринъ зоветъ тебя къ себѣ на ночь!

Ганна ничего не отвѣтила.

— Что, рада? спросилъ Васька.

— Вовсе не рада! сказала Ганна. Только дивно это мнѣ. Сказываешься ты моимъ мужемъ, а меня къ иному ведешь! Такова, что ли, у васъ вѣра?

— Такая, коли хочешь знать, у насъ вѣра, отвѣчалъ Васька— чтобъ слушаться господъ своихъ и дѣлать, что господа приказываютъ.

Ганна молча пошла вслѣдъ за Ваською.

— Здравствуй дѣвка!—сказалъ Чоглоковъ, оставшись съ Ганною наединѣ—здравствуй, красная! Видишь, опять ты со мною, душенька. Не бойся, я не лютый звѣрь, не задеру!

Ганна не показывала ни тѣни сопротивленія, была послушна во всемъ, не начинала никакой рѣчи и отвѣчала только либо: не знаю, либо: какъ велишь!

Утромъ, когда еще Тимоѳей Васильевичъ на солнечномъ восходѣ спалъ какъ убитый, Ганна вышла отъ него, не пошла въ людскую, а направилась къ воротамъ двора, выходившимъ на улицу. День былъ весенній, ясный. Москва уже была на ногахъ; народъ сновалъ изъ улицы въ улицу. Земля кое-гдѣ была еще грязна, но уже во многихъ мѣстахъ просыхала. Ганна не знала куда ей повернуться: она не бывала еще ни на одной московской улицѣ, привезенная только вчера прямо въ боярскій дворъ Чоглокова. На удачу пошла она влѣво, уперлась во дворъ, повернула еще на-лѣво, потомъ на-право, шла сама не зная куда зайдетъ, и безпрестанно оглядывалась не преслѣдуютъ ли ее, не смѣя спросить никого изъ встрѣчающихся. Улица, по которой она шла, раздвоилась, и Ганна рѣшилась, наконецъ, спросить у встрѣчной женщины: куда пройти на греческій дворъ?

— Ахъ, родимая! Слышу по твоей рѣчи, что ты не здѣшняя— сказала ей женщина. Первый разъ, видно, въ Москвѣ?

— Первый разъ, отвѣчала Ганна.

— Трудно, родимая, ухъ какъ трудно бываетъ здѣсь тому, кто первый разъ въ Москвѣ, пока не привыкнетъ. Тебѣ на греческій дворъ-отъ! Иди влѣво отсюда, а тамъ, произошедши два переулка вправо, не иди туда, а будетъ третій вправо же, такъ ты туда иди, и все прямо, прямо, увидишь вдалекѣ колокольну большущую—Иванъ Великій прозывается, такъ ты все иди и на нее смотри и дойдешь до стѣны бѣлокаменной и повернешь влѣво, и тамъ спросишь про греческій дворъ! тебѣ люди покажутъ!

— Спасиби, титусю *), сказала Ганна и пошла по указанному пути, устремляя постоянно глаза на золоченую главу Ивана Великаго, блиставшую подъ лучами весенняго утренняго солнца. Но въ сѣти запутанныхъ московскихъ улицъ, она опять сбилась съ пути и стала спрашивать о греческомъ дворѣ у встрѣтившихся ей мужиковъ. Эти мужики не оказались предупредительны и любезны какъ прежняя женщина, направлявшая Ганну къ греческому двору. Эти мужики, услышавши малороссійскую рѣчь, стали поднимать Ганну на смѣхъ и передразнивать.

— Да ты, видно, украинская ворона залетѣла въ Москву! А какая, чортъ ее не взялъ, красивая! Ходи съ нами добрыми молодцами ю царевъ кабакъ: мы тебя угостимъ!

— Не хочу! отвѣчала Ганна. Я не пойду съ вами!

Но одинъ мужикъ схватилъ ее за станъ.

— Геть! закричала Ганна: — говорю: не пойду я съ вами. Пустите!

— Пустите! передразнивали ее мужики, но Ганна вырвалась отъ нихъ.

Она пошла скорыми шагами далѣе и боялась уже спрашивать дороги: научилъ ее первый опытъ, что въ Москвѣ молодой красивенькой женщинѣ было не безопасно распрашивать дорогу у мужчинъ. Прошедши на удачу нѣсколько улицъ, она рѣшилась, наконецъ, спросить у какой-то старухи: гдѣ греческій дворъ. Старуха указала, что онъ былъ отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ.

Греческій дворъ стоялъ тогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Никольскій монастырь, называемый греческимъ и построенный на греческомъ дворѣ именно около того времени, когда совершались описываемыя событія. У воротъ двора стояли караульные стрѣльцы.

— Тутъ греческій дворъ? спросила Ганна.

— Тутъ. Кого тебѣ? спросили караульные.

— Гетмана Петра Дорошенко.

— Нельзя! грозно отвѣчалъ караульный:—зачѣмъ тебѣ его? Вонъ нашъ полуголова. Спроси его.

Онъ указалъ на ходившаго по двору стрѣлецкаго полуголову. Ганна подошла къ нему, поклонилась и сказала:

— Нельзя ли, добродѣй, увидѣть гетмана Дорошенко?

Полуголова подозрительно оглядѣлъ ее съ головы до ногъ и проворчалъ:

— Первое—онъ уже не гетманъ и величать его такъ нельзя. А второе — какое тебѣ до него будетъ такое дѣло? Ты, черкашенка, что ли?

— Да! отвѣчала Ганна.

— Не велѣно безъ позволенія отъ приказа пускать къ нему ни-

*) Спасибо, тетушка!

кого, кромѣ тѣхъ, что на малороссійскомъ дворѣ черкасы въ посольствѣ пріѣхали, сказалъ полуголова.—Ты изъ ихнихъ, что ли?

— Я его родичка, сказала Ганна.

— Что это такое родичка? говорилъ полуголова.—Родня ему приходишься, что ли?

— Да! сказала Ганна.

— Хорошо, я самъ поведу тебя къ нему, отвѣчалъ полуголова.

Петръ Дорошенко, привезенный въ Москву, былъ помѣщенъ на греческомъ дворѣ и находился въ состояніи, составлявшемъ средину между положеніемъ гостя и плѣнника. Уже онъ представлялся ко двору, удостоился цѣловать царскую руку, думный дьякъ предъ лицомъ самого великаго государя изрекъ прощеніе всѣмъ его „винамъ и провинностямъ"; затѣмъ ему сказано было, что онъ останется въ Москвѣ до окончанія войны съ турками для совѣта о разныхъ воинскихъ дѣлахъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ на греческомъ дворѣ; его дѣйствительно приглашали въ приказъ раза три, брали отъ него сказку о татарскихъ и турецкихъ путяхъ, о средствахъ къ оборонѣ Чигирина и тому подобное. Между тѣмъ у его помѣщенія стояло на караулѣ попеременно по двадцати стрѣльцовъ съ полуголовами. Наконецъ, въ послѣдніе передъ этимъ дни позвали его къ думному дьяку Ларіону Иванову и тотъ сказалъ ему, чтобъ онъ подалъ челобитную о доставленіи ему въ Москву его жены. Дорошенко ужаснулся. —Великому государю, значитъ, угодно меня оставить здѣсь навсегда? спросилъ онъ. — Такой воли великаго государя нѣтъ", отвѣчалъ дьякъ, но тебѣ указано жить на Москвѣ, доколѣ не утишится война съ невѣрными, а сколько времени она будетъ длиться, про то Богъ вѣсть. Мужу отъ жены врознь пребывати не подобаетъ.

Нечего было дѣлать Петру Дорошенку. Написалъ онъ со словъ думнаго дьяка челобитную о привозѣ его жены. Въ ожиданіи привоза немилой ему жены и не зная чѣмъ окончится его судьба, Дорошенко метался словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Донельзя опротивѣла ему тогда эта Москва. Думалъ было онъ спокойно доживать вѣкъ послѣ своей бурной жизни въ милой, родной Украинѣ, посреди родного народа, на полной волѣ, а его держатъ въ Московской землѣ и притомъ въ неволѣ, хотя не говорятъ ему, что онъ въ неволѣ. Въ это-то время стрѣлецкій полуголова привелъ къ нему Ганну Кусовну.

Дорошенко ходилъ большими шагами по комнатѣ въ обычномъ своемъ волненіи. Полуголова, вошедши съ Ганною, сказалъ:

— Петръ Дороѳеевичъ! Вотъ эта женщина желаетъ видѣть твою милость. Говоритъ она съ родни твоей милости.

— Я не знаю этой женщины, сказалъ Дорошенко, оглядѣвши Ганну. И потомъ, обратясь къ ней, спросилъ: — Какая ты мнѣ „родичка"?

— Я такая тебѣ родичка, какъ всѣ наши люди тебѣ родичи! сказала Ганна.—Ясневельможный гетманъ! Выслушай! Я пришла къ твоей милости за помощью. Помоги мнѣ, несчастной!

— Я не гетманъ, сказалъ Петръ Дорошенко: — даже и не полковникъ: не занимаю никакого уряда. Я просто узникъ въ Москвѣ. Чѣмъ я тебѣ помогу? Я самъ бѣденъ. Всѣ свои „маетки" покинулъ въ Чигиринѣ, да въ Сосницѣ!

— Не денегъ я пришла просить! сказала Кусовна:—хоть и бѣдна я такъ, что куска хлѣба не имѣю на чужой сторонѣ, а пришла къ твоей милости не за деньгами, а за помощью. Выслушай меня, пане, подай мнѣ помощь бѣдной несчастной сиротѣ, не къ кому мнѣ обратиться, не къ кому пріютиться на „чужой чужинѣ" — только къ своимъ людямъ!

И Ганна, заливаясь слезами, повалилась къ ногамъ Дорошенко. Съ головы ея спала кика. Ганна на первыхъ порахъ сконфузилась, очутившись простоволосою, но не рѣшалась надѣвать на голову противнаго, насильно ей навязаннаго московскаго головного убора.

И почему-то вспомнилъ Дорошенко, какъ передъ нимъ со слезами валялись бѣдные украинцы, когда онъ ихъ отдавалъ сотнями въ неволю туркамъ и татарамъ. Не жаль ему ихъ тогда было, потому что думалъ онъ тогда не о лицахъ по одиночкѣ, а о цѣлой отчизнѣ, которой хотѣлъ добыть свободы и независимости. Теперь уже объ этой отчизнѣ онъ не думалъ, потому что самъ погубилъ ее. Теперь жаль ему стало неизвѣстной женщины, валявшейся у его ногъ.

— Встань, „молодица" и говори откуда ты, сказалъ Дорошенко.

— Изъ Чернигова, отвѣчала Ганна, — родомъ козачка, по отцѣ Кусовна. Въ петровки прошлаго года отдали меня замужъ, владыка дозволилъ повѣнчать, а мой новобрачный мужъ ушелъ въ тотъ же день въ походъ; вечеромъ пошла я за водою къ рѣчкѣ Стрижню, въ тайникѣ меня схватили, завязали глаза и ротъ и потащили къ воеводѣ, а воевода меня изнасиловалъ и отослалъ со своими людьми въ свою вотчину подъ Москвою и тамъ приказалъ силою меня повѣнчать съ его человѣкомъ; потомъ, пріѣхавши самъ въ Москву, приказалъ меня привезти, хочетъ, чтобъ я жила съ тѣмъ его человѣкомъ, съ какимъ меня силою обвѣнчали, а ему самому стала бы наложницею.

— А твой первый мужъ еще живъ? спросилъ Дорошенко.

— Не знаю, ясневольможный панъ, живъ ли онъ еще, отвѣчала Ганна.—Его зовутъ Яцько Молявка-Многопѣняжный. Его въ походъ угнали, а меня схватили и съ той поры я объ немъ не слыхала.

— Молявка-Многопѣняжный! воскликнулъ Дорошенко.—Я твоего мужа хорошо знаю. Онъ теперь уже сотникъ въ Сосницѣ. Говорилъ онъ мнѣ, что у него жену украли и отдали за другого, говорилъ! Какой же я тебѣ совѣтъ подамъ, молодица? Иди, молодица, къ думному дьяку Ларіону Иванову и все ему разскажи, какъ вотъ мнѣ ты разсказала. Вотъ я тебѣ дамъ цидулу къ нему!

Онъ пошелъ въ другую комнату. Ганна дожидалась стоя, опу-

стивши глаза въ землю. Дорошенко вышелъ, отдалъ ей написанную цидулу и сказалъ полуголовѣ:

— Прикажите отвести эту женщину къ Ларіону Иванову въ приказъ. А тебѣ, молодица, на! Вотъ, сколько въ силахъ, столько и помогаю.

Онъ подалъ ей нѣсколько серебренныхъ монетъ, вынесъ изъ другого покоя черный шелковый платокъ и вручилъ ей, сказавши, что это ей на голову, чтобъ не надѣвать болѣе московской кики.

XV.

Привели стрѣльцы Ганну Кусовну къ думному дьяку Ларіону Иванову, находившемуся тогда въ приказѣ. Это былъ сорокалѣтній плечистый мужчина, съ здоровымъ лицомъ, съ краснымъ отъ большого употребленія напитковъ носомъ и съ маленькой красноватой бородкой. Прочитавши цидулу Дорошенко, онъ велѣлъ позвать Ганну.

— Мы съ тобой, красавица, сказалъ онъ ей, видимся впервое, а кажись я тебя уже знаю. Ужъ не та ли ты, что писано было намъ отъ гетмана по челобитной полковника Борковскаго и всѣхъ черниговскихъ всякихъ чиновъ обывателей на царскаго воеводу Чоглокова, между иными его худыми дѣлами, что онъ заслалъ какую-то жену чужую въ свою вотчину и тамъ ее повѣнчали въ другой разъ съ его человѣкомъ?

Ганна разсказала ему всю свою исторію такъ же, какъ и Дорошенку.

— Кто тебя знаетъ, сказалъ думный дьякъ:—какой у тебя мужъ законный, коли ты съ двумя вѣнчалась, и со вторымъ мужемъ отъ живого перваго. Это ужъ не наше дѣло, а церковное. Я тебя отправлю въ патріаршій приказъ.

— Меня изнасиловали, на вѣки осрамили! съ рыданіемъ говорила Ганна.

Думный дьякъ не совсѣмъ понялъ смыслъ слышанныхъ словъ украинки, но уразумѣлъ, что идетъ жалоба на насиліе, учиненное ей Чоглоковымъ и сказалъ:

— Хорошо; мы его допросимъ. А ты, жонка, явись сюда завтра.

— А гдѣ жъ я буду до завтра? Я къ нему во дворъ не ворочусь, лучше въ рѣчку брошусь! сказала Ганна.

— Побудешь здѣсь въ приказѣ. Я велю тебя помѣстить, сказалъ думный дьякъ и велѣлъ отвести ее въ нижній подклѣтъ, гдѣ были покои, нарочно отводимые на случай для тѣхъ, которыхъ нужно было задержать въ приказѣ на время.

На другое утро опять привели Ганну передъ думнаго дьяка. Она увидала здѣсь своего злодѣя Чоглокова, поблѣднѣла и затряслась.

— Ну, Тимоѳей Васильевичъ, говорилъ Чоглокову Ларіонъ Ива-

новъ:—вотъ женщина показываетъ на тебя! При этомъ онъ изложилъ то, что слыхалъ отъ Ганны. — Что скажешь на это? Знаешь ты эту жонку? спрашивалъ онъ въ заключеніе Чоглокова.

— Знаю, сказалъ Чоглоковъ:—только не такъ было, какъ она показываетъ. Эта жонка клеплетъ на меня безлѣпицу. Она первый разъ пришла ко мнѣ съ моимъ человѣкомъ Ваською Чесноковымъ и оба стали просить у меня позволенія обвѣнчаться. Она была тогда въ дѣвичьемъ нарядѣ. Я позволилъ, да и не было никакой причины имъ того не позволять. Мой холопъ Васька Чесноковъ тогда же отпросился отъ меня домой въ нашу подмосковную вотчину, и я отпустилъ его; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ этой жонкой и письмо отъ меня повезъ къ священнику моей вотчины, и тотъ священникъ, видя ихъ доброе обоюдное согласіе, ихъ обвѣнчалъ. А какъ меня изъ Чернигова съ воеводства отозвали, я пріѣхалъ въ Москву и велѣлъ Ваську съ женою привести къ себѣ во дворъ мнѣ на службу, а не для срамного дѣла, какъ она лаетъ. А вчерашняго утра эта женщина изъ моего двора сбѣжала, малую толику животовъ покрадючи и теперь затѣяла на меня такое, что честному богобоязненному человѣку и помыслить страшно.

— Меня въ Черниговѣ съ козакомъ повѣнчали; я не дѣвка была, а мужняя жена; они меня воровски схватили, изнасиловали, и за другого силою повѣнчали, мужнюю жену!

— Спроси ее, господинъ, сказалъ Чоглоковъ, когда ее повѣнчали первый разъ и гдѣ!

— У св. Спаса, сказала Ганна, въ тотъ самый день, какъ выступали козаки въ походъ.

— А какой тогда былъ день? спрашивалъ Чоглоковъ. Тогда былъ Петровъ постъ. Скажи, господинъ думный дьякъ, можно развѣ по закону православному вѣнчать въ Петровъ постъ?

— Ну, лебедка, что скажешь? обратился Ларіонъ Ивановъ къ Ганнѣ, правду ли этотъ господинъ говоритъ? Былъ тогда Петровъ постъ?

Ганна стала объяснять, что владыка разрѣшилъ вѣнчаніе въ постъ. Такъ какъ объясненія эти произносились по малороссійски, то думный дьякъ моргалъ бровями и пожималъ плечами, бросая вопросительные взгляды на Чоглокова, и потомъ сказалъ Ганнѣ:

— Не въ домёкъ что-то мнѣ, что ты баишь, лебедка. Дѣло-то это не нашинское, а церковное. Ступай себѣ, я позову тебя, когда нужно будетъ.

Ганна поклонилась до земли и съ рыданіями стала просить пощады и состраданія къ своей горькой судьбѣ, но Ларіонъ Ивановъ, вмѣсто отвѣта, далъ знакъ и Ганну увели. Думный дьякъ сказалъ Чоглокову, что онъ за нимъ послѣ пришлетъ, а теперь у него иныя спѣшныя дѣла.

Черезъ день Ларіонъ Ивановъ опять призвалъ Чоглокова.

— У тебя, Тимоѳей Васильевичъ, гдѣ вотчина-то? На Пахрѣ, кажись?

— На Пахрѣ, сказалъ Чоглоковъ.

— А сколько четей земли, сѣнокосу, лѣсу и рабочихъ крестьянъ и дворовыхъ людей? спрашивалъ Ларіонъ Ивановъ.

Чоглоковъ разсказалъ все, что у него спрашивали.

— А сколько скота, есть ли овцы, пчелы, при дворѣ садъ, огородъ, гумно, сколько одоньевъ хлѣба? спрашивалъ думный дьякъ.

Чоглоковъ и на это отвѣчалъ, прибавивши, что многаго не упомнитъ, а у него есть на то опись всему.

— Хорошо, сказалъ думный дьякъ. Продай мнѣ половину твоей вотчины по описи.

Чоглоковъ былъ словно громомъ оглушенъ такимъ предложеніемъ. Онъ замялся, говорилъ самъ не зная что̀, но смыслъ его словъ былъ таковъ, что онъ продавать своей вотчины не желаетъ.

— Ну, воля твоя, сказалъ думный дьякъ, ты на то хозяинъ и владѣлецъ. Я только тебѣ свое желаніе заявилъ, купилъ бы у тебя, когда бы ты захотѣлъ продать, а не хочешь как знаешь! Я съ своимъ назадъ.

Нѣсколько минутъ молчали оба. Тимоѳею Васильевичу было очень неловко. Онъ понималъ, чего хочетъ думный дьякъ. Тимоѳея Васильевича бросало то въ жаръ, то въ холодъ, отъ зловѣщаго молчанія Ларіона Иванова.

— Ну, просимъ прощенія! сказалъ, наконецъ, Ларіонъ Ивановъ и Чоглоковъ въ сильномъ волненіи вышелъ отъ него.

Прошла недѣля. Чоглоковъ находился въ невыносимо-тревожномъ состояніи. Недавно еще, тотчасъ по своемъ возвращеніи изъ Чернигова, отвалилъ онъ „въ почесть“ Ларіону Иванову не малую толику наличными, да и подъячихъ малороссійскаго приказа угобзилъ порядкомъ, такъ что почти уже ничего у него не осталось изъ того, что успѣлъ онъ зашибить себѣ въ Черниговѣ на воеводствѣ. Теперь видѣлъ онъ, что его хотятъ облупить какъ липку. Далъ намекъ Ларіонъ Ивановъ да и замолчалъ, не зоветъ его больше. Хоть бы ужъ позвалъ, да сказалъ, что̀ съ нимъ намѣренъ сдѣлать, если онъ половину своей вотчины не уступитъ!

И прошло еще нѣсколько дней, мучительныхъ для Тимоѳея Васильевича. Передумывалъ онъ и то и другое, прикидывалъ и такъ и этакъ. Ничего не могъ выдумать. Но вотъ, наконецъ, уже дней черезъ десять послѣ перваго предложенія о продажѣ половины вотчины, зовутъ его опять въ малороссійскій приказъ.

Сталъ лицомъ къ лицу Тимоѳей Васильевичъ съ Ларіономъ Ивановымъ.

Ларіонъ Ивановъ, сидя за своими бумагами, сказалъ вошедшему къ нему Тимоѳею Васильевичу:

— Ну, что, господинъ бывшій черниговскій воевода:—дѣла̀-то

наши не хороши. Какъ-то выпутаемся мы отъ доноса, что прислалъ на твою милость черниговскій полковникъ отъ всего черниговскаго полка и отъ города Чернигова войта и бурмистровъ, и райцевъ, и всего мѣщанства и посольства? Какъ ты думаешь объ этомъ, господинъ бывшій воевода?

— Ларіонъ Ивановъ, отецъ родной! проговорилъ сквозь слезы Чоглоковъ, я вѣдь твоей милости билъ челомъ и въ почесть подалъ, что можно было. Тогда положили всему тому погребъ.

— Э, нѣтъ, батюшка Тимоѳей Васильевичъ! сказалъ Ларіонъ Ивановъ. Мы тебя только выписали изъ Чернигова, вмѣсто того, чтобы тамъ на мѣстѣ розыскъ чинить надъ тобою! Было бы для тебя не лучше коли-бъ мы, оставивши тебя въ Черниговѣ, новому воеводѣ приказали надъ тобой розыскивать. Новому воеводѣ захотѣлось бы показать: вотъ-де какіе дурные воеводы до него тамъ были, а онъ не таковъ, и такихъ дѣлъ за нимъ не чаять худыхъ! Тебя, голубчика, можетъ быть, посадили бы тамъ въ тюрьму, а тѣ черниговцы, какъ бы стали ихъ допрашивать, наврядъ бы твою милость оправили. И теперь, вотъ хоть съ этой бабенкой, что у насъ тутъ сидитъ внизу. Видишь, черниговскій полковникъ написалъ про какую-то тамъ у нихъ жонку Бѣлобочиху, будто она, при свидѣтеляхъ, полковыхъ старшинахъ, говорила, что ты ее подговаривалъ привести къ тебѣ Анну Кусовну для блуднаго дѣла. А потомъ эта самая Анна пропала безвѣстно и очутилась въ твоей вотчинѣ замужемъ за твоимъ человѣкомъ, и вотъ видишь, что на тебя показываетъ! Мы начнемъ розыскъ чинить о семъ. Да и то еще: въ челобитной черниговской пишется: „твои-де стрѣльцы ходили по дворамъ мѣщанскимъ и козацкимъ и подговаривали женокъ и дѣвокъ тебѣ на блудное дѣло." И объ этомъ пошлемъ въ Черниговѣ розыскать, оттого что это сходится съ дѣломъ объ этой женкѣ Аннѣ. А что скажутъ по этому розыску, тебѣ лучше знать! Не дай Богъ, да скажутъ что нибудь недоброе—тогда тебѣ, Тимоѳей Васильевичъ, будетъ ухъ какъ плохо! Великому государю на верхъ въ докладъ пойдетъ. Какъ бы твоей милости не пришлось ѣхать въ дальніе сибирскіе городы, да еще можетъ быть и не воеводою, а поверстаютъ въ дѣти боярскіе, либо еще пониже. Вонъ еще при бояринѣ Матвѣевѣ, какъ нашимъ приказомъ управлялъ, что сталось съ Дёмкою Многогрѣшнымъ. Тотъ былъ гетманъ, повыше тебя, воеводы. И дѣлъ за нимъ не бывало такихъ, какъ за тобою!

— Батюшка, Ларіонъ Ивановичъ, отецъ родной, кормилецъ! Власть твоя и воля твоя. Не погуби. Смилуйся! завопилъ Чоглоковъ и повалился къ ногамъ думнаго дьяка.

Ларіонъ Ивановъ сказалъ:

— Встань, Тимоѳей Васильичъ! Одному великому государю подобаетъ кланяться въ землю, а я вѣдь не великій государь твой, я только дьякъ его царскаго величества.

Тимоѳей Васильевичъ всталъ и продолжалъ плакать; онъ совсѣмъ растерянный стоялъ передъ думнымъ дьякомъ. Ларіонъ Ивановъ продолжалъ:

— Ты, батюшко Тимоѳей Васильичъ, не глупъ человѣкъ и вѣдаешь, какъ въ свѣтѣ ведется между людьми. Всѣ мы, грѣшные, охочи творить добро наипаче тѣмъ, что намъ его творятъ. На томъ, сударь, весь свѣтъ стоитъ и тѣмъ держится, что мы одинъ другому тяготы носимъ, одинъ другому угодное творимъ, и коли мы къ людямъ хороши, такъ и люди къ намъ также хороши. Ты испугался розыска надъ собою и бьешь мнѣ челомъ, чтобъ я заступился за тебя; а я намедни, коли не забылъ, билъ челомъ твоей милости, чтобъ ты изволилъ продать мнѣ половину твоей Пахровской вотчины. Однако, ты на мое челобитье не подался и меня не пожаловалъ. Теперь же ты вотъ мнѣ бьешь челомъ о своемъ дѣлѣ. Что же, какъ думаешь? И мнѣ поступить съ тобою, какъ ты со мною поступилъ: не податься на твое челобитье!

— Батюшко, отецъ родной! Смилуйся! Вѣдь половина моего состоянія родового, кровнаго! вопилъ Чоглоковъ.

— На это я вотъ что тебѣ скажу, любезнѣйшій мой Тимоѳей Васильичъ, сказалъ думный дьякъ. Человѣкъ ты книжный, и конечно читывалъ какъ въ святомъ писаніи говорится: лучше калѣкой войти въ царствіе Божіе, чѣмъ со всѣми цѣлыми удами быть ввержену въ геенну огненную. И ты нынѣ поступи такъ, по сему премудрому словеси. Лучше тебѣ, мой дорогой, потерять половину своей вотчины и остаться жить въ покоѣ съ другою ея половиною, чѣмъ владѣючи обѣими половинами быть загнатымъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Все равно: не будешь тогда володѣть своею вотчиною, достанется кому нибудь другому изъ твоего рода, а то можетъ быть еще и отпишутъ на великаго государя. А коли начнется надъ тобою строгій, правдивый розыскъ, такъ тебѣ въ тѣ поры не сдобровать. Это я напередъ вижу; да и ты самъ, Тимоѳей Васильевичъ, лучше меня это видишь и знаешь.

— Бери, батюшка! возопилъ Чоглоковъ и ударилъ себя о полы руками. Бери, только выручи.

— Подай опись имуществу своему, сказалъ думный дьякъ, напиши купчую данную, запиши въ помѣстномъ приказѣ, и ко мнѣ доставь вмѣстѣ съ описью. Да не подумай, Тимоѳей Васильичъ, меня въ чемъ нибудь провести. Смотри чтобы въ купчей данной была вписана въ точности половина всего, что значится по описи. Я просмотрю, слицую, и коли объявится не все въ точности, такъ и купчая не въ купчую. Не приму.

— Да нельзя ли ужъ, коли такъ, сказалъ Чоглоковъ, воротить эту женку къ ея мужу въ мой дворъ къ моему человѣку, да тѣмъ и дѣло покончить.

— А, жирно будетъ! возразилъ Ларіонъ Ивановъ; доволенъ будь

и тѣмъ, Тимоѳей Васильичъ, что самъ цѣлъ останешься. Надобно дѣло рѣшать такъ, чтобъ и тебя спасти отъ погибели и противъ правды не покривить. Мы вотъ какъ постановимъ. Что женка оная на воеводу показывала, того никакими доводы не довела, и черниговское челобитье, что на того же воеводу написано, ничѣмъ не доведено, а воевода въ отвѣтѣ сказалъ де, что все то на него затѣяно отъ черниговцевъ напрасно по злобѣ, за то, что онъ, воевода, радѣя о царской выгодѣ, ихъ, черниговцевъ, плутовству не потакалъ; и мы, великій государь, указали дальнѣйшихъ розысковъ за неимѣніемъ доводовъ надъ воеводою не чинить, а женку Анну, за двоемужество отослать къ духовному суду въ патріаршій приказъ. Вотъ оно и выйдетъ, какъ говорится: и козы цѣлы, и волки сыты будутъ.

— А если, замѣтилъ Чоглоковъ, та женка въ патріаршемъ приказѣ учнетъ на меня показывать туже безлѣпицу, что показывала здѣсь? Тогда меня въ патріаршій приказъ позовутъ!

— Мы, сказалъ тогда думный дьякъ, здѣсь въ малороссійскомъ приказѣ именемъ царскимъ тебя оправимъ и отъ дѣла того Анниного совсѣмъ отлучимъ. По наговорамъ той женки могутъ позвать въ патріаршій приказъ не тебя, а человѣка того, что съ нею вѣнчался и сталъ ей мужемъ, потому что у нихъ обще духовное дѣло. А ты заранѣе призови того человѣка своего и подъ страхомъ великимъ запрети ему, чтобъ, когда его призовутъ въ патріаршій приказъ, тебя въ дѣло не втягивалъ и ничего о тебѣ тамъ говорить не дерзалъ, а отложилъ бы тебя вовсе. Ты же здѣсь у насъ въ распросѣ своемъ напиши, что дозволилъ человѣку своему вѣнчаться съ Анною, не знаючи никакъ, чтобъ Анна была съ кѣмъ инымъ обвѣнчана, понеже сама Анна тебѣ того не объявляла и ты считалъ ее дѣвкою тѣмъ паче, что она ходила по дѣвичьи. А хоть бы кто со стороны и говорилъ тебѣ, что она вѣнчана въ Петровъ постъ, ты такой глупой рѣчи не повѣрилъ, знаючи, что по закону нашему православному въ постъ вѣнчать не можно. Здѣсь у насъ въ малороссійскомъ приказѣ такую сказку напишешь и оставишь. И только.

Поклонился Чоглоковъ думному дьяку Ларіону Иванову, еще разъ назвалъ его кормильцемъ, спасителемъ, отцомъ роднымъ. Въ тотъ же день написалъ онъ показаніе въ такомъ смыслѣ, какъ научилъ его думный дьякъ, а черезъ недѣлю принесъ Ларіону Иванову купчую данную на половину своей Пахровской вотчины и опись всему своему имуществу, числящемуся при той вотчинѣ. Ларіонъ Ивановъ пересмотрѣлъ то и другое, провѣрилъ сходство купчей съ описью и сказалъ:

— Спасибо тебѣ, кормилецъ, благодѣтель. Весною начну строиться въ новой купленой вотчинѣ. Будемъ съ тобою жить по пріятельски, какъ добрымъ сосѣдямъ подобаетъ.

Все это время Ганна жила въ подклѣтѣ малороссійскаго приказа, питаясь скуднымъ поденнымъ кормомъ, выдававшимся изъ царской

казны тюремнымъ сидѣльцамъ; она дополняла его недостатокъ тѣмъ, что просила сторожей покупать ей за тѣ деньги, что далъ ей Дорошенко. Нѣсколько дней сидѣли вмѣстѣ съ нею двое бродягъ малороссіянъ, взятыхъ въ Москвѣ и отправленныхъ на родину. Они были изъ другого малороссійскаго края, изъ полтавскаго полка, и сидѣли въ подклѣтѣ приказа не долго, къ большому удовольствію Ганны, которой одинъ изъ нихъ сталъ было надоѣдать своими любезностями. Когда ихъ вывели, Ганна осталась одна; ее позвали тогда въ приказъ, дали ей еще три рубля мелкими копѣйками и сказали, что это ей подаетъ на милостыню Дорошенко, бывшій по своимъ дѣламъ въ приказѣ и тамъ освѣдомлявшійся о ней. Ганна, отведенная въ свою тюрьму, горячо молилась за своего благодѣтеля не забывавшаго о ней и подавшаго ей святую христову милостыню.

Послѣ окончанія сдѣлки съ Чоглоковымъ, думный дьякъ приказалъ привести предъ свою особу Ганну и приказалъ подъячему прочитать ей приговоръ, гласившій, что такъ какъ жалоба женки Анны на воеводу Чоглокова никакими доводы не доказывается, то дѣло о семъ въ малороссійскомъ приказѣ прекращается, женка же Анна отсылается къ святѣйшему патріарху для учиненія надъ нею духовнаго суда за незаконное вступленіе въ брачный союзъ.

Стрѣльцы повели Ганну въ патріаршій приказъ.

Въ домѣ у Чоглокова происходила такая сцена: Тимоѳей Васильевичъ призвалъ къ себѣ холопей своихъ Ваську и Макарку и говорилъ имъ:

— Ну, братцы! Больно не добро мнѣ съ этой проклятой хохлушей. Оттягалъ у меня думный дьякъ половину Пахровской вотчины! Что будешь дѣлать! Загрозилъ злодѣй, что начнутъ обо мнѣ вновь розыскивать. Я далъ ему купчую данную. Да еще и тутъ дѣлу не конецъ. Хохлушу велѣлъ отвести въ патріаршій приказъ къ духовному суду: тамъ будутъ разыскивать о ея двоемужствѣ. И васъ, можетъ быть, позовутъ. Смотрите же, не примѣшивать меня никакъ. Ты, Васька, въ одно упрись и говори: никакого-де приказу на счетъ женитьбы своей отъ своего государя не слыхалъ. Самъ къ нему вмѣстѣ съ Анною приходилъ просить позволенія повѣнчаться, не знаючи того, чтобъ она былъ съ инымъ кѣмъ повѣнчана.

— Ужь въ томъ, государь, будь спокоенъ. Какъ приказываешь, такъ и буду говорить, сказалъ Васька.

— И на счетъ того, коли станетъ она твердить, что господинъ ее изнасиловалъ и приказывалъ тебѣ водить къ нему на постелю, говори одно: того я не знаю, и отъ государя моего ничего такого не слыхалъ. Объ этомъ въ патріаршемъ приказѣ разыскивать не будутъ, за тѣмъ, что по этому наговору меня уже въ малороссійскомъ приказѣ оправили. И ты своими рѣчами не подавай никакого повода. И ты гляди тоже, Макарка.

— Мое дѣло здѣсь второе, сказалъ Макарка: коли Васька на меня

не скажетъ, такъ меня, чай, и не покличутъ. А покличутъ и станутъ спрашивать, такъ я буду говорить въ одно съ Васькой.

— Оно, сказалъ Чоглоковъ, вашему брату холопу въ наговорахъ на насъ вашихъ государей, вѣры не даютъ. Только все таки вы меня никоими дѣлы не смѣйте безчеститъ. А не то сами знаете, властенъ я съ вами обоими расправиться опосля какъ захочу.

Когда Васька съ Макаркой остались одни, Васька сказалъ своему товарищу:

— Государь то струсилъ! да еще какъ! Шутка ли: половину вотчины спустилъ. Плохо дѣло. Почитай какъ припрутъ его, такъ и другую половину спуститъ. И намъ тогда, видно, не ему служить въ холопствѣ придется. Продастъ и насъ. Пускай, чортъ ихъ побери, зовутъ насъ въ патріаршій приказъ, пускай допрашиваютъ. Будемъ стоять за своего государя пока можно и пока силъ нашихъ станетъ, ну, а то, вѣдь, своя шкура всякой чужой шкуры дороже, хоть бы и государской.

XVI.

Патріархъ Іоакимъ Савеловъ въ описываемое время былъ возрастомъ между шестидесяти и семидесяти лѣтъ, старикъ, чрезвычайно живой и неутомимо дѣятельной. Это былъ человѣкъ ученый по своему времени; воспитывался онъ въ кіевской коллегіи и сохранялъ къ ней большое уваженіе, но это не мѣшало ему быть рѣзкимъ и непримиримымъ противникомъ западнаго вліянія, проникавшаго все духовное образованіе въ Малороссіи и, по мнѣнію патріарха, вредно отзывавшагося на русскую церковь. Патріархъ Іоакимъ писалъ, очень много писалъ, и съ двухъ сторонъ защищалъ ввѣренную ему церковь: и противъ западнаго вліянія, входившаго черезъ Кіевъ, и противъ старообрядческаго раскола, развившагося въ Великой Руси. При всѣхъ, однако, своихъ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ, Іоакимъ не только не покидалъ дѣлъ внутренняго управленія, но занимался ими лично и такъ устойчиво, какъ никто изъ его предшественниковъ, не исключая и самаго Никона. Никто изъ патріарховъ не ограничилъ до такой степени произволъ архіерейской власти обязательнымъ учрежденіемъ при архіереяхъ совѣтовъ изъ призываемыхъ къ соуправленію и суду духовныхъ лицъ; это касалось за урядъ съ другими епархіами и патріаршей епархіи, но патріархъ на это не посмотрѣлъ: самъ онъ былъ до того дѣятеленъ и внимателенъ ко всему, что мало нуждался въ содѣйствіи и совѣтѣ духовныхъ особъ. Въ патріаршемъ приказѣ сидѣли назначенные отъ патріарха архимандритъ и двое протопоповъ, призывались выборныя духовныя власти—поповскіе старосты, но всѣ они собственно дѣлали мало за патріарха, напротивъ, патріархъ много дѣлалъ за нихъ. Еще по предмету суда надъ духовенствомъ, эти соуправители патріарха по крайней мѣрѣ все таки что нибудь да

значили: снимали допросы и показанія, наводили справки, постановляли приговоры; патріархъ самъ провѣрялъ всѣ ихъ предварительныя работы и самъ произносилъ окончательное рѣшеніе. Въ такихъ же дѣлахъ, гдѣ не духовные, а мірскіе люди привлекались къ духовному суду—сидѣвшіе въ патріаршемъ приказѣ ни до чего почти не касались, дѣлалъ все дьякъ и подносилъ патріарху. Главнымъ дьякомъ патріаршаго приказа былъ тогда Иванъ Родіоновичъ Калитинъ, притоптавшійся пожилой господинъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ круглой, нѣсколько посѣдѣвшей бородкой, бойко владѣвшій и перомъ и рѣчью, большой дѣлецъ. Патріархъ оказывалъ ему чрезвычайное довѣріе, считалъ столько же умнымъ, сколько честнымъ, безкорыстнымъ и преданнымъ себѣ человѣкомъ. Репутація умнаго человѣка была за дьякомъ повсемѣстна; на счетъ его честности и безкорыстія никто не могъ бы указать, что вотъ съ того то, или съ этого, Калитинъ „вымучилъ“ что нибудь; но многіе въ недоумѣніи пожимали плечами, узнавая, что отъ нѣкоторыхъ дѣлъ перепадали патріаршему дьяку немалыя выгоды и нельзя было объяснить, какъ это онъ устраивалъ.

Когда привели въ патріаршій приказъ Ганну Кусовну, Калитинъ, недавно въ этотъ день явившійся въ приказъ для исполненія своей должности, сидѣлъ съ товарищемъ своимъ, другимъ дьякомъ Леонтіемъ Савичемъ Скворцовымъ, котораго Калитинъ любилъ и покровительствовалъ. Прежде чѣмъ позвать къ себѣ на глаза приведенную въ приказъ женщину, Калитинъ прочиталъ отписку, при которой ее препроводили изъ малороссійскаго приказа; въ этой отпискѣ изложена была вся суть дѣла, касавшаяся и Чоглокова.

— Смотри-ко, Левонтій Савичъ, сказалъ Калитинъ Скворцову, какую украинскую птицу прислали къ намъ. Только ощипали, да не ее, а, видно, изъ-за нее кого-то другого!

Скворцовъ, еще не такъ опытный въ дьяческомъ дѣлѣ, не смекнулъ сразу всего, что раскусилъ Иванъ Родіоновичъ; проглядѣвши бумагу, Скворцовъ поднялъ къ товарищу голову съ вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Калитинъ засмѣялся.

— Разуменъ зѣло думный! сказалъ Калитинъ. Остригъ барана, а шкуру еще намъ оставилъ. Чтожъ, и за то спасибо.

— Вѣстимо, сказалъ Скворцовъ, нагрѣлъ руки около воеводы и закрылъ его ловко! Все шито-крыто, хоть кое-гдѣ бѣлыя ниточки виднѣются. Но намъ ни съ какого боку за него приняться не мочно. Во всемъ очищенъ явился. Духовную развѣ кару наложить, да и то не на него.

— Оставили, сказалъ Калитинъ, оставили намъ тоненькую ниточку; за нее бережливо еще можно ухватиться! Вглядись въ бумагу! Баба, видишь, повѣнчана въ другорядь съ холопомъ воеводскимъ, самъ воевода очищенъ и его звать сюда никакъ не смѣемъ, но холопа того на розыскъ потянемъ. А холопъ, думаешь, такъ и будетъ

стоять за своего государя? Какъ-же! Не больно-то крѣпко станетъ держаться за него, когда надъ самимъ собою почуетъ грозу.

— Вѣдь подъ часъ, сказалъ Скворцовъ, можно воеводу того, если нужно будетъ, попугать святѣйшимъ, что вотъ, молъ, внесетъ самъ святѣйшій его дѣло на верхъ къ царю государю, чтобъ' розыскъ перевершить.

— И такъ можно, правда, сказалъ Калитинъ. А то вотъ, посмотри: пригодится намъ 54 статья уложенія о холопьемъ судѣ.

Калитинъ приказалъ позвать Ганну.

— Молодушка! сказалъ онъ ей, ты разомъ за двумя мужьями очутилась. Отъ живого мужа съ другимъ повѣнчалась!

— Повѣнчали силомицъ! начала было Ганна.

— Такъ, перебилъ ее Калитинъ: насильно? Такъ? Ты объявила это въ своей сказкѣ, что отъ тебя взяли въ малороссійскомъ приказѣ. Стоишь ты на томъ, что не хотѣла выходить, а тебя насильно повѣнчали?

— Насильно, сказала Ганна.

— И не хочешь жить со вторымъ своимъ мужемъ, холопомъ Чоглокова?

— Не хотѣла и не хочу! сказала Ганна.

— И хочешь вернуться къ первому своему мужу?

— Хочу. Я его одного за мужа себѣ почитаю.

— Придется тебѣ, молодушка, сказалъ дьякъ, пожить у насъ въ Москвѣ. Есть ли у тебя какое пристанище и будетъ ли у тебя на что ѣсть и пить? Есть у тебя, можетъ быть, на Москвѣ родные или знакомые добрые люди?

— Никого нѣту, отвѣчала Ганна.

— Такъ ужъ коли у тебя нѣтъ никого знакомаго здѣсь, такъ не хочешь ли, возьму я тебя къ себѣ во дворъ на услугу. Ты, молодка, не бойся, не подумай чего нибудь нехорошаго. Я человѣкъ семейный, у меня жена, дѣти, худого умысла не чай. Поживешь у меня пока твое дѣло завершится. Вотъ посиди тамъ въ сторожкѣ, а какъ станемъ расходиться, такъ я тебя съ собой возьму и ты поѣдешь ко мнѣ во дворъ.

Ганну увели. Вошли въ приказъ сидѣвшіе тамъ архимандритъ и протопопъ. Калитинъ подалъ имъ нѣсколько бумагъ, разсказывая въ короткѣ ихъ содержаніе. Въ числѣ такихъ бумагъ была и отписка о Ганнѣ. Духовные не обратили на нее особаго вниманія.

Послѣ полудня стали расходиться и дьякъ Калитинъ велѣлъ кликнуть Ганну и сказалъ ей:

— Забери съ собой свое имущество и отправляйся со мною.

— У меня ничего нѣтъ, сказала заплакавши Ганна. Я утекла въ чемъ стояла. И сорочку одну третій тыждень [1]) ношу.

---

[1]) Недѣля.

— Крещеные, кажись, люди, сказалъ Калитинъ, и своему брату о Христѣ Іисусѣ, крещеному человѣку, во всякое время и во всякъ часъ Христа ради подать можемъ!

Калитинъ уѣхалъ въ свой домъ, находившійся въ Бѣломъ городѣ тотчасъ за Неглинною. Онъ повезъ съ собою Ганну, и пріѣхавши домой, передалъ ее своей женѣ, пожилой госпожѣ лѣтъ за сорокъ; онъ поручалъ ей приставить къ какому нибудь занятію во дворѣ привезенную женщину, объяснивши, что это несчастная, безпріютная сирота, должна пробыть нѣсколько времени въ Москвѣ, и если дать ей пріютъ, то это будетъ доброе, богоугодное дѣло. Калитина съ ласковымъ видомъ стала было съ нею заговаривать, но сразу наткнулась на нѣсколько непонятныхъ малороссійскихъ выраженій и обратилась въ вопросительнымъ лицомъ къ мужу.

— Хохлачка, сказалъ Калитинъ, у нихъ въ рѣчахъ есть разница съ нашинскою рѣчью московскою, а во всемъ прочемъ народъ добрый, душевный, и вѣры одной съ нами.

Калитина отправила Ганну въ дворовую баню, подарила ей чистое, хотя не совсѣмъ новое и цѣлое бѣлье, и приставила ее ходить за коровами.

На третій день послѣ водворенія Ганны на новосельѣ, недѣльщикъ потребовалъ въ патріаршій приказъ къ отвѣту холопей Чоглокова, Ваську и Макарку. Господинъ еще разъ повторилъ имъ прежнее наставленіе—отнюдь не вмѣшивать его въ дѣло. Васька перекрестился и побожился, что не выронитъ слова такого, чтобъ сталось въ ущербъ своему государю.

Холоповъ привели въ патріаршій приказъ въ то время, когда засѣдавшіе тамъ духовные были въ сборѣ. Васька и Макарка поклонились, касаясь пальцами пола и стояли, ожидая вопросовъ, Калитинъ подошелъ подъ благословеніе къ архимандриту.

— Начинай, Господи благослови! произнесъ архимандритъ.

Калитинъ отошелъ и, обращаясь къ холопамъ, говорилъ важнымъ и суровымъ голосомъ:

— Нашъ приказъ святѣйшаго патріарха во многомъ совсѣмъ не то, что другіе приказы. Во многихъ приказахъ, по многимъ мірскимъ дѣламъ, холопьимъ сказкамъ вѣрить не указано и спрашивать холопа непристойно, потому что холопъ невольный человѣкъ, и чести на немъ нѣтъ и безчестья за него не положено ему, а у насъ насчетъ этаго не такъ, здѣсь вѣдаются дѣла духовныя, а не мірскія.

— А о духовныхъ вещахъ, сказалъ архимандритъ, говорится въ св. Писаніи: нѣсть скифъ, ни еллинъ, ни рабъ, ни свободъ. Въ церкви Христовой рабу бываетъ такая же честь, какъ не рабу! Рабъ, какъ и его государь, однимъ крещеніемъ крещенъ, однимъ муромъ помазанъ, одно тѣло и кровь Господню пріемлетъ и на рабовъ такой же брачный вѣнецъ, какъ и на господъ возлагаютъ. Того ради здѣсь и сказка раба пріемлется, какъ и сказка свободнаго человѣка. При-

несите передъ крестомъ и евангеліемъ присягу, что будете говорить сущую правду, какъ передъ самимъ Богомъ на страшномъ и нелицепріятномъ Его судищѣ, аще не станете лгать и скрывать истину и затѣвать, не то подвергнетесь карѣ отъ Бога въ будущемъ вѣкѣ, а здѣсь въ житіи своемъ отъ святой нашей церкви проклятію и градскому суду на жестокія мученія преданы будете.

— Слышите? спрашивалъ грознымъ тономъ Калитинъ, слушайте и мимо ушей не пропускайте.

Всталъ съ своего мѣста протопопъ, взялъ лежавшій передъ нимъ на столѣ свернутый епитрахиль, вынулъ изъ него крестъ и евангеліе и положилъ на аналоѣ, стоявшемъ впереди стола, за которымъ сидѣли духовныя лица. Протопопъ надѣлъ епитрахиль. Оба холопа, поднявши два пальца правой руки вверхъ, проговорили вслѣдъ за священникомъ слова присяги, потомъ поцѣловали крестъ и евангеліе. Протопопъ завернулъ священныя вещи въ епитрахиль и сѣлъ на свое мѣсто.

Дьякъ, обратясь къ холопамъ, сказалъ: „Кто изъ васъ двоихъ Василій, кто сталъ мужемъ Анны Кусовны, показывающей себя женою козака Молявки"?

— Я, отвѣчалъ Васька.

— Я, говорилъ дьякъ, стану тебя спрашивать не того ради, чтобъ увѣдать отъ тебя про такое, чего я не знаю. Буду я тебя спрашивать про то, что я уже безъ тебя знаю, а спрашивать объ этомъ стану я только для того, чтобъ знать: правду или неправду будешь ты говорить. И коли ты станешь плутать и лгать, то я тотчасъ прикажу тебя вести въ застѣнокъ и позвать заплечнаго мастера, и велю ему тебя сперва батогами, а тамъ, смотря по твоему запирательству, и кнутьемъ покропить. Еслижъ правду будешь говорить, то ничего не бойся. Ты человѣкъ подневольный и что бы господинъ твой тебѣ ни приказалъ, ты долженъ былъ то чинить, и хоть бы ты что неправое учинилъ по государя своего приказу, въ отвѣтѣ за то будешь не ты, а государь твой. Отвѣчай сущую правду.

— А ты, Ермолай, прибавилъ онъ, обратившись къ подьячему, сидѣвшему за столикомъ у окна, будешь записывать ихъ рѣчи.

— Спрашиваю, сказалъ онъ, возвышая голосъ. Коли ты выходилъ сюда, призывалъ тебя государь твой и велѣлъ тебѣ говорить въ приказѣ, что онъ, твой государь, тебѣ брать за жену Анну Кусовну не неволилъ, а будто ты Васька, съ нею Анною вмѣстѣ приходили къ твоему господину и просили позволить вамъ между собой повѣнчаться. Такъ было? Говори; это тебѣ первый вопросъ.

Васька, ошеломленный, глянулъ на Макарку, какъ будто хотѣлъ ему глазами сдѣлать вопросъ: кто жъ это ему перенесъ? ты развѣ? кромѣ тебя и меня этихъ словъ никто не слыхалъ. Но тутъ же сообразилъ, что Макарка вмѣстѣ съ нимъ въ одно время вышелъ со двора. Въ совершенномъ недоумѣніи онъ выпучилъ глаза на дьяка.

Калитинъ глядѣлъ на него съ насмѣшливымъ выраженіемъ, не дождавшись скораго отвѣта, повторилъ свой вопросъ и прибавилъ:

— Самъ видишь, уже я все знаю, что у васъ дѣлалось и говорилось, хоть и не былъ у васъ. Значитъ лгать и выдумывать безполезно. Говори истину. Такъ было?

— Да, такъ было, произнесъ Васька.

— Хорошо, что правду сказалъ, говорилъ Калитинъ. — Теперь стану я тебѣ говорить, что ты прежде дѣлалъ и что съ тобою дѣлалось. А ты, смекаючи, что я уже все знаю, только говори, что именно такъ было, какъ я тебѣ сказалъ.

И онъ началъ спрашивать, соображаясь съ показаніемъ Ганны, котораго смыслъ былъ означенъ въ отпискѣ изъ малороссійскаго приказа, припомнилъ какъ въ Черниговѣ они, Васька съ Макаркою, ухватили Ганну въ тайникѣ и притащили къ своему государю на воеводскій дворъ.

— Такъ ли было? Говори сущую правду? спросилъ онъ.

— Такъ было, отвѣчалъ Васька.

— Еще хвалю за то, что говоришь правду, сказалъ дьякъ.—Ты человѣкъ подневольный, и въ томъ, что ты чинилъ по приказу господина, вины никакой нѣтъ. И св. Писаніе говоритъ: нѣсть рабъ болѣй господина своего. Пиши, Ермолай, его рѣчи. Слыхалъ, что онъ учинилъ по господскому приказу? Пиши!

— Слыхалъ, отвѣчалъ Ермолай и принялся писать.

Давши время Ермолаю записать, Калитинъ продолжалъ:

— Государь твой велѣлъ тебѣ вмѣстѣ съ Макаркою и со стрѣльцами двумя везти Анну въ свою подмосковную вотчину на Пахрѣ, и тамъ священникъ, творя волю господина вашего, тебя съ Анною повѣнчалъ сильно, хоть Анна и кричала, что не хочетъ и что она уже съ другимъ повѣнчана. А священникъ на то не смотрѣлъ. И ты, по указу своего государя, Аннѣ въ тѣ поры грозилъ жестокимъ боемъ и муками, чтобъ не кричала. Такъ было?

— Такъ было, отвѣчалъ Васька.

Калитинъ продолжалъ:

— Когда же государя вашего взяли съ воеводства изъ Чернигова, и онъ, государь вашъ, пріѣхавши на Москву, приказалъ тебѣ Васькѣ съ Макаркою ту Анну привезти къ нему во дворъ на Арбатѣ, и вы то учинили по господскому приказанію. Такъ ли было?

— Такъ, произнесъ Васька.

— Пиши, Ермолай, сказалъ Калитинъ и потомъ продолжалъ свой допросъ.—И какъ вы пріѣхали на Москву, вашъ господинъ приказалъ тебѣ, Васькѣ, глядѣть за своею женою Анною и приводить къ нему, господину твоему на постель для блуднаго дѣла въ тѣ поры, какъ онъ тебѣ то прикажетъ. И ты одинъ разъ къ нему приводилъ ее. Такъ было, говори?

Васька остановился, замялся, понялъ онъ, что настаетъ рѣши-

тельная минута, приходится сказать на господина такое, чѣмъ ему конечно согрубить.

Калитинъ сказалъ:

— Я знаю зачѣмъ ты сталъ. Вотъ этого то именно паче всего не велѣлъ тебѣ твой господинъ объявлять; но самъ видишь, я уже безъ тебя все это знаю, стало быть ни запирательствомъ, ни лганьемъ ты своему государю никакой корысти не учинишь, а только себѣ самому причинишь скорбь не малую. Кнутъ—самъ знаешь—не ангелъ, души не выйметъ, а правду вытянетъ изъ тебя. Лучше скажи всю правду, не подставляючи спины своей подъ кнутъ.

— А моему государю что за то будетъ? спросилъ Васька.

Дьякъ засмѣялся.

— Хочешь много знать, уменъ черезъ-чуръ станешь, сказалъ онъ.—Что будетъ?! Ништо мы твоего государя здѣсь судимъ. Государь твой ужъ былъ судимъ тамъ, гдѣ вѣдомъ былъ, въ малороссійскомъ приказѣ и оправленъ. Въ нашъ патріаршій приказъ отдана женка Анна для духовнаго суда и мы тебя допрашиваемъ за тѣмъ чтобъ знать,—чья она жена: твоя ли, или другого, и кому ее слѣдуетъ отдать: тебѣ ли, али тому козаку Молявкѣ, и виновата ли она въ томъ, что отъ живого мужа ее съ другимъ повѣнчали? Вотъ о чемъ тутъ дѣло у святѣйшаго патріарха, а до твоего государя дѣла намъ нѣтъ никотораго.

— Такъ было, какъ изволишь говорить, произнесъ Васька.

— То-есть, продолжалъ Калитинъ: — господинъ твой за тѣмъ тебя женилъ, чтобъ ты ему свою жену приводилъ на постелю? Такъ ли?

— Такъ, сказалъ Васька.

— Запиши Ермолай! сказалъ Калитинъ, и обратившись снова къ допрашиваемымъ, говорилъ:

— Далѣе васъ спрашивать нечего. На другой день когда ты Васька проводилъ Анну къ своему господину, она убѣгла со двора и вы уже ее болѣе не видали. Съ тебя, Васька, распросъ конченъ. Хорошо, что ни въ чемъ не запирался, не отлыгался. Съ тебя, Макарка, распросъ не долгій будетъ. Ты, вмѣстѣ съ Ваською схватилъ насильно Анну въ тайникѣ, вмѣстѣ съ Ваською возилъ ее изъ Чернигова въ Пахринскую вотчину, и при вѣнчаньи былъ, и потомъ, по государскому приказу, вмѣстѣ съ Ваською привезъ ее въ Москву.

— Такъ было, сказалъ Макарка.

— И государь при тебѣ велѣлъ Васькѣ приводить ее къ нему на постелю для блуднаго дѣла? спрашивалъ дьякъ.

— Я того не знаю, сказалъ Макарка, — мнѣ такого приказа не бывало.

— Не тебѣ, а Васькѣ былъ такой приказъ, только при тебѣ данъ. Ты вмѣстѣ съ Ваською то слышалъ. И въ томъ тебѣ вины никакой нѣтъ. Не запирайся, а то, что тебѣ не за себя, а за другого муку терпѣть, коли онъ, этотъ другой, уже самъ повинился во всемъ?

— Помилуйте! произнесъ испуганный Макарка. — Васька правду сказалъ про себя, и я говорю то же, что Васька.

— Запиши Ермолай, сказалъ дьякъ, и снова обратившись къ Васькѣ, произнесъ:

— Въ концы всего ты объяви: желаешь ли ты оставлять Анну у себя женою, или согласенъ, чтобъ ее отправили къ ее первому мужу?

— Не желаю, произнесъ рѣшительно Васька; — насильно меня государь мой женилъ, а не по своему хотѣнью я на ней женился. Не надобна она мнѣ: пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— Пиши, Ермолай! сказалъ дьякъ.—Вотъ это и все, что намъ нужно было!

Васька упалъ къ ногамъ дьяка. За нимъ тоже сдѣлалъ и Макарка.

— Батюшки, кормильцы! говорилъ съ плачемъ Васька, воззрите милосердымъ окомъ на насъ бѣдныхъ рабовъ, людей подневольныхъ. Наговорили мы на государя своего, хоть и правду сущую говорили, только мы останемся въ его волѣ, и онъ насъ задеретъ теперь. Укройте, защитите насъ, голубчики, отцы родные!

— Что ты боишься своего государя, то чинишь ты хорошо, сказалъ дьякъ,—рабъ долженъ бояться своего господина и слушать его во всемъ. Только надъ твоимъ государемъ есть еще повыше государь. Знаешь ты это?

— Вѣстимо такъ! сказалъ Васька.—Я знаю, что надъ всѣми господами нашими государями есть одинъ выше всѣхъ господинъ, батюшка царь великій государь, и властенъ онъ надъ нашими государями также, какъ властны они, государи наши, надъ нами бѣдными сиротами. Только самъ изволишь вѣдать твоя милость, люди говорятъ: до Бога высоко, а до царя далеко, а государь нашъ къ намъ ближе всего. Къ царю батюшкѣ нашему холопьему рылу приступить не можно, о томъ и думать намъ непристойно, а свой государь, какъ захочетъ, такъ съ насъ шкуру сниметъ. Нельзя ли, батюшки-кормильцы, уговорить нашего государя, чтобъ насъ не мучилъ, а до того часа какъ изволите ему о томъ сказать, не отпускайте насъ къ нему, а подержите гдѣ нибудь индѣ.

— А вотъ что! сказалъ дьякъ.—Добре! Можно! Вы останетесь для розыска при нашемъ приказѣ, пока мы переговоримъ съ вашимъ государемъ. Тѣмъ временемъ поживите у насъ на дворахъ, поработайте, а мы вамъ за то кормъ давать будемъ. Левонтій Савичъ! сказалъ онъ, обратясь къ Скворцову:—ты возьми къ себѣ въ дворъ Ваську, а я возьму Макарку. У меня теперь во дворѣ Анна, такъ видѣться ей съ Васькой не пригоже.

Такъ порѣшили дьяки и разобрали себѣ холопей. Архимандритъ, слушая весь допросъ, при окончаніи его произнесъ только: „изрядно, хорошо! Боже благослови!"

Прошло послѣ того недѣли двѣ. Калитинъ умышленно тянулъ время, находя необходимымъ порядочно протомить Чоглокова стра-

хомъ неизвѣстности. И онъ не ошибся въ расчетѣ. Чоглоковъ, не увидѣвши возвратившихся изъ приказа своихъ холопей, сталъ безпокоиться и безпокойство его возрастало съ каждымъ проходившимъ днемъ. Сердце его чуяло, что задержка его холопей—не даромъ, что надъ нимъ самимъ собирается какая то новая туча; какъ всѣ, подобные ему люди, онъ былъ трусливаго десятка человѣкъ, а ожиданіе чего то дурного, но неизвѣстнаго, тревожило его больше самаго удара. Наконецъ, явился къ нему недѣльщикъ и потребовалъ въ патріаршій приказъ.

Были въ приказѣ всѣ въ сборѣ и духовные сановники, и дьяки, и подъячіе—всѣ на своихъ мѣстахъ. Ермолай съ чернильницей и бумагами сидѣлъ у окна при своемъ столикѣ.

Ввели Чоглокова.

Не успѣлъ Чоглоковъ отвѣсить обычные поклоны, какъ Калитинъ встаетъ съ своего мѣста, подходитъ подъ благословеніе къ архимандриту, потомъ подступаетъ къ Чоглокову и, двигая пальцами правой руки, говоритъ ему:

— Тимоѳей Васильевъ Чоглоковъ! Какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не совѣстно такія дѣла творить! Бога ты, вѣрно, не боишься, людей добрыхъ не стыдишься! Васъ царскихъ служилыхъ господъ дворянъ посылаетъ великій государь за правдой наблюдать, чтобъ нигдѣ сильные слабымъ, а богатые бѣднымъ обидъ не чинили, вамъ царскимъ именемъ надлежитъ сиротъ оборонять, а ты, грѣховодникъ, пустился на такія беззаконія, что и говорить срамъ! Да еще гдѣ! У чужихъ людей, въ малороссійскихъ городѣхъ! Какъ послѣ этого черкасскіе люди могутъ быть царскому величеству вѣрны и московской державѣ крѣпки, когда къ нимъ будутъ посылаться начальными людьми такіе озорники, безчинники, блудники, насильники, какъ твоя милость! Скажутъ черкасскіе люди: мы ради обороны единыя восточныя каѳолическія вѣры отдались сами доброю своею волею подъ державу великаго государя, а къ намъ присылаютъ изъ Москвы такихъ, что съ нами горѣе ляха и бусурмана поступаютъ. Ты, видно, о Богѣ не помышляешь и суда его страшнаго не страшишься и царскаго гнѣва надъ собой не чаешь, на свои, знать, достатки уповаешь, что нажилъ неправеднымъ способомъ. Знай же: сыщется на тебя управа; отольются волку овечьи слезки!

Чоглоковъ никакъ не ожидалъ такой встрѣчи, и нѣсколько минутъ не могъ поворотить языка чтобъ отвѣтить; онъ только въ смущеніи бросалъ по сторонамъ тревожные взгляды, какъ будто высматривая за чтобы ему ухватиться, укрываясь отъ такого неожиданнаго наступленія. Калитинъ, остановившись на мигъ, сталъ снова вычитывать ему упреки въ томъ же тонѣ, примѣшивая къ нимъ угрозы. Наконецъ, Чоглоковъ, собравшись съ духомъ, рѣшился заступиться за свою оскорбленную честь и произнесъ:

— Господинъ честный дьякъ Иванъ Родіоновичъ! Я не подвѣдомъ твоей милости и не знаю, съ чего ты это вздумалъ позвать меня сюда и задавать мнѣ безчестныя рѣчи? Вмѣсто разговора съ тобою, я подамъ великому государю на тебя челобитную въ безчестьи.

— Ты подашь на меня челобитную! воскликнулъ дьякъ, потомъ обратившись къ духовнымъ сановникамъ, говорилъ:

— Извольте прислушать, отцы честнѣйшіе! И ты, Левонтій Савичъ, тоже. Онъ еще хочетъ подавать на насъ челобитье въ безчестьи! Молодъ ты разумомъ, хоть лѣтами, кажись, и подошелъ. Не понимаешь развѣ того, что коли тебя позвали въ патріаршій приказъ, такъ съ тобой говоритъ тамъ не дьякъ, а самъ святѣйшій патріархъ черезъ своего дьяка!

— Такъ вотъ я и докладываю святѣйшему патріарху, сказалъ Чоглоковъ, прежде надобно сказать, за что я сталъ достоинъ чтобъ меня лаять, а не лаять ни за что ни про что!

— А, воскликнулъ съ злымъ смѣхомъ Калитинъ: ты прикидываешься тихоней. Постой же, коли такъ: покажу я тебѣ сейчасъ за что ты достоинъ, чтобъ тебя лаять.

Онъ пошелъ къ двери, отворилъ ее, и, давши кому-то знакъ рукою, отступилъ, а въ дверь вошла Ганна.

— Что это за женка? Знаешь ты ее? спрашивалъ Калитинъ Чоглокова.

— Я ее знаю, отвѣчалъ Чоглоковъ. Это жена моего холопа Васьки.

— Насильно въ попраніе всякаго закона Божескаго и человѣческаго стала она женою его по твоему разбойничьему умыслу. Она — жена черниговскаго казака Молявки. Ты это зналъ, ты былъ на ея вѣнчаньи и приглянулась женская красота ея твоему скотскому плотоугодію, и учинилъ ты силою надъ нею срамное дѣло, потомъ приказалъ повѣнчать ее, мужнюю жену, съ своимъ холопомъ, затѣмъ чтобы къ себѣ на постелю водить. Вотъ кто такая эта женка. Срамникъ ты негодный, человѣкъ имени христіанскаго недостойный!

— Это неправда! сказалъ Чоглоковъ. — Эта женка сама своею охотою пошла замужъ за моего человѣка. А въ Москву я выписалъ ее съ мужемъ совсѣмъ не для какого-то срамного дѣла, а для услуги себѣ! Вы же звали того холопа, что съ ней вѣнчанъ. Спросите его при мнѣ.

— Холопъ какъ холопъ!—сказалъ Калитинъ:—холопъ и при государѣ своемъ холопъ, и безъ него холопъ! Отвѣчаешь ли во всемъ за своего холопа?

— Отвѣчаю, сказалъ Чоглоковъ, что онъ, вмѣстѣ съ этой вотъ женкой приходили ко мнѣ и просили дозволенія повѣнчаться!

— Николи сего не було! произнесла Ганна.

Калитинъ продолжалъ:—А отвѣтчикъ ли ты за своего холопа во

всемъ другомъ? И въ томъ чего самъ не знаешь — отвѣтчикъ ты за своего холопа? Если по розыску и по суду уличится въ чемъ твой холопъ виноватымъ, отвѣтчикъ ли ты за своего холопа?

— Нѣтъ, сказалъ Чоглоковъ: пусть за себя самъ отвѣчаетъ, коли въ чемъ виненъ.

— И ты въ томъ не отвѣтчикъ за своего холопа?

— Не отвѣтчикъ, сказалъ Чоглоковъ.

— Пиши, Ермолай, сказалъ дьякъ подъячему, потомъ снова обратился къ Чоглокову:—Ну, такъ видишь ли: холопъ твой Васька показалъ то же, что эта женка; никогда они вдвоемъ не просили тебя, а велѣлъ ты своимъ людямъ насильно схватить ее и повѣнчать за тѣмъ, чтобъ женку пускали къ тебѣ для блуднаго дѣла.

— Если холопъ мой такое говоритъ—онъ лжетъ! Холопу вѣрить не мочно, когда онъ такую безлѣпицу на своего государя сказываетъ, произнесъ вспыхнувши Чоглоковъ.

— Потише, не брыкайся! сказалъ ему Калитинъ, мочно ему вѣрить! У насъ судъ духовный, а не мірской: здѣсь и холопа свидѣтельство пріемлется, потому что и холопъ такой же сынъ церкви. Да впрочемъ, и въ мірскомъ дѣлѣ вѣрить холопу мочно, коли ты уже объявилъ, что за своего холопа не отвѣтчикъ. Левонтій Савичъ! Прочти ему 54 статью Уложенія о холопьемъ судѣ.

Скворцовъ прочиталъ: „Будетъ отвѣтчикъ скажетъ, что холопъ самъ за себя отвѣчаетъ, и противъ истцовой и исковой челобитной велѣти холопу отвѣчати и съ суда правъ ли, или виноватъ будетъ, вѣрити холопу, что ни станетъ въ судѣ говорити“.

— Это сюда не идетъ! воскликнулъ Чоглоковъ. Это говорится о холопьемъ судѣ, вотъ еслибъ судъ происходилъ въ холопьемъ приказѣ...

— Ти, ти, ти! Законникъ какой выискался! прервалъ его Калитинъ. Да здѣсь, говорятъ тебѣ, духовный судъ, гдѣ рѣчи холопьи и безъ того пріемлются.

— Такъ и судите себѣ свои духовныя дѣла! сказалъ раздраженнымъ голосомъ Чоглоковъ. Съ чего же это вы меня-то сюда притащили, да стали въ уголовщинѣ обвинять? Изнасилованіе—дѣло уголовное, а не духовное.

— Врешь, сказалъ Калитинъ, изнасилованіе—блудное дѣло, а блудъ всякій карается духовною карою.

— Про блудное сожитіе довести надобно, сказалъ Чоглоковъ, а вы на меня не доведете.

— Уже доведено, сказалъ дьякъ.

— Нѣтъ, не доведено! смѣлымъ тономъ говорилъ Чоглоковъ: и довести невозможно, и не ваше то дѣло есть. По доносу этой самой черниговской женки и по другимъ такимъ же лживымъ доносамъ отъ черниговскихъ жителей разыскивалось уже обо мнѣ въ томъ приказѣ, къ которому я по службѣ своей тянулъ. И дѣло было порѣшено, и

я оправленъ. Духовнаго дѣла за мной никотораго нѣтъ. То дѣло, что что у васъ ведется объ этой женкѣ, что она объявляется съ двумя мужьями повѣнчана—то дѣло до меня отнюдь не належитъ. Съ чего вы это на меня насѣли! Вотъ ужъ подлинно, какъ говорится: съ больной головы да на здоровую!

— А ты знаешь, сказалъ архимандритъ, святѣйшій патріархъ есть вѣрный и неусыпный печальникъ передъ царемъ о всѣхъ утѣсненныхъ и обидимыхъ, вотъ такихъ, какъ сія женка! Тебя, говоришь, оправили въ приказѣ, но во всѣхъ приказахъ сидятъ люди, не ангели, а подобострастніи человѣцы. Они, по человѣческому недомыслію, ошибиться могутъ и неправое признать правымъ. Надъ всѣми приказами одинъ глава есть царь. А къ царю наверхъ святѣйшему патріарху входъ всегда чистъ и открытъ.

— И царю великому государю и святѣйшему патріарху говорю я одно: не виноватъ я, все на меня затѣяно! говорилъ Чоглоковъ.

Дьякъ Калитинъ, указывая на Ганну, говорилъ Чоглокову:

— Вотъ эта самая женка можетъ говорить съ великимъ государемъ и сама своими усты разскажетъ ему про все. Ты скажешь: куда ей до царя батюшки—далеко и высоко! Оно точно; какъ-таки можно, кажись, чтобъ такой простой бабенкѣ да до великаго государя царя всея Россіи доступить! Ну, а вотъ же святѣйшій патріархъ такъ силенъ, что можетъ дать ей доступъ туда, куда бы ей и во снѣ не приснилось добраться. Съ нею то будетъ! Объявляю тебѣ о семъ именемъ великаго государя святѣйшаго патріарха: если добровольно не принесешь повинной, какъ передъ самимъ Богомъ, и не подашь челобитной, въ ней же подабаетъ тебѣ выписать свои вины и съ сокрушеніемъ сердца просить прощенія, а станешь твердить, что ты оправленъ, и каяться тебѣ не въ чемъ, за такую гордыню постигнетъ тебя великая досада и кручина. Изволитъ святѣйшій патріархъ войти о семъ дѣлѣ къ великому государю печальникомъ за эту бѣдную женку, а тамъ, если царю угодно станетъ—и эту женку введутъ на верхъ и она разскажетъ все великому государю. Смотри, чтобъ тебѣ послѣ очень худо не было. Говоримъ себѣ во истину. Съ святѣйшимъ патріархомъ не дерзай тягаться. Обдумай, потомъ приходи къ намъ и подай челобитную. Быть можетъ, великій государь святѣйшій патріархъ смилуется надъ тобою, видя твое сердечное раскаяніе, и назначитъ тебѣ духовное покаяніе, да тѣмъ и кончится, и онъ тогда не изволитъ уже печаловаться объ этой женкѣ. Вотъ тебѣ сроку отъ святѣйшаго патріарха одна недѣля. Чтобъ въ это время ты порѣшилъ все.

Чоглоковъ не могъ уже болѣе ничего говорить. Онъ увидалъ себя вдругъ въ такомъ особенномъ положеніи, въ какомъ никогда и не воображалъ, чтобъ могъ очутиться. Блѣденъ, какъ мертвецъ, стоялъ онъ, словно выслушалъ смертный приговоръ.

Калитинъ обратился къ Ганнѣ и говорилъ:

— Бѣдная женка чужеземка! Сирота безпомощная! Не унывай душею. Есть еще верховное правосудіе у царя у батюшки-свѣта! Что Богъ на небѣ, то царь на землѣ. Божій онъ помазанникъ, Божій намѣстникъ! Всякая земная гордыня и неправда смирится предъ нимъ.

Ганна не уразумѣла всего смысла рѣчи Калитина, но чувствительный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, произвелъ на нее такое впечатлѣніе, что она зарыдала.

Чоглоковъ поклонился до земли и вышелъ въ ужасномъ смущеніи.

Калитинъ велѣлъ Ганнѣ идти во дворъ.

Когда всѣ разошлись изъ приказа, Калитинъ остался со Скворцовымъ и Скворцовъ сказалъ:

— Я узналъ навѣрное: Ларіонъ Ивановъ таки оттянулъ у этого живодера половину его вотчины на Пахрѣ по купчей данной.

— И я объ этомъ уже знаю, отвѣчалъ Калитинъ. Осталась другая половина, да еще дворъ въ Москвѣ. Мы подѣлимся съ тобою, какъ попъ дѣлится съ причтомъ. Мнѣ двѣ трети, тебѣ треть. А живодеръ останется нищъ и убогъ. По дѣламъ своимъ заслугу пріиметъ.

Несчастный Тимоѳей Васильевичъ чувствовалъ себя въ крайнемъ, безвыходномъ положеніи. Прежде хоть онъ потерялъ половину Пахровской вотчины, такъ все таки у него оставалась другая половина. Теперь онъ былъ увѣренъ, что если, Боже сохрани, патріархъ станетъ печаловать предъ царемъ о черниговской женкѣ, то произведутъ по царскому особому повелѣнію такой розыскъ надъ нимъ, что десять пахровскихъ вотчинъ его не вывезутъ изъ погибели. „И зачѣмъ я, дуракъ, отдалъ половину своей вотчины Ларіону Иванову?“ сталъ думать онъ. Но вслѣдъ затѣмъ разсудилъ такъ: „нѣтъ, все равно, не отдалъ бы, такъ въ малороссійскомъ приказѣ меня бы все равно утопили! Однако, онъ, Ларіонъ Ивановъ, взялъ съ меня половину вотчину за то, чтобы отъ бѣды меня охранить. А бѣда все таки настигаетъ меня. Пойду къ нему за совѣтомъ. Ужъ коли обобралъ меня, такъ пусть совѣтъ дастъ какъ послѣдней бѣды избыть.“

Онъ пошелъ въ малороссійскій приказъ къ Ларіону Иванову.

Въ первый разъ не приняли его. Подъячій объявилъ ему, что думный дьякъ занятъ важными дѣлами и не можетъ тратить время на разговоры съ такими, которыхъ онъ не звалъ къ себѣ по дѣламъ. Чоглоковъ пришелъ на другой день. Ему сообщили то же, что и вчера, но послѣ того, какъ онъ далъ подъячему нѣкій поминокъ, былъ допущенъ къ думному дьяку и притомъ очутился съ нимъ наединѣ.

— Что нужно? спрашивалъ сухо думный дьякъ и пристально всматриваяся въ посѣтителя, какъ будто не видалъ его никогда.

— Батюшка, отецъ родной! возопилъ Чоглоковъ, за совѣтомъ

благимъ къ тебѣ я пришелъ. Спаси, какъ знаешь. Я тебѣ вѣдь половину своей родовой вотчины отдалъ за то, чтобъ изъ бѣды спастись. А вотъ на меня опять бѣда наваливается.

— Ты, кажется, Чоглоковъ, говорилъ прежнимъ сухимъ тономъ думный дьякъ; я у тебя вотчину купилъ на Пахрѣ, и заплатилъ тебѣ чистыми деньгами и ты мнѣ купчую данную выдалъ. Что жъ? Развѣ что по вотчинѣ этой?

— Ты, батюшка, кормилецъ, хорошо знаешь, какъ и чѣмъ заплатилъ ты мнѣ за ту вотчину, отвѣчалъ Чоглоковъ. Спасти меня взялся отъ бѣды, по доносу, что былъ на меня. За то и вотчину у меня взялъ.

— Не помню, не слыхалъ, ничего не знаю! говорилъ Ларіонъ Ивановъ. За такія дѣла никогда ни съ кого не бириваlъ. Въ купчей данной значится, что я тебѣ чистыми деньгами заплатилъ.

— Да точно, сказалъ Чоглоковъ, смекнувши въ чемъ дѣло и по опыту знавшій, что не слѣдуетъ называть взятокъ ихъ настоящимъ именемъ, а надобно притворяться, что то была покупка, а не взятка. Самъ, будучи воеводою, такъ же дѣлывалъ.

— Да, да, продолжалъ онъ: продана твоей милости за чистыя денежки, только ты, отецъ кормилецъ, въ тѣ поры утѣшалъ меня тѣмъ, что по дѣлу объ этой черниговской женкѣ Аннѣ мнѣ уже ничего не будетъ, остается-де одно духовное дѣло о ея бракѣ, такъ одно дѣло то пойдетъ въ патріаршій приказъ, а мое здѣсь уже покончилось. Я такъ и думалъ; анъ же вонъ не то выходитъ.

И онъ разсказалъ ему о всемъ, что было съ нимъ въ патріаршемъ приказѣ.

— Того ждать можно было, сказалъ думный дьякъ. Имъ тоже ѣсть хочется, какъ и намъ съ тобою. Отъ меня же чего ты хочешь?

— Совѣта, отеческаго совѣта, благодѣтель мой, говорилъ Чоглоковъ. Какъ тутъ мнѣ поступить, куда повернуться? Надѣючись на слово твоей милости, я думалъ что уже все покончилось и меня больше тягать не будутъ!

— Оно, точно, здѣсь и кончилось, сказалъ дьякъ. За скудостію доводовъ въ доносахъ на тебя, не велѣно нять вѣры тѣмъ доносамъ, а чтобъ женку ту не отсылать къ духовному суду, того не говорилось и тебѣ не обѣщалось. Женка разомъ за двумя мужьями: не намъ было то розыскивать, а святѣйшему патріарху. А мы святѣйшему патріарху не указъ. Того, какъ тебѣ говорили, что патріархъ обѣщаетъ о той женкѣ входить на верхъ къ государю, я не зналъ и заранѣе думать о томъ не могъ. Его, святѣйшаго, воля. А правда: патріархъ властенъ во всякое время доступить къ царю и печаловать предъ нимъ о всѣхъ угнетенныхъ и обидимыхъ.

— Что же, какой совѣтъ мнѣ подашь, отецъ-милостивецъ? сказалъ Чоглоковъ.

— Сойтись какъ нибудь съ дьякомъ Калитинымъ, хотя бы при-

шлось тебѣ ударить челомъ другою половиною твоей вотчины, сказалъ засмѣявшись Ларіонъ Ивановъ.

— А мнѣ-то послѣ того по̀-міру за милостынею ходить? болѣзненно спросилъ Чоглоковъ.

— Въ Москвѣ скорѣе подадутъ милостыню, чѣмъ гдѣ нибудь въ Сибири, сказалъ дьякъ. Если святѣйшій патріархъ станетъ противъ тебя передъ самимъ царемъ, то гляди чтобъ тебѣ спины не накропили, да потомъ въ Сибирь въ заточеніе не послали. Да еще, почитай такъ, что ни въ стрѣльцы, ни въ козаки, ни въ пахотные не поверстаютъ, а въ тюрьму вкинуть велятъ! Какъ подумаешь о томъ, что можетъ статься съ тобою, такъ и выйдетъ, не весело по Москвѣ ходить, милостыни выпрашивать, а еще скучнѣе въ Сибири гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ за̀-живо гнить. На Москвѣ, можетъ быть, Богъ пошлетъ тебѣ какого нибудь добраго боярина и тотъ возьметъ тебя къ себѣ, а тамъ—потихоньку, помаленьку и опять въ люди выйдешь. Не будутъ знать, что̀ довело тебя до нищеты, а вѣдь говоримъ же—бѣдность не порокъ. Я думаю, одинъ способъ тебѣ сойтись съ Калитинымъ, хоть бы, говорю, и половиною вотчины ему поступиться.

Чоглоковъ разразился воплями.

— О, какая жъ ты баба! насмѣшливо сказалъ думный дьякъ.

— Отецъ родной, кормилецъ! говоритъ Чоглоковъ, устыдившись своего малодушія и стараясь крѣпиться, поставь себя на моемъ мѣстѣ, ну какъ бы у тебя все разомъ отнимали?

— Не зарекаюсь, сказалъ думный дьякъ, можетъ быть со мною когда нибудь что и хуже станется. Мало ли случаевъ бывало; вотъ человѣкъ въ почести и въ богатствѣ, а тутъ распалится на него царь—и все прахомъ пошло. А и такъ бываетъ, вонъ при блаженной памяти царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Божіимъ попущеніемъ поднялась въ Москвѣ междоусобная брань противъ боярина Морозова и Траханіотова; какіе были богачи и силачи въ землѣ нашей, а все пошло по вѣтру! Мудрѣе насъ были отцы и дѣды наши, и вымыслили такую пословицу: отъ сумы да отъ тюрьмы никто на Руси не зарекайся. И теперь тоже умныя головы твердятъ. И я не зарекаюсь, не знаю что̀ со мною впередъ станется и гдѣ Господь и какъ велитъ голову положить. И ты тоже. Вспомни какъ ты въ Черниговѣ воеводствовалъ, могъ ли тогда думать, что это воеводство тебѣ такъ солоно отзовется! Теперь терпи! Человѣкъ ты, кажись, книженъ; про Лазаря и богача читывалъ. Хорошо было богачу на этомъ свѣтѣ, да на томъ-то горячо пришлось, а бѣдному Лазарю куда какъ здѣсь худо было, да тамъ стало прохладительно.

— Мое послѣднее добро! печально восклицалъ Чоглоковъ.

— Тѣло дороже одежды, а душа дороже тѣла, сказалъ Ларіонъ Ивановъ. Крѣпись, молись и во грѣхахъ своихъ кайся Богу. Вотчины твоей жаль, да дѣлать нечего, и съ ней придется распрощаться! Вотъ мой совѣтъ.

Чоглоковъ ушелъ отъ думнаго дьяка въ самомъ отчаянномъ расположеніи духа. И такъ и этакъ передумывалъ Чоглоковъ. И то и другое приходило ему въ голову. Ужъ не оставить ли все на волю Божію? задалъ онъ себѣ вопросъ, но тотчасъ самъ себѣ и отвѣчалъ на него—невозможно! пойдетъ патріархъ печаловаться о бѣдной Ганнѣ, а царь черкасскій народъ любитъ. Для примѣра, на страхъ другимъ, люто казнить велитъ, чтобъ угодить черкасскому народу, и стану я притчею во языцѣхъ изъ рода въ родъ. Меня въ тартарары зашлютъ, а вотчину все таки отберутъ на великаго государя. Куда не повернись—вездѣ жжетъ огнемъ!

Онъ отправился въ патріаршій приказъ и спрашивалъ гдѣ живетъ дьякъ Скворцовъ; съ нимъ хотѣлъ онъ прежде поговорить, а къ самому Калитину обратиться боялся, такого онъ задалъ ему перцу своимъ пріемомъ! Въ приказѣ ему сказали, что Скворцовъ прибылъ въ приказъ, а Калитина еще нѣтъ. Онъ вошелъ къ Скворцову, поклонился до земли, сталъ спрашивать, что ему дѣлать и какъ расположить къ себѣ Калитина, который такъ загрозилъ ему. Нельзя ли какъ нибудь умилостивить его, чтобъ онъ не доносилъ о немъ святѣйшему и не направлялъ патріарха печаловать передъ царемъ за Анну. Къ удивленію Чоглокова, Скворцовъ сразу намекнулъ ему на то, что говорилъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, именно на уступку Калитину остальной половины вотчины Пахровской и тутъ же показалъ, что ему и Калитину извѣстно уже, что другая половина отдана въ малороссійскомъ приказѣ.

— Вѣдь и мы, патріаршіе дьяки, сказалъ Скворцовъ, не хуже царскихъ въ малороссійскомъ приказѣ; чѣмъ тамъ побилъ челомъ, тѣмъ и у насъ побей! А оно точно, все на немъ, на Калитинѣ виситъ; святѣйшій очень его любитъ и во всемъ ему вѣритъ. Какъ дьякъ Калитинъ доложитъ ему, такъ и станетъ!

Оставались еще сутки до рокового срока, даннаго ему Калитинымъ для обдуманія. Весь день ходилъ Чоглоковъ по своему двору и чувствовалъ, что уже послѣдній день ходитъ по немъ честнымъ хозяиномъ владѣльцемъ вотчины, изъ которой привыкъ получать въ московскій дворъ всякіе запасы. Насталъ другой затѣмъ день. Чоглоковъ приказалъ запречь лошадей, сѣлъ въ колымагу и мысленно говорилъ къ своимъ лошадямъ: эхъ вы мои бѣдныя, сердечныя лошадушки! не придется вамъ болѣе меня возить, а мнѣ на васъ ѣздить: придется можетъ быть пѣшкомъ съ мѣшкомъ за милостынею ходить по Москвѣ!

Чоглоковъ въ патріаршемъ приказѣ засталъ дьяка Калитина вмѣстѣ со Скворцовымъ, и подъячій Ермолай сидѣлъ за своимъ столикомъ у окна. Духовныхъ особъ еще не было.

— Надумался? спросилъ сурово Калитинъ.

— Надумался, батюшка, отецъ благодѣтель! сказалъ Чоглоковъ и повалился къ ногамъ дьяка. Батюшка-кормилецъ! Бью тебѣ че-

ломъ своею послѣднею вотчинишкою на рѣкѣ Пахрѣ! Соизволь принять!

— Что?—гнѣвно сказалъ Калитинъ:—за кого ты меня пріемлешь? Чтобъ я правосудіе продавалъ? Что я! Со Іудою христопродавцемъ въ ровень стану, что ли? А видѣлъ ты, дурачина, что съ тѣмъ Іудою сталось: какъ на западной стѣнѣ въ церкви написанъ адъ кромѣшный, а тамъ тотъ Іуда на колѣнахъ у сатаны сидитъ и мошну въ рукѣ держитъ съ тѣми тридцатью сребренниками, что за Господа нашего отъ беззаконныхъ архіереевъ жидовскихъ взялъ? И мнѣ того же хочешь? Ахъ ты дурачина мужичина неотесанный! Видно какъ самъ управлялъ, воеводствуючи въ Черниговѣ, грабилъ, обдиралъ жителей, такъ по себѣ и о всѣхъ другихъ думаетъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не бралъ и ни съ кого еще неправедно и одной полушки. Что ты меня своею вотчиною манишь? Душу свою развѣ отдамъ за твою проклятую вотчину, подавиться бы тебѣ ею. Не туда, братъ, угодилъ. Въ другихъ приказахъ, можетъ быть, берутъ посулы и поминки, а въ нашемъ патріаршемъ приказѣ о таковомъ беззаконіи и помыслитъ не посмѣютъ. А ты вотъ что: напиши челобитную святѣйшему патріарху Киръ Іоакиму, а въ той челобитной пропиши всѣ свои грѣхи тяжкіе: какъ неправедно въ Черниговѣ людей обиралъ, какъ женокъ и дѣвокъ на блудное дѣло подговаривалъ, и какъ Анну приказалъ схватить и насильно отдалъ за своего холопа замужнюю женщину, все ради своего блуднаго сластолюбія, ничего не утай, ни въ чемъ не солги, все открой передъ святѣйшимъ патріархомъ, какъ передъ самимъ Богомъ на исповѣди и самъ себя въ наказаніе отдай и свою вотчину на Пахрѣ и свой дворъ на Арбатѣ въ Москвѣ, все, что имѣешь, отдай во искупленіе грѣховъ своихъ въ волю святѣйшему патріарху, чтобъ со всѣмъ симъ поступилъ по своему мудрому разсмотрѣнію на благо святѣй, соборной и апостольской церкви. Вотъ коли такъ учинишь—иное дѣло: святѣйшій патріархъ, видя твое нелицемѣрное раскаяніе, укажетъ тебѣ какое нибудь легкое церковное покаяніе и проститъ тебя, не станетъ входить наверхъ къ великому государю съ печалованіемъ о женкѣ Аннѣ, но прикажетъ отослать ее къ первому ея мужу.

— У меня ничего не останется! сказалъ Чоглоковъ. Какъ же мнѣ тогда жить на свѣтѣ? Чѣмъ питаться?

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, сказалъ Калитинъ, — пропитаніе тебѣ дадутъ. Самъ святѣйшій патріархъ, чаю, изволитъ подать тебѣ святую Христову милостыню. Безчестья на тебѣ не будетъ; что ты про себя напишешь въ челобитной, то втайнѣ пребудетъ: все равно, какъ бы ты священнику разсказалъ на духу. Можешь опять поправиться, и еще воеводою будешь, и опять разживешься.

— Нельзя ли ужъ хоть дворъ-то мой на Москвѣ оставить мнѣ? говорилъ Чоглоковъ.

— Ни, ни! заговорилъ рѣшительно Калитинъ. Словомъ Господ-

нимъ скажу тебѣ: не изыдеши отсюду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ. И дворъ, и все что въ домѣ есть, и всѣхъ холопей своихъ при дворѣ — все, все отдай! Не уподобись Ананіи и Сапфирѣ, что вызвались съ цѣлымъ имуществомъ своимъ апостоламъ Христовымъ, да утаили, не все отдали, а за это святой первоверховный Петръ покаралъ ихъ—оба разомъ такъ тутъ же упали и духъ испустили! И ты того же не покушайся чинить, что они. Вотъ видишь, съ тебя нужно было бы взыскать денегъ съ чѣмъ отправить женку Анну домой въ Черниговъ и па проѣсть ей дать, да ужъ это мы кое-какъ соберемъ съ твоей вотчины сами.

— Берите! Что хотите—все берите! сказалъ Чоглоковъ и разразился рыданіемъ.

Калитинъ приказалъ Ермолаю писать челобитную, которую долженъ былъ подписать Чоглоковъ. Во все время писанія челобитной, Чоглоковъ сидѣлъ въ углу; видно было, что онъ хотѣлъ пересилить себя, но никакъ не могъ и безпрестанно всхлипывалъ. Между тѣмъ пришли духовныя особы и разсѣлись на своихъ мѣстахъ. Когда челобитная была написана, Калитинъ, взявши ее отъ Ермолая, подозвалъ Чоглокова. Въ этой челобитной грѣшникъ сознавался и каялся во всѣхъ своихъ неправдахъ и выражался, что обо всемъ этомъ онъ открываетъ святѣйшему патріарху какъ передъ Богомъ на исповѣди. Чоглоковъ дрожащею рукою подписалъ челобитную.

Тогда Калитинъ запечаталъ челобитную, подошелъ къ архимандриту и протопопу и объяснилъ, что Чоглоковъ подаетъ челобитную святѣйшему и кается во всѣхъ своихъ грѣхахъ, какъ передъ Богомъ на исповѣди, а потому сія челобитная не можетъ быть пришита къ дѣламъ.

— Достойно, хорошо! Боже благослови! произнесъ архимандритъ.

— Вотъ то-то, сказалъ Калитинъ, обратившись къ Чоглокову: васъ всѣхъ воеводъ слѣдовало бы учить такъ, какъ мы тебя научили. Да на счастье твое ты одинъ къ намъ попался. А то въ другихъ приказахъ ваша братія изъ воды суха выходитъ. Ну, а вотъ какъ къ намъ кто изъ васъ по церковному дѣлу попадетъ, такъ мы раскопаемъ всю вашу яму, гдѣ скрыты ваши скверны!

Калитинъ послѣ того отправился съ докладомъ къ патріарху, подалъ ему челобитную отъ Чоглокова и съ своей стороны просилъ быть къ нему милостивымъ, снисходя къ искренности его раскаянія. Такое явленіе было не частое. Іоакимъ, прочитавши челобитную, сказалъ:

— Это сынъ необычный! Аще онъ подалъ намъ такову челобитную въ коей аки бы на исповѣди вся своя тайная повѣдаетъ, то и мы принимаемъ его челобитную яко исповѣдь и не станемъ просить царя великаго государя, чтобы вновь о немъ розыскивать и каратъ царскимъ судомъ, хотя бы то и слѣдовало по его гнуснымъ дѣяніямъ. Церковную епитимію указываемъ ему такову: два лѣта не прича-

щаться св. таинъ и ходить ежедневно въ церковь, но первое лѣто не входить въ трапезу съ вѣрными, а стоять въ притворѣ и воздыхать къ Богу, и о прощенiи своихъ грѣховъ молить; по окончанiи же единаго лѣта можетъ входить и стоять въ трапезѣ со всѣми вѣрными, по миновенiи же паки другого лѣта — дозволяется ему причащаться святыхъ страшныхъ безсмертныхъ животворящихъ Христовыхъ таинъ. Сiе ему въ приговоръ вписать, но грѣховъ тѣхъ, въ коихъ онъ кается въ своей челобитной, въ приговорѣ не вписывать, понеже онъ искренно и нелицемѣрно покаялся, какъ и дѣла его показали довольно. Вотчину же, что онъ отдалъ во искупленiе грѣховъ своихъ въ святую соборную и апостольскую церковь, мы указываетъ вписать въ число нашихъ патрiаршихъ вотчинъ, опредѣленныхъ для раздачи нашимъ служилымъ людямъ, а въ числѣ нашихъ домовыхъ не вписывать, оттого что намъ духовнымъ запрещено уже давно прiобрѣтать себѣ новыя вотчины, раздавать же служилымъ людямъ за ихъ заслуги можно.

Патрiархъ взглянулъ въ глаза Калитину, какъ будто съ желанiемъ произнести, не отдать ли ее тебѣ? Но Калитинъ стоялъ со смиреннымъ видомъ, потупя глаза въ землю и какъ будто ничего для себя не желая и вовсе о себѣ не думая. Патрiарху, всегда къ нему благоволившему, онъ особенно понравился въ эту минуту.

— Мы тебя, Калитинъ, давно не жаловали, сказалъ патрiархъ, погодивши съ минуту и продолжая опять глядѣть ему въ лицо.

— Доволенъ зѣло милостями твоими, всечестный господине святѣйшiй владыко! сказалъ кланяясь въ поясъ Калитинъ. По моимъ малымъ заслужишкамъ и по моему невеликому умишку, твоя святыня безмѣрнѣ былъ всегда милосердъ и ко мнѣ и къ семьѣ моей и нынѣ какъ и всегда я уповаю на твое благоутробiе, какъ тебѣ Господь Богъ извѣститъ и на сердце твое владычнее положитъ. Но дерзалъ бы я просить твое святѣйшество не о себѣ, а о товарищѣ моемъ дьякѣ Скворцовѣ. Его бы нѣкоторою, хотя невеликою, благостынею отъ твоего благоутробiя, великiй господине нашъ, святѣйшiй владыко, утѣшить.

— Доброе сердце у тебя, Иванъ, сказалъ патрiархъ, что ты не о себѣ, а о своемъ товарищѣ просишь. Хорошо. Мы жалуемъ тебя, Ивана Калитина, въ помѣстье тою вотчиною, что подарилъ намъ въ святую церковь сей Чоглоковъ, а Левонтiю Скворцову будетъ тотъ дворъ его на Москвѣ, что онъ даритъ намъ же разомъ съ вотчиною.

Калитинъ упалъ къ ногамъ патрiарха, потомъ, приподнявшись и стоя на колѣняхъ, поцѣловалъ его руку. Патрiархъ благословилъ его и продолжалъ:

— Архiепископу Лазарю Барановичу написать отъ нашего имени отческое и братственное внушенiе, чтобъ онъ въ своей епархiи не позволялъ такъ поступать и не разрѣшалъ совершать браки въ тѣ дни, въ которые постъ уставленъ по правиламъ святой восточной

каѳолической церкви. Отъ сего не мало зла возникаетъ, какъ тому примѣръ и нынѣ видимъ. Лицемѣры предлоги вымышляютъ: вѣнчанье не въ вѣнчанье и бракъ не бракъ считаютъ и блудныя дѣла отъ того начинаются. Изложивъ сіе все преосвященному Лазарю, увѣщевать его, чтобъ онъ обычаевъ латинскихъ не держался, хотя таковые и укоренились въ тамошнихъ людяхъ чрезъ долговременное пребываніе подъ иновѣрнымъ господствомъ. Ему яко пастырю доброму, а не наемнику, надлежитъ бдѣть о словесныхъ овцахъ своихъ и охранять ихъ отъ влѣзанія къ нимъ душегубительнаго латинскаго волка. Жену оную Анну отправить къ ея первому едино-законному мужу въ супружеское сожитіе, за вступленіе же незаконное въ братъ при живомъ мужѣ, никакого церковнаго наказанія ей не чинить, понеже то сталось по конечной неволѣ.

— О священникѣ Пахринскомъ, что вѣнчалъ незаконно Анну, что укажешь всечестный господине святѣйшій владыко? произнесъ Калитинъ. Позвать бы его, да на патріаршіемъ дворѣ подержать въ желѣзахъ съ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, мало, сказалъ патріархъ; хоть и господинъ той вотчины повелѣлъ ему, но онъ долженъ былъ помнить, что у него есть свой господинъ, архипастырь. Продержать его въ желѣзахъ въ нашемъ погребѣ на хлѣбѣ на водѣ да на квасѣ не мѣсяцъ, а четыре мѣсяца. Да и то пусть себѣ вмѣнитъ въ милость, что не велимъ его разстричь за такое богопротивное дѣло, снисходя къ тому точію, что сіе содѣялъ онъ по малодушію и боязни. Женѣ же той, возвращая ее къ мужу, выдать отъ нашего смиренія Христову милостыню на дорогу пятдесятъ рублевъ.

Пришедши изъ покоевъ патріаршихъ въ приказъ, Калитинъ говорилъ Скворцову:

— Слава тебѣ, Господи! Сталось все такъ, какъ лучше и хотѣть не могли. Святѣйшій пожаловалъ мнѣ Пахринскую вотчину Чоглоковскую. Я и не просилъ его, а онъ самъ безъ моего челобитья меня пожаловалъ! А я тогда говорю ему: много доволенъ; о себѣ не прошу, а вотъ еслибъ милость была твоя, честнѣйшій владыко, пожаловать бы изволилъ, какъ Богъ тебя наставитъ, моего товарища Левонтія Скворцова; а онъ на это: вотъ, говоритъ, хвалю за то, что просишь не о себѣ, а о другомъ. Даю ему, Скворцову, говоритъ, тотъ дворъ московскій, что Чоглоковъ отдалъ. Вотъ, Леонтій Савичъ, у тебя теперь свой дворикъ будетъ, свое гнѣздышко.

Скворцовъ съ выраженіями радости цѣловалъ Калитина и благодарилъ его, но въ тайнѣ онъ не былъ доволенъ тѣмъ, что Калитинъ какъ будто забылъ вовсе, что обѣщалъ было ему треть вотчины Чоглоковской, если ему она достанется. Но заявлять объ этомъ товарищу Скворцовъ не посмѣлъ: онъ былъ, что называется, человѣкъ смирный и потрухивалъ передъ Калитинымъ.

— А все таки досадно! сказалъ Калитинъ,—Ларіонъ Ивановъ под-

половинилъ знатно животы бездѣльника, а намъ только послѣдушки остались!

XVII.

Ганна, въ продолженіи производства дѣла въ патріаршемъ приказѣ, жила во дворѣ Калитина съ прочею челядью въ дворовой избѣ и исполняла свои обязанности: ходила за двумя коровами, доила ихъ, ставила молоко на устой, подкладывала коровамъ кормъ, выметала хлѣвокъ въ которомъ онѣ стояли; близь нея постоянно ходила дѣвочка лѣтъ пятнадцати, которую госпожа готовила быть коровницею. Калитина удивилась когда Ганна, по малороссійскому обычаю, принялась было доить коровъ, подпуская къ нимъ телятъ, что въ Москвѣ не было въ обычаѣ. Ганна объясняла хозяйкѣ, что черезъ это телята лучше будутъ рости и набираться силы и будетъ изъ нихъ крупный рабочій скотъ. Калитина до тѣхъ поръ думала, что можно заботиться развѣ только о телушкахъ, а не о быкахъ, и пришла въ изумленіе, когда услыхала, что въ черкасской землѣ пашутъ землю быками. Ганна получала отъ хозяйки и другія порученія, исполняла все съ радѣніемъ, какъ умѣла, и Калитина была ею очень довольна.

Такъ прошли лѣтніе мѣсяцы 1677 года. Во второй половинѣ сентября этого года, воротившись по обычаю изъ приказа домой, Калитинъ сообщилъ женѣ пріятную для нихъ обоихъ новость. Святѣйшій патріархъ изволилъ пожаловать ихъ вотчиною изъ домовыхъ патріаршихъ вотчинъ, тою самою, что владѣлъ бездѣльникъ, обидѣвшій женку-хохлачку, помѣщенную въ ихъ дворѣ, а самую женку велѣлъ отправить на ея родину къ первому мужу.

Позвали Ганну.

— Добраго тебѣ здоровья, молодушка! сказалъ ей Калитинъ. Дѣло твое, слава Богу покончилось. Святѣйшій патріахъ указалъ считать упраздненнымъ на вѣки твой насильный бракъ съ чоглоковскимъ холопомъ и отпустить тебя къ твоему первому мужу, да еще святѣйшій патріархъ пожаловалъ, изволилъ приказать выдать тебѣ отъ него, святѣйшаго, милостыни на дорогу пятьдесятъ рублевъ. Завтра позовутъ тебя въ приказъ и тамъ прочтутъ приговоръ.

Ганна бросилась цѣловать руки Калитину и Калитиной, благодарила за хлѣбъ за соль, и просила прощенія, если, быть можетъ, не умѣла чѣмъ нибудь угодить имъ во время своего прожитія. Калитина похвалила ее за усердіе и желала ей благополучія.

— А ѣхать тебѣ одной съ подвозчикомъ будетъ можетъ быть и скучно и непригоже, сказалъ Калитинъ. Ты-бъ сходила на малороссійскій дворъ и узнала бы тамъ: не ѣдетъ ли кто изъ вашихъ земляковъ въ вашу сторону. И ты бы съ ними съѣхала.

Ганна воспользовалась такимъ совѣтомъ, но стала разспрашивать не о малороссійскомъ дворѣ, а о томъ, гдѣ теперь живетъ Доро-

шенко; она считала долгомъ поблагодарить его за то, что онъ первый принялъ въ ней участіе и помогалъ ей въ ея крайности. Она узнала, что Дорошенко съ греческаго двора переведенъ въ свой собственный дворъ, пожалованный ему отъ царя.

Нашла она Дорошенка въ его новосельѣ и была допущена къ нему. Петръ принялъ ее ласково, какъ старую знакомую, распросилъ какъ окончилось ея дѣло, и сказалъ:

— Тебѣ, кстати, можно ѣхать съ нашими людьми, что пріѣзжали ко мнѣ отъ брата Андрея и вотъ скоро уѣзжаютъ назадъ въ Сосницу. Только я тебѣ, молодица, скажу новость не слишкомъ, можетъ, пріятную, но ужъ правды не куда дѣвать. Мужъ твой, Молявка, что былъ сотникомъ въ Сосницѣ, женился на другой дѣвицѣ, на дочери Бутрима. Вотъ какой недобрый, не хотѣлъ тебя подождать!

Ганна сначала поблѣднѣла и минуты двѣ-три стояла какъ вкопанная, потомъ разразилась горькимъ плачемъ.

Дорощенко сказалъ:

— Жалко мнѣ тебя, молодица, ей Богу очень жалко! Ну да Господь воздастъ твоему измѣннику. По дѣломъ вору мука! Уже Молявка теперь не сотникъ. Ясневельможный смѣнилъ его и пожаловалъ сотничество моему брату Андрею. А Молявка живетъ у своего тестя Бутрима и, говорятъ, не ладитъ съ своею женою.

— Ни въ чемъ онъ противъ меня не виноватъ! сказала Ганна сквозь слезы: какъ же ему было и ждать меня! Никто не зналъ куда я дѣвалась, а къ тому, можетъ быть ему и написали и прочитали, что я съ другимъ повѣнчана въ Московщинѣ. Вѣрно такъ и было. Богъ съ нимъ! Должно быть такая судьба мнѣ Богомъ назначена.

— А конечно такъ, правда, молодица! сказалъ Дорошенко. Богъ человѣка сотворилъ, Богъ съ человѣкомъ и чинитъ, какъ благоволитъ. Посмотри на меня, молодица: чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь? Былъ я гетманъ, владѣлъ Украйною, съ царями-королями водился какъ съ ровнею, а теперь—на чужой сторонѣ въ униженьи, въ неволѣ... Да еще дай Богъ здоровья великому государю милосердному, даетъ мнѣ бѣдному пристанище и кусокъ хлѣба, а тамъ на Украйнѣ все мое имущество пропало и самый мой Чигиринъ не устоитъ и навѣрно погибнетъ. А у тебя, молодица, есть отецъ и мать?

— Есть, отвѣчала Ганна; лучше скажу были, а живы ли теперь—не знаю!

— Къ нимъ и поѣзжай! сказалъ Дорошенко. Все же у своихъ родныхъ легче тебѣ жить будетъ. Боже тебя благослови! Вотъ, на, молодица, тебѣ отъ меня на дорогу!

Дорошенко подарилъ ей нѣсколько рублей. Ганна поцѣловала ему руку.

Прослушавши въ приказѣ указъ о себѣ и получивши пожалованные ей отъ патріарха пятьдесятъ рублей, Ганна простилась съ Калитиными; хозяйка подарила ей узелъ съ бѣльемъ, лѣтникомъ и

двумя поневами: то былъ ей знакъ хозяйской благодарности за непродолжительную, но исправную службу и милостыня на бѣдность отъ семьи Калитиныхъ. Не жаль было имъ дать эту милостыню: они черезъ Анну получили несравненно больше выгодъ, чѣмъ насколько теперь давали Аннѣ.

Ганна прибыла съ своимъ узелкомъ въ домъ Дорошенка и оттуда выѣхала съ его людьми, привозившими въ Москву для Петра Дорошенка жизненные припасы и ворочавшимися къ Андрею Дорошенку съ разными сдѣланными въ Москвѣ закупками. Удаляясь изъ Москвы, Ганна мысленно послала проклятіе злодѣю, испортившему ея молодую жизнь.

Слѣдуя все дальше и дальше на югъ, не узнала она, что проклятіе бѣдной женщины постигло злодѣя скорѣе, чѣмъ можно было ждать. Ограбленный въ приказахъ до ниточки, выгнанный со двора, Чоглоковъ шатался по Москвѣ, гдѣ день, гдѣ ночь, принялся съ горя пить и пропивалъ небольшую сумму денегъ, уцѣлѣвшихъ у него въ карманѣ отъ погрома. Черезъ мѣсяцъ не хватило у него на что̀ пить; одѣтый въ лохмотья, въ которыя превратилось бывшее на немъ одѣяніе, онъ слонялся постоянно около Петровскаго кружала, кланялся всѣмъ проходящимъ, вымаливалъ денежку на пропитаніе, или, вѣрнѣе, на пропитіе. Пришла зима, наступили морозы, у Чоглокова не было ни теплаго помѣщенія, ни теплой одежды; безпріютный, ночевалъ онъ то въ кабакахъ, то на улицахъ подъ церковными зданіями и однажды кто-то по христолюбію далъ ему малую толику денегъ на пропитіе. Чоглоковъ передъ тѣмъ долго ничего не ѣлъ и какъ выпилъ водки, она его такъ разобрала, что едва онъ вышелъ изъ кружала, какъ упалъ, заснулъ на мерзлой землѣ и ужъ болѣе не проснулся. Его тѣло подобрано было поутру, отвезено въ убогій домъ и тамъ свалено въ общую могилу, въ кучу съ другими трупами опившихся, которыхъ въ Москвѣ каждое утро собирали по улицамъ. Не помянули раба божія Тимоѳея по христіански, ни запискою его имени въ синодикъ, ни подачею часточки за упокой души его тѣ дьяки, которые владѣли ограбленными у него вотчинами: не имѣли они повода освѣдомляться о его судьбѣ и даже не узнали о его смерти.

XVIII.

Дорошенко хорошо изучилъ и зналъ козацкую натуру: часто не бываетъ ей удержу, когда на глаза козаку попадается молодая, да еще красивая женщина. Людей, пріѣзжавшихъ изъ Сосницы, было четверо, на двухъ подводахъ. Всѣ люди были уже не молодые, но Петръ Дорошенко, все-таки не совсѣмъ полагаясь на ихъ пожилой возрастъ, передъ обратною отправкою, призвалъ ихъ всѣхъ и настрого приказалъ, чтобы они обращались съ Ганною почтительно,

какъ съ честною чужою женою, не привязывались бы къ ней ни съ чѣмъ грѣховнымъ и прибавилъ, что если они себя станутъ вести иначе, то братъ его Андрей взмылитъ имъ спины канчуками. Это охранило Ганну на всю дорогу и отъ надоѣдливыхъ любезностей и отъ лишней болтовни. Она обращалась съ товарищами пути хотя не надувая губъ, но не пускаясь въ продолжительныя бесѣды, не скрывала отъ нихъ того, что съ нею происходило въ Москвѣ, когда ее о томъ спрашивали, но ограничивалась короткими отвѣтами и старалась имъ дать замѣтить, что ей тѣмъ будетъ пріятнѣе, чѣмъ меньше будутъ они толковать съ ней. За то они и оставляли ей много времени погружаться въ свои думы, а думы у ней смѣнялись одна за другою. Ей, конечно, становилось легко на душѣ, какъ только приходила ей въ голову мысль, что уже не увидитъ она болѣе ни отвратительнаго Чоглокова, ни противнаго Васьки, противъ собственной воли принуждавшаго ее считать его своимъ мужемъ,—не увидитъ она болѣе ни дьяковъ, ни приказныхъ сторожей, ни вообще москалей, чужихъ для нее людей. Минутами величайшаго наслажденія кажутся человѣку тѣ минуты, когда ему удается освободиться отъ бѣдъ и мученій, которыя долго терпѣлъ безъ вѣрной надежды отъ нихъ избавиться. Но вѣсть о новомъ бракѣ ея мужа сразу отравила Ганнѣ это счастіе. Мимо собственной воли Ганны, злоба прокрадывалась въ ея добрую, кроткую душу. Онъ не любилъ тебя, зачѣмъ же сватался! говорилъ внутри ея голосъ этой злобы. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ тебя любилъ, онъ бы не связался такъ скоро съ иною женщиною. Онъ бы искалъ тебя и нашелъ бы твой слѣдъ, онъ, какъ твой законный мужъ, узналъ бы въ какой ты бѣдѣ находишься въ чужедальней сторонѣ и вытащилъ бы изъ бѣды свою подругу, хотя бы ему пришлось пробираться на край свѣта до студенаго моря! Но потомъ и сердце и разсудокъ произносили надъ ея супругомъ иной приговоръ:— А можетъ быть онъ и искалъ своей жены и можетъ быть набрелъ на ея слѣдъ, да узналъ, а не то и выписку ему показали, что она за другимъ замужемъ въ далекой Московщинѣ. А развѣ кто нибудь могъ ему тогда объяснить, какъ это сталось со мною, какъ я, повѣнчавшись съ нимъ въ Черниговѣ, да очутилась подъ Москвою и тамъ попъ насильно повѣнчалъ съ москалемъ! И то надобно по правдѣ судить: не онъ первый отъ живой жены женился, а я первая отъ живого мужа была повѣнчана! Онъ того не могъ узнать, что это по неволѣ со мною приключилось! Что жъ ему отыскивать меня, съ кѣмъ то другимъ въ Московщинѣ повѣнчанную? Экое добро я! Коли такая у него жена, что отъ него отступилась, такъ и онъ отъ ней отступился! И тяжело, ухъ какъ тяжело ему бѣдному, должно быть, было на душѣ, когда узналъ онъ, что я чужая чья то жена! Можетъ быть отъ такой тяготы да тоски онъ и задумалъ самъ скорѣе жениться! Вотъ и теперь, какъ я вернусь въ Черниговъ, а онъ заподлинно узнаетъ, что я ни въ чемъ не виновата и изъ столицы меня послали

къ нему, моему законному мужу, такъ будетъ жалѣть, и самъ себя станетъ клясть—зачѣмъ женился! Да и жену свою, можетъ быть, еще возненавидуетъ. Ахъ, не дай Богъ, не дай того Пресвятая Богородица! Нѣтъ, нѣтъ! Я не стану сама ему выставляться; пусть лучше никогда не знаетъ, гдѣ я и что со мною дѣется! Пусть себѣ живетъ съ тою, которую полюбилъ и она пусть вѣрно любитъ его. Дай, Боже, имъ счастія! А про меня пусть совсѣмъ—совсѣмъ забудетъ!

Было осеннее время. Осень въ тотъ годъ была довольно сухая и ясная, дожди падали не часто; дорога была гладкая, исключая низкихъ мѣстъ. Ѣхалось и живѣе и скорѣе. Осень вообще въ жизни поселянъ самое веселое время. Уберутся хлѣба; хозяева устроиваютъ братчины; раздаются повсюду пѣсни; осенью же болѣе всего бываетъ и свадебъ. Проѣзжая черезъ сёла, не въ одномъ мѣстѣ путники наши встрѣчали пестрые кружки свадебныхъ поѣздовъ, шедшихъ или ѣхавшихъ съ пѣснями и гиканьемъ, а кое-гдѣ еще и съ музыкою, съ сопѣлями, накрами и домрами. Въ первомъ малорусскомъ селѣ, черезъ которое они ѣхали вступивши въ предѣлы гетманщины, увидала бѣдная женщина „дружекъ“, которые, идя по улицѣ съ невѣстою, пѣли:

Молода Ганночка що нахилиться,
Слизоньками умыеться,
Що розігнется
Рукавцемъ утреться.

На Ганну эти встрѣчи наводили грустныя впечатлѣнія: припоминалась ей собственная свадьба, такъ странно затѣянная, не вполнѣ совершившаяся, такъ нежданно и ужасно прерванная, и оставившая ей горькую долю умываться слезами, какъ пѣлось въ услышанной ею пѣснѣ.

Наконецъ они доѣхали до Сосницы.

Сосницкому сотнику Андрею Дорошенку подали отъ брата Петра письма. Братъ просилъ его оказать покровительство Ганнѣ Молявчихѣ. Андрей тотчасъ велѣлъ позвать ее къ себѣ. Первымъ дѣломъ его было спросить: довольна ли она людьми, провожавшими ее изъ Москвы, потомъ Андрей свелъ разговоръ на ея мужа, разсказалъ про его житье—бытье въ Сосницѣ до самаго того времени когда сосницкая громада отрѣшила его отъ сотничества и выбрала сотникомъ его, Андрея Дорошенка.

— А Молявка повѣялся куда-то къ своимъ Бутримамъ! закончилъ свой разсказъ Андрей Дорошенко.

Чрезвычайно досадно было Ганнѣ слушать все это о ея мужѣ, но ни въ чемъ противорѣчить она и не смѣла и не могла. Андрей Дорошенко представлялъ Ганнѣ, что ея Молявка, человѣкъ совсѣмъ дурной и жалѣть объ немъ не стоитъ, когда онъ связался съ другою женщиною, не дождавшись своей законной жены и не зная—гдѣ она и что съ нею дѣлается! Сидѣвшій тутъ полковой писарь сталъ было

доказывать, что архіепископъ не по правдѣ дозволилъ Молявкѣ жениться вновь отъ живой жены, такъ какъ это по закону разрѣшается только въ такомъ случаѣ, когда бы жена находилась въ безвѣстной отлучкѣ семь лѣтъ; онъ совѣтовалъ Ганнѣ подать отъ своего имени искъ. Но Ганна, до тѣхъ поръ только слушавшая и сама ничего не говорившая, въ первый разъ открыла ротъ и произнесла, что такой совѣтъ напрасенъ: не станетъ она принуждать мужа жить съ собою, когда тотъ не захочетъ этого самъ. Андрей Дорошенко согласился съ Ганною, но прибавилъ, что не худо ей, однако, сходить къ преосвященному и взять отъ него заранѣе законное свидѣтельство на право вступить вторично въ супружество. Ганна на это ничего не сказала.

Андрей Дорошенко, вмѣстѣ съ женою, обласкалъ и угостилъ Ганну, какъ дорогую гостью, и на другое утро послѣ того снарядилъ подводу и отправилъ на ней Ганну въ Черниговъ.

Приближался конецъ октября. Былъ день холодный, облачный, время отъ времени то проглядывало изъ облаковъ, то скрывалось за ними солнышко. Въ такой день, подвода, отправленная съ Ганною, въѣхала въ Черниговъ черезъ Стриженскій мостъ и тотчасъ повернула вдоль берега Стрижня. Ганна проѣхала мимо бокового входа въ тайникъ, куда въ послѣдній день своего пребыванія въ Черниговѣ пошла она съ ведрами на свою погибель. Ганна невольно дрогнула. Черезъ нѣсколько минутъ подвода остановилась у Кусова двора. Ганна сошла съ повозки, взяла съ собою свой узелокъ и вошла во дворъ. Сердце у нее сильно билось; ноги подкашивались; ее волновала мысль: застанетъ ли она въ живыхъ своихъ дорогихъ и, конечно, изнывшихъ въ тоскѣ за нею, стариковъ. Первое существо, встрѣтившее ее, была собака, которая на цѣпи по веревкѣ бѣгала взадъ и впередъ. Услышала эта собака скрипъ калитки въ воротахъ, бросилась туда съ лаемъ, но вдругъ, узнавши сразу Ганну, принялась визжать и ползать, силясь приблизиться къ знакомому лицу. Ганна подошла къ ней и погладила ее. Повернувшись къ хатѣ, она тронула знакомую дверь и вошла въ сѣни. И здѣсь никого она не встрѣтила. Она творитъ крестное знаменіе, она лепечетъ молитву: Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! Она берется за ручку двери, ведущей изъ сѣней въ свѣтлицу. Рука ея дрожитъ, она долго не въ силахъ отворить двери. Вдругъ дверь отворяется извнутри. Передъ Ганною стоитъ ея мать...

Обѣ въ единый мигъ испустили пронзительные крики. Обѣ кинулись одна къ другой на шею. Ма̀мочко! воскликнула Ганна. До̀ненко! произнесла и какъ бы простонала мать, и начала обцѣловывать дочку, прилегая головою то къ тому, то къ другому плечу ея. Отецъ что-то работалъ въ саду; наймичка, все та же, которая жила у Кусовъ и прежде, услыхала радостные крики изъ своей рабочей хаты, прибѣжала въ свѣтлицу, увидавши Ганну, всплеснула руками и побѣжала куда-то.

Она дала знать отцу, тотъ прибѣжалъ вмѣстѣ съ наймитомъ—тѣмъ самымъ, котораго когда-то, въ день бракосочетанія Ганны, Кусиха хотѣла посылать за музыкою. Мать и дочь продолжали цѣловаться и обниматься; слышались только вздохи и короткія восклицанія. Кусъ первый заговорилъ, обращая взоры къ иконамъ:

— Господи милостивый! Какъ Ты милосердъ ко мнѣ грѣшному! что сподобилъ меня на склонѣ жизни моей увидать мое милое дѣтище. Теперь, Господи, ежели благоволишь меня къ Себѣ принять—да будетъ воля Твоя! Ничего лучшаго на этотъ свѣтѣ мнѣ ждать уже не остается! Какъ дивно Ты, праведный и милосердый Боже, насъ и караешь и милуешь!

Онъ схватилъ Ганну за голову, цѣловалъ ее долго, прижимая къ своей груди и разливался слезами.

Подошли затѣмъ наймичка и наймитъ, цѣловались и здоровались съ Ганною. Оба они привыкли къ дому Кусовъ за многіе годы, стали уже какъ членами ихъ семьи и горячо принимали къ сердцу судьбу своихъ хозяевъ. И они плакали, цѣлуясь съ нежданно явившеюся хозяйскою дочкою.

Утомленная отъ изліяній любви, Ганна сѣла на лавку. Кусиха, сама не зная зачѣмъ, подошла къ шкафу и стала искать сама не зная чего; это дѣлалось по привычкѣ малороссійской натуры; если ей на душѣ очень весело, то первое побужденіе у ней является—поить и кормить все окружающее. По тому же народному побужденію, наймичка пошла въ чуланъ, взяла тамъ складень съ медомъ и внесла въ свѣтлицу, а потомъ попросила у хозяйки, не дастъ ли ей ключей отъ погреба „наточить“ наливки—и Кусиха безсознательно отдала ей ключи.

— Дочка! Серденько! Раскажи, что съ тобою дѣялось? Куда и какъ ты отъ насъ пропала? Гдѣ была? Какимъ случаемъ жива осталась и къ намъ вернулась? Охъ Боже нашъ, Боже! Ужъ какъ мы съ отцомъ помучились за тобой, Ганна! говорила Кусиха.

— Мамочко! Тàточко! произнесла Ганна: простите меня если въ чемъ я противъ васъ согрѣшила! Ужъ стало быть грѣшница я была великая, коли Господь послалъ мнѣ такое лихо!

— Говори, говори! повторилъ отецъ и мать. Наймичка и наймитъ, стоя по-одоль, напрягли вниманіе.

Ганна начала повѣсть своихъ бѣдъ. Разсказъ о безстыдномъ и злодѣйскомъ поступкѣ воеводы произвелъ на сидѣвшаго близь Ганны отца такое впечатлѣніе, что онъ вскочилъ съ мѣста, затрясся всѣмъ тѣломъ, лицо его побагровѣло; онъ ударилъ кулакомъ по столу, потомъ залился горючими слезами. Заволновалось въ немъ разомъ растерзанное чувство родителя и уязвленное достоинство человѣка. Успокоившись немного, онъ произнесъ:

— Бѣдная наша голòвонька! Несчастливая нашихъ людей дòленька!

Разсказъ о томъ, какъ Ганну привезли въ подмосковную вотчину и тамъ насильно вѣнчали съ холопомъ, произвелъ опять взрывъ негодованія и бѣшенства у оскорбленнаго отца.

— О, еретичіи дѣти! Куда они затянули насъ бѣдныхъ! воскликнулъ онъ, и нельзя было сразу понять, о комъ говоритъ онъ. Когда же, разсказывая все по-порядку, дошла Ганна до того, какъ, убѣжавши отъ Чоглокова, пришла она къ Дорошенку и тотъ оказалъ къ ней нѣкоторое вниманіе, Кусъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: хоть одинъ свой человѣкъ нашелся на чужой сторонѣ, въ лихую годину! Самъ несчастливый, а принялъ къ сердцу чужую несчастную долю. Дай, Боже, ему счастія и здоровья! Какъ бы его тамъ не было—къ кому бы она убѣжала, къ кому бы обратилась промежъ чужими людьми ворогами!

Ганна разсказала все, что знала и слышала, какъ дьяки обобрали ея злодѣя Чоглокова.

— Да и все тутъ! произнесъ Кусъ. Вотъ то покарали!

— Мало ему будетъ—коли бъ сжечь его на угляхъ или съ живого шкуру снять! Все бы еще не по заслугѣ это было! сказала Кусиха, находившаяся подъ вліяніемъ разсказа Ганны, въ сильномъ озлобленіи, хотя по своей природѣ вовсе была неспособна дѣлать чего нибудь похожаго на то, что говорила.

Ганна сказала, что передъ отъѣздомъ ея изъ Москвы, Дорошенко сообщилъ ей о новомъ бракѣ съ другою Молявки-Многопѣняжнаго. При этомъ Ганна заплакала и закрыла лицо руками. Отецъ нахмурился и повѣсилъ голову. Кусиха начала укорять старую Молявчиху, говорила, что все это она такъ подстроила, научила своего сына оставить въ бѣдѣ и забыть свою пропавшую жену.

— Богъ знаетъ, замѣтилъ Кусъ, можетъ и не старуха, а самъ молодой провѣдалъ какъ нибудь, что его жена повѣнчана съ другимъ. Да и какъ-таки его бы съ другою повѣнчали, колибъ вѣрно не знали, что первая его жонка сама ужъ повѣнчалась съ другимъ!

— Я его не виню, сказала Ганна, вѣрно ему совсѣмъ ясно доказали, что я съ другимъ повѣнчана—и онъ сдѣлалъ то-же. Чѣмъ онъ виноватъ? Виновата моя доля несчастливая!

И она снова разразилась рыданіями.

— А вотъ, говорила раздраженная Кусиха, пускай душа его такъ вся изольется, какъ черезъ него льются слезы моего дѣтища!

— Баба, какъ есть баба! сказалъ Кусъ, сама не знаетъ, на кого и сердиться! Сказать правду—виноватъ онъ—не виноватъ, я того не знаю, а ужъ коли виноватъ, то все таки меньше всѣхъ.

— А развѣ она чѣмъ противъ него виновата? сказала Кусиха.

— Батька справедливѣе, произнесла Ганна, ни чѣмъ, ни чѣмъ онъ не виноватъ! Дай Богъ ему добраго здоровья и счастія съ иною, только бы она его такъ сердечно и вѣрно любила какъ я. Не судилъ Богъ жить вмѣстѣ, а я ему не то что не желаю ничего худого, а

рада бы еще какую бѣду перетерпѣть, только бы ему хорошо было!

— Выпила ты горькую чашу, дочка! Не дай Боже и пробовать ее изъ за такого сквернаго, что отвернулся отъ тебя и наплевалъ на тебя! говорила Кусиха.

Кусъ сказалъ:

— А я вижу этотъ молодецъ ловокъ, съумѣлъ себѣ пробить дорожку. Изъ простого рядовика, нашего брата, поднялся въ знать, сотникомъ сразу сталъ! Да ба! скоро, вѣрно, зазнался! говорятъ, отрѣшили.

— И я слыхала—отрѣшили, и Дорошенковъ братъ сталъ сотникомъ въ Сосницѣ, сказала Ганна.

— Ему ни-по-чемъ! женился на богатой панночкѣ Бутримовнѣ. Бутримы—люди богатые, замѣтилъ Кусъ.

— Случается, батько, что пріятнѣе съ бѣдною подругою грызть кусокъ ржаного хлѣба, чѣмъ съ богатою кушать вкусный обѣдъ и потреблять дорогіе напитки. Пронеси, Боже, мимо его злую долю! сказала съ грустью Ганна.

— Какъ же это такъ? замѣтила Кусиха, Ганна ему жонка была, а теперь ужъ что же она такое, не жена ему стала, либо какъ?

— Я ему и осталась женою, отвѣчала Ганна, у меня отъ патріарха есть „листъ“, что мнѣ изъ его приказа дали. То вѣнчанье, что мнѣ силою навязали, не почитать за вѣнчанье, а меня считать женою Молявки-Многопѣняжнаго. Такъ патріархъ присудилъ.

— Такъ у Молявки будетъ разомъ двѣ жены, что-ли? спрашивала Кусиха; этого нельзя по нашему христіанскому обычаю. Которая нибудь одна должна быть ему женою; либо ты, либо та другая!

— Либо ни та, ни другая! сказалъ Кусъ; по моему разуму такъ. Хоть и не виноватъ онъ, что съ двумя повѣнчался, а ужъ коли первая жена отыскалась, такъ не слѣдуетъ вводить въ скорбь ни той, ни другой—и не жить бы ему ни съ первою, ни со второю, а идти въ монастырь служить Господу Богу!

— А я еще разъ скажу, произнесла Ганна,—пускай живетъ въ счастьи-здоровьи съ тою, которая полюбила его безъ меня. Ни въ чемъ она противъ меня не виновата, ни я противъ нее. И противъ него я ни въ чемъ не согрѣшила, и онъ ни въ чемъ противъ меня. До конца моего вѣку ничѣмъ его тревожить не стану. Вѣдь вы, тàту и мàмо, не прогоните меня изъ своего угла! Съ вами стану жить, вамъ угождать, вамъ служить, старость вашу доберегать, за васъ, бàтечко и мàтинка, утромъ и вечеромъ, вставая и ложась, буду Бога молить. Вотъ такъ-то и весь вѣкъ свой скоротаю!

— Дочка милая! сказала мать, ты еще молода. Можетъ, Богъ, по милосердію своему, наградитъ тебя за все то лихое, что ты вынесла неповинно. Можетъ, Богъ пошлетъ тебѣ вѣрнаго друга!..

— А какъ же мнѣ сойтись съ тѣмъ другомъ, сказала Ганна; развѣ я стану искать его?

— Не ты, говорила Кусиха, не ты, доченька, будешь искать его, а онъ тебя найдетъ. Красива ты еще, доченька моя, хоть и поблекла отъ такого жгучаго горя, а все еще не совсѣмъ извелась.

— Не знаю того, что впереди будетъ, возразила Ганна, не знаю и гадать о томъ не стану, и зарекаться не буду. Знаю только одно: не пойду я за такого, что не полюбитъ меня крѣпко и котораго я сама не полюблю. Это я знаю. А что дальше станется со мною и какую долю мнѣ судитъ Богъ—про то не знаю и думать о томъ не хочу.

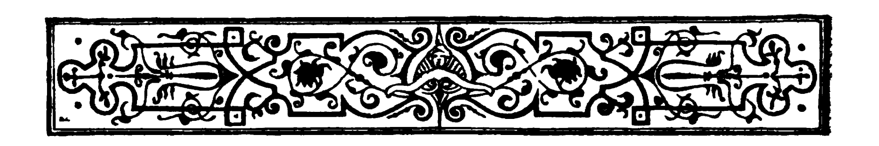
— Умное слово говоришь, дочка! сказалъ Кусъ; не годится заглядывать въ будущее; нужно жить какъ набѣжитъ, да и все тутъ. Слава милосердному Богу, ты у насъ одна, а у насъ, слава Богу, есть достояніе; мы хоть и не очень богаты, а все же не знаемъ нужды. Все наше—твое. Когда глаза наши закроются, никому иному все наше не останется, какъ только тебѣ.

Послѣ этого разговора начался семейный обѣдъ. Всѣ подпили наливки. Кусъ вынулъ большую серебренную стопу, которая подарена была однимъ значнымъ войсковымъ товарищемъ еще на свадьбѣ Куса съ Кусихой. Наливши ее до верха смородиновкою, Кусъ поднялъ стопу вверхъ и произнесъ:

— Подай, Господи, добраго здоровья и счастливаго конца жизни славному той стороны гетману Петру Дорошенку за то, что наше дѣтище принялъ ласково на чужинѣ межъ чужими лихими людьми, нашими врагами! Аще же въ чемъ согрѣшилъ передъ Богомъ, пошли ему, Господи, время покаяться и прости ему по великому Твоему милосердію.

Примѣчаніе. О дальнѣйшей судьбѣ возвращенной на родину Ганны Кусовны, въ дѣлѣ объ ней, извѣстій нѣтъ. Мы строго держались, въ основныхъ чертахъ, той фабулы, на какую случайно наткнулись, разсматривая акты хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Мы дозволили себѣ въ изложеніи вносить только подробности исторіи, быта и нравовъ описываемаго времени, на основаніи чертъ, разсѣянныхъ въ различныхъ источникахъ того вѣка.

Н. Костомаровъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА ОБЪ ОСКОРБЛЕНІИ ВЕЛИЧЕСТВА.

(Очерки изъ нравовъ XVIII вѣка [1]).

1701—1797 гг.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ одиннадцать очерковъ изъ старинной судебной практики тайныхъ розыскныхъ учрежденій по дѣламъ объ оскорбленіи царскаго достоинства и чести словами, въ хронологической ноcлѣдовательности своей обнимаютъ цѣлое столѣтіе.

Мы увидимъ здѣсь дѣла, возникшія въ царствованія Петра Великаго, Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и, наконецъ, Павла I-го.

Всѣ они, описаніемъ живыхъ нравовъ и подлинно бывшихъ фактовъ, характеризуютъ свою эпоху и даютъ понятіе о жизни и взглядахъ нашихъ предковъ.

Дики были эти взгляды на нѣкоторые предметы, но ничуть не необыкновенны—они были современны и понятны для своей эпохи и не должны насъ удивлять.

Всѣ націи въ мірѣ, совершая свой историческій ростъ и развитіе, прошли тѣ же самыя стадіи, какъ и мы, впадали въ такія же ошибки, были также мало развиты въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Наши легендарные застѣнки преображенскаго приказа и тайной канцеляріи—ничто въ сравненіи съ тюрьмами испанской инквизиціи.

Жестокіе розыски и пытка въ Россіи были узаконены „Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича“, который вовсе не былъ жестокимъ государемъ, а наоборотъ,—заслужилъ у современниковъ названіе „тишайшаго“, которое сохранило за нимъ и потомство.

---

[1]) Матерьялами для этой статьи служили неизданныя дѣла преображенскаго приказа, тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, и тайной экспедиціи.

Пытка была необходимою принадлежностью всякаго судебнаго слѣдствія и допроса и употреблялась даже въ волостныхъ народныхъ судахъ.

Показанію, вымученному истязаніемъ, придавали значеніе юридической правды, и какъ ни ложенъ, на нашъ взглядъ, такой способъ добиваться истины, но тогда онъ былъ одобряемъ и принятъ всѣми.

Даже свѣтлая и разумная голова Петра Великаго, стоявшаго по идеямъ и взглядамъ гораздо выше современниковъ, раздѣляла тоже мнѣніе, и преображенскій приказъ день и ночь безпрестанно оглашался стонами пытаемыхъ и наказываемыхъ.

Характеристиченъ случай, бывшій въ эту эпоху.

Князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій повздорилъ какъ-то съ извѣстнымъ сотрудникомъ Петра, высокоученымъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ и обидѣлъ его.

Брюсъ немедленно же пожаловался Петру, и государь, заступаясь за Брюса, написалъ Ромодановскому: „Полно тебѣ съ Ивашкою (т. е. пьянствомъ) знаться—быть отъ него рожѣ драной“...

Ромодановскій отвѣтилъ Петру: „Нѣкогда намъ съ Ивашкою знаться—безпрестанно въ кровяхъ омываемся“... Этимъ онъ указывалъ на свою трудную должность начальника преображенскаго приказа, гдѣ ему ежедневно приходилось пытать и допрашивать множество людей.

Преображенскій приказъ возникъ послѣ 1697—98 гг., когда былъ открытъ и наказанъ заговоръ Пушкина, Циклера и Соковнина, а стрѣльцы уничтожены и разосланы по разнымъ городамъ. Караулъ въ Москвѣ заняли молодые петровскіе полки: преображенскій, семеновскій и бутырскій, а всѣ дѣла по нарушенію городского порядка и безопасности—о пьянствѣ, дракахъ и проч., а также о корчемствѣ, продажѣ табаку, которая была запрещена, — судились въ приказной избѣ села Преображенскаго.

Начальникомъ ея былъ ближній стольникъ и любимецъ Петра, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, облеченный во время отсутствія Петра какимъ-то подобіемъ царской власти и носившій названіе князя-кесаря.

Съ теченіемъ времени, дѣла приказной избы разрослись и увеличились присоединеніемъ къ дѣламъ полицейскимъ уголовныхъ дѣлъ, и изба получила названіе преображенскаго приказа. Въ 1702 году, вышелъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣ дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ пересылать также въ преображенскій приказъ [1]), и съ этого времени всѣ онѣ стекались въ это одно мѣсто, тогда какъ прежде разбирались въ судномъ приказѣ.

Дѣла о „словѣ и дѣлѣ государевомъ“—это характеристическая особенность той давно прожитой эпохи. Это были дѣла первой поли-

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. IV, ст. 1918.

тической важности и всегда влекли за собою тяжкое наказаніе. Никто, отъ самаго незначительнаго простолюдина до высшаго сановника и любимца государева, не могъ отвратить отъ себя слѣдствія, если сказывалось на него слово и дѣло, и никакой судъ не смѣлъ потушить такого дѣла и не дать ему хода.

Ужасъ передъ такими дѣлами былъ настолько великъ, и узаконенія относительно ихъ были такъ строги, что гдѣ бы, кто бы ни объявилъ „слово и дѣло"—его тотчасъ, безъ малѣйшихъ проволочекъ и откладывая другія дѣла и надобности,—пересылали въ тайную канцелярію, заковавъ по рукамъ и ногамъ и сторонясь, какъ отъ зачумленнаго.

Сказывавшему „слово и дѣло" и доносившему на кого нибудь, давали „первый кнутъ", т. е. пытали для подтвержденія доноса, а потомъ пытали и допрашивали и всѣхъ оговоренныхъ доносчикомъ. Въ случаяхъ запирательства, давали очныя ставки и усиливали пытку, и всегда такое слѣдствіе объ одномъ дѣлѣ увеличивало безпрестанно число привлеченныхъ къ допросу, такъ какъ малѣйшее участіе, да и не участіе, а простое упоминаніе допрашиваемымъ какого нибудь новаго имени, влекло за собой немедленные розыски этого лица, привлеченіе въ застѣнокъ и строгій допросъ.

Часто, при допросахъ по одному дѣлу, подсудимаго заставляли разсказывать всю жизнь, всѣ мельчайшіе факты прожитаго, даже и не относящіеся къ дѣлу, а справки и розыски о немъ на сторонѣ дополняли, подтверждали или опровергали его показанія, и при этомъ всплывали наружу такія дѣла, которыя человѣкъ считалъ на вѣки скрытыми и схороненными. Человѣкъ получалъ позднее возмездіе за проступки, уже забытые имъ, можетъ быть, оплаканные и искупленные передъ собственною совѣстью и—прощенные ею.

Человѣкъ, считавшійся и бывшій честнымъ въ настоящемъ, побывавъ въ застѣнкахъ тайной канцеляріи, послѣ такого подозрительнаго и безцеремоннаго выворачиванія души и далекаго прошлаго,—выходилъ часто опозореннымъ, съ клеймомъ вѣчнаго презрѣнія и ужаса,—съ рѣзанымъ языкомъ, рваными ноздрями.

Жестокое наказаніе слѣдовало и тѣмъ, кто ложно сказывалъ слово и дѣло, и часто, произнесши эти страшныя слова спьяну, доносчикъ, чтобы вывернуться изъ бѣды, придумывалъ, припоминалъ какой нибудь самый пустякъ, слышанный имъ гдѣ либо о царѣ или его дѣйствіяхъ — и вслѣдъ за этимъ летѣли пристава, производились аресты, пытали оговоренныхъ и такъ далѣе.

„Слово и дѣло" кричали изъ мести, на площадяхъ, чтобы насолить ворогу, кричали люди, которыхъ за что либо били, расправляясь своимъ судомъ, чтобы остановить эти побои, такъ какъ вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ,—тотчасъ же кричавшаго отсылали въ тайную канцелярію, ни мало не медля—и все это доставляло работу застѣнкамъ и заплечнымъ мастерамъ-палачамъ.

Дыба, виска, встряска, кнуты, жженіе огнемъ, какія-то ужасныя по жестокости спицы, — все это было въ безпрестанномъ ходу и употребленіи, обливалось кровью...

Таковы были дѣла о страшномъ „словѣ и дѣлѣ государевомъ“.

Время шло, а вмѣстѣ съ нимъ въ народное сознаніе входили и новыя идеи и понятія. Прежніе юридическіе взгляды на слѣдствіе смягчались, но очень медленно, и много нужно было времени, слишкомъ сто лѣтъ, чтобы окончательно уничтожить пытку при допросахъ.

Первый проблескъ гуманныхъ взглядовъ, проникшихъ въ законодательство относительно пытокъ, мы видимъ въ 1742 году, въ первый годъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Августа 23-го, 1742 года, вышелъ указъ, отмѣняющій пытку и смертную казнь для малолѣтнихъ преступниковъ [1]). Поводомъ къ этому было дѣло дѣвочки Прасковьи Ѳедоровой, убившей топоромъ въ лѣсу двухъ другихъ дѣвочекъ за то, что онѣ отнимали у нее набранныя ею таловыя вички [2]).

Въ это же царствованіе мы видимъ два другихъ узаконенія, свидѣтельствующихъ, что ненужность пытки входила въ сознаніе законодателя.

Первый изъ нихъ, указъ сенатскій отъ 28-го ноября 1751 года [3]), въ которомъ говорилось: „и какъ возможно доходить, дабы найти правду чрезъ слѣдствіе, а не пыткою и когда чрезъ такое слѣдствіе того изыскать будетъ не можно, то больше о томъ не слѣдовать, а учинить имъ за то, въ чемъ сами винились“.

Второй указъ, отъ 25 декабря того же года, „объ отмѣнѣ пытки въ слѣдствіяхъ по дѣламъ о корчемствѣ, т. е. о недозволенной продажѣ безакцизной водки [4])“.

Но всѣ эти указы, смягчающіе только немного жестокость слѣдствія, являются какъ-то робко и ограничиваютъ существующее зло въ самыхъ незамѣтныхъ размѣрахъ. Пытка по дѣламъ о „словѣ и дѣлѣ“ производится еще со всею жестокостью петровскихъ временъ, хотя въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи начальствуетъ уже другой, новѣйшій человѣкъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а не прежній недальняго ума и жестокій князь Ромодановскій.

Первое громкое, гуманное и краснорѣчивое слово противъ пытки и ужасовъ тайной канцеляріи, а также объ уничтоженіи дѣлъ „о словѣ и дѣлѣ“ сказалъ на всю Россію недолговѣчный императоръ Петръ III, и заставилъ Россію свободно вздохнуть.

1762 года, февраля 7, Петръ III объявилъ въ сенатѣ, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ, а 21 февраля изданъ былъ во всеобщее свѣденіе манифестъ [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XI, ст. 8601.
[2]) Г. Есиповъ. Раскольн. дѣла XVIII стол.
[3]) Полн. Собр. Зак., т. XIII, ст. 9912.
[4]) Тамъ же. т. XIII, ст. 9920.
[5]) Тамъ же. т. XV, ст. 11445.

Манифестъ этотъ такъ прекрасенъ и краснорѣчивъ, что мы выписываемъ изъ него большую часть:

„Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы.

„Съ того времени отъ часу становилось меньше надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся.

„Ненавистное израженіе, а именно „слово и дѣло“, не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ— не употреблять онаго никому; о семъ, кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать, или донести, словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, также на каторги сосланные колодники, ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подъ караулъ взять и спрашивать, знаетъ-ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ почелъ другое, такъ тотчасъ отпускать безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣетъ, такого увѣщать, не напрасно ли на кого затѣялъ? Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить на два дня подъ крѣпкій караулъ, и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней, паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, въ такомъ случаѣ подъ крѣп-

кимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ сенатъ или въ сенатскую контору, буде же нѣтъ, то въ ближайшую губернскую канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доноситъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными не считать до того времени, пока дѣло въ вышнемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ, и объ тѣхъ на кого донесено, указъ послѣдуетъ".

Вотъ какое новое и гуманное слово было произнесено въ самый разгаръ существованія тайной канцеляріи и „слова и дѣла":

Этимъ учрежденіямъ былъ нанесенъ разрушающій ударъ; послѣ этого ихъ уже стало невозможнымъ возобновить во всей полнотѣ и жестокости.

Екатерина II, вмѣсто тайной канцеляріи, учредила при сенатѣ тайную экспедицію, которая дѣйствовала уже по большей части мѣрами сравнительно кроткими, но пытка все еще существовала, какъ законное средство найти правду.

Екатерина II нѣсколько разъ издавала указы объ ограниченіи пытки. Такъ напримѣръ указомъ 1762 г. декабря 25 [1]), подтверждалось поступать въ пыткахъ по дѣламъ „со всевозможною осмотрительностью" и назначался „тягчайшій по указамъ штрафъ за ненужную пытку".

Черезъ мѣсяцъ, Екатерина II снова объявила сенату „чтобъ стараться какъ возможно кровопролитіе уменьшить, пытать когда всѣ способы не предуспѣютъ".

Окончательно уничтожить пытку боялись, ожидая, что отъ этого смягченія грубый народъ перестанетъ боятся закона.

Въ 1767 году, іюня 7, за мѣсяцъ съ небольшимъ до знаменитаго „Наказа" святѣйшій синодъ первый уничтожилъ совсѣмъ пытку въ отношеніи священнослужителей, а также тѣлесныя наказанія, какъ унижающія духовный санъ въ глазахъ всѣхъ людей и замѣнилъ ихъ „приличными духовенству трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода по разсмотрѣнію".

Наконецъ въ „Наказѣ" Екатерины II 1767 г. іюня 30 [2]) появились слѣдующія строки:

„Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію, само человѣчество вопіетъ противъ оныхъ и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена.

„Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отмѣняетъ, не чувствуя оттуда никакого худаго слѣдствія, чего ради она ненужна по своему естеству."

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, ст. 11717.
[2]) Тамъ-же. т. XVIII, ст. 12949.

Но и послѣ этихъ гуманныхъ словъ пытка еще существовала, хотя уже и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; просуществовавъ цѣлыя столѣтія, она не безъ борьбы оставляла свое мѣсто, и потребовалось много энергическихъ усилій, чтобы уничтожить ее навсегда и отовсюду, что и выпало, наконецъ, на долю благодушнаго монарха Александра I въ 1801 году.

Вотъ краткій очеркъ исторіи существованія двухъ темныхъ учрежденій: преображенскаго приказа и тайной канцеляріи.

Послѣ этого нижеслѣдующіе очерки будутъ гораздо понятнѣе и они, своею фактическою, бытовою стороною, такъ сказать, иллюстрируютъ все сказанное нами въ этихъ строкахъ.

I.

Какъ Кочетковскій попъ видѣлъ Петра I-го.

(1708 г.).

Смирный и скромнаго житія попъ Козловскаго уѣзда, Кочетковской слободы, ѣздилъ въ Москву по дѣламъ и пробылъ тамъ нѣсколько недѣль.

Никогда не бывавшій въ столичныхъ городахъ и ничего кромѣ своей слободы, консисторіи, да благочиннаго, не видавшій, кочетковскій попъ заставилъ свою попадью прождать его долѣе, чѣмъ слѣдовало, увлекшись представившимся ему, можетъ быть единственнымъ, случаемъ посмотрѣть на столичныя диковинки.

Попадья такъ соскучилась по мужѣ, что успѣла уже попросить дьякона написать попу письмо и отослать его „съ вѣрною оказіею“

Получивъ письмо отъ жены, попъ опомнился, ибо сообразилъ, что попадья его очень терпѣлива, и что если она рѣшилась даже письменно просить его воротиться, то значитъ ужъ очень соскучилась.

Необходимо было поскорѣе успокоить попадью и домочадцевъ и вотъ попъ, покончившій всѣ дѣла и досыта насмотрѣвшійся на Москву, собрался домой къ своей осиротѣвшей, кочетковской паствѣ.

Помимо извѣстія объ удачномъ окончаніи дѣлъ, попъ повезъ домой цѣлую кучу разсказовъ о Москвѣ и ея рѣдкостяхъ и диковинахъ. Недаромъ же онъ встревожилъ попадью своимъ долгимъ отсутствіемъ—въ это время любознательный попъ значительно расширилъ свой кругозоръ новыми наблюденіями въ сферахъ ему прежде неизвѣстныхъ. Онъ видѣлъ много зданій, нѣсколькихъ вельможъ, о которыхъ въ его кочетковскомъ захолустьи ходили смутные и чудесные разсказы, онъ видѣлъ даже, собственными глазами на близкомъ разстояніи, самого великана—царя Петра Алексѣевича, чудо и загадку всей Руси!

То-то много будетъ разсказовъ, когда соберутся къ попу сосѣди,

вокругъ объемистаго самовара, то-то будетъ разспросовъ, аханья, оханья и удивленія!

Съ такими мыслями подъѣхалъ попъ къ своему дому и брякнулъ скобой у калитки. Въ домѣ поднялась суматаха; мать-попадья вышла встрѣтить его и послѣ радостныхъ лобызаній не преминула укорить попа за долгое отсутствіе; но попъ смолчалъ по обыкновенію, надѣясь впослѣдствіи пристыдить ее разсказомъ объ удачномъ окончаніи дѣлъ.

— Вотъ ты, мать, буесловишь, яко-бы я позадавнѣлъ на Москвѣ, а я тебѣ скажу, что надо человѣка съ умомъ, да и съ умомъ, чтобы этакія дѣла оборудовать въ столицѣ,—началъ попъ свое повѣствованіе о дѣлахъ, сидя за наскоро собранной закуской.

— Столица-то, мать моя, не то, что нашъ деревенскій уголъ — въ ней ходи, да оглядывайся.

— Говори дѣло-то, батька, прервала попадья потокъ его краснорѣчія, и попъ перешелъ къ обстоятельному разсказу о дѣлахъ и консисторскихъ мытарствахъ.

Попадья осталась довольна попомъ, услышавъ о результатахъ его путешествія въ столицу, и вскорѣ усталый попъ захрапѣлъ за ситцевымъ пологомъ, отдыхая съ дороги.

Вѣсть о пріѣздѣ попа изъ Москвы разнеслась по всей слободѣ, и къ вечеру всѣ мало-мальски значительные кочетковскіе обыватели начали собираться къ нему, чтобы послушать розсказней о дальней столицѣ. Отдохнувшій уже попъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ, когда вошелъ къ нему отецъ-дьяконъ, а вслѣдъ за нимъ и дьячекъ съ пономаремъ.

Вскорѣ изба попа наполнилась разнымъ народомъ; всѣ поздравляли его съ пріѣздомъ, освѣдомлялись о дорогѣ, о родныхъ и знакомыхъ, а потомъ разговоръ перешелъ и на предметы, имѣющіе общій интересъ. Попъ овладѣлъ бесѣдой, вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, и на всякій находилось что нибудь отвѣтить—не даромъ-же кочетковскій попъ позадавнѣлъ на Москвѣ.

— А царя, отецъ, видѣлъ на Москвѣ? возникъ, наконецъ, самый интересный вопросъ.

— Сподобился, друже, сподобился,—видѣлъ единожды, и по грѣхамъ моимъ въ великое сумнѣніе пришелъ, да надоумили добрые люди...

— Что же онъ?.. страшенъ?..

— Зѣло чуденъ и непонятенъ: ростомъ, якобы мало поменѣ сажени, лицемъ мужественъ и грозенъ, въ движеніяхъ и походкѣ быстръ аки парусъ, и всѣмъ образомъ аки иноземецъ, одѣяніе нѣмецкое, на головѣ шапочка малая солдатская, кафтанъ куцый, ноги въ чулкахъ и башмаки съ пряжками желѣзными.

Слушатели ахнули при такомъ описаніи царя Петра Алексѣевича, и на попа снова посыпалась масса вопросовъ: гдѣ видѣлъ, какъ, что онъ говорилъ, что дѣлалъ?..

— А видѣлъ я царя, какъ онъ съѣзжалъ со двора князя Александра Даниловича Меньшикова въ колымагѣ. И мало отъѣхавъ, побѣжала за каретой съ двора собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, съ зеленымъ бархатнымъ ошейничкомъ, и съ превеликимъ визгомъ начала въ колымагу къ царю проситься...

Слушатели навострили уши, боясь проронить хоть слово.

— И великій царь, увидя то, велѣлъ колымагу остановить, взялъ ту собачку на руки и поцѣловавъ ее въ лобъ, началъ ласкать, говоря съ нею ласково, и поѣхалъ дальше, а собачка на колѣняхъ у него сидѣла...

— Воистину чуденъ и непонятенъ сей царь! пробасилъ отецъ дьяконъ и сомнительно покачалъ головой.

— Да ты не врешь-ли, батька? ввернула свое замѣчаніе попадья, но попъ только укоризненно посмотрѣлъ на нее.

— Своими глазами видѣлъ, и еще усумнился—царь-ли это? и мнѣ сказали: „царь, подлинно царь Петръ Алексѣевичъ", а дальше видѣлъ я какъ солдаты честь ружьями колымагѣ отдавали, караулы выбѣгали.

Разсказъ попа вызвалъ разные толки,—кто удивлялся, кто осуждалъ царя.

— На-ко-ся! ну подобаетъ-ли царю благовѣрному собаку въ лобъ цѣловать, погань этакую, да и еще при народѣ!..

Поздно разошлись гости попа, всякъ толкуя по своему о слышанномъ, а всего больше говорили о царѣ, который собаку цѣловалъ.

Проводивъ гостей, попъ съ мирной душой и свѣтлыми мыслями улегся спать.

На другой день разсказъ попа ходилъ уже по всей волости, а тамъ пошелъ и дальше, и въ народѣ произошло нѣкоторое смущеніе. Люди мирные покачивали головами; а злонамѣренные и недовольные перетолковывали его по своему и находили въ немъ подтвержденіе своихъ разговоровъ о „послѣднихъ временахъ", „царствѣ антихристовомъ" и проч.

Разсказъ дошелъ наконецъ и до начальства; смущенныя власти начали доискиваться начала, откуда разсказъ пошелъ, и черезъ нѣсколько времени смирный кочетковскій попъ былъ потребованъ по „важному секретному дѣлу" въ уѣздный городъ Козловъ, а оттуда его отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Москву, въ тайную канцелярію.

Защемило сердце у попа; однако, какъ ни размышлялъ онъ — не могъ найти вины за собой. Въ Москвѣ, кажется, онъ велъ себя честно и благородно, въ консисторіяхъ дѣла сдѣлалъ хорошо — что же это такое?

Только въ преображенскомъ приказѣ разъяснилось дѣло, когда строгій князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій началъ допрашивать попа: подлинно-ли говорилъ онъ, попъ что видѣлъ царя Петра Алексѣевича, какъ онъ собаку поцѣловалъ въ лобъ?

— Видѣлъ подлинно! утверждалъ попъ, и говорилъ объ этомъ; собачка рыженькая и ошейничекъ зеленой бархатной съ ободкомъ и замочкомъ мѣдянымъ.

— А коли видѣлъ [1]), то чего ради распространялъ такіе продерзостные слухи?

— Государь сдѣлалъ это не таяся, днемъ и при народѣ, оправдывался попъ, чаятельно мнѣ было, что и зазорного въ томъ нѣтъ, коли разсказывать.

— А вотъ съ твоихъ не разумныхъ разсказовъ въ народѣ шумъ пошелъ. Чѣмъ-бы тебѣ, попу, государево спокойствіе оберегать, а ты смуты заводишь, нелѣпые разсказы про царя разсказываешь!.. Отвѣчай съ какого умыслу, не то—на дыбу!

Тутъ ужь попъ струсилъ не на шутку, понявъ свою простоту и догадавшись, что дешево не отдѣлаешься отъ преображенскаго приказа.

— Съ простоты, княже, съ сущей простоты, а не со злого умысла! взмолился кочетковскій попъ передъ Ромодановскимъ; прости, княже простоту мою деревенскую! Каюсь, какъ передъ Богомъ!

— Всѣ вы такъ-то говорите — съ простоты! а я не повѣрю, да велю тебя на дыбу вздернуть!

Однако попа на дыбу не подняли, а навели о немъ справки и когда оказалось что кочетковскій попъ, человѣкъ совсѣмъ смирный и благонадежный, а коли говорилъ, такъ именно „съ сущей простоты“, а не злобою, то приказано было постегать его плетьми, да и отпустить домой съ наказомъ не распространять глупыхъ разсказовъ.

— Это тебѣ за простоту, сказалъ ему Ромодановскій, отпуская домой,—не будь впередъ простъ и умѣй держать языкъ за зубами. Съ твоей-то вотъ простоты чести его царскаго величества поруха причинилась, и ты еще моли Бога, что такъ дешево отдѣлался! Ступай же, да не болтай впередъ пустого!

Не веселъ пріѣхалъ попъ домой послѣ московскаго угощенія, и когда снова слобожане собрались-было къ нему послушать разсказовъ—попъ и ворота не щеколду заперъ, и самъ не показался.

И долго еще пришлось попу отдѣлываться при встрѣчахъ отъ любопытныхъ съ разспросами о московской поѣздкѣ, а когда рѣчь заходила о царѣ, то попъ въ страхѣ только обѣими руками замахаетъ, да поскорѣе прочь пойдетъ, чтобы снова не попасть въ бѣду „съ простоты“...

---

[1]) Фактъ, разсказываемый попомъ, совершенно правдоподобенъ, и въ немъ нельзя сомнѣваться: „Лизета“, была любимая собака Петра Великаго, съ которою Петръ обращался весьма нѣжно, и часто его сопровождала въ поѣздкахъ.

II.

Корабельный столяръ и „Анна Ивановна“.

(1732 г.).

У столяра адмиралтейской коллегіи Никифора Муравьева было давнишнее дѣло въ коммерцъ-коллегіи, тянувшееся уже четыре года, съ 1729-го.

Дѣло заключалось въ томъ, что онъ подалъ въ коммерцъ-коллегію челобитную на англичанина, купеческаго сына Пеля Эвенса, обвиняя его въ „боѣ и безчестіи“ и прося удовлетворенія себѣ „по указамъ“,

„Бой и безчестье“ эти произошли конечно отъ того, что столяръ Никифоръ, нанявшись работать у англичанина, часто загуливалъ, ревностно справлялъ всѣ праздники, установилъ еще и свой собственный праздникъ—„узенькое воскресенье“, т. е. понедѣльникъ, и тѣмъ крайне досаждалъ своему хозяину, у котораго отъ того работа стояла.

И вотъ, въ одно прекрасное узенькое воскресенье Пель Эвенсъ, раздосадованный пьянствомъ Никифора, расправился съ нимъ по своему, изругалъ, какъ ни есть хуже, надавалъ хорошихъ тумаковъ, и прогналъ.

Обиженный столяръ задумалъ отомстить англичанину судомъ и подалъ на него челобитную въ коммерцъ-коллегію, но рѣшенія своего дѣла столяру пришлось ждать слишкомъ долго.

„Жившіе мздою“ чиновники не очень-то торопились съ этимъ дѣломъ, можетъ быть и потому, что купецкій сынъ Пель Эвенсъ частенько навѣдывался по своимъ дѣламъ въ коммерцъ-коллегію и успѣлъ уже задобрить чиновниковъ, а голый столяръ имъ не представлялъ никакой поживы.

Такъ или иначе, но столяръ ходилъ годъ, другой, третій, и наконецъ четвертый, въ коллегію справляться о дѣлѣ, а оно все лежало подъ сукномъ и все ждало своего рѣшенія. Никифоръ Муравьевъ все не терялъ надежды получить удовлетвореніе „по указамъ“ и надоѣдалъ коллежскимъ чиновникамъ своимъ визитами, а они только твердили ему, что „жди-молъ,—рѣшеніе учинятъ, когда дѣло разсмотрится“.

И долго-бы еще пришлось такимъ образомъ ходить Муравьеву въ коллегію, если-бы не случилось неожиданнаго происшествія, которое его самого вовлекло въ бѣду, и заставило забыть о своемъ искѣ на драчливаго англичанина.

Уже на четвертый годъ своего мытарства, въ 1732 г., пришелъ однажды Муравьевъ въ коллегію и толокся вмѣстѣ съ прочими въ сѣняхъ, ожидая выхода какого нибудь чиновника.

Вышелъ ассесоръ Рудаковскій. Муравьевъ подошелъ къ нему съ вопросомъ.

— Ты зачѣмъ? Ахъ-да! ты по дѣлу съ Эвенсомъ... Ну что ты, братецъ, шатаешься! брось ты это дѣло и ступай, помирись лучше съ хозяиномъ! право, дѣло-то лучше будетъ.

— Да нѣтъ-съ, никакъ невозможно это! Что же, я теперь четвертый годъ жду суда, а тутъ помириться! Я не хочу этого—пусть насъ разсудятъ по указамъ.

— Ну, мнѣ нѣкогда съ тобой разговаривать—и безъ тебя дѣло! и чиновникъ скрылся.

Муравьевъ остался въ раздумьи; въ головѣ его мелькнула мысль, „ужь не бросить-ли и въ самомъ дѣлѣ свой искъ на англичанина, потому—все равно: удовлетворенія не получишь, коли самъ больше не заплатишь, а гдѣ же мнѣ тягаться съ купцомъ!... А то нѣтъ! дай еще попытаюсь припугнуть жалобой“...

И снова ждетъ Муравьевъ чиновника, который чрезъ нѣсколько времени появляется..

— Ваше благородіе! я все-таки буду васъ просить объ этомъ дѣлѣ...

— Ахъ, отстань ты! поди ты прочь! не до тебя дѣло!...

— Ну, коли такъ, то я къ Аннѣ Ивановнѣ пойду съ челобитной, она разсудитъ...

Чиновникъ остановился и воззрился строго на Муравьева.

— Кто такая Анна Ивановна?

— Самодержица...

— Какъ-же ты смѣешь такъ продерзостно говорить о высокой персонѣ императрицы? Какая она тебѣ „Анна Ивановна“? родная что-ли, знакомая?... Да знаешь-ли ты, что тебѣ за это будетъ?

Чиновникъ радъ случаю придраться и наступаетъ на столяра съ угрожающими жестами. Никифоръ Муравьевъ труситъ.

— Такъ что-же вы мое дѣло-то тянете? вѣдь четыре года лежитъ оно! али вамъ получить съ меня нечего, такъ и суда мнѣ нѣтъ?...

— А такъ вотъ ты еще какъ? хорошо! Слышали, господа, какъ онъ продерзостно отзывался объ ея величествѣ, императрицѣ: я говоритъ, къ Аннѣ Ивановнѣ пойду!

— Слышали, слышали! отзываются присутствующіе.

— Ну такъ хорошо! я тебя упеку! расходился ассесоръ Рудаковскій.

— Конечно, конечно—надо его проучить, мужика! Идите вы сейчасъ же въ Сенатъ и доложите Андрею Ивановичу Ушакову—онъ его пройметъ!

— Иду, иду! сейчасъ же иду! Я этого дѣла такъ не оставлю!

— Да что вы, господа, всѣ на меня! рады обговорить-то...

— Не отговаривайся, всѣ слышали твои рѣчи.

Смущенный столяръ хочетъ уйти, но его удерживаютъ.

— Нѣтъ, ты постой! ты куда улизнуть хочешь! вотъ я тебя съ солдатами подъ караулъ отправлю! кричитъ Рудаковскій и несчастнаго Никифора Муравьева отправляютъ со сторожами въ сенатъ.

На другой день Муравьевъ предсталъ въ походной тайной канцеляріи предъ очи А. И. Ушакова и, разумѣется, заперся въ говореніи неприличныхъ словъ.

— Чиновникъ со злобы доноситъ, потому какъ они мое дѣло съ англичаниномъ четыре года тянутъ, а я помириться не могу и взятокъ не даю.

— Такъ какъ же ты говорилъ?

— Говорилъ, какъ надлежитъ высокой чести: ея величеству, государынѣ Аннѣ Ивановнѣ, а не просто—Аннѣ Ивановнѣ... Рудаковскій со злобы оговариваетъ.

— Позвать сюда ассесора Рудаковскаго.

— Какъ онъ говорилъ объ императрицѣ?

— Весьма оскорбительно для превысокой чести самодержицы—именовалъ ее, какъ простую знакомую, Анной Ивановной, безъ титула, подобающаго ея персонѣ. Говорилъ мнѣ въ глаза, и слышали это другіе люди, коихъ могу свидѣтелями поставить.

— Слышишь! обратился Ушаковъ къ Никифору Муравьеву,—признавайся лучше прямо, винись, то—огнемъ жечь буду.

— Со злобы!... потому, какъ...

— А! не признаешься! Поднимите его на дыбу!...

— Винюсь, винюсь! каюсь, ваше превосходительство! Въ забвеніи былъ, съ досады, можетъ что и не такъ сказалъ, какъ подобало! Досадно мнѣ было очень, что мое дѣло не рѣшаютъ, ну я и хотѣлъ постращать именемъ ея величества, государыни, чтобъ дѣло-то рѣшили мое.

— Ну, такъ чтобъ ты никогда не забывалъ подобающей императорской персонѣ чести и уваженія, мы тебя плетями спрыснемъ, рѣшилъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Несчастному столяру Никифору Муравьеву произвели въ тайной канцеляріи жестокую экзекуцію, и онъ закаялся съ этихъ поръ тягаться съ чиновниками коллегій и, приходя съ путыми руками, вздорить съ ними.

III.

О поручикѣ, принуждавшемъ пить за здоровье императрицы.

(1732 г.)

28 апрѣля 1732 года, въ день коронаціи императрицы Анны Ивановны, послѣ литургіи и молебнаго пѣнія, у воеводы Бѣлозерской провинціи полковника Фустова былъ званый обѣдъ.

Собрались къ нему все знатные люди: игуменъ ближняго монастыря, городской протопопъ, ратушскіе бургомистры, бургомистры

таможенные и кабацкіе, и много другого зажиточнаго люда. Между гостями было и двое молодыхъ военныхъ: поручикъ „морского флота" Алексѣй Афонасьевъ Арбузовъ и прапорщикъ Василій Михайловъ Уваровъ.

За обѣдъ сѣли чинъ чиномъ; радушная полковница-воеводша усердно угощала гостей; игуменъ и протопопъ, сидѣвшіе на первыхъ мѣстахъ, завели разговоръ о эпархіальныхъ дѣлахъ, кабацкіе бургомистры о винномъ торгѣ, а ратушскіе бургомистры пустились съ воеводою обсуждать дѣла администраціи. Двое молодыхъ военныхъ занялись разговорами съ барышнями—дочками воеводы. Прапорщикъ скоро овладѣлъ вниманіемъ старшей дочки красавицы, что взорвало поручика „морского флота", большого кутилу и забіяку, который надѣялся совершенно затмить своимъ блескомъ прапорщика.

Бросая сердитые взгляды на него, поручикъ сталъ изыскивать способъ придраться къ чему нибудь и дать почувствовать прапорщику свое превосходство, но случая не представлялось:—на всѣ его колкія замѣчанія Уваровъ отвѣчалъ безъ злости, что еще болѣе распалило Арбузова.

Но вотъ всталъ хозяинъ и предложилъ выпить всей компаніи за здоровье императрицы; всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, чокнулись и выпили, только Уваровъ отпивъ полъ-рюмки, сморщился и поставилъ ее снова на столъ.

— Что-жь это вы такъ мало пьете? спросила его хозяйская дочь.

— Я теперь далъ зарокъ не пить больше, потому что отъ хмѣльного я боленъ бываю; на прошлой недѣлѣ кутнулъ слегка въ компаніи, такъ послѣ того цѣлыхъ трое сутокъ боленъ близь смерти пролежалъ—думалъ совсѣмъ смерть приходитъ—и вотъ послѣ этого мнѣ даже какъ-то противна стала водка.

Арбузовъ, занятый усердной выпивкой, не замѣтилъ этого, но вотъ радушная хозяйка подошла къ Уварову со стаканомъ пива.

— Не могу-съ, ей Богу, не могу пить, далъ обѣщаніе не пить—это мнѣ вредно.

— Ну что вамъ сдѣлается отъ стакана пива! уговаривала хозяйка,—теперь такой день,—надо выпить за здоровье императрицы.

— Да вотъ отецъ протопопъ еще не пилъ пива, думалъ отвертѣться Уваровъ, но въ это время вдругъ поднялся поручикъ Арбузовъ.

— Какъ! что такое? онъ не хочетъ пить за здравіе ея величества? громко заговорилъ онъ черезъ столъ и вперилъ злые глаза въ Уварова.

— Я не пью, потому-что это мнѣ вредно, но если хотите, я выпью, только дайте мнѣ чего нибудь другого, полегче—вина какого нибудь или наливки.

— Ахъ, вотъ горе что у насъ не случилось теперь ничего, кромѣ

пива и водки—засуетилась хозяйка, и Уваровъ, взявъ стаканъ пива, выпилъ его.

— Нѣтъ, ты этимъ не отвертишься! горячился Арбузовъ,—какъ это ты смѣешь отказываться пить здравіе императрицы? Ты послѣ этого не вѣрный слуга государыни, а каналья!... Ты, бестія, недостоинъ носить военный мундиръ, потому что не уважаешь ея величества, не хочешь пить за ея здравіе въ день ея коронаціи!...

— Потише! потише! вскочилъ Уваровъ—вы не смѣете такъ называть меня!... Всемилостивѣйшая государыня не желаетъ своимъ подданнымъ отъ пьянаго питья вреда, не прибудетъ ея здоровья, если подданные будутъ пьяными валяться, да болѣзни наживать!...

— А такъ ты вотъ какъ!... Ну такъ я тебя заставлю выпить! Ты пилъ прежде—я самъ видѣлъ тебя пьянымъ, заоралъ Арбузовъ, подступивши къ прапорщику со стаканомъ водки.—Пей! сейчасъ, пей! не то я тебя всего расквашу!... и сжатый кулакъ поднялся надъ головою Уварова.

Уваровъ отшатнулся назадъ, глаза его загорѣлись гнѣвомъ, но въ это время переполошившіеся гости схватили Арбузова сзади и удержали руки; стаканъ выпалъ и разбился въ дребезги...

— Я не хочу въ чужомъ домѣ шкандалъ дѣлать и потому не буду отвѣчать вамъ на вашу ругань и дерзости, а мы разсчитаемся съ вами послѣ! сказалъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ Уваровъ, и направился къ выходу.

— Ну погоди, дьяволъ, съѣдусь я съ тобою гдѣ нибудь—разорву на части, изобью, какъ собаку! кричалъ, вырываясь отъ удерживающихъ гостей, разсвирѣпѣвшій поручикъ, въ догонку Уварову.

Гости, встревоженные скандаломъ, повышли изъ за стола, уговаривали и укоряли Арбузова, а полковникъ-воевода, давъ время удалиться Уварову, указалъ Арбузову на дверь и крикнулъ грознымъ голосомъ:

— Пошелъ вонъ! Я не позволю всякому пьяницѣ буянить въ моемъ домѣ! и чтобъ нога твоя не была у меня!.. вонъ!..

Арбузовъ оборотился, хотѣлъ что-то сказать или выругаться, но его тотчасъ же вытолкнули за дверь...

Послѣдствіемъ этой исторіи между двумя молодыми офицерами была не дуэль: „офицеры" выбрали другой, хотя, по нравамъ эпохи, и не менѣе кровавый путь—оба они подали въ новгородскую губернскую канцелярію по прошенію и представили суду рѣшить ихъ дѣло чести.

Прапорщикъ Уваровъ написалъ прошеніе и подалъ 1 мая, т. е. чрезъ два дня послѣ происшествія, и въ прошеніи жаловался, что Арбузовъ „невѣдомо за что" изругалъ его, причемъ подробно перечислилъ всѣ бранные эпитеты, которые онъ слышалъ, и упомянулъ даже угрозу „разорвать его до смерти".

Дѣло это, по ходатайству самого воеводы, вполнѣ сочувствовав-

шаго Уварову, не откладывалось въ долгій ящикъ, и скоро Арбузовъ долженъ былъ получить возмездіе за скандалъ въ домѣ воеводы.

Чувствуя собравшуюся надъ его головой бѣду, Арбузовъ вдругъ вздумалъ повернуть дѣло на другой ладъ и, не теряя времени, махнулъ въ ту же канцелярію доношеніе отъ 6 мая, на Уварова, оскорбившаго якобы монаршую честь тѣмъ, что не хотѣлъ пить, „какъ россійское обыкновеніе всегда у вѣрныхъ рабовъ имѣется“ за здравіе ея величества.

Арбузовъ упомянулъ въ доношеніи и отговорку Уварова; „сказалъ, яко-бы де онъ не пьетъ, а въ другихъ компаніяхъ, какъ вино, такъ и пиво пилъ и пьянъ напивался“.

Получивъ такое доношеніе, гдѣ говорилось объ оскорбленіи монаршей чести, новгородская губернская канцелярія не признала возможнымъ разсматривать это дѣло самой, а составя экстрактъ изъ обѣихъ бумагъ, послала его въ походную тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярію, вѣдавшую подобныя дѣла, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Арбузовъ перехитрилъ: отъ того политическаго оттѣнка, какой онъ придалъ дѣлу—оно затянулось до слѣдующаго 1733 года.

Но пришла, наконецъ, и ему очередь. Начались допросы всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ и свидѣтелей.

Уваровъ на допросѣ объяснилъ: „до 24 апрѣля въ компаніяхъ онъ вино и пиво пилъ и, видя отъ того питья себѣ вредъ, пить пересталъ отъ 24 числа, а 28 апрѣля, когда воевода предложилъ всѣмъ по рюмкѣ водки за здравіе ея величества, и онъ выпилъ, а не пилъ только другую, предложенную Арбузовымъ“.

Арбузовъ продолжалъ обвинять прапорщика въ томъ, что онъ не хотѣлъ пить изъ умысла.

Свидѣтели, вызванные въ походную тайную канцелярію, подтвердили во всемъ показаніе Уварова и обвиняли въ буйствѣ Арбузова.

Тайная канцелярія рѣшила это дѣло въ 1733 году, и совершенно неожиданнымъ для Арбузова образомъ. Желая доносомъ своимъ заварить кровавую кашу, такъ какъ рѣдко обвиненные въ оскорбленіи монаршей чести, хотя-бы и за пустяки (какъ мы это видимъ изъ двухъ предыдущихъ дѣлъ), выходили безнаказанными, Арбузовъ самъ попалъ въ вырытую для другого яму.

Уварова признали не виновнымъ, а Арбузова за желаніе сдѣлать зло своимъ невѣрнымъ доносомъ—понизили чиномъ...

IV.

Не кстати памятливая баба.

(1739—1740 г.).

Въ морозный день декабря 1739 года, въ городѣ Шлиссельбургѣ, въ домъ тамошняго жителя Михаила Львова, пришелъ жившій въ

недальнемъ (за 25 верстъ) селѣ Путиловѣ каменьщикъ Данило Пожарскій.

Зашелъ онъ туда по родственному—провѣдать двоюродную племянницу своей жены, хозяйку Авдотью Львову, да кстати и погрѣться съ морозу. Пріѣхалъ онъ въ Шлиссельбургъ изъ Путилова по своимъ дѣламъ.

— Здорово, племяннушка! какъ живешь-можешь?

— Ай, да никакъ это дядя Данило! воскликнула Авдотья, здороваясь,—какими судьбами?

— По дѣламъ, племяннушка, по дѣламъ пріѣхалъ сюда, да вотъ и къ тебѣ зашелъ... Хозяинъ-то дома?

— Нѣту самого то—отлучился куда то... да ты садись; здорова ли тетка то Алёна?

— Што ей дѣлается—здорова, тебѣ кланяется.

Данило распоясался и сѣлъ на лавку, и тутъ только замѣтилъ въ комнатѣ еще третье лицо—небритаго, грязнаго и одѣтаго по нѣмецки человѣка.

— Это кто-жъ у тебя? спросилъ Данило Авдотью.

— А это, дядя Данило, жилецъ у насъ, на квартирѣ живетъ, писарь съ полицейской конторы, Алексѣй Колотошинымъ зовутъ.

Писарь поклонился и снова сѣлъ у окна, глядя въ него.

— Зазябъ дюже по дорогѣ то! сказалъ Пожарскій потирая руками.

— Да ты бы, дядя, на печку легъ—погрѣйся съ холоду то, она у насъ хорошо натоплена, предложила Авдотья; раздѣвайся-ко, да полѣзай, скидай валенки то—я ихъ посушу въ печуркѣ, да самоваръ поставлю, а тѣмъ временемъ и „самъ“ подойдетъ—недалеко куда то отвернулся!

— Инъ ладно—дѣло говоришь, погрѣю старыя кости... Вы, господинъ, не обезсудьте! обратился Пожарскій къ писарю, снимая валенки и влѣзая на жарко натопленную печь.

— Ничего-съ, это дѣло хорошее съ морозу, отвѣтилъ писарь.

Авдотья принялась за самоваръ да закусочку для дяди.

— Нонѣ мы, Дунюшка, съ работой, слава Создателю, сбились—дѣла повеселѣе пошли, началъ съ печи Пожарскій, въ Курляндію нашего брата-каменьщика много пошло.

— А какъ теперь въ Курляндію ѣздятъ, позвольте спросить? вставилъ въ разговоръ писарь.

— Да разно! отвѣтилъ Пожарскій, а больше черезъ Нарву, Юрьевъ и Ригу.

— А чья же это нынѣ Курляндія то? подъ чьей державой? спросила Авдотья писаря Колотошина.

— Курляндія та нынѣ наша, отвѣчалъ Колотошинъ, всемилостивѣйшей государыни, потому что она изволила быть въ супружествѣ за курляндскимъ княземъ.

— А-а! вишь ты какое дѣло!.. То-то теперь я припоминаю, что еще когда махонькой дѣвочкой была, и жили мы въ Старой Руссѣ, теперь этому лѣтъ съ тридцать будетъ, такъ говорили, что царевна за невѣрнаго замужъ идетъ въ чужую землю. И пѣсня тогда была складена, и пѣвали ее робята, мальчики и дѣвочки:

„Не давай меня, дядюшка,
Царь-государь, Петръ Алексѣевичъ,
Въ чужую землю, не христіанскую,
Не христіанскую, бусурманскую.
Выдай меня, царь-государь,
За свово генерала, князя, боярина"...

Колотошинъ осклабился, Пожарскій на печи промолчалъ, а Авдотья вышла за чѣмъ-то въ сѣни и скоро снова возвратилась.

— Былъ де слухъ, опять начала Авдотья, что у государыни сынъ былъ и сюда не отпущалъ...

— Н-незнаю, ничего не знаю, отвѣтилъ Колотошинъ, отвертываясь и видя, что Авдотья въ своихъ воспоминаніяхъ заходитъ уже слишкомъ далеко, въ такую область слуховъ и сплетень, за которыя по головѣ не погладятъ, коли узнаютъ, и потому не сталъ ни отвѣчать, ни распрашивать ее болѣе.

Данило Пожарскій тоже что то давно примолкъ на печи, должно быть задремалъ.

Разговоръ прекратился; Колотошинъ посидѣлъ еще немного и ушелъ къ себѣ.

Писарь Алексѣй Колотошинъ представлялъ изъ себя личность съ темнымъ прошедшимъ и зазорнымъ настоящимъ. Взросшій среди нищеты и разврата, освоившійся съ тѣмъ и другимъ, не получившій никакого образованія, онъ съ дѣтства перебывалъ во всякихъ профессіяхъ—отъ нищаго—мазурика и до полицейскаго писаря включительно. Каждый день пьяный, онъ въ должности грабилъ и обиралъ безъ всякой совѣсти всѣхъ, кого было можно, и готовъ былъ на всякое грязное дѣло — обманъ, лжесвидѣтельство, доносъ, воровство.

Выгнанный изъ одного мѣста, онъ шатался по самымъ грязнымъ и подозрительнымъ мѣстамъ, пока не удавалось втереться снова куда нибудь.

Дней черезъ десять послѣ описаннаго нами разговора съ Авдотьей и Даниломъ Пожарскимъ, Колотошинъ что то смошенничалъ или своровалъ и, не успѣвши спрятать концовъ въ воду, попался. Его посадили подъ караулъ при канцеляріи „Большого Ладожскаго канала" въ ожиданіи строгой расправы.

Сидя подъ карауломъ, оборотистый писарь раскидывалъ умомъ— какой бы такой учинить фортель, чтобы какъ нибудь избѣжать заслуженной кары.

Думалъ, думалъ—и придумалъ средство, какъ разъ достойное такого низкаго человѣка, каковъ былъ онъ.

„Дай-ка, сообразилъ онъ, я сдѣлаю доносъ, объявлю государственное „слово и дѣло!“ Сейчасъ меня освободятъ отсюда и переведутъ въ тайную канцелярію, а покуда тамъ пойдутъ розыски, да допросы—это дѣло и потухнетъ... а можетъ быть я и награду получу за доносъ.“

Жертвой доноса Колотошинъ избралъ свою квартирную хозяйку Авдотью Львову, разговорившуюся на свою бѣду объ императрицѣ и некстати вспомнившую давно сложенную пѣсню.

И вотъ простой и самый невинный семейный разговоръ превращается въ кровавое уголовное дѣло объ оскорбленіи императорской чести!

21 декабря 1739 г., Алексѣй Колотошинъ, сидя за карауломъ, объявилъ за собою государево слово и дѣло и въ тотъ же день былъ отправленъ изъ канцеляріи Большого Ладожскаго канала въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Въ тайной канцеляріи Колотошинъ подробно объявилъ слышанныя имъ отъ Авдотьи Львовой слова и пѣсню.

Ушаковъ придалъ этому дѣлу важное значеніе и тотчасъ же послалъ за Авдотьей Львовой, чтобы арестовать ее и привезти въ канцелярію.

— Отчего ты раньше не донесъ объ этомъ дѣлѣ? спросилъ Ушаковъ доносчика Колотошина.

— Простотою, ваше превосходительство, запѣлъ обычную пѣсню Колотошинъ,—сущимъ недознаніемъ, а паче неимѣніемъ времени не доносилъ.

— А про какого сына императрицы оная жонка Авдотья говорила, снова выпытывалъ Андрей Ивановичъ,—и кто кого и откуда не отпущалъ?

— Не вѣдаю подлинно, ваше превосходительство, потому—сама она именно того не выговорила, да и я объ ономъ ее не распрашивалъ, боясь причастія къ этому дѣлу, и видя ея продерзость и неразумѣніе.

На другой день, 22 декабря, представлена была въ тайную канцелярію и Авдотья Львова, обезумѣвшая отъ страха, а Данилу Пожарскаго, также упомянутаго въ доносѣ Колотошина, еще не нашли—онъ уѣхалъ изъ Путилова села куда то по дѣламъ, и его разыскивали.

На допросѣ Авдотья Львова не заперлась и чистосердечно во всемъ призналась, что говорила, какъ доноситъ Колотошинъ, но говорила это „съ самой простоты своей, а не съ каково умыслу, но слыша въ ребячествѣ своемъ, говаривали и пѣвали объ ономъ малые ребята мужска и женска полу“.

Отговорка „сущею простотою“, „недознаніемъ“ была такъ обыкновенна въ тайной канцеляріи—ее слышали по нѣскольку разъ въ день чуть ли не отъ каждаго допрашиваемаго—что ее уже перестали и

во вниманіе принимать, она давно уже сдѣлалась для всѣхъ служащихъ тамъ пустымъ звукомъ, формальнымъ, по титулу, словомъ—и ей не вѣрили.

Не повѣрили и Авдотьѣ Львовой, и тайная канцелярія рѣшила черезъ два дня, 24 декабря, наканунѣ праздника Рождества Христова, пытать въ застѣнкѣ несчастную Авдотью и, поднявъ на дыбу, распросить съ пристрастіемъ на̀-крѣпко, т. е. съ ударами плетью,—„съ каково умыслу она говорила тѣ непристойныя слова, и не изъ злобы-ли какой, и отъ кого именно такія слова она слышала, и о тѣхъ непристойныхъ словахъ не разглашала ли она, и для чего подлинно?“

Таковъ списокъ вопросовъ, изъ которыхъ на каждый допросчикъ долженъ былъ истязаніемъ добиться точныхъ и правдивыхъ отвѣтовъ отъ обвиненнаго.

Понятное дѣло, что предлагая эти вопросы Авдотьѣ Львовой, допросчики всуе трудилися, и заплечные мастера напрасно хлестали плетьми спину несчастной бабы—ни въ одномъ изъ этихъ грѣховъ, она не была виновна, и ей чужда была всякая злонамѣренность.

Но „простотѣ“ не вѣрили, увѣренія въ невинности сочли за „запирательство“, и на этомъ дѣла не кончили, а снова кинули Авдотью въ тюрьму, до новой пытки.

Въ этотъ же день, 24 декабря, былъ представленъ въ тайную канцелярію и Данило Пожарскій, сысканный гдѣ-то, и тотчасъ же поставленъ къ допросу.

Показанія его ничего не прибавили къ дѣлу новаго—онъ подтвердилъ только о своемъ разговорѣ съ писаремъ о дорогѣ въ Курляндію, а объ остальномъ отозвался незнаніемъ, должно-быть задремалъ на печкѣ.

Неизвѣстно, почему тайная канцелярія повѣрила показанію Данилы Пожарскаго—и, въ тотъ же день выпустила его на свободу. Или слезныя просьбы отпустить ради великаго праздника помогли ему?

А Авдотья Львова просидѣла въ тюрьмѣ и Рождество, и Новый годъ—и только въ слѣдующемъ 1740 году, января 7-го, ее снова потребовали на третій допросъ и вторую пытку, на которой лично присутствовалъ и самъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Снова тѣ же вопросы: „не разглашала ли, съ какого умыслу, отъ кого именно слышала?“ и снова тотъ же вопль страданія и увѣренія въ невинности. Тутъ ей прибавили новый вопросъ: „не слыхалъ ли говоренныя ею слова Данило Пожарской?“

Она отвѣтила, что „слышалъ ли Пожарской—она Авдотья доподлинно не знаетъ, а можетъ быть и не слыхалъ, потому что она говорила съ Колотошинымъ не громко, а Данило въ то время лежалъ на печи и, можетъ быть, спалъ“.

Послѣ этой пытки, наметавшійся глазъ Андрея Ивановича Ушакова увидѣлъ наконецъ истинную простоту и незломысліе Авдотьи

Львовой, и потому было рѣшено не пытать больше ее, а кончить это дѣло совсѣмъ.

9 января 1740 года канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ рѣшила: „Авдотьѣ Максимовой Львовой за происшедшія отъ нея непристойныя слова, учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и освободить“.

Несчастную женку Авдотью въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, нещадно наказали кнутомъ въ третій и послѣдній разъ и—отпустили, наконецъ, на волю, возвративъ ей, въ видѣ милости, паспортъ...

Вотъ не кстати то вспомнила баба свою молодость!..

V.

Легенда о Петрѣ Великомъ и о ворѣ [1]).

(1744 г.).

Много кровавыхъ розысковъ о „словѣ и дѣлѣ“ возникало за мирнымъ обѣденнымъ столомъ, за чаркою вина, и много людей часто изъ за сытнаго обѣда и еще съ отуманенной головой отправлялись прямо въ застѣнки тайной канцеляріи.

Дѣло, которое мы сейчасъ разскажемъ, принадлежитъ къ числу именно такихъ.

Воронежскаго гарнизона, елецкаго полка, отставной сержантъ Михайло Первовъ былъ приглашенъ на обѣдъ однимъ изъ своихъ пріятелей.

Гостей было много, передъ обѣдомъ радушный хозяинъ повелъ всѣхъ къ выпивкѣ, и сержанту Михайлу Первову, какъ старшему и наиболѣе уважаемому, была предложена первая чарка.

— Нѣтъ, другъ милый, не могу! началъ отговариваться Первовъ,—не порядокъ это, чтобы прежде хозяина пить... Выпей прежде самъ.

— Да что самъ!—самъ-то я успѣю; да, признаться, ужь и прикладывался, а гостя надо теперь почтить... Ну, пей во здравіе, не задерживай другихъ!

— Ни, ни, ни! никоимъ образомъ не стану! упирался упрямый Первовъ и рукою отстранилъ протянутую ему чарку.—Пей прежде самъ, послѣ и мы... Такъ издавна ведется: „какову чашу нальешь и выпьешь—такову и гости“.

— Ну, нечего дѣлать, коли ты такой упрямый! сказалъ хозяинъ и выпилъ чарку.

— А вотъ теперь и мы потянемся, сказалъ Первовъ и тоже выпилъ, а за нимъ и всѣ гости.

---

[1]) Сб. Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н., т. IX.

— Ты меня, хозяинъ, не обезсудь, что я поупрямился, обратился Первовъ послѣ выпивки къ хозяину,—я это не съ одного упрямства, али простоты сдѣлалъ, а есть у меня на это резонъ.

— Ну-ка разскажи, что за резонъ, а мы послушаемъ, отвѣтилъ хозяинъ и подмигнулъ гостямъ, приглашая и ихъ послушать старика, который пользовался славой хорошаго разсказчика.

Первовъ, дѣйствительно, былъ словоохотливъ и зналъ множество исторій, разсказовъ и анекдотовъ, которые онъ самъ слышалъ во время своей службы, помнилъ ихъ и любилъ передавать другимъ.

Сѣли за столъ; застучали ложки, ножи и вилки, а сержантъ Михаилъ Первовъ началъ свой разсказъ:

— Блаженныя памяти нашъ всемилостивѣйшій государь Петръ Великій былъ однажды въ нѣкоторой компаніи, скрывши свой санъ и царское достоинство и занимались тамъ виномъ и пивомъ. И изволилъ государь спрашивать бывшихъ въ той компаніи людей разныхъ чиновъ:

— Ты-де кто таковъ?

— Я-де такой-то дворянинъ, отвѣчалъ ему одинъ.

— А ты-де изъ каковыхъ? спросилъ государь другого изъ компаніи.

— И я—дворянинъ такой-то! сказался и другой государю.

Тогда государь, отшедъ отъ оныхъ дворянъ, подошелъ къ третьему человѣку.

— Ну, а ты-де каковъ таковъ человѣкъ? изволилъ спросить.

И оный третій спрошенный, смѣло взирая государю въ очи, отвѣтилъ:

— Я-де по просту—**воръ**!..

Всемилостивѣйшій государь, бывъ удивленъ таковымъ отвѣтомъ, захотѣлъ онаго смѣлаго вора-человѣка на искусъ взять и, отозвавъ въ сторону, тихо говорилъ:

— И я-де таковъ же воръ, какъ и ты, а посему составимъ мы съ тобою компанію и пойдемъ воровать вмѣстѣ, а **будь ты мнѣ братъ названый**!..

И сойдя съ того двора изъ оной компаніи, пошли вмѣстѣ.

И оный-де воръ того государя спросилъ:

— Куда-жь намъ теперь на воровство идти?

А всемилостивѣйшій государь, зѣло искушая его, тому вору отвѣтствовалъ:

— Пойдемъ теперь прямо на государевъ дворъ воровать—тамъ-де казны невѣдомо что! Поживишься такъ, что и на возахъ не увезешь добра!

Тогда оный смѣлый воръ осердился на государя презѣльно и подскоча къ всемилостивѣйшему, **ударилъ его въ щеку** и сказалъ:

— Какъ же ты братъ-бездѣльникъ, Бога не боишься?!.. кто-де насъ поитъ и кормитъ и за кѣмъ мы слывемъ, а ты-де на **его величество хочешь посягнуть**!..

Стерпѣлъ всемилостивѣйшій тое воровскую обиду, слыша такія отъ вора слова.

А воръ свою рѣчь продолжалъ тако:

— Я-де знаю, куда лучше ѣхать! — поѣдемъ-де къ большому боярину... Лучше у него взять, а не у государя.

— Добро! пойдемъ къ большому боярину воровать, понеже у государя не хочешь, отвѣтствовалъ всемилостивѣйшій вору.

И сказавъ тѣ слова, оба пошли ко двору нѣкоего большого боярина.

— Ты, братъ, постой здѣсь и подожди! сказалъ воръ государю, подошедъ ко двору боярина,—а я пойду во дворъ и послушаю, что говорятъ.

Государь подождалъ, а воръ, пришедъ обратно со двора къ государю, сказалъ:

— Охъ-де, братъ, дурно говорятъ!.. Хотятъ-де, братъ, завтра звать кушать государя и хотятъ водку дурную подносить ему, чтобъ умеръ...

И запечалился воръ, слыша таковыя вѣсти, и сказалъ государю:

— Не хочу-де, братъ, никуда идти—домой пойдемъ!

И государь-де тому вору говорилъ:

— Гдѣ-жь-де, братецъ, намъ съ тобой въ другорядь видѣться?

— Увидимся-де завтра въ соборѣ, отвѣтствовалъ воръ. И такъ разошлись.

И какъ въ соборъ на завтрее пришли, и всталъ воръ рядомъ съ государемъ; а послѣ службы стали бояре просить всемилостивѣйшаго государя откушать, а всемилостивѣйшій изволилъ сказать:

— Просите-де сего человѣка, брата моего, а съ нимъ и я пойду.

И стали просить вора бояре съ честію, а воръ согласился и поѣхали всѣ вмѣстѣ на дворъ къ большому боярину.

А на дорогѣ говорилъ воръ государю тихо, дабы бояре не слыхали:

— Ну-де, братъ, — первую чарку станутъ тебѣ подносить—безъ меня не кушай!

И какъ стали подносить государю, и онъ говорилъ боярину:

— Брату-де моему поднеси—я-де прежде брата пить не буду.

Поднесли чарку брату бояре, а у самихъ и ноги отъ страха затряслись.

— Не хочу я прежде хозяина умереть! вымолвилъ оной воръ, отведя чарку,—пускай-де прежде хозяинъ выпьетъ.

А государь, грозно брови наморща, на боярина смотритъ.

— Пей! сказалъ воръ; и какъ хозяинъ выпилъ тое чарку—и его разорвало!..

— Знать, съ этова-то первыя-то чарки прежде хозяина и не пьютъ! закончилъ свое повѣствованіе сержантъ Первовъ.

— Занятная исторія! отозвался хозяинъ, и гдѣ это ты набираешь?.. Вѣдь, какъ начнетъ разсказывать, — такъ одна одной лучше! обратился хозяинъ къ гостямъ, аттестуя разказчика.

— Да! чудное дѣло, какъ это государь, можно сказать, монархъ имперіи—и съ воромъ якшаться сталъ! прибавилъ кто-то изъ гостей.

— Такой ужь царь былъ—послушай только про него, такъ диву дашься!

— А я чаю, что все это — продерзостное безславіе неразумныхъ людей про всемилостивѣйшаго императора! вдругъ началъ рѣчь съ конца стола какой-то приказный, на котораго не обращали до сихъ поръ вниманія.

— Сами этого не видали, а какъ старые люди говорятъ, такъ и мы разсказываемъ, отвѣчалъ Михайло Первовъ.

— А отъ кого ты слышалъ это именно? спросилъ приказный, пристально смотря на Первова.

— Ну ты, крючекъ приказный! къ допросу што ли его потянуть хочешь? сказалъ хозяинъ, сейчасъ ему объясни—отъ кого, да когда, по пунктамъ.

— Я бы тебѣ, хозяинъ, посовѣтовалъ такихъ буеслововъ къ себѣ не пущать и таковыхъ непристойныхъ рѣчей объ особахъ императорскихъ не слушать, а то и самъ въ бѣду попадешь.

— Ну ужь я знаю, кого пущать, а коли тебѣ, строкѣ кляузной, не нравится, такъ — вотъ Богъ, а вотъ и порогъ! вспылилъ хозяинъ и указалъ на дверь.

Приказный вскочилъ, точно ошпаренный, и направился къ выходу.

— Я уйду! зашипѣлъ онъ, только тебѣ будетъ нездорово—сейчасъ же донесу по начальству, скажу слово и дѣло! Не допущу безчестія на память великаго отца всемилостивѣйшей государыни—быть вамъ драными!..

Приказный ушелъ, оставивъ послѣ себя общее замѣшательство.

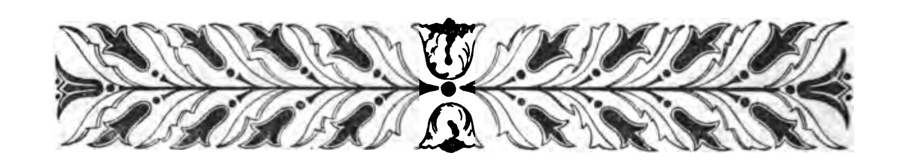
Всѣ знали, что дѣла такого рода никогда не проходятъ даромъ, и почти каждый изъ гостей зналъ нѣсколько подобныхъ розысковъ, бывшихъ съ людьми, ему знакомыми.

Приказный тотчасъ же донесъ о непристойныхъ рѣчахъ, касающихся превысокой монаршей чести, и не успѣли еще разойтись гости, какъ приставы арестовали Михайла Первова со свидѣтелями, и всѣхъ, вмѣстѣ съ доносчикомъ, отправили въ тайную канцелярію...

Процедура допросовъ въ застѣнкахъ канцеляріи уже достаточно извѣстна читателю изъ предыдущихъ очерковъ, и мы не будемъ здѣсь повторять тяжелыя и однообразныя подробности ихъ. Дѣло кончилось для разсказщика легенды, отставного сержанта Михайла Первова, крайне худо—его били кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослали на житье въ Сибирь вѣчно...

А. В. Арсеньевъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВОСПОМИНАНІЯ О Ѳ. М. ДОСТОЕВСКОМЪ.

I.

Человѣкъ только что опущенъ въ могилу. Смерть застигла его почти внезапно, застигла въ періодѣ полнаго развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ, среди кипучей и плодотворной дѣятельности. Онъ не ждалъ ее, не догадывался объ ея приближеніи, или, вѣрнѣе, онъ всю жизнь ждалъ этой смерти и привыкъ къ этому ожиданію. Онъ угасъ, не договоривъ своего слова, но онъ говорилъ и долго и много, и дѣло его жизни нельзя назвать начатымъ и неоконченнымъ: онъ сдѣлалъ свое дѣло, оставилъ по себѣ яркій, осязательный слѣдъ, который не можетъ стереться и забыться.

Человѣка только что опустили въ могилу — и нежданная смерть его у всѣхъ на устахъ, память о немъ такъ свѣжа, всѣмъ хочется говорить о немъ, о значеніи только что понесенной утраты. Но какъ же можно говорить теперь о немъ—въ эти первые, печальные дни? Теперь больше чѣмъ когда либо онъ, уже навѣки отсутствующій, долженъ самъ говорить о себѣ своими многочисленными твореніями—вѣдь онъ весь заключается въ нихъ, въ этихъ горячихъ твореніяхъ, которыя долго, слишкомъ, долго были плохо понимаемы, плохо цѣнимы. Но послѣдніе годы его трудовой, тяжелой жизни озарились таки счастьемъ, на которое онъ уже переставалъ расчитывать: его слово, наконецъ, достигло до сердца тѣхъ, къ кому оно обращалось. Онъ договаривалъ это слово, окруженный всеобщимъ сочувствіемъ, признательностью, восторгомъ.

Онъ ужъ ничего больше не прибавитъ къ тому, что имъ было сказано, и вспоминать о немъ—значитъ вспоминать каждое его слово, вдумываться въ него, уразумѣвать каждую мысль его, значеніе каждаго поэтическаго образа имъ созданнаго. Но такія воспоминанія о художникѣ - мыслителѣ могутъ быть плодомъ только вѣрной,

безпристрастной критической оцѣнки его твореній. Скоро ли дождется такой оцѣнки память Достоевскаго—это сказать трудно при крайне печальномъ состояніи нашей критики. И во всякомъ случаѣ не теперь, не въ эти печальные первые дни, время для попытокъ критики: она должна быть спокойна, безпристрастна, къ ней не должно примѣшиваться личное чувство, вызванное нежданной смертью нашего дорогого писателя. Серьезная оцѣнка его дѣятельности и знаменательнаго значенія этой дѣятельности для русскаго общества— предстоитъ будущему.

Но всѣмъ, кто лично зналъ его, кто потерялъ въ немъ не только одного изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, но и близкаго человѣка, теперь съ тоскою думается ужъ не о вдохновенномъ писателѣ, а о Өедорѣ Михайловичѣ, котораго никогда больше не увидишь, которому больше никогда не пожмешь руку. Такъ будто и слышится его то раздраженный, то ласковый голосъ, такъ и мелькаютъ во всѣхъ подробностяхъ всѣ тѣ мелочи, совокупность которыхъ составляетъ и внѣшній и внутренній образъ человѣка, и которыя начинаешь особенно цѣнить, когда человѣка не станетъ...

Я зналъ Өедора Михайловича не просто какъ знакомаго — онъ былъ моимъ учителемъ и исповѣдникомъ. Особенныя обстоятельства помогли моему съ нимъ сближенію съ первой же минуты нашей встрѣчи, и сближеніе это относится именно къ тому періоду его жизни, когда онъ былъ почти одинокимъ и поддерживалъ сношенія только съ ограниченнымъ кружкомъ своихъ старыхъ друзей. Въ то время Достоевскій имѣлъ на меня рѣшительное вліяніе и я придавалъ большое значеніе почти каждому сказанному мнѣ имъ слову. Поэтому я имѣлъ обычай тогда же записывать многіе наши разговоры, его разсказы, и по преимуществу разсказы о себѣ самомъ. Я храню нѣкоторыя его интересныя письма. Все это даетъ мнѣ теперь возможность сразу и легко разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ, не боясь ошибокъ моей памяти. Мнѣ только жаль, что я не могу въ настоящее время разсказать всего, что у меня записано и что я помню — я не хочу обвиненій въ нескромности, не хочу много говорить о живыхъ еще людяхъ, и потому мнѣ остается представить только отрывки изъ моихъ воспоминаній о Өедорѣ Михайловичѣ. Жаль мнѣ еще и то, что, говоря о немъ, я неизбѣжно долженъ говорить и о себѣ; но самое свойство и форма личныхъ воспоминаній должны въ этомъ оправдать меня передъ читателями.

II.

Достоевскій сдѣлался любимѣйшимъ моимъ писателемъ съ той самой поры, когда я прочелъ первую изъ повѣстей его, попавшуюся

мнѣ подъ руку, а это случилось въ самые ранніе годы моего отрочества. Всякій художникъ-писатель тогда легко овладѣвалъ моей душой, увлекалъ и заставлялъ переноситься въ міръ своихъ образовъ и фантазій. Но выходя изъ подъ этого обаянія, я сейчасъ же и отрезвлялся. Не то было со мной при чтеніи Достоевскаго.

Это чтеніе составляло для меня высочайшее наслажденіе и въ то же время муку. Страстный, страдающій авторъ съ первой же страницы схватывалъ меня и уносилъ противъ воли въ свое мрачное царство, гдѣ онъ собиралъ все, что только есть темнаго, больного, мучительнаго и безобразнаго въ нашей общественной и личной жизни, гдѣ свѣтлые и здоровые образы являются какъ исключеніе. Я чувствовалъ, что онъ вскрываетъ такую глубину человѣческаго *я* и освѣщаетъ въ ней такія явленія, что становилось страшно. Онъ находилъ выраженіе самымъ неуловимѣйшимъ ощущеніямъ и мыслямъ. Это былъ какой-то горячечный сонъ — яркій, мучительный, потрясающій. Грезилось что-то огромное, сложное. Все перепутано, все кружится, несется въ страстномъ вихрѣ, и надъ всѣмъ этимъ царитъ одно томительное, давящее и необычайное, сильное ощущеніе. И вдругъ этотъ мракъ, этотъ ужасъ озаряются кроткимъ свѣтомъ, раздается голосъ любви, прощенія, примиренія. Страхъ отходитъ, изъ глубины души поднимаются тихія слезы...

Чтеніе окончено, но впечатлѣніе его остается на долго. Нервы потрясены, мысль работаетъ. Этотъ горячечный сонъ, въ которомъ почти всегда такая путаница образовъ, положеній, въ которомъ все сбито въ одну кучу, часто пригнано въ одно мѣсто, къ одной минутѣ, не смотря на всю свою видимую фантастичность, оказывается полнымъ самой живой, самой глубочайшей жизненной правды.

Этотъ мучительный міръ, эти стоны и вопли страждущей, загрязненной души человѣческой, порывающейся изъ своей грязи, ищущей правды и свѣта и спасаемой любовью — были всегда близки и понятны даже полуребенку, не знавшему жизни. Но время шло, и то, что сначала воспринималось только инстинктивно чуткими нервами, съ каждымъ годомъ сознательнѣе и яснѣе запечатлѣвалось въ мысли.

Появленіе „Преступленія и Наказанія“ было для меня огромнымъ событіемъ. Я читалъ эту книгу дни и ночи; кончалъ и опять перечитывалъ. Я очень много пережилъ въ то время и вышелъ изъ этой школы совсѣмъ измѣненнымъ.

Потомъ, каждаго новаго романа Достоевскаго я дожидался съ лихорадочнымъ волненіемъ. Но я дожидался не одного романа, а и его автора, потому что этотъ авторъ выступалъ изъ за каждой строки, и я, никогда не видавъ его, былъ уже съ нимъ близко знакомъ и горячо любилъ его.

Все, что можно было узнать о немъ, объ его жизни—я узнавалъ, но этого оказывалось очень мало: я не встрѣчался съ людьми хо-

рошо его знавшими... Еще прошли года, и именно тѣ года первой юности, которые играютъ такую важную роль въ жизни каждаго человѣка, когда идетъ такая неугомонная внутренняя работа. Измѣнялись мысли, взгляды, вкусы, многое передѣлывалось—оставалось однако неизмѣннымъ вліяніе творчества Достоевскаго и его собственнаго нравственнаго образа, запечатлѣннаго въ его твореніяхъ.

Я кончилъ университетскій курсъ, переѣхалъ изъ Москвы на житье въ Петербургъ, только что начиналъ знакомиться съ самостоятельной жизнью. У меня не было никакихъ знакомствъ съ литературными кружками и хотя Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій далъ мнѣ, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы, нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ его петербургскимъ пріятелямъ-литераторамъ—я не воспользовался этими письмами. Я печаталъ гдѣ приходилось лирическія пьески безъ своей подписи и этимъ все ограничивалось.

Въ самомъ концѣ 1872 года, я прочелъ въ газетахъ объявленіе объ изданіи журнала „Гражданинъ" подъ редакціей Достоевскаго. Я думалъ, что онъ все еще заграницей; но вотъ онъ здѣсь, въ одномъ городѣ со мною, я могу его видѣть, говорить съ нимъ. Меня охватила радость, волненіе. Я былъ ужасно молодъ и не сталъ задумываться: сейчасъ же отправился въ редакцію „Гражданина" узнать адресъ новаго редактора. Мнѣ дали этотъ адресъ. Я вернулся къ себѣ, заперся и всю ночь напролетъ писалъ Достоевскому. Мнѣ любопытно было бы прочесть теперь письмо это. Можетъ быть въ немъ было очень много лишняго, но во всякомъ случаѣ я сказалъ ему все, что могъ сказать человѣку, котораго любилъ такъ долго и который имѣлъ на меня такое вліяніе.

На слѣдующее утро я послалъ это письмо по почтѣ и ждалъ. Прошло три, четыре дня—никакого отвѣта. Но я нисколько не смущался, я былъ совершенно увѣренъ, что Достоевскій не можетъ мнѣ не отвѣтить.

Наступилъ новый 1873 годъ. Перваго января, вернувшись къ себѣ поздно вечеромъ и подойдя къ письменному столу, я увидѣлъ среди дожидавшихся меня писемъ визитную карточку, оборотная сторона которой была вся исписана. Взглянулъ—„Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій".

Съ почти остановившимся сердцемъ я прочелъ слѣдующее:

„Любезнѣйшій Всеволодъ Сергѣевичъ, я все хотѣлъ вамъ написать; но откладывалъ, не зная моего времени. Съ утра до ночи и ночью былъ занятъ. Теперь заѣзжаю и не застаю васъ къ величайшему сожалѣнью. Я дома бываю около 8 часовъ вечера, но не всегда. И такъ у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю самъ, когда бы могъ вамъ назначить совершенно безошибочно.

„Крѣпко жму вашу руку. Вашъ Ѳ. Достоевскій".

Я чувствовалъ и зналъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ; но эти простыя

и ласковыя слова, это посѣщеніе незнакомаго юноши (въ письмѣ своемъ я сказалъ ему года мои)—все это тронуло меня, принесло мнѣ такое радостное ощущеніе, что я не спалъ всю ночь, взволнованный и счастливый. Я едва дождался вечера. Я замиралъ отъ восторга и волновался какъ страстный любовникъ, которому назначено первое свиданіе. Въ началѣ восьмого я поѣхалъ. Онъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку, во 2 ротѣ. Я нашелъ домъ № 14, прошелъ въ ворота и спросилъ—мнѣ указали отдѣльный флигелекъ въ глубинѣ двора. Сердце такъ и стучало. Я позвонилъ дрожащей рукою. Мнѣ сейчасъ же отворила горничная, но я съ минуту не могъ выговорить ни слова, такъ что она нѣсколько разъ и уже съ видимымъ недоумѣніемъ повторила: „Да вамъ что же угодно?“

— Дома Ѳедоръ Михайловичъ? наконецъ проговорилъ я.

— Дома съ, а барыни нѣту—въ театрѣ.

Я взобрался по узкой, темной лѣстницѣ, сбросилъ шубу на какой-то сундукъ въ низенькой передней.

— Пожалуйте, тутъ прямо... отворите двери, они у себя, сказала горничная и скрылась.

Я прошелъ черезъ темную комнату, отперъ дверь и очутился въ его кабинетѣ. Но можно ли было назвать кабинетомъ эту бѣдную, угловую комнатку маленькаго флигелька, въ которой жилъ и работалъ одинъ изъ самыхъ вдохновенныхъ и глубокихъ художниковъ нашего времени! Прямо, у окна, стоялъ простой старый столъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, лежало нѣсколько газетъ и книгъ... старая, дешевая чернильница, жестяная коробка съ табакомъ и гильзами. У стола маленькій шкафъ, по другой стѣнѣ рыночный диванъ, обитый плохимъ красноватымъ репсомъ; этотъ диванъ служилъ и кроватью Ѳедору Михайловичу, и онъ же, покрытый все тѣмъ же красноватымъ, уже совсѣмъ вылинявшимъ репсомъ, бросился мнѣ въ глаза черезъ восемь лѣтъ, на первой панихидѣ... Затѣмъ нѣсколько жесткихъ стульевъ, еще столъ — и больше ничего. Но конечно все это я разсмотрѣлъ потомъ, а тогда ровно ничего не замѣтилъ — я увидѣлъ только сутуловатую фигуру, сидѣвшую передъ столомъ, быстро обернувшуюся при моемъ входѣ и вставшую мнѣ на встрѣчу.

Передо мною былъ человѣкъ небольшого роста, худощавый, но довольно широкоплечій, казавшійся гораздо моложе своихъ 52 лѣтъ, съ негустой русой бородою, высокимъ лбомъ, у котораго порѣдѣли, но не посѣдѣли мягкіе, тонкіе волосы, съ маленькими, свѣтлыми карими глазами, съ некрасивымъ и на первый взглядъ простымъ лицомъ. Но это было только первое и мгновенное впечатлѣніе—это лицо сразу и навсегда запечатлѣвалось въ памяти, оно носило на себѣ отпечатокъ исключительной, духовной жизни. Замѣчалось въ немъ и много болѣзненнаго—кожа была тонкая, блѣдная, будто восковая. Лица, производящія подобное впечатлѣніе, мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть въ тюрьмахъ—это были вынесшіе долгое одиночное заключе-

ніе фанатики-сектанты. Потомъ я скоро привыкъ къ его лицу и уже не замѣчалъ этого страннаго сходства и впечатлѣнья; но въ тотъ первый вечеръ оно меня такъ поразило, что я не могу его не отмѣтить...

Я назвалъ себя. Достоевскій ласково, добродушно улыбнулся, крѣпко сжалъ мою руку, и тихимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, поговоримъ...

III.

Онъ усадилъ меня на стулъ передъ столомъ, сѣлъ рядомъ со мною и началъ набивать толстыя, большія папиросы, часто поднимая на меня тихіе, ласковые глаза.

Онъ, конечно, сразу же замѣтилъ, что передъ нимъ совершенно смущенный и взволнованный юноша и съумѣлъ такъ отнестись ко мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ моего смущенія какъ не бывало. Мы встрѣтились будто старые и близкіе знакомые послѣ непродолжительной разлуки. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ по поводу новой его должности редактора „Гражданина“, передавалъ свои планы, надежды, которыя онъ возлагалъ на это дѣло.

— Только не знаю, не знаю, какъ справлюсь со всѣмъ этимъ, какъ разберусь... вотъ у меня есть сюжетъ для повѣсти, хорошій сюжетъ; я разсказалъ М. и онъ умоляетъ меня написать для „Гражданина“; но вѣдь это помѣшаетъ „Дневнику“, не могу же я два дѣла разомъ, никогда не могъ, если писать разомъ двѣ различныя вещи— обѣ пропали... ну вотъ и не знаю самъ на что рѣшиться... нынче всю ночь объ этомъ продумаю...

Насколько могъ, я отстаивалъ „Дневникъ“, особенно на первое время.

— Вѣдь это, замѣтилъ я,—такая удобная форма говорить о самомъ существенномъ, прямо и ясно высказаться.

— Прямо и ясно высказаться! повторилъ онъ—чего бы лучше и конечно, о, конечно, когда нибудь и можно будетъ; но нельзя, голубчикъ, сразу, никакъ нельзя, развѣ я объ этомъ не думалъ, не мечталъ!.. да что же дѣлать... ну, и потомъ, есть вещи, о которыхъ если вдругъ, такъ никто даже и не повѣритъ. Вотъ хоть бы о Бѣлинскомъ (онъ раскрылъ № „Гражданина“ съ первымъ своимъ „Дневникомъ писателя“), развѣ тутъ я все сказалъ, развѣ то я могъ бы сказать! И совсѣмъ то, совсѣмъ его не понимаютъ. Я хотѣлъ бы просто привести его собственныя слова — и больше ничего... ну, и не могъ.

*

— Да почему же?

— По непечатности.

Онъ передалъ мнѣ одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли и однако эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похвастаться какой нибудь дикой мыслью.

— Конечно, конечно, только Бѣлинскій то былъ не таковъ; онъ если сказалъ, то могъ и сдѣлать; это была натура простая, цѣльная, у которой слово и дѣло вмѣстѣ. Другіе сто разъ задумаются прежде чѣмъ рѣшиться и все же никогда не рѣшатся, а онъ нѣтъ. И знаете, теперь, вотъ въ послѣднее время, все больше и больше разводится такихъ натуръ: сказалъ—и сдѣлалъ, застрѣлюсь—и застрѣлился, застрѣлю—и застрѣлилъ. Все это—цѣльность, прямолинейность... и, о, какъ ихъ много, а будетъ и еще больше—увидите!...

Я не замѣчалъ какъ шло время. Переходя отъ одного къ другому, мы начали сообщать другъ другу свѣдѣнія о самихъ себѣ. Я жадно ловилъ каждое его слово. Онъ спросилъ меня о годѣ и днѣ моего рожденья и сталъ припоминать:

— Постойте, гдѣ я былъ тогда?.. въ Перми... мы шли въ Сибирь... да, это въ Перми было...

Онъ разсказалъ, между прочимъ, объ одномъ человѣкѣ, который имѣлъ на него самое сильное вліяніе. Это былъ нѣкто Шидловскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я просилъ Ѳедора Михайловича сообщить мнѣ нѣкоторыя біографическія и хронологическія свѣдѣнія для статьи о немъ, которую я готовилъ къ печати, онъ говорилъ мнѣ:

— Непремѣнно упомяните въ вашей статьѣ о Шидловскомъ, нужды нѣтъ, что его никто не знаетъ и что онъ не оставилъ послѣ себя литературнаго имени. Ради Бога, голубчикъ, упомяните — это былъ большой для меня человѣкъ и стоитъ онъ того, чтобъ его имя не пропало...

Шидловскій, по разсказамъ Достоевскаго, былъ человѣкъ, въ которомъ мирилась бездна противорѣчій: онъ имѣлъ „громадный“ умъ и талантъ, невыразившійся ни однимъ писанымъ словомъ и умершій вмѣстѣ съ нимъ; кутежъ и пьянство—и постриженіе въ монахи. Умирая, онъ сдѣлалъ Богъ знаетъ что: онъ былъ тоже въ Сибири, на каторгѣ; когда его выпустили, то изъ желѣза своихъ кандалъ онъ сдѣлалъ себѣ кольцо, носилъ его постоянно и умирая—проглотилъ это кольцо...

Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь достовѣрное объ ужасной болѣзни—падучей, которою, какъ я слышалъ, страдалъ Достоевскій, но конечно я не могъ рѣшиться даже и издали подойти къ этому вопросу. Онъ

самъ будто угадалъ мои мысли и заговорилъ о своей болѣзни. Онъ сказалъ мнѣ, что недавно съ нимъ былъ припадокъ.

— Мои нервы разстроены съ юности, говорилъ онъ.—Еще за два года до Сибири, во время разныхъ моихъ литературныхъ непріятностей и ссоръ, у меня открылась какая-то странная и невыносимо мучительная нервная болѣзнь. Разсказать я не могу этихъ отвратительныхъ ощущеній; но живо ихъ помню; мнѣ часто казалось, что я умираю, ну вотъ право—настоящая смерть приходила и потомъ уходила. Я боялся тоже летаргическаго сна. И странно—какъ только я былъ арестованъ—вдругъ вся эта моя отвратительная болѣзнь прошла, ни въ пути, ни на каторгѣ въ Сибири и никогда потомъ я ее не испытывалъ—я вдругъ сталъ бодръ, крѣпокъ, свѣжъ, спокоенъ... Но во время каторги со мной случился первый припадокъ падучей и съ тѣхъ поръ она меня не покидаетъ. Все, что было со мною до этого перваго припадка, каждый малѣйшій случай изъ моей жизни, каждое лицо мною встрѣченное, все что я читалъ, слышалъ — я помню до мельчайшихъ подробностей. Все, что началось послѣ перваго припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсѣмъ людей, которыхъ зналъ хорошо, забываю лица. Забылъ все, что написалъ послѣ каторги; когда дописывалъ „Бѣсы", то долженъ былъ перечитать все сначала, потому что перезабылъ даже имена дѣйствующихъ лицъ...

Онъ разсказалъ мнѣ о своей недавней, второй женитьбѣ, о дѣтяхъ.

— Жена въ театрѣ, дѣти спятъ,—въ слѣдующій разъ увидите... да вотъ—карточка моей маленькой дочки, ее я зову—Лиля. Она тутъ похожа.

Видя, что карточка мнѣ нравится, онъ сказалъ:

— Возьмите ее себѣ.

Потомъ говорилъ о четырехъ послѣднихъ годахъ своей жизни заграницей, объ русскихъ людяхъ, превратившихся въ европейцевъ и возненавидѣвшихъ Россію, и главнымъ образомъ объ одномъ изъ нихъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ... говорилъ о страсти къ рулеткѣ, о всякой страсти, о любви... Онъ меня исповѣдовалъ...

— Нѣтъ, кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ,—знаете ли какъ любятъ! (и голосъ его дрогнулъ и онъ страстно зашепталъ): если вы любите чисто и любите въ женщинѣ чистоту ея и вдругъ убѣдитесь, что она потерянная женщина, что она развратна—вы полюбите въ ней ея развратъ, эту гадость, вамъ омерзительную, будете любить въ ней... вотъ какая бываетъ любовь!..

Было поздно, я сталъ прощаться. Онъ взялъ меня за руку и, удержавъ, сказалъ, что ему бы хотѣлось непремѣнно ввести меня въ тотъ литературный кружокъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ.

— Вы тамъ встрѣтите очень интересныхъ, очень, очень умныхъ, и хорошихъ людей...

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, только я то буду самымъ плохимъ пріобрѣтеніемъ для этихъ людей. Знаете ли, что я удиви-

тельно неловокъ, конфузливъ до болѣзни и иногда способенъ молчать какъ убитый... Если я сегодня, съ вами, не таковъ, то вѣдь это потому, что я много лѣтъ ждалъ сегодняшняго вечера, тутъ совсѣмъ другое...

— Нѣтъ, васъ непремѣнно нужно вылечить—ваша болѣзнь мнѣ хорошо понятна, я самъ страдалъ отъ нея не мало... Самолюбіе, ужасное самолюбіе—отсюда и конфузливость... Вы боитесь впечатлѣнія, производимаго вами на незнакомаго человѣка, вы разбираете ваши слова, движенія, упрекаете себя въ безтактности нѣкоторыхъ словъ, воображаете себѣ то впечатлѣніе, которое произведено вами—и непремѣнно ошибаетесь: впечатлѣніе произведено непремѣнно другое; а все это потому, что вы себѣ представляете людей гораздо крупнѣе, чѣмъ они есть; люди несравненно мельче, простѣе, чѣмъ вы ихъ себѣ представляете...

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, далъ слово исполнить его желаніе и мы условились, что черезъ нѣсколько дней онъ вывезетъ меня въ литературный свѣтъ...

IV.

Пріемъ сдѣланный мнѣ Достоевскимъ и этотъ вечеръ проведенный въ откровенной съ нимъ бесѣдѣ, конечно, способствовали нашему скорому сближенію. Я спѣшилъ къ нему въ каждую свободную минуту, и если мы не видѣлись съ нимъ въ продолженіи недѣли, то онъ ужъ и пенялъ мнѣ.

По привычкѣ, онъ работалъ ночью, засыпалъ часовъ въ семь утра и вставалъ около двухъ. Я заставалъ его обыкновенно въ это время въ его маленькомъ, мрачномъ и бѣдномъ кабинетикѣ. На моихъ глазахъ, въ эти послѣдніе восемь лѣтъ, онъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ и всѣ онѣ были одна мрачнѣе другой, и всегда у него была неудобная комната, въ которой негдѣ было повернуться. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, только что умывшись и причесавшись, въ старомъ пальто, набивая свои толстыя папиросы, курилъ ихъ одна за другою, прихлебывая крѣпчайшій чай, или еще болѣе крѣпкій кофе. Почти всегда я заставалъ его въ это время въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Это сейчасъ же и было видно: брови сдвинуты, глаза блестятъ, блѣдное какъ воскъ лицо, губы сжаты.

Въ такомъ случаѣ, онъ обыкновенно начиналъ съ того, что молча и мрачно протягивалъ мнѣ руку и сейчасъ же принималъ такой видъ, какъ будто совсѣмъ даже и не замѣчаетъ моего присутствія. Но я ужъ хорошо зналъ его и не обращалъ на это вниманія, а спокойно усаживался, закуривалъ папиросу и бралъ въ руки первую попавшуюся книгу.

Молчаніе продолжалось довольно долго и только время отъ времени, отрываясь отъ набиванія папиросъ или проглядыванія газеты, онъ искоса на меня поглядывалъ, раздувалъ ноздри и тихонько крякалъ. Я ужасно любилъ его въ эти минуты и часто мнѣ очень трудно бывало удержаться отъ улыбки. Онъ конечно замѣчалъ, что и я на него поглядываю. Онъ выжидалъ, но мое упрямство часто побѣждало. Тогда онъ откладывалъ газету и обращалъ ко мнѣ свое милое, изо всѣхъ силъ старавшееся казаться злымъ лицо.

— Развѣ такъ дѣлаютъ порядочные люди? сквозь зубы говорилъ онъ,—пришелъ, взялъ книгу, сидитъ и молчитъ!..

— А развѣ такъ порядочные люди принимаютъ своихъ посѣтителей? отвѣчалъ я, подсаживаясь къ нему;—едва протянулъ руку, отвернулся и молчитъ!

Онъ тоже улыбался и каждый разъ, въ знакъ примиренія, протягивалъ мнѣ свои ужасныя папиросы, которыхъ я никогда не могъ курить.

— Вы это читали? продолжалъ онъ, берясь за газету.

И тутъ начиналъ высказываться о какомъ нибудь вопросѣ дня, о какомъ нибудь поразившемъ его извѣстіи. Мало-по-малу, онъ одушевлялся. Его живая, горячая мысль переносилась отъ одного предмета къ другому, все освѣщая своеобразнымъ яркимъ свѣтомъ.

Онъ начиналъ мечтать вслухъ, страстно, восторженно, о будущихъ судьбахъ человѣчества, о судьбахъ Россіи.

Эти мечты бывали иногда несбыточны, его выводы казались парадоксальными. Но онъ говорилъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно и въ то же время такимъ пророческимъ тономъ, что очень часто я начиналъ и самъ ощущать восторженный трепетъ, жадно слѣдилъ за его мечтами и образами, и своими вопросами, вставками, подливалъ жару въ его фантазію.

Послѣ двухъ часовъ подобной бесѣды, я часто выходилъ отъ него съ потрясенными нервами, въ лихорадкѣ. Это было тоже самое, что и въ тѣ годы, когда, еще не зная его, я зачитывался его романами. Это было какое то мучительное, сладкое опьяненіе, пріемъ своего рода гашиша.

Приходя къ нему вечеромъ, часовъ въ восемь, я заставалъ его послѣ только что оконченнаго имъ поздняго обѣда и тутъ ужъ не приходилось повторять утренней сцены—молчанія и не замѣчанія другъ друга. Тутъ онъ бывалъ обыкновенно гораздо спокойнѣе и веселѣе. Тотъ же черный кофе, тотъ же черный чай стояли на столѣ, тѣ же толстыя папиросы выкуривались, зажигаясь одна объ другую.

Разговоръ обыкновенно велся на болѣе близкія, болѣе осязательныя тэмы.

Онъ бывалъ чрезвычайно ласковъ, а когда онъ дѣлался ласковымъ, то привлекалъ къ себѣ неотразимо. Въ такомъ настроеніи онъ часто повторялъ слово „голубчикъ“. Это дѣйствительно особенно

ласковое слово любятъ очень многіе русскіе люди, но я до сихъ поръ не зналъ никого въ чьихъ устахъ оно выходило бы такимъ задушевнымъ, такимъ милымъ.

— Постойте, голубчикъ! часто говорилъ онъ, останавливаясь среди разговора.

Онъ подходилъ къ своему маленькому шкафику, отворялъ его и вынималъ различныя сласти: жестянку съ королевскимъ черносливомъ, свѣжую пастилу, изюмъ, виноградъ. Онъ ставилъ все это на столъ и усиленно приглашалъ хорошенько заняться этими вещами. Онъ былъ большой лакомка, я не уступалъ ему въ этомъ. И во время дальнѣйшаго разговора мы не забывали жестянку и корзиночки.

Часто, по средамъ, просидѣвъ часовъ до десяти, мы отправлялись съ нимъ въ тотъ литературный кружокъ, въ который онъ ввелъ меня. Это было довольно далеко, но шли ли мы, или ѣхали, онъ почти всегда упорно молчалъ дорогой и я даже замѣчалъ, что онъ дѣйствительно не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ.

Онъ появлялся въ кабинетѣ хозяина, гдѣ ужъ обыкновенно были на лицо нѣкоторые изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, появлялся какъ то сгорбившись, мрачно поглядывая, сухо раскланиваясь и здороваясь, будто все это были его враги, или по меньшей мѣрѣ очень непріятные ему люди. Но проходило нѣсколько минутъ и онъ оживлялся, начиналъ говорить, спорить, и почти всегда оказывался центромъ собравшагося общества.

Онъ былъ самымъ искреннимъ человѣкомъ и потому въ словахъ его, мнѣніяхъ и сужденіяхъ, часто встрѣчались большія противорѣчія; но былъ ли онъ правъ, или не правъ, о чемъ бы ни говорилъ, онъ всегда говорилъ съ одинаковымъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, потому что высказывалъ только то, о чемъ думалъ и во что вѣрилъ въ данную минуту.

Его редакторская дѣятельность, на которую онъ возлагалъ такія надежды въ первое наше свиданіе, оказалась не вполнѣ удачной, что впрочемъ можно было сразу предвидѣть, зная характеръ его и обстоятельства. Репутація журнала была уже составлена, противъ него уже рѣзко и даже неприлично высказалась почти вся тогдашняя журналистика. На новаго редактора со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки, глупыя и пошлыя. Автора „Преступленія и Наказанія“ и „Записокъ изъ Мертваго дома“ называли сумасшедшимъ, маньякомъ, отступникомъ, измѣнникомъ, приглашали даже публику идти на выставку въ Академію Художествъ и посмотрѣть тамъ портретъ Достоевскаго, работы Перова, какъ прямое доказательство, что это сумасшедшій человѣкъ, мѣсто котораго въ домѣ умалишенныхъ.

По своей натурѣ болѣзненный, раздражительный, нервный и крайне обидчивый, Достоевскій не могъ не обращать вниманія на этотъ возмутительный лай. Какъ ни уговаривали его, между прочими и я,

просто не читать этой неприличной брани, не пачкаться ею, онъ покупалъ каждый номеръ газеты, гдѣ о немъ говорилось, читалъ, перечитывалъ и волновался. Но, конечно, ни одного малѣйшаго шага, ни одного слова онъ себѣ не позволилъ для того, чтобы поправить свои дѣла передъ расходившейся прессой. Торговаться и уступать, гдѣ дѣло касалось его убѣжденій, хотя бы и ошибочныхъ, но всегда искреннихъ, онъ не былъ способенъ: это было не въ его честной натурѣ.

Онъ мечталъ въ первое время заставить общество слушать себя и своихъ единомышленниковъ посредствомъ редактируемаго имъ журнала; но скоро убѣдился, что это крайне трудно, почти невозможно. Журналъ начался слишкомъ односторонне и, хотя къ его редакціи примыкало нѣсколько умныхъ и талантливыхъ людей, но ихъ было очень мало и имѣя другія обязанности, они не могли отдавать журналу всѣ свои силы. Затѣмъ, у журнала были слишкомъ небольшія матеріальныя средства, случайные сотрудники были такъ плохи, что выбирать изъ нихъ было почти нечего. Наконецъ, Достоевскій не былъ вполнѣ самостоятеленъ какъ редакторъ; но еслибъ онъ и оказался самостоятельнымъ, полноправнымъ хозяиномъ и собственникомъ журнала, то все же врядъ ли бы этотъ журналъ пошелъ. Достоевскій былъ художникъ-романистъ, горячій и искренній публицистъ-мыслитель, но онъ всегда былъ непрактичнымъ человѣкомъ, плохимъ администраторомъ; онъ не годился въ редакторы. При этомъ надо принять во вниманіе и то, что онъ былъ человѣкъ порыва, увлеченія...

Одинъ разъ, я его засталъ съ какой то книгой въ рукѣ; онъ находился въ возбужденномъ состояніи.

— Что это? что вы читаете?

— Что я читаю?!—сейчасъ же отправляйтесь и купите эту книгу— это повѣсти Кохановской.

— Я ихъ знаю... читалъ... очень милыя повѣсти; не особенно сильный, но оригинальный и симпатичный талантъ.

— Стыдитесь! закричалъ онъ, какъ вы судите, да знаете ли вы, понимаете ли, что это за повѣсти?—я сейчасъ бы отдалъ самыя лучшія мои вещи, отдалъ бы „Преступленіе и Наказаніе“, „Записки изъ Мертваго дома“, чтобы только подписаться подъ этими повѣстями... Вотъ это какая книга! Да я не знаю, гдѣ у насъ лучшія, есть ли онѣ?! кто такъ пишетъ!..

Противорѣчить ему, доказывать, что онъ самъ фантазируетъ на тэму автора и восхищается плодами своей фантазіи, было невозможно.

А на слѣдующій же день, именно на слѣдующій день, онъ говорилъ:

— Нѣтъ, наши женщины совсѣмъ не умѣютъ писать; вотъ напримѣръ Кохановская, у ней есть талантъ, есть чувство, даже кой какія мысли, но какъ она пишетъ, какъ пишетъ... развѣ можно такъ писать?!

— Помилуйте, Өедоръ Михайловичъ, да не вы ли вчера съ жаромъ объявляли, что готовы отдать всѣ свои романы, чтобы подписаться подъ ея повѣстями!—невольно крикнулъ я.

Онъ остановился, сердито взглянулъ на меня, и сквозь зубы проговорилъ:

— Никогда ничего подобнаго я не могъ сказать... я не помню.

И я убѣжденъ, потому что хорошо зналъ его, что онъ дѣйствительно не помнилъ сказаннаго. Онъ могъ забыть, что угодно, но какъ наканунѣ такъ и теперь, онъ былъ совершенно искрененъ. Это было впечатлѣніе минуты...

Да, онъ забывалъ многое; онъ слишкомъ увлекался. Но во всю жизнь не забылъ и не измѣнилъ онъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, именно всего того, что ему предназначено было сказать новаго, истиннаго и прекраснаго, за что онъ боролся и что̀ наконецъ принесло ему славу. Это доказываетъ вся его литературная дѣятельность, всѣ его произведенія, проникнутыя единымъ духомъ, однимъ чистымъ чувствомъ и одной высокой мыслью.

V.

Онъ выдержалъ годъ своего редакторства и оказался крайне утомленнымъ. Не то чтобы дѣла было много, но онъ очень медленно работалъ и работа была не по немъ. А главное явилось убѣжденіе, что изъ дѣла, на которое возлагались такія большія надежды, не можетъ выйти ожидаемаго результата. Наконецъ, онъ не могъ разомъ работать двѣ работы. Онъ все собирался писать новый романъ и не находилъ времени, а между тѣмъ матерьялу накопилось достаточно; пора было высказаться въ образахъ, въ широкой картинѣ.

Въ началѣ 1874 года, онъ сталъ мнѣ все чаще и чаще жаловаться на свое положеніе и наконецъ объявилъ, что дотянетъ только до лѣта и лѣтомъ освободится. Тутъ именно, весною 74 года, по различнымъ моимъ обстоятельствамъ, я видался съ нимъ рѣже. Какъ то онъ заѣхалъ ко мнѣ и, не заставъ меня, оставилъ записку, въ которой между прочимъ объявлялъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ засѣсть на гауптвахту въ качествѣ редактора „Гражданина".

Утромъ, 22 марта, пришелъ ко мнѣ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

— А я къ вамъ знаете откуда? сказалъ онъ,—отъ узника: сидитъ нашъ Ѳедоръ Михайловичъ... ступайте къ нему, онъ ждетъ васъ.

— Въ какомъ же онъ настроеніи?

— Въ самомъ лучшемъ; непремѣнно отправляйтесь.

Мы побесѣдовали нѣсколько минутъ, и я поѣхалъ въ извѣстный уголокъ Сѣнной площади. Меня тотчасъ же пропустили. Я засталъ Ѳедора Михайловича въ просторной и достаточно чистой комнатѣ, гдѣ кромѣ него въ другомъ углу былъ какой то молодой человѣкъ, плохо одѣтый и съ самой безцвѣтной физіономіей.

Ѳедоръ Михайловичъ сидѣлъ за маленькимъ простымъ столомъ, пилъ чай, курилъ свои папиросы и въ рукахъ его была книга. Онъ мнѣ обрадовался, обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришли, ласково заговорилъ онъ, а то вы совсѣмъ пропали въ послѣднее время. Я собирался даже писать вамъ кой о чемъ, потому что вы мнѣ что-то начинаете не нравиться. Скажите, отчего вы пропали? или на меня сердитесь?.. но я думалъ, думалъ... вамъ не за что на меня сердиться.

— Да я и не думаю сердиться, дѣйствительно не за что; напротивъ, я сколько разъ къ вамъ собирался, но вотъ никакъ не могъ собраться: я нигдѣ не бываю; по цѣлымъ днямъ сижу дома.

Онъ задумался.

— Да, вотъ, я такъ и рѣшилъ, такъ оно и есть... вотъ объ этомъ мы и поговоримъ, голубчикъ.

Я оглянулся на молодого человѣка, бывшаго въ комнатѣ.

Ѳедоръ Михайловичъ сталъ стучать пальцемъ по столу, что въ извѣстныя минуты было одною изъ его привычекъ.

— Не обращайте вниманія, шепнулъ онъ, я ужъ его всячески пробовалъ; это какое-то дерево, можетъ и разберу что такое, только нечего его стѣсняться.

И дѣйствительно, мы сейчасъ же и позабыли о присутствіи этого свидѣтеля.

— Видите, что я хотѣлъ вамъ сказать, заговорилъ Достоевскій, такъ у васъ не можетъ продолжаться, вы что нибудь съ собою сдѣлайте... и не говорите и не разсказывайте... я все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, я отлично понимаю ваше состояніе, я самъ пережилъ его. Это та же моя нервная болѣзнь, можетъ быть, въ нѣсколько иной формѣ, но въ сущности тоже самое. Голубчикъ, послушайте меня, сдѣлайте съ собою что нибудь, иначе можетъ плохо кончиться... Вѣдь я вамъ разсказывалъ—мнѣ тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсѣмъ новымъ человѣкомъ сдѣлался... И только что было рѣшено, такъ сейчасъ всѣ мои муки и кончились, еще во время слѣдствія. Когда я очутился въ крѣпости, я думалъ, что тутъ мнѣ и конецъ, думалъ, что трехъ дней не выдержу, и— вдругъ совсѣмъ успокоился. Вѣдь я тамъ что дѣлалъ?.. я писалъ „Маленькаго героя“ — прочтите, развѣ въ немъ видно озлобленіе, муки? Мнѣ снились тихіе, хорошіе, добрые сны, а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ было лучше. О! это большое для меня было счастіе: Сибирь и каторга! Говорятъ: ужасъ, озлобленіе, о законности какого-то озлобленія говорятъ! ужаснѣйшій вздоръ! Я только тамъ и жилъ здоровой, счастливой жизнью, я тамъ себя понялъ, голубчикъ,... Христа понялъ... русскаго человѣка понялъ, и почувствовалъ, что и я самъ русскій, что я одинъ изъ русскаго народа. Всѣ мои самыя лучшія мысли приходили тогда въ голову, теперь онѣ только возвращаются, да и то не такъ ясно. Ахъ, если бы васъ на каторгу!

Это было сказано до такой степени горячо и серьезно, что я не могъ не засмѣяться и не обнять его.

— Өедоръ Михайловичъ, за что же меня на каторгу?! или вы мнѣ будете совѣтовать, чтобы я пошелъ, да убилъ кого нибудь?!

Онъ самъ улыбнулся.

— Да, конечно... ну придумайте что нибудь другое. Но знаете, вѣдь это было бы для васъ самымъ лучшимъ.

— И не въ одной Сибири каторга, сказалъ я, ее можно найти и здѣсь, но я все же себѣ этого не желаю, хотя то, что вы называете моей нервной болѣзнью, меня очень мучаетъ и тревожитъ за будущее; меня дѣйствительно начинаетъ одолѣвать невыносимая апатія и хотѣлось бы изъ нея выхода.

— Такъ придумайте... придумайте, рѣшитесь на какой нибудь внезапный, отчаянный шагъ, который бы перевернулъ всю жизнь вашу. Сдѣлайте такъ, чтобы кругомъ васъ было все другое, все новое, чтобы вамъ пришлось работать, бороться: тогда и внутри васъ все будетъ ново, тогда вы познаете радость жизни, будете жить какъ слѣдуетъ. Ахъ! жизнь хорошая вещь; ахъ, какъ иногда хорошо бываетъ жить! Въ каждой малости, въ каждомъ предметѣ, въ каждой вещицѣ, въ каждомъ словѣ, сколько счастья!.. Знаете ли, мнѣ вотъ хорошо сегодня: эта комната, это сознаніе, что я запертъ, что я арестантъ, мнѣ столько напоминаетъ, столько такого хорошаго, и я вотъ думаю: Боже мой! какъ я мало тогда еще цѣнилъ свое счастіе; я тогда научился наслаждаться всѣмъ; но вернись теперь то время, я бы еще въ двойнѣ наслаждался...

Онъ еще долго говорилъ на эту тэму, а потомъ вдругъ схватилъ книгу, за которой я засталъ его, и сказалъ:

— Вотъ чѣмъ я теперь зачитываюсь: это вещь замѣчательная, великая вещь!.. прочтите ее непремѣнно.

Книга была: „Les Misérables“ Виктора Гюго. И горячая похвала этой книгѣ, даже восторгъ передъ нею, оказался не капризомъ, не минутнымъ впечатлѣніемъ. Достоевскій, до послѣднихъ дней своихъ, восхищался этой книгой. Тщетно я говорилъ ему, что хотя въ „Les Misérables“ есть большія достоинства, но есть и большіе недостатки, что мѣстами растянуто и чрезвычайно сухо, что автору „Преступленія и Наказанія“ совсѣмъ уже нечего преклоняться передъ „Les Misérables“; онъ продолжалъ восхищаться и всегда находилъ въ этой книгѣ то, чего въ ней нѣтъ...

Между тѣмъ намъ пора было разстаться. Да онъ и самъ торопилъ меня съѣздить къ его женѣ, успокоить ее, сказать, что онъ совсѣмъ здоровъ и вообще прекрасно себя чувствуетъ.

— Только вы, голубчикъ, пожалуйста, тихонько, чтобы какъ нибудь прислуга не услышала; а то вѣдь какъ узнаютъ, что я сижу, такъ сейчасъ же подумаютъ, что я укралъ что нибудь...

Всеволодъ Соловьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОЙ СЪ ТЕКИНЦАМИ ПРИ ДЕНГИЛЬ-ТЭПЕ 28 АВГУСТА 1879 ГОДА.

(Разсказъ очевидца).

Участвуя, лѣтомъ 1879 года, въ Ахалъ-Текинской экспедиціи и будучи свидѣтелемъ и очевидцемъ боя у аула Денгиль-Тэпе, 28-го августа, я съ нетерпѣніемъ и живымъ интересомъ ожидалъ описаній этого дѣла. Только долго спустя начали появляться, наконецъ, въ „Голосѣ", „С.-П. Вѣдомостяхъ", „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Новомъ Времени", извѣстія о столь памятномъ для насъ боѣ. Гг. корреспонденты пространно описывали мѣстность, движеніе отряда; но самое сраженіе у названнаго аула разсказывали различно; вообще же, всѣ корреспонденціи эти страдаютъ многословіемъ и отсутствіемъ истины. Чтобы сколько нибудь разъяснить обстоятельства дѣла нашего съ текинцами при Денгиль-Тэпе,—беру на себя смѣлость описать все, какъ было. Я полагаю, что теперь, когда наша не удача блистательно поправлена, когда наши войска еще разъ доказали до какого геройства и самоотверженія они могутъ доходить подъ руководствомъ военачальника, съумѣвшаго въ короткое время заслужить ихъ безграничное довѣріе и любовь, и вдохнуть въ нихъ увѣренность и сознаніе своей силы,—можно уже говорить правду, не боясь навлечь на себя упрека въ неумѣстной нескромности. Слабыя стороны и ошибки бываютъ во всемъ, и разоблаченіе ихъ, по моему мнѣнію, можетъ принести только пользу для дѣла.

Для вторженія собственно въ Ахалъ-Текинскій оазисъ, въ 1879 году, былъ сформированъ передовой отрядъ, который, къ 19-му числу августа мѣсяца, собрался весь въ Бендесене. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 6-ти сотенъ

казаковъ и конно-иррегулярцевъ, 12-ти орудій и ракетной батареи [1]), съ 22-го числа не зналъ отдыха, находясь все время въ движеніи. 22-го и 23-го, мы перевалили черезъ трудно проходимый хребетъ Копетъ-дагъ, за которымъ начинается Ахалъ-Текинскій оазисъ. Названіе оазиса вполнѣ вѣрное. Горная ключевая вода, протекая, даетъ достаточно влаги для орошенія полей, которые тщательно обрабатываются текинцами; арбузы, дыни, тыквы, джегура (родъ проса—растетъ какъ кукуруза; зерно идетъ на приготовленіе хлѣба, а стволъ и листья—въ кормъ вьючнымъ животнымъ), енжа, хлопчатникъ—густо покрываютъ воздѣланныя мѣста. Первый попавшійся намъ аулъ, Бами, былъ совершенно пустъ и оставленъ жителями; только саманъ въ ямахъ, да арбузы и дыни на поляхъ, достались намъ въ добычу. Здѣсь протекаетъ прекрасный ручей ключевой воды. Сакли у текинцевъ построены изъ глины, смѣшанной съ саманомъ. Весь отрядъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ, но его слѣдъ какъ будто бы пропалъ.

Изъ Бами мы прошли Беурму, Арчманъ, Дорунъ и остановились въ аулѣ Яроджа. Дневокъ не было. Уже давно носились слухи, что вся текинская молодежь и вообще всѣ способные носить оружіе—собираются въ укрѣпленномъ аулѣ Денгиль-Тэпе, но мы не придавали особеннаго вниманія и довѣрія этому извѣстію. Жителей, какъ я уже сказалъ, мы нигдѣ не встрѣчали, только въ Арчманѣ остались старики, женщины и дѣти. Въ Яроджѣ отрядъ собрался 27-го августа. На 28-е число назначено было общее выступленіе. Ночь прошла въ разговорахъ, предположеніяхъ и ожиданіи, что-то будетъ завтра! Въ 2 часа пополуночи выступилъ авангардъ (3 пѣх. баталіона, ½ роты саперъ, дивизіонъ драгунъ, одна сотня казаковъ, двѣ сотни конно-иррегулярнаго полка, 4 конныхъ и 4 горныхъ орудія), а въ 5 часовъ утра, главныя силы (3 пѣх. баталіона, одна сотня казаковъ, 4 орудія). Авангардомъ начальствовалъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ князь Долгорукій; главными силами свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Борхъ.

Въ приказѣ отданномъ по отряду, авангарду предписано было, отойдя 4 версты отъ Яроджа, остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ, послѣ чего предполагалось общее движеніе; но авангардъ приказанія этого не исполнилъ, а безостановочно двигался по направленію къ Денгиль-Тэпе и только не доходя 7—8 верстъ до него

---

[1]) Баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Кабардинскаго полка, баталіонъ Ширванскаго полка, сводно-стрѣлковый баталіонъ; 1-й дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, двѣ сотни Волгскаго казачьяго полка, двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, двѣ сотни Таманскаго казачьяго полка; 1-й дивизіонъ 4 батареи 20 артиллерійской бригады; 1-й дивизіонъ 1 батареи Терскаго казачьяго войска, 4 горныхъ орудія Красноводской артиллеріи и ракетная батарея изъ 5-й сотни Полтавскаго казачьяго полка.

остановился. Генералъ-маіоръ Ломакинъ, принявшій начальство надъ отрядомъ послѣ смерти генералъ-адъютанта Лазарева, съ многочисленнымъ штабомъ, наконецъ, догналъ авангардъ, оставивъ далеко за собою колонну графа Борха. Тотчасъ же мы двинулись далѣе. Вдали показались конные текинцы. Авангардъ перестроился въ боевой порядокъ. Впереди была разсыпана стрѣлковая цѣпь, которая, наступая, наткнулась на слѣпую, старую женщину, высланную текинцами впередъ, какъ повѣріе, что ихъ не побѣдятъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ текинцы стали стрѣлять чаще, а наши молча наступали. Конная полубатарея выѣхала на позицію, 2 горныхъ орудія присоединились къ ней и, ставъ вмѣстѣ, открыли огонь. Перепалка пошла оживленная. Въ часъ дня, маленькая, укрѣпленная мельница, лежащая на арыкѣ слѣва отъ главнаго укрѣпленія, была занята нашими войсками. Потеря наша при этомъ была ничтожная. Перестрѣлка немного стихла и мы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія колонны графа Борха, но увы! объ ней не было никакого извѣстія. Успѣхъ у мельницы вскружилъ голову начальнику авангарда; онъ, не расчитавъ своихъ силъ и мечтая однимъ ударомъ и самому лично покончить съ врагомъ, — повелъ нашъ ничтожный отрядъ на главное укрѣпленіе; но масса текинцевъ встрѣтила штурмовавшихъ залпомъ и мы съ потерями должны были отступить къ мельницѣ и ожидать здѣсь прибытія колонны графа Борха.

Только въ 3 часа пополудни подошли главныя силы. Не смотря на то, что люди находились въ движеніи съ 5 часовъ утра, совершили переходъ въ 28 верстъ по песчано-бугристой мѣстности, не имѣя все это время капли воды во рту, при сильной жарѣ, имъ не дали даже получасового отдыха, а прямо повели на позицію передъ главнымъ валомъ; артиллерія заняла позицію въ 325 саженяхъ, пѣхота выслала цѣпь и пошла учащенная стрѣльба. Артиллерія не была сосредоточена, какъ бы это слѣдовало, а разбросана по взводно на большомъ пространствѣ; стрѣльба ея главнымъ образомъ была направлена внутрь укрѣпленія, гдѣ текинцы огромною своею массою напоминали муравейникъ. На наши орудійные и ружейные выстрѣлы текинцы почти не отвѣчали. Всѣ выстрѣлы изъ орудій ложились внутрь укрѣпленія и, по словамъ захваченныхъ въ плѣнъ текинцевъ—нанесли имъ громадный уронъ.

Былъ пятый часъ въ исходѣ; стрѣльба артиллеріи усилилась; въ 5 часовъ войска пошли на штурмъ; орудія на время смолкли; наша пѣхота съ крикомъ ура! бросилась на валъ,—казалось, вотъ конецъ всему дѣлу. Но увы! Въ то время когда мы всѣ, предаваясь мечтамъ, думали о легкой побѣдѣ, текинцы огромнѣйшею массою набросились на горсть нашихъ смѣльчаковъ, ворвавшихся въ укрѣпленіе, и, благодаря численному превосходству, принудили ихъ къ отступленію. Наши должны были оставить укрѣпленіе и стали поспѣшно отсту-

пать къ своимъ орудіямъ. Текинцы погнались за отступавшими; говоря правду, наши просто бѣжали и вслѣдствіе паники кинулись прямо на свои же орудія, такъ что артиллеріи стоило большого труда расчистить себѣ интервалъ для стрѣльбы картечью. Шумъ, крикъ, гамъ, разные возгласы, оглашали воздухъ. Наконецъ грянулъ выстрѣлъ картечью: одинъ, другой, третій, четвертый и пятый...

Дерзость текинцевъ не имѣла предѣловъ; наступленіе ихъ было столь стремительное, что только эти пять картечныхъ выстрѣловъ и залпы собравшихся кучекъ пѣхоты остановили непріятеля и то въ 10 — 15 шагахъ отъ орудій. Текинцы не выдержали нашего огня, смѣшались и бросились назадъ; учащенный орудійный и ружейный огонь далъ возможность нашей, выбившейся изъ силъ, пѣхотѣ прійдти въ себя и устроиться. Во время этого стремительнаго натиска текинцевъ, когда они подошли такъ близко къ орудіямъ, была самая критическая минута; какъ офицеры, такъ казаки и солдаты, выхватили револьверы и шашки и ждали послѣдняго момента для одиночной борьбы. Но Богъ спасъ насъ и намъ не пришлось кровью своею окончательно расчитываться съ врагомъ за неумѣлость и увлеченіе нѣсколькихъ лицъ. Текинцы поспѣшно отступили и укрылись въ укрѣпленный аулъ, оставивъ на полѣ огромное число убитыхъ и раненыхъ. Мы понесли тоже громадныя потери: офицеровъ убито 7 (5 изъ нихъ изрублены были почти на нашихъ глазахъ), нижнихъ чиновъ—170; ранены: 20 офицеровъ и 253 нижнихъ чина. Къ стыду нашему, до 175 тѣлъ убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (можетъ быть и часть раненыхъ) было нами оставлено подъ укрѣпленіемъ и не подобрано.

Войска наши дрались храбро и стойко, но они ничего не могли сдѣлать потому, что были сильно изнурены; отступая, въ паникѣ, многіе солдаты падали на землю и кричали: „ваше благородіе—моченьки нѣтъ“, „ваше благородіе—патроновъ нѣтъ“, „ваше благородіе—водицы бы испить“.

Было уже около семи часовъ вечера; нужно было думать объ отдыхѣ, ночлегѣ, оставивъ всякія мечты о взятіи укрѣпленія. Рѣшено было отступить съ позиціи и устроиться на ночлегъ у мельницы, гдѣ, переночевавъ, дождаться слѣдующаго утра. Войска начали отходить съ позиціи и собираться къ назначенному мѣсту.

Хаосъ былъ невыразимый; люди страшно утомлены и изнурены, они цѣлый день находились въ пути, ничего не ѣли и не пили; верблюды, не кормленные и не поенные, подняли свой плачъ. Спрашиваютъ—гдѣ такой то изъ начальниковъ? Никто не знаетъ гдѣ онъ; при обращеніи за какимъ нибудь приказаніемъ или разъясненіемъ, каждый отсылаетъ къ другому лицу; всѣмъ имъ какъ будто нѣтъ дѣла и каждый, въ такую грустную минуту, хочетъ свалить съ себя всякій трудъ. Да! необходимо сознаться, что была полнѣйшая неурядица. Кое-какъ, наконецъ, сами войска устроились. Ночь была

холодная; костровъ не приказано было разводить, чтобы не привлекать на себя выстрѣловъ врага. Каждый изъ насъ легъ на мать-сырую землю съ мрачными мыслями; видя такую неурядицу и безтолковщину, никто не разсчитывалъ на хорошій исходъ ночевки и слѣдующаго утра; каждый предполагалъ, что текинцы, воодушевленные успѣхомъ, не выпустятъ насъ изъ своего оазиса и путь отступленія будетъ для насъ тяжелъ и гибеленъ. Изъ офицеровъ только самое незначительное число счастливцевъ могли выпить стаканъ чаю; большинство же насъ не имѣли куска хлѣба во рту съ утра. Въ такомъ критическомъ положеніи, никто, конечно, не могъ заснуть. Передъ разсвѣтомъ раздались выстрѣлы; это текинцы пытались тревожить насъ. Разумѣется, въ одну минуту всѣ были уже на ногахъ. Начали выстраивать вагенбургъ и какъ только все было готово—послѣдовало отступленіе. Текинцы провожали насъ выстрѣлами, на которые мы отвѣчали. Первый день нашего отступленія былъ очень тяжелъ; верблюды и лошади уже почти двое сутокъ оставались безъ воды; люди не имѣли пищи тоже другія сутки. Отойдя верстъ 10—15, мы остановились въ пустомъ аулѣ Кары-Кяризъ и тутъ только свободно вздохнули, морально оправились, напились и утолили голодъ и жажду.

Дальнѣйшій путь нашего отступленія совершенъ былъ почти безъ всякихъ препятствій; только въ двухъ мѣстахъ текинцы отводили намъ воду, но посылаемые драгуны и казаки скоро исправляли отводъ и вода была у насъ опять въ изобиліи.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Беурмѣ, 5 сентября, въ семь часовъ утра, рѣшено было, по неимѣнію провіанта и фуража,—отступить вплоть до Дузлу-Олума; но отрядъ отступилъ только до Терсъ-Акана, гдѣ остановился въ ожиданіи пріѣзда вновь назначеннаго командующимъ войсками Ахалъ-Текинскаго экспедиціоннаго отряда, генералъ лейтенанта Тергукасова. Извѣстіе о назначеніи этого боевого, опытнаго и любимаго войсками генерала, подняло духъ въ отрядѣ. Всѣ радовались и ожили. Только такой генералъ и могъ возстановить въ войскахъ духъ и увѣренность въ свои силы. Генералъ Тергукасовъ прибылъ въ Терсъ-Аканъ 24 сентября. Тотчасъ же войска начали постепенно отходить далѣе, и 28 числа очистили совершенно Терсъ-Аканъ. Части отряда были размѣщены гарнизономъ въ Дузлу-Олумѣ, Чатѣ и Чикишлярѣ. Почти половина войскъ отпущена въ свои штабъ-квартиры. Многочисленный штабъ, съ пріѣздомъ генерала Тергукасова, кончилъ свое ненужное существованіе. Это была обуза для отряда.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ неуспѣха слѣдуетъ, по совѣсти, считать полковника кн. Долгорукаго, который все рвался впередъ и хотѣлъ даже съ 6 ротами сдѣлать дѣло. Какъ начальникъ авангарда, не сообразивъ соразмѣрность силъ противника, опьяненный первымъ успѣхомъ у мельницы, не выждавъ прибытія колонны гр. Борха, онъ

повелъ ничтожные и утомленные силы авангарда на штурмъ главнаго укрѣпленія и потерпѣлъ неудачу; войска были отброшены и напрасно понесли потери. Вообще, смерть генералъ-адъютанта Лазарева была ощутительна въ день 28 августа; можетъ быть, при жизни его ничего подобнаго не совершилось бы, такъ какъ онъ съумѣлъ бы сдержать неумѣстную ретивость нѣкоторыхъ; можетъ быть было бы тоже самое, но всѣ чувствовали, что нѣтъ лица, которое руководило бы дѣломъ и которому бы всѣ безпрекословно повиновались; каждый изъ начальствовавшихъ хотѣлъ сдѣлать дѣло одинъ, безъ помощи другого, чтобы вся честь и слава принадлежали ему одному. Покойный генералъ-адъютантъ Лазаревъ былъ бы единичнымъ руководителемъ штурма укрѣпленія и ни кому не позволилъ бы распоряжаться безъ своего участія.

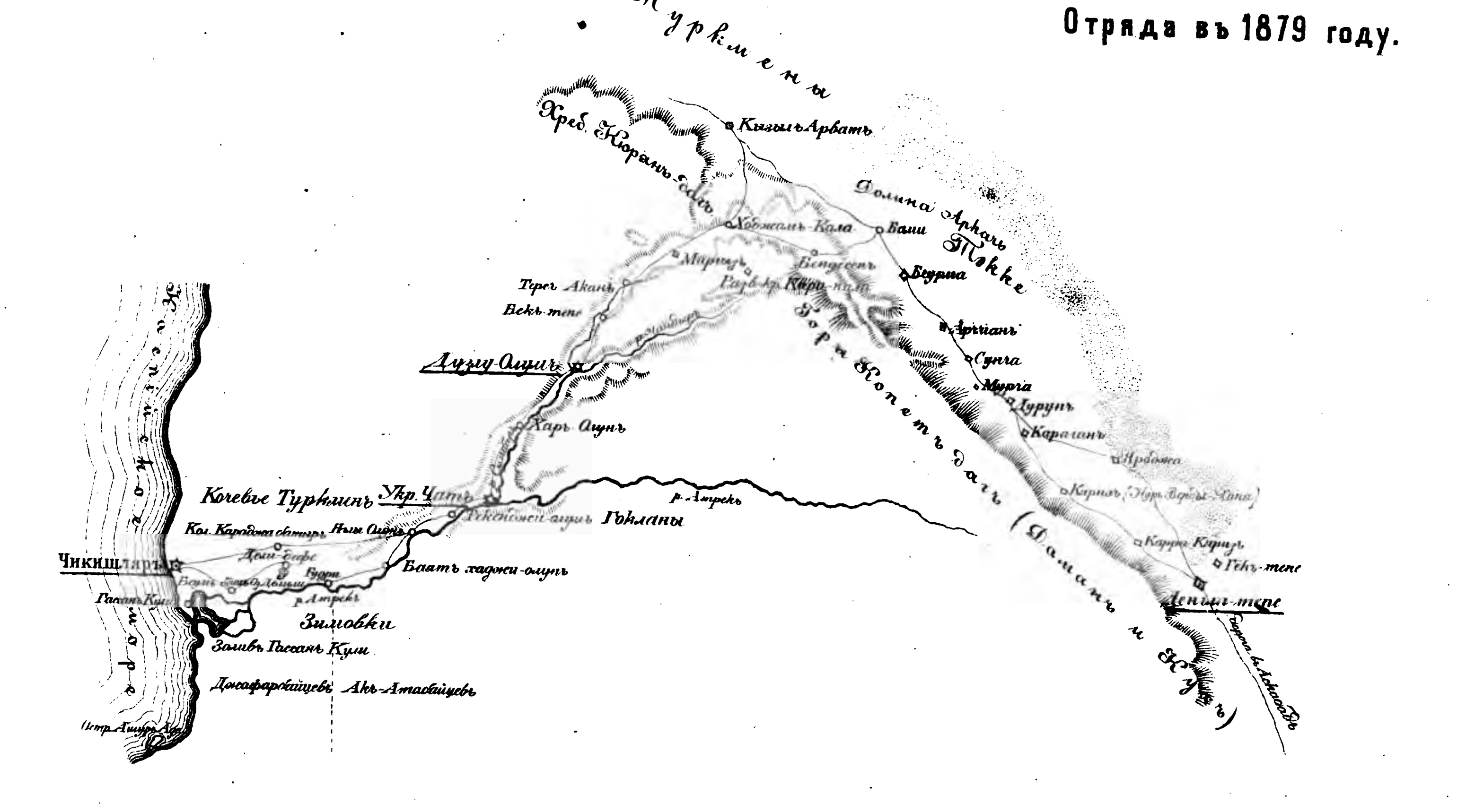
Кромѣ того, изъ состава авангарда и главныхъ силъ видно, что въ авангардѣ находилось болѣе войскъ, чѣмъ въ главной колоннѣ графа Борха; такимъ образомъ не было соблюдено основное тактическое правило, а если бы авангардъ состоялъ изъ меньшаго числа войскъ, то начальникъ его не увлекся бы мечтою легкой побѣды, а долженъ бы былъ остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ; тогда можетъ быть и результатъ былъ бы другой. Наконецъ, при приближеніи къ Денгиль-Тэпе не было сдѣлано рекогносцировки, а если бы она была произведена, то увидѣли бы, что со стороны горъ и не много правѣе нашего фронта наступленія, аулъ почти не былъ укрѣпленъ и съ этой то стороны всего удобнѣе было его штурмовать, а не лѣзть именно тамъ, гдѣ нашимъ утомленнымъ войскамъ приходилось одолѣвать глубокій ровъ, стѣну и валъ. Штурмовыхъ лѣстницъ, когда они дѣйствительно могли бы сослужить службу, не оказалось; хотя г. Алихановъ въ своихъ многословныхъ корреспонденціяхъ, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и утверждаетъ, что таковыя были, но войска не видѣли у Денгиль-Тэпе ни одной лѣстницы. Баталіоны не были укомплектованы по военному составу, такъ что въ дѣлѣ въ каждомъ баталіонѣ было не болѣе 230—250 человѣкъ. При формированіи отряда, не было положено прочнаго, связующаго начала; отрядъ составился изъ баталіоновъ и ротъ разныхъ полковъ; такъ напр. сводно-стрѣлковый баталіонъ былъ сформированъ изъ 4 ротъ отъ всѣхъ 4 стрѣлковыхъ баталіоновъ, что, конечно, не могло вселить въ солдатъ единства духа и товарищества.

Однимъ словомъ, всматриваясь безпристрастно во всё происходившее въ отрядѣ, какъ во время движенія, такъ и въ несчастномъ дѣлѣ 28 августа, мы пришли къ тому заключенію, что другого результата и не могло быть.

Намъ, участникамъ этаго несчастнаго дѣла, остается только одно горькое воспоминаніе и слабое утѣшеніе, что неудача эта послужила хорошимъ урокомъ для будущаго.

Гр. Демуровъ.

КАРТА
показывающая пункты движенія Ахалъ Тэккинскаго Экспедиціоннаго Отряда въ 1879 году.

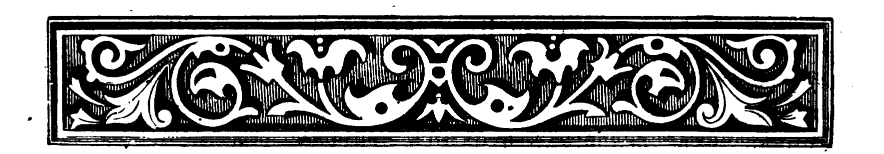

МАРШРУТЪ

слѣдованія колоннъ экспедиціоннаго отряда отъ Чикишляра до Денгиль-Тепе и обратно

Наименованіе пунктовъ.	Число верстъ.
Укр. Чикишляръ.	
Колодцы Бевенъ-Баши (Беумъ-Башъ). . .	30
„ Дели-Дефе (озеро Дилили)	21
Перепр. Гудры-Олунъ.	15
„ Баятъ-Хаджи-Олунъ.	29
„ Яглы-Олунъ.	22
„ Текинджи-Олунъ	20³/₄
Укр. Чатъ	24
Перепр. Харъ-Олунъ	21
„ Дузлу-Олумъ	26
мѣсто Бекъ-Тепе	18³/₄
„ Терсъ-Аканъ	11¹/₂
„ Маргысъ	21
Разв. кр. Ходжамъ-Кала	23
аулъ Бендесенъ	24
„ Бами.	23
„ Беурма.	14
„ Арчманъ.	24³/₄
„ Дурунъ.	30
„ Яроджа.	22¹/₂
„ Денгиль-Тепе.	24¹/₂
Итого	445 /₄

Примѣчаніе. Послѣ отступленія отъ Денгиль-Тепе, отрядъ придерживался ближе къ хребту и слѣдовалъ на Карры-Кяризъ, Кяризъ, Караганъ, Дорунъ и далѣе по прежнему пути вплоть до Яглы-Олуна, откуда слѣдовалъ на колодцы Караджа-Батыръ и Чикишляръ. Изъ всего пройденнаго пути только въ Маргысѣ не было воды, такъ какъ въ выкопанныхъ колодцахъ находилась соленая вода; во всѣхъ остальныхъ пунктахъ воды было достаточно; начиная съ Ходжамъ-Кала и далѣе въ оазисѣ — воды было въ изобиліи и прекраснаго качества.

ПОТОМОКЪ НОРМАНДСКИХЪ ГЕРЦОГОВЪ НА КАМѢ.

(Изъ преданій прошлаго вѣка).

ЕСЛИ читателю этихъ строкъ случится проѣзжать по р. Камѣ, верстъ на 20 выше города Лаишева, то я увѣренъ, что онъ невольно обратитъ вниманіе на обширное селеніе, живописно расположившееся на известковыхъ кручахъ праваго нагорнаго берега, и не безъ любопытства взглянетъ на массивный двухъэтажный каменный домъ, гнѣздящійся на вершинѣ скалы, почти надъ самымъ обрывомъ, и окруженный съ трехъ остальныхъ сторонъ высокими каменными стѣнами.

Живописное село это, издали представляющееся значительнымъ уѣзднымъ городкомъ,—Шуранъ, или Христорождественское, а каменный домъ — усадьба, принадлежащая мѣстнымъ замлевладѣльцамъ г.г. Демгровскимъ.

Но еще съ большимъ интересомъ посмотрѣлъ-бы читатель на Шуранъ, если-бы зналъ, что село это — по словамъ „Заволжскаго Муравья“ [1]) — „принадлежало прежде помѣщику Н...., который, производя себя какими-то судьбами отъ нормандскихъ герцоговъ, и дѣйствовалъ по примѣру норманновъ, только не по Балтійскому морю, а по Камѣ.

„Огражденный каменной стѣною огромный готическій замокъ сего древняго владѣльца существуетъ до сего времени. Но не долго Н.... рыцарствовалъ въ семъ великолѣпномъ и доселѣ еще, по предубѣжденію, грозномъ замкѣ, и за упомянутые подвиги, или, какъ иные увѣряютъ, за другія какія-то преступленія, осужденъ на удаленіе въ Сибирь, гдѣ и кончилъ жизнь въ волнахъ Иртыша, во времена Чичерина. Сказываютъ, что изъ внутренности сего замка сдѣланъ былъ подземельный ходъ на Каму, откуда сей новый Роллонъ, во славу

---

[1]) Мѣстно-областной учено-литературный журналъ, издававшійся въ Казани въ $183^{3}/_{4}$ г. адъюнктами казанскаго университета Рыбушкинымъ и Полиновскимъ.

своихъ предковъ, производилъ рыцарскіе набѣги на проѣзжающихъ" [1]).

Объ этомъ-то любопытномъ „потомкѣ нормандскихъ герцоговъ" и его „рыцарскихъ" подвигахъ и будетъ мой разсказъ.

Въ концѣ іюня 1879 года, имѣя въ виду обслѣдованіе остатковъ древняго булгарскаго города Кашана, я отправился изъ Казани въ село Шуранъ, въ окрестностяхъ котораго предполагалось существованіе этого городища. Сойдя въ Лаишевѣ съ парохода и взявъ почтовыхъ лошадей, я направился по дорогѣ къ Шурану, ясно виднѣвшемуся, не смотря на двадцативерстную даль, на кручахъ праваго берега Камы. Часа черезъ три я былъ уже у цѣли. Лишь только мы поднялись на гребень береговой возвышенности, какъ передъ нами открылось все село, узкой, но длинной полосою раскинувшееся по самому краю берегового обрыва.

Въ центрѣ села, на господствующемъ мѣстѣ, горделиво возвышался каменный барскій домъ, окруженный каменной стѣной. Мы направились прямо къ нему, такъ какъ владѣлецъ его, мой пріятель и сослуживецъ, К. Г. Дембровскій, любезно предложилъ мнѣ свое гостепріимство.

Не безъ любопытства взглянулъ я на этотъ домъ, когда мы въѣхали на обширный поросшій травою дворъ. Но внѣшній видъ его совсѣмъ не подходилъ къ тому представленію, которое составлено было на основаніи приведенной выше краткой замѣтки „Заволжскаго Муравья": вмѣсто „великолѣпнаго и грознаго готическаго замка", я увидалъ большое, но неуклюжее каменное зданіе, въ которомъ по видимому не было ничего, что могло-бы напомнить сѣдую старину.

Домъ давно уже перестроенъ. Въ прежнее время, по словамъ г. Дембровскаго, онъ былъ гораздо больше и дѣйствительно смотрѣлъ средневѣковымъ замкамъ: съ боковъ его выступали высокія башни; надъ средней частью высился куполъ; толстыя стѣны прорѣзаны были узкими окнами съ массивными желѣзными рѣшотками; пространныя съ тяжелыми сводами комнаты смотрѣли мрачно; въ нижнемъ этажѣ находилась тѣсная и совершенно лишенная свѣта тюрьма съ рогатками и желѣзными цѣпями; изъ подвала на Каму проведенъ былъ подземный ходъ. Все это давно уже исчезло при перестройкахъ и отъ „грознаго замка" сохранились только толстыя стѣны средней части дома, сложенныя изъ массивнаго и прочнаго кирпича, своды, да узкія окна съ желѣзными рѣшотками.

Отлично устроившись въ Шуранскомъ домѣ, я каждый день, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ крестьянъ, ходилъ по окрестнымъ горнымъ площадямъ и оврагамъ, отыскивалъ слѣды булгар-

---

[1]) „Заволжскій Муравей". 1833 г., т. I. Статья „Поѣздка въ Болгары и Пилярскъ". Стр. 205—206.

скихъ поселеній, снималъ планы и производилъ раскопки, а вечеромъ, сидя на террасѣ, выходящей на Каму, между прочимъ, бесѣдовалъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ и о прежнемъ владѣльцѣ „готическаго замка".

Судя по собраннымъ мною преданіямъ, этотъ „потомокъ нормандскихъ герцоговъ" былъ мѣстный помѣщикъ Андрей Петровичъ Нармацкой, владѣвшій въ половинѣ прошлаго столѣтія обширными помѣстьями въ прикамской сторонѣ. Ему, кромѣ Шурана, принадлежали еще: Чепчуги, Елань, Сорочьи горы, Тагашево, Улюмская слобода, Старосельское, Нарманка, Бутлеровка и Полянки. Изъ всѣхъ этихъ селъ и деревень, Нармацкой выбралъ для своей резиденціи Шуранъ. Подобное предпочтеніе дѣлается совершенно понятнымъ, когда вглядишься въ мѣстоположеніе этаго села. Располагаясь на самомъ берегу Камы, на возвышенной горной площади, перерѣзанной глубокими и живописными оврагами и покрытой превосходнымъ черноземомъ и лѣсными чащами [1], Шуранъ былъ дѣйствительно весьма привлекательнымъ мѣстамъ, которое было оцѣнено по достоинству и древними насельниками этого края, булгарами. (Слѣды г. Кашана и трехъ другихъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ городищъ, которые были найдены много въ окрестностяхъ Шурана, ясно свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ удобствахъ описываемой мѣстности).

Облюбовавъ Шуранъ, Нармацкой устроилъ здѣсь обширный кирпичный заводъ и на вершинѣ обрывистой известковой скалы, саженъ на 10 возвышающейся надъ рѣкою, воздвигъ себѣ „замокъ". Мѣсто выбрано было удачно. Изъ оконъ верхняго этажа Шуранскаго дома открывается обширная панорама: на югѣ, за Камой, привольно разстилается луговая низменность, а на западѣ виднѣются на горизонтѣ Лаишевъ и Богородская гора на Волгѣ, отстоящая отъ Шурана на 60 верстъ. Кромѣ главнаго корпуса, Нармацкой построилъ много и другихъ каменныхъ зданій: помѣщеній для дворни, магазиновъ, конюшенъ и проч.

Въ составъ своей многочисленной дворни Нармацкой принималъ всякаго рода „гуляющихъ" людей и изъ этой вольницы образовалъ вооруженный летучій отрядъ, который и производилъ въ темныя ночи опустошительные набѣги на проходящія по Камѣ „ладьи".

Подобнаго рода „рыцарскіе" подвиги очень долго покрыты были непроницаемой тайной. Судохозяева трепетали, усердно платили контрибуцію, но никому и въ голову не приходило, что контрибуція эта переходила въ обширныя кладовыя шуранскаго владѣльца. Отважность Нармацкаго доходила до того, что иногда, въ то самое время,

[1]) Современный древесный покровъ этой мѣстности состоитъ изъ мелкаго чернолѣсья: дуба, липы, клена, березы, тополя, орѣшника, рябины, калины, торна, дикой яблони и вишенника. Но встарину, по расказамъ крестьянъ, здѣсь повсюду встрѣчались громадные дубовые пни, показывающіе, что побережье это было покрыто крупнымъ лѣсомъ.

какъ въ залахъ его „замка“ безпечно пировала знать, собравшаяся со всей казанской „округи“, въ подвалахъ дома шла хлопотливая дѣятельность: тихо, подземнымъ ходомъ, выбиралась на Каму ватага „добрыхъ молодцевъ“ и, спустивъ лодки, подъ мракомъ ночи, выѣзжала на промыселъ.

Но какъ ни глубока была тайна этихъ ночныхъ похожденій, тѣмъ не менѣе личность Нармацкаго и характеръ его дѣятельности стали выясняться. Появились жалобы. Но грозный „викингъ“ долго не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Сильные люди всего округа были его друзья и пріятели и пропускали мимо ушей всѣ доходившіе до нихъ слухи; мелкая уѣздная администрація, хотя и вѣдала кое-что, но не смѣла и пикнуть, такъ какъ обстоятельно знала, что Нармацкій съ „мелкой сошкой“ не церемонится и безпощадно „деретъ“ у себя на конюшнѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ Нармацкому сходили съ рукъ и такія дерзкія предпріятія, какъ нападеніе будто бы на Лаишевскій уѣздный судъ, откуда онъ вооруженной силой и взялъ какія-то компрометировавшіе его документы.

Наконецъ, мѣра его беззаконій переполнилась. Поднялось дѣло объ убійствѣ. Преданіе говоритъ, что по приказу Нармацкаго былъ „запаренъ“ въ банѣ одинъ изъ его родственниковъ. Близкіе „запареннаго“ стали дѣйствовать энергично, помимо мѣстныхъ властей, и, благодаря этому, слухъ о злодѣяніяхъ Нармацкаго дошелъ до императрицы Екатерины II, которая и повелѣла сослать его на житье въ Западную Сибирь. Нармацкой сначала было не унывалъ, но дни его были уже сочтены. Дворовый человѣкъ, прислуживавшій ему въ ссылкѣ, воротился на родину и сообщилъ своимъ односельчанамъ, что баринъ сдѣлалъ какой-то доносъ на сибирскаго губернатора, а тотъ въ отмщеніе приказалъ утопить его. Такимъ образомъ и погибъ Нармацкой „въ волнахъ Иртыша“.

Въ другомъ преданіи, причина ссылки грознаго „викинга“ рисуется нѣсколько иначе. „Какія дѣла „онъ“ ни дѣлалъ—разсказывалъ мнѣ одинъ шуранскій старикъ — и все ничего. Да, слышь, сестру свою „онъ“ изнасильничалъ... Ну, та прямо къ царицѣ и предъявилась. Тутъ „ему“ и конецъ предѣла пришелъ. Сослали „его“ въ Сибирь, а тамъ привязали къ бревну, да съ крутой горы прямо въ рѣку и скатили“.

Наслѣдникомъ Андрея Нармацкаго остался сынъ его, Петръ, который нисколько не походилъ на отца: онъ погруженъ былъ въ книги, считался „вольтерьянцемъ“, задумалъ отпустить крестьянъ на волю, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ признанъ былъ „повредившимся въ умѣ“ и содержался подъ присмотромъ, а имѣнія его перешли въ опеку къ сестрѣ Марьѣ Андреевнѣ Нармацкой.

Со смертью Петра Нармацкаго — мужская линія рода прекратилась и всѣ имѣнія путемъ брачныхъ союзовъ перешли къ другимъ фамиліямъ (въ родъ Демерта, Кудрявцева и др.).

Вотъ и все, что сообщаютъ преданія о личности „потомка нормандскихъ герцоговъ“. Желая хотя сколько нибудь оріентироваться въ этомъ легендарномъ матерьялѣ и выяснить, гдѣ оканчивается въ немъ истина и начинается вымыселъ, я обратился къ документальнымъ источникамъ. Но, къ сожалѣнію, они оказались настолько скудны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣленно возстановить загадочную фигуру камскаго „Роллона“.

Изъ пяти граматъ [1]), относящихся ко времени царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи и писанныхъ на имя „Наума Васильева сына Нармацкаго“, наиболѣе интересной оказалась только одна, сообщающая о какихъ то заслугахъ Наума правительству. „Билъ челомъ—говорится въ ней между прочимъ—великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, казанецъ Наумъ Васильевъ сынъ Нармацкой: по указу-де брата великихъ государей, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по грамотѣ, данные ему на Волгѣ рѣкѣ, на острову, сѣнные покосы на оброкъ, которымъ островомъ владѣли села Сабуголей крестьяна,—тѣ дачи великіе государи пожаловали бы ему, велѣли тѣ сѣнные покосы за многіе ево службы изъ оброка отдать ему въ помѣстіе“.

Въ „спискѣ бояръ, воеводъ и прочихъ лицъ, управлявшихъ городомъ Казанью и губерніей съ 1552 года“, напечатанномъ въ „Указателѣ г. Казани“ Чернова, значится: подъ 1714 г. „въ татарскомъ приказѣ судьею полу-полковникъ Θедоръ Гаврилoвичъ Нармацкой“; подъ 1714 и 1719, въ числѣ ландратовъ, тотъ же „Θедоръ Нармацкой“, которому указомъ камеръ-коллегіи отъ 1 января 1720 г. „велено быть на Уржумѣ и въ Казани камериромъ“.

Изъ нѣсколькихъ актовъ, сообщенныхъ мнѣ землевладѣльцемъ изъ Сорочьихъ Горъ, П. А. Чижевскимъ, выясняются нѣкоторыя данныя по генеалогіи рода Нармацкихъ, а именно, что въ 1707 году шуранскими дачами владѣлъ прапорщикъ Юрій Васильевичъ Нармацкой, у Юрія былъ сынъ Лаврентій, у Лаврентія—Петръ, у Петра—капитанъ Андрей Нармацкой, у Андрея—поручикъ Петръ Нармацкій и дочь Марья.

Капитанъ Андрей Петровичъ Нармацкой и былъ легендарнымъ героемъ своего рода. Къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія о немъ, какъ было уже выше сказано, относятся къ области преданій, и только въ архивныхъ документахъ 1-й казанской гимназіи упоминается, что въ числѣ учениковъ, принятыхъ въ только-что открытую въ 1759 году гим-

---

[1]) Граматы эти я получилъ возможность просмотрѣть, благодаря любезности Н. А. Θирсова, профессора казанскаго университета, получившаго ихъ отъ писателя Н. А. Демерта, мать котораго происходила изъ фамиліи Нармацкихъ.

назію, находился и „сынъ капитана Андрея Нармацкаго“ и что на торжествѣ, устроенномъ въ гимназіи въ 1760 году, въ качествѣ почетнаго гостя, присутствовалъ, между прочими, и „Нармацкой“.

Такимъ образомъ, выясняется, что капитанъ Андрей Петровичъ Нармацкой жилъ въ Казанской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія (въ то время, когда губерніей управляли дѣйств. ст. совѣтн. Квашнинъ-Самаринъ и генералъ аншефъ фонъ-Брантъ) и принадлежалъ къ числу видныхъ, „почетныхъ“ людей.

„Заволжскій Муравей“ сообщаетъ, что онъ сосланъ былъ въ Сибирь, „гдѣ и кончилъ жизнь свою въ волнахъ Иртыша, во времена Чичерина“. А генералъ-поручикъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ—какъ извѣстно—управлялъ Сибирью отъ 1763 до 1781 г. Такимъ образомъ становится яснымъ, что Нармацкой сосланъ былъ въ этотъ промежутокъ времени. Неудивительной представляется и трагическая кончина „грознаго камскаго Роллона“, попавшаго, что называется, въ ежовыя рукавицы. Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, котораго, по словамъ г. Завалишина, простой народъ называлъ просто: „батюшка Денисъ!“ былъ человѣкъ крутой, „нещадно преслѣдовавшій злоупотребленія власти“. Онъ первый началъ круто обуздывать страсть къ взяточничеству въ сибирскихъ чиновникахъ и, что ярко характеризуетъ время и нравы, частенько зазвавши виновнаго въ свои палаты, „секретно отдирывалъ его на тѣлѣ“, да такъ „родительски“, что любителя „покормиться“, уносили на рукахъ“ [1]).

Что касается Петра Нармацкаго, о которомъ преданіе говоритъ какъ о „вольтерьянцѣ“, какъ о человѣкѣ, желавшемъ освободить крестьянъ, то о немъ, кромѣ списка гимназистовъ 1759 г., есть еще одно документальное свидѣтельство. Въ исковой просьбѣ сестры его М. А. Нармацкой (документъ этотъ хранится у П. А. Чижевскаго) сказано между прочимъ: „опредѣлена я къ имѣнію брата моего, повредившагося въ умѣ поручика Петра Нармацкаго, опекуншею“.

Этими скудными данными и ограничиваются извѣстные мнѣ документальные источники; быть можетъ, гдѣ нибудь въ архивахъ или въ частныхъ рукахъ есть и еще какія нибудь бумаги, касающіяся Нармацкаго; по этому считаю умѣстнымъ выразить желаніе, чтобы онѣ были опубликованы и пролили болѣе ясный свѣтъ на жизнь и дѣятельность шуранскаго владѣльца, съ именемъ котораго связано такъ много преданій въ средѣ окрестнаго русскаго и татарскаго населенія. Обиліе и живучесть этихъ преданій прямо свидѣтельствуютъ, что Нармацкой былъ въ свое время человѣкомъ „замѣтнымъ“ и возможно полное возстановленіе его загадочной личности могло бы освѣтить да нѣкоторой степени темные уголки общественной жизни въ дальней провинціи и притомъ въ столь близкую еще къ намъ эпоху.

---

[1]) Завалишинъ. Описаніе Западной Сибири. Стр. 116—117, т. I.

Затѣмъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о судьбѣ „вещественныхъ памятниковъ", воздвигнутыхъ. Нармацкимъ и служившихъ нѣмыми свидѣтелями его жизни и „рыцарскихъ" подвиговъ.

Во время опеки и перехода имѣній Нармацкаго изъ рукъ въ руки, „замокъ" запустѣлъ; обширный дворъ его заросъ сорной травой, куполъ обвалился, окна были забиты, службы стали рушиться... Мрачная руина, окруженная страшными легендами, наводила ужасъ на окрестныхъ жителей. Подъ вліяніемъ этихъ страховъ, новые владѣльцы не рѣшались селиться въ запустѣломъ домѣ и потому не только не поддерживали его, но даже, по мѣрѣ силъ, сами способствовали его окончательному разрушенію. Нуждаясь напр. въ строительномъ матеріалѣ для построекъ въ другихъ своихъ имѣніяхъ,—они разбирали кирпичныя стѣны и цѣлыя службы шуранской усадьбы.

Наконецъ, покойный Г. Г. Дембровскій, сдѣлавшись владѣльцемъ Шурана, рѣшился реставрировать эту руину, уничтоживъ въ ней все, что напоминало о „рыцарскихъ" подвигахъ Нармацкаго. Съ этой цѣлью онъ разрушилъ прежде всего боковыя башни. Работа при этомъ была не малая. Обыкновенныя человѣческія силы и желѣзный ломъ оказались совершенно несостоятельными: старинный цементъ окаменѣлъ и не поддавался. Пришлось просверлить отверстія, зарядить ихъ порохомъ и взорвать. Послѣ этой операціи, изъ 24 комнатъ „замка" осталось только 12, по 6 въ каждомъ этажѣ. Уничтожены были и другія остатки старины: вырваны изъ стѣнъ тюрьмы желѣзныя цѣпи, уничтожены рогатки и мрачная тюремная камера превращена была въ корридоръ на кухню; „золоченая карета", стоявшая въ сараѣ, была разломана и саженныя колеса ея употреблены въ качествѣ удобныхъ приспособленій для устройства на р. Шуранкѣ барской „портомойни"; наконецъ, засыпанъ былъ и „подземельный ходъ", обнаружившійся въ подвальной части дома во время взрыва боковыхъ башенъ.

По поводу подземелья я неоднократно бесѣдовалъ съ стариками крестьянами и даже отрицалъ возможность его существованія, указывая на трудность проведенія „тайника" черезъ сплошные известняки, на отсутствіе всякихъ признаковъ выхода въ наружномъ склонѣ обрыва и невозможность хорошо замаскировать этотъ выходъ, если бы подземелье дѣйствительно существовало. Но крестьяне упорно держались своего мнѣнія.

— Ужъ это ты повѣрь, убѣждали они. Своими глазами видѣли. Какъ теперь шла эта самая перестройка при покойномъ баринѣ, докопались мы до двери,—дверь желѣзная... Хотѣли мы ломать, да какъ увидалъ Григорій Григорьевичъ, такъ и велѣлъ закопать. Не любилъ онъ „этого"... Ну и закопали... А шибко хотѣлось посмотрѣть!..

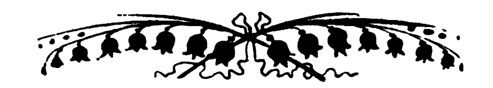
— Охочь ты копать, да не тамъ велишь копать, гдѣ надо—говорили они при раскопкахъ на мѣстѣ одного изъ сосѣднихъ горо-

дищъ. А ты вотъ прикажи подлѣ барскаго дома землю поднять. Тамъ есть чего поискать,—за желѣзной то дверью тамъ понакладено у „него“....

Въ дополненіе къ этому, К. Г. Дембровскій сообщилъ мнѣ, что года три тому назадъ, при перестилкѣ пола въ боковой части нижняго этажа, плотники снова обнаружили какую то каменную лѣстницу внизъ, но дали ему знать объ этомъ уже тогда, когда полъ былъ совсѣмъ устроенъ и произвести разслѣдованіе было уже невозможно.

Не смотря на это, я такъ и не рѣшился на раскопку и главнымъ образомъ потому, что крестьяне указывали расположеніе двери только приблизительно, такъ что пришлось бы поднимать землю на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, а это при твердости грунта, могло бы занять слишкомъ много времени, особенно при недостаткѣ удобныхъ желѣзныхъ лопатъ.

П. Пономаревъ.

ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ.

Томасъ Карлейль принадлежалъ къ числу такихъ писателей, которые въ литературѣ своей страны дѣлаютъ эпоху. Непосредственное вліяніе ихъ на умы согражданъ проходитъ, конечно, со временемъ, но авторитетъ ихъ остается вѣчнымъ и неизгладимымъ. Карлейль къ тому же былъ плодовитымъ вкладчикомъ въ англійскую литературу и создалъ своимъ вліяніемъ цѣлую школу писателей. Не часто и не многимъ изъ такихъ писателей, подобно Карлейлю, приходится достигать глубокой старости (онъ умеръ 25 января 1881 г. на 86-мъ году жизни) и видя плоды своей дѣятельности, самимъ убѣждаться въ томъ, что вліяніе ея, нѣкогда благотворное, смѣнилось инымъ, болѣе соотвѣтствующимъ и духу, и потребностямъ вѣка. Въ этомъ отношеніи небезъинтересно прослѣдить хотя въ общихъ чертахъ характеръ литературной карьеры Карлейля, тѣмъ болѣе, что его сочиненія очень мало извѣстны русской публикѣ. Но прежде всего нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Карлейль родился въ 1795 г., въ Думфрисшейрѣ, графствѣ южной Шотландіи. Шотландскій типъ былъ сильно отмѣченъ во всей его фигурѣ, а его говоръ всегда сохранялъ рѣзко мѣстный акцентъ. Отецъ предназначалъ его къ духовному званію и съ этой цѣлью помѣстилъ его въ Эдинбургскій университетъ. Но молодой человѣкъ выказалъ больше склонности къ наукамъ математическимъ и словеснымъ, нежели къ богословію. Сначала онъ пробовалъ свои силы на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ учителя математики въ школѣ графства Файфъ, потомъ поступилъ воспитателемъ въ одно семейство и кончилъ тѣмъ, что рѣшительно отдался литературнымъ трудамъ. Изучивъ французскій и нѣмецкій языки, онъ началъ заниматься составленіемъ статей для энциклопедіи Брюстера и переводами. Въ числѣ первыхъ его литературныхъ работъ особенное вниманіе обратили на себя „Жизнь Шиллера“, книга, появившаяся въ 1823 г., и передѣлка Гетевскаго „Виль-

гельма Мейстера", которая и послужила поводомъ къ перепискѣ между Гёте и Карлейлемъ. Въ 1827 г. Карлейль женился. Къ этой эпохѣ относятся критико-литературныя статьи его, которыя помѣщались въ разныхъ „Обозрѣніяхъ" и только впослѣдствіи появились отдѣльнымъ изданіемъ. 1834-й годъ имѣлъ двоякое значеніе въ его жизни. Онъ окончилъ въ то время свое первое оригинальное сочиненіе „Sartor resartus" и переѣхалъ въ Англію на постоянное жительство. „Sartor resartus" (переодѣтый портной)—нѣчто въ родѣ философской бутады—составилъ эпоху въ литературной карьерѣ Карлейля, особенно потому, что тутъ онъ обнаруживаетъ впервые свой особый стиль и выказываетъ склонность къ фантастическому жанру, въ которомъ выразилась впослѣдствіи его литературная физіономія. Но послѣдующіе годы посвящены были составленію книги, которая привлекла къ себѣ гораздо больше вниманіе и сдѣлала репутацію автору. Это—его „Французская революція", изданная въ 1837 г. Съ тѣхъ именно поръ Карлейль вошелъ въ большую славу. Каждое изъ его сочиненій ожидалось съ нетерпѣніемъ, читалось на расхватъ, обсуждалось съ уваженьемъ. Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій онъ изложилъ свои соціальные и политическіе взгляды; таковы сочиненія о „Чартизмѣ", „Прошлое и настоящее", „Памфлеты послѣднихъ дней". За ними же слѣдовали историческія и біографическія работы о Кромвелѣ (1845 г.), о Джонѣ Стерлингѣ (1851), о Фридрихѣ Великомъ (1858—1864). Старѣйшая и слабѣйшая изъ его работъ „Древніе короли Норвегіи" издана въ 1875 г.

Чему же обязанъ Карлейль своей репутаціей? На чемъ основано его вліяніе?

Карлейль писалъ много и въ различномъ жанрѣ. Въ числѣ его сочиненій, которыя принадлежатъ къ чистой литературѣ, первыя, по времени своего появленія—„Жизнь Шиллера" и критическія статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ Reviews. Потомъ слѣдуютъ обширные историческіе труды о французской революціи, о Кромвеллѣ и Фридрихѣ Великомъ. Обычныя тенденціи, разсѣянныя во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ уже замѣчено выше, нашли свое примѣненіе политическое и соціальное въ работахъ о „Чартизмѣ", о „Прошломъ и настоящемъ" и „Памфлетахъ послѣднихъ дней". Но болѣе непосредственное выраженіе взглядовъ, какіе носилъ въ себѣ Карлейль, нужно искать въ сочиненіяхъ о „Герояхъ и культѣ героевъ", отчасти въ „Sartor resartus" и въ „Жизни Джона Стерлинга", гдѣ многое относится къ самому автору. Отсюда видно, что Карлейль затрогивалъ разнообразные предметы и однакоже едва ли есть сочиненія другого писателя, въ которыхъ обнаруживалось бы больше единства, чѣмъ у него.

И дѣйствительно, во всѣхъ поименованныхъ сочиненіяхъ замѣтна одна и таже, только ему свойственная манера и выражаться, и представлять себѣ вещи. Сразу видно, что имѣешь дѣло съ оригинальнымъ мыслителемъ, положившимъ начало цѣлой школѣ писате-

лей. О томъ, чтобы свести къ точной формулѣ его воззрѣнія и думать нечего. Особенность идей Карлейля, это — рѣшительное отвращеніе отъ всякаго рода опредѣленій, отъ всякаго, такъ сказать, логическаго и критическаго аппарата, которымъ довольствуются обыкновенные смертные, а, напротивъ, эта особенность въ витаніи въ сферѣ воображенія и чувства. Оттого то онъ и представляется мистикомъ. Міръ ему казался чѣмъ-то темнымъ, наполненнымъ глубокими тайнами. Природа, исторія, человѣкъ, все для него было предметомъ удивленія. Его обычное настроеніе душевное выражалось въ преклоненіи передъ этими тайнами. Онъ имѣлъ какую-то особую потребность непремѣнно обожать. Подобная наклонность къ таинственному и возвышенному естественно приводила его къ преувеличеніямъ, человѣчество представлялось ему занятымъ непрерывной гигантской борьбою между добромъ и зломъ. Мелочи же дѣйствительной жизни, напротивъ, казались одинаково отвратительными и забавными. Новѣйшее общество рисовалось всецѣло предавшимся лжи и рутинѣ. Народы ищутъ себѣ спасенія въ конституціяхъ, въ уравновѣшиваніи власти, въ парламентскихъ дебатахъ, въ изобрѣтеніяхъ такъ называемаго либерализма и прогресса, тогда какъ въ дѣйствительности и въ существѣ дѣла, на сторонѣ правительства превосходство силы. Въ этомъ отношеніи любопытны, между прочимъ, воспоминанія помѣщенныя въ газетѣ „Русь“ г-жею О. К. о Карлейлѣ. По ея словамъ, онъ особенно любилъ бранить англійскую конституцію и жестоко смѣяться надъ тѣми, кто ей вѣрилъ.

— „Humbug“, восклицалъ онъ, „чистѣйшій обманъ“!.. „Пожалуйста, не губите вы мнѣ моей Россіи нашей конституціей“, воскликнулъ онъ однажды... „Вѣдь въ парламентѣ царитъ болтовня, пошлая болтовня. Россія совершила много великаго. У ней и будущее великое. Пусть только развивается по своему, на своихъ собственныхъ ногахъ. Я люблю и всегда любилъ русскихъ“!.. Затѣмъ—разсказываетъ г-жа О. К.—онъ провелъ параллель между государемъ и королевой Викторіей, горячо восхваляя перваго за его реформы и любовь къ просвѣщенію, но сильно издѣваясь надъ второю, особенно за ея „Турко-Биконсфильдство“...

Возвращаясь къ идеямъ Карлейля относительно человѣчества, нельзя не замѣтить, что ихъ послѣднимъ словомъ являются герой и права героизма. Ему нужны Магометы, Кромвели, Фридрихи II-е, Наполеоны, потому что это настоящіе и непосредственные продукты природы. Отсюда уже легко предугадать, въ какой связи должны находиться теорія героизма у Карлейля съ его общими воззрѣніями на міръ. Человѣкъ рока, Провидѣнія, одаренный высокими свойствами, которыя заранѣе отводятъ ему верховное мѣсто въ мірѣ, такова, по его воззрѣніямъ, естественная дѣйствительность въ противоположность съ соціальными фикціями, и въ то же время это—одна изъ силъ тайнаго міра, въ созерцаніе котораго англійскій писатель любитъ погружаться.

Если вполнѣ естественно намѣтить основную мысль, которая вдохновляла Карлейля, то, съ другой стороны было бы несправедливо утверждать, что все достоинство его сочиненій заключалось въ вышеупомянутомъ мистицизмѣ. Въ немъ виденъ, сверхъ того, историкъ и сатирикъ. Историкъ замѣчательный по сознательности своихъ изысканій и живости, съ какою онъ схватываетъ и изображаетъ физіономію событій. Его сила неоспорима. Онъ какъ будто обладаетъ, минуя всѣ его частныя особенности, даромъ вызывать прошлое, оживлять и воскрешать его, составить изъ него цѣлую драму, за которой читатель слѣдитъ неотступно. Стиль Карлейля изъ тѣхъ, которые задѣваютъ за живое читателя. Сверхъ того, Карлейль безспорно принадлежитъ къ школѣ драматической. За всѣми его моральными сентенціями, его заклинаніями и подобными странностями, не трудно замѣтить, что Карлейль, пиша исторію, хотѣлъ только разсказывать и разсказывать только для того, чтобы подѣйствовать на слушателя или читателя. Это артистъ своего дѣла. Самая торжественность его стиля не больше, какъ приправа все съ тою же цѣлью.

Карлейль является историкомъ въ двухъ или трехъ сочиненіяхъ и сатирикомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Его идеалистическія тенденціи проглядываютъ всюду въ формѣ постоянной и горькой насмѣшки надъ людьми и предметами современности. Онъ неисчерпаемъ въ своемъ негодованіи на недостатокъ искренности и великодушія, на сервилизмъ и жалкій видъ міра, который его окружаетъ. Одно слово у него безпрестанно подвертывается подъ перо и имъ-то Карлейль резюмируетъ характеръ нынѣшняго вѣка. Слово это „sham“. Оно не поддается переводу и обозначаетъ сразу и фальшивую внѣшность, суетныя домогательства, лживые договоры, и общественное лицемѣріе. Карлейль же возложилъ на себя миссію быть провозвѣстникомъ искренности. Эту искренность онъ желалъ бы примѣнить ко всему: она у него является священнымъ закономъ искусства, нравовъ политики.

То обоготвореніе силъ, о которомъ мы упомянули выше, само является послѣдствіемъ необходимости, какую испытываетъ писатель, нисходить во всемъ до первоначальнаго и естественнаго положенія вещей. А что же реальнѣе силы? Что же доступнѣе пониманію, если не вліяніе, какимъ въ состояніи давать себя чувствовать личный авторитетъ, будь то геній, или просто штыкъ?

Одна изъ многихъ второстепенныхъ заслугъ философіи Гегеля, какъ извѣстно, состояла въ разрушеніи противоположности между формою и содержаніемъ. Нѣтъ такой основы, которая не имѣла бы своей формы, нѣтъ и формы, которая не предполагала бы извѣстной основы. Но никогда та и другая не была въ болѣе явной связи, нежели мысль Карлейля и его манера писать. Трудно отдѣлаться отъ мысли, когда читаешь его произведенія, что это—не аффектація; она выступаетъ рѣзко въ его безпрестанныхъ декламаціяхъ противъ

лицемѣрія вѣка. Его выспренныя мистическія воззрѣнія на невѣдомое, которое насъ окружаетъ, на вселенную, его преклоненіе передъ тайной бытія, представляютъ что то позирующее, дѣланное. Такъ и кажется, что все это разсчитано, надумано. Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно его стиля. Это языкъ, будто намѣренно сфабрикованный писателемъ, и однакоже этому языку онъ обязанъ большею долей своего успѣха. Словарь Карлейля можно было бы составить изъ длинныхъ словъ, на манеръ нѣмецкихъ, изъ неупотребительныхъ формъ, сравнительныхъ и превосходныхъ степеней... Авторъ весь уходитъ въ странные термины, стереотипные эпитеты; фраза его будто отрублена, прервана. Карлейль, видно, нарочно дѣлалъ ее антимузыкальной, антиперіодичной, отрывочной. Прибавьте къ этому восклицанія, вопросительные знаки, воззванія къ дѣйствующимъ лицамъ, къ читателю, къ небесамъ и землѣ, ко всему на свѣтѣ, и вы получите понятіе о стилѣ Карлейля. Ничѣмъ такъ не злоупотребляетъ онъ, какъ словами Богъ, Безпредѣльность, Вѣчность, Глубина.

Нужно ли прибавлять, что эта смѣшанная роль пророка и буффона, эти выдѣланныя эксцентричности, производятъ скорѣе впечатлѣніе, будто ими авторъ пользуется, чтобъ обратить вниманіе на себя, чѣмъ впечатлѣніе дѣйствительнаго убѣжденія? Съ самаго начала своей литературной карьеры Карлейль не писалъ такъ. Въ его „Жизни Шиллера“ обыкновенные англійскіе обороты. Если по его первымъ литературно-критическимъ статьямъ и можно отчасти предугадать, что̀ выйдетъ потомъ изъ писателя, все же онѣ не выказываютъ отличій отъ обыкновенно употребительнаго языка. Но „Sartor resartus“, который принадлежитъ почти къ той же эпохѣ, уже обнаруживаетъ странности. Съ тѣхъ поръ авторъ начинаетъ пользоваться излюбленной имъ манерой писать, которая имѣетъ двойную выгоду, будучи легче самой простѣйшей формы и возбуждая любопытство публики. Его „Французская революція“ (1837 г.) представляется уже совсѣмъ скроенной по особой мѣркѣ.

Вліяніе Карлейля, какъ писателя, измыслившаго свою манеру писать, было велико. Онъ вызвалъ цѣлый рядъ подражателей, которые, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣльности и логичности своего изложенія, больше кичились своей виртуозностью или эффектами шарлатанскаго стиля. Не избѣгли соблазна въ этомъ отношеніи и великіе таланты въ Англіи. Рускинъ, напримѣръ, какъ и самъ Карлейль, кончилъ тѣмъ, что перешелъ отъ исключительнаго стиля къ странному, и отъ аффектаціи дошелъ до мистификаціи.

Вліяніе философскихъ взглядовъ Карлейля было не меньше, чѣмъ и его литературная дѣятельность, но оно было болѣе спасительно и благотворно. Имя Карлейля останется навсегда въ исторіи мысли въ Англіи. Онъ намѣтилъ рѣзко стезю своихъ воззрѣній. Какъ, не смотря на недостатки своего стиля, онъ въ сущности былъ артистомъ, также точно, не взирая на претендательность его сентенцій, онъ былъ если не фи-

лософомъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ на формировку умовъ. Короче сказать, если бы требовалось общимъ образомъ опредѣлить моральное и интеллектуальное вліяніе Карлейля, мы бы замѣтили, что Карлейль въ особенности служилъ тому, чтобы порвать и раздвинуть путы, въ которыхъ загрузла мысль его согражданъ. Слушая, какъ онъ безпрерывно твердилъ о божествѣ и вѣчности, о тайнѣ и обожаніи, въ немъ начинали видѣть провозвѣстника болѣе высокой и широкой религіи, сравнительно съ ходячими вѣрованіями. Съ тѣхъ поръ умозрѣніе проложило въ Англіи новую дорогу. Всемірныя тайны Карлейля смѣнились точными изысканіями, строгими изслѣдованіями и опредѣленіями. Неизвѣстно, отдавалъ ли себѣ отчетъ въ этомъ самъ Карлейль, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно прожилъ для того, чтобы видѣть свое вліяніе исчерпаннымъ, свою роль въ качествѣ учителя устарѣлой.

Вышеприведенныя воспоминанія г-жи О. К. содержатъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ это. „85-лѣтній Карлейль пережилъ себя"—говоритъ г-жа О. К. Онъ замѣчалъ надъ собою весь процессъ разрушенія и нетерпѣливо жаждалъ смерти. „Прошлою весною г-жа О. К. уѣзжала изъ Лондона въ Россію. Карлейль, съ вѣрнымъ другомъ своимъ Джемсомъ Фрудомъ, пріѣхалъ къ ней... Разговоръ преимущественно касался ея отъѣзда, возвращенія, и только что вышедшей въ то время ея книги: „Россія и Англія". Карлейль настаивалъ на необходимости сообщать какъ можно болѣе свѣдѣній о Россіи.

— Англія очень невѣжественна насчетъ васъ, заключилъ онъ.

Прощаясь, г-жа О. К. сказала ему „до свиданія".

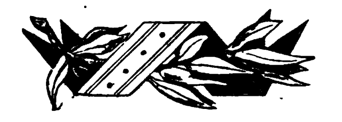
— О, нѣтъ, воскликнулъ онъ, какъ то испуганно. О, нѣтъ, повторилъ онъ, желайте мнѣ поскорѣй смерти. Мнѣ давно пора, давно! Неужели придется еще помучиться нѣсколько мѣсяцевъ? Это выше силъ.

Г-жа О. К. замѣтила ему, что друзьямъ его больно слышать такія слова:

— Вы намъ дороги, намъ нужны ваши совѣты, ваши указанія; смерть ни отъ кого не уйдетъ, утѣшала она. Но Карлейль какъ будто считалъ себя забытымъ на землѣ...

Само собою разумѣется, видя свое вліяніе отжившимъ, Карлейль въ правѣ былъ утѣшать себя, что онъ служилъ уже переходомъ между прошлымъ и настоящимъ. А къ этому, конечно, сводится роль всѣхъ системъ; въ этомъ заключается лучшая слава, на какую только можетъ претендовать мыслитель на этомъ свѣтѣ...

Ѳ. Булгаковъ.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ АБРУЦЦЪ.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ очеркѣ мы имѣемъ въ виду познакомить читателей съ интереснымъ трудомъ итальянскаго ученаго Антоніо Де-Нино о народныхъ обычаяхъ Абруццъ (Usi Abruzzesi descritti da Antonio De-Nino. Volume primo. Firenze. 1879) [1]).

Литературная дѣятельность этого автора началась съ половины шестидесятыхъ годовъ и относится къ педагогикѣ, языкознанію, поэзіи, народной словесности и археологіи [2]).

Необыкновенное трудолюбіе г. Де-Нино тѣмъ замѣчательнѣе, что авторъ—не болѣе какъ скромный учитель отечественной исторіи и литературы въ небольшомъ провинціальномъ городѣ (Sulmona въ Абруццахъ), и что только благодаря его настойчивости и продолжительнымъ усиліямъ, итальянское правительство въ послѣдніе годы

[1]) Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю признательность М. И. Желѣзнову за его дружескую помощь въ нашихъ итальянскихъ студіяхъ. Этотъ ученый-художникъ, проведшій въ Италіи двадцать три года, знаетъ итальянцевъ, ихъ страну и языкъ, какъ немногіе въ Россіи.

[2]) Кромѣ многихъ журнальныхъ статей и публикацій въ Notizie degli Scavi di Antichità, г. Антоніо Де-Нино до сихъ поръ изданы слѣдующія сочиненія: 1) Saggio di canti popolari Sabinesi. 2-a edizone. Rieti 1869, 2) Versi. Macerata 1869, 3) Nomenclatura di geografia fisica con applicazioni. Rieti 1871, 4) Errori di lingua italiana che sono più in uso. 2-a ediz. Torino 1872, 5) Il lavoro fa l'oro e lo sparagno è il primo guadagno. Letture popolari. Torino 1872, 6) Aggiunzioni alle grammatiche della lingua italiana. Milano 1877, 7) Proverbi Abruzzesi. Milano 1877, 8) Guida spiegativa della raccolta completa delle tavole di nomenclatura ad uso delle scuole elementari, rurali e giardini d'infanzia, compilata da I. Cantù e De Nino. 3-a ediz. Milano 1878, 9) Usi Abruzzesi. Volume primo. Firenze. 1879, и, наконецъ, 10), Diritti e doveri del Cittadino. Torino 1881. Въ непродолжительномъ времени, кромѣ второго тома Usi Abruzzesi, имѣется въ виду появленіе двухъ его новыхъ сочиненій подъ названіями: Notizie storiche degli Abruzzi. Vol. 1-o, и Tradizioni poetiche de'moderni Peligni.

приступило къ методическимъ раскопкамъ территоріи, знаменитаго въ исторіи Союзнической войны, Корфинія (Corfinium), начинающейся не вдалекѣ отъ Сульмоны (на мѣстѣ древняго города нынѣ стоитъ небольшое селеніе Pentima). Раскопки эти, въ четыре года своего существованія, уже дали много новаго и цѣннаго матеріала для археологической, науки и, между прочимъ, онѣ открыли надписи древнихъ Пелигновъ, своеобразный діалектъ которыхъ доселѣ не былъ извѣстенъ.

Къ чести итальянскаго народа нужно сказать, что число такихъ скромныхъ и за предѣлами своего отечества мало извѣстныхъ тружениковъ науки и въ глухихъ провинціяхъ королевства теперь увеличивается съ каждымъ годомъ и что они принадлежатъ не только къ духовному сословію, какъ то нерѣдко бывало и прежде, но уже выходятъ и изъ другихъ классовъ. Воодушевленные горячей любовью къ своимъ мѣстамъ, эти провинціальные ученые обыкновенно посвящаютъ силы и досуги на изученіе исторіи или своего города или всей своей области: они изучаютъ памятники письменные и монументальные, собираютъ живущія въ устахъ народа преданія о стародавнихъ временахъ, о знаменитыхъ соотечественникахъ, въ томъ или другомъ отношеніи прославившихъ свое имя въ потомствѣ, и пр. Великое прошлое такой страны какъ Италія и обильные остатки этого прошлаго, попадающіеся повсюду, сами собой дѣлаютъ ихъ археологами—и потому естественно, что они прежде всего обращаютъ вниманіе на свою родную почву, или, другими словами, на тѣ археологическіе клады, которые хранятся въ этой почвѣ; обыкновенно, они первые даютъ знать объ этихъ археологическихъ богатствахъ итальянскому образованному міру и правительству; они первые указываютъ на необходимость надлежащаго контроля надъ раскопками, необходимость пресѣченія или предотвращенія зла, которое безповоротно наносится наукѣ и понынѣ то корыстолюбіемъ антикваровъ-купцовъ, ищущихъ конечно только цѣнныхъ предметовъ, то невѣжествомъ темнаго люда, безжалостно уничтожающаго все, что попадается подъ руку—благо бы старый камень или металлическая вещь годились ему въ новую постройку.

Глубокая любовь къ роднымъ мѣстамъ и вытекающія изъ этого чувства старанія освѣтить въ глазахъ соотечественниковъ значеніе своей родины въ минувшихъ вѣкахъ, не составляютъ однако единственной симпатичной черты характера провинціальныхъ ученыхъ Италіи. Тѣмъ изъ насъ, кому приводилось вступать въ непосредственныя сношенія съ этимъ почтеннымъ типомъ итальянской интеллигенціи, неминуемо должны были бросаться въ глаза необычайная скромность, съ которой эти люди смотрятъ на свои личные труды и заслуги передъ страною и наукой, равно какъ и ихъ особенный, иногда доходящій до безусловнаго поклоненія, піэтетъ въ отношеніи къ лучшимъ современнымъ представителямъ археологической и исторической науки отечественной и иностранной. „Мы

люди маленькіе, наши научныя свѣдѣнія не глубоки; мы лишь со скудными силами и средствами работаемъ, сколько можемъ; мы только указываемъ на то, что видимъ здѣсь передъ глазами, а разработывать вопросы научные—дѣло не нашихъ способностей, не нашего разумѣнія: то сдѣлаютъ Археологическій институтъ въ Римѣ съ его многочисленными и учеными сотрудниками, то сдѣлаютъ наши Фіорелли, Де-Росси, Піетро Роза, Гарруччи и др."—вотъ что обыкновенно приходится слышать, когда заходитъ рѣчь о нихъ самихъ.

Не можемъ умолчать и о третьей чертѣ ихъ характера—это о необычайной ихъ любезности въ отношеніи къ иностранцамъ. Неоднократные опыты минувшаго лѣта, равно какъ впечатлѣнія 1874—75 гг. осязательнымъ образомъ убѣдили насъ въ томъ, что нѣтъ такой трудной просьбы, которую не исполнилъ бы провинціальный итальянскій ученый съ живѣйшей готовностью, хотя бы для того нужно было потратить очень много времени и усилій. Ихъ время и всевозможныя услуги въ полномъ распоряженіи иностранца, явившагося къ нимъ съ научною цѣлью.

Всѣ эти строки вылились у насъ сами собой, когда мы принимались писать по поводу книги ученаго труженика Сульмоны. Антоніо Де-Нино можетъ быть названъ истиннымъ представителемъ здѣсь набросаннаго типа: глубокій почитатель родныхъ ему мѣстъ; ревностный археологъ, не щадящій для своихъ исключительно научныхъ цѣлей ни силъ, ни тѣхъ маленькихъ матеріальныхъ средствъ, какія даетъ ему профессія школьнаго учителя; скромный до застѣнчивости; любезный и услужливый къ другимъ до самопожертвованія.—Вышеприведенный перечень его литературныхъ трудовъ показываетъ при этомъ, что область его научныхъ интересовъ такъ широка, что сдѣлала бы честь ученому и любого изъ главныхъ умственныхъ центровъ Италіи.

Но обращаемся къ его сочиненію Usi Abruzzesi.

I.

Книга открывается вводнымъ словомъ, имѣющимъ цѣлію указать на важность роли народныхъ обычаевъ въ историчечкой жизни и на необходимость изученія ихъ историками, не только пишущими большіе труды, но и авторами школьныхъ руководствъ по исторіи. Эти мысли, высказываемыя авторомъ вслѣдъ за Маколеемъ и прилагаемыя имъ къ итальянскому народу и его исторіи, суть слѣдующія: „Между древней и новой цивилизаціей—говоритъ онъ—своего рода соединительнымъ звеномъ служатъ многіе народные обычаи, которые начинаютъ казаться большинству странными, какъ уже исчезнувшіе изъ общей жизни народа и остающіеся лишь въ небольшихъ селеніяхъ и уединенныхъ захолустьяхъ. Но тѣмъ болѣе значенія имѣютъ обычаи общіе всему народу, еще живущіе и дѣйствующіе въ немъ

въ полной силѣ: безъ познанія ихъ великіе историческіе перевороты никогда не получатъ надлежащаго объясненія. Я не знаю, насколько могутъ быть полезны употребляемыя нынѣ въ школахъ сокращенныя руководства исторіи, гдѣ говорится лишь о войнахъ, осадахъ, завоеваніяхъ, конгрессахъ, трактатахъ, перемѣнахъ министровъ, королей, императоровъ и подобныхъ сюжетахъ. Польза отъ такихъ руководствъ должна быть весьма незначительна, такъ какъ здѣсь народъ разсматривается съ одной и при томъ болѣе поверхностной стороны. Но несомнѣнно, что существенный образъ народа не тамъ: въ своемъ истинномъ видѣ народъ является у домашняго очага, въ дружескихъ бесѣдахъ, въ церквахъ, въ кофейняхъ, въ винныхъ погребахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, въ театрахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ казармахъ, въ тюрьмахъ, въ лавочкахъ, на фабрикахъ, въ хижинахъ. Здѣсь, а не индѣ, мы должны отъискивать происхожденіе политическихъ событій, даже и болѣе громкихъ между ними. По этимъ и другимъ соображеніямъ, я рѣшился издать мои замѣтки о народныхъ обычаяхъ Абруццъ, начавши съ болѣе странныхъ и переходя потомъ постепенно къ наиболѣе общимъ. Желательно, чтобы во всѣхъ областяхъ Италіи дѣлалось тоже самое, и при томъ болѣе и лучше моего, такъ какъ, для того чтобы превзойти меня, нужно не много. А только съ новыми матеріалами и, придавая большее значеніе матеріаламъ прежнимъ, но отброшеннымъ въ сторону именно потому, что они не относились къ политической жизни, можно составить истинную исторію итальянскаго народа, которая въ состояніи будетъ дать надлежащіе уроки и касательно будущаго. Исторія же, которая не служитъ этой цѣли, всегда останется безполезной".

Матеріалъ, собранный г. Де-Нино и расположенный въ формѣ отдѣльныхъ разсказовъ, исполненъ интереса не только для спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго читателя. Впрочемъ, этого послѣдняго, по видимому, авторъ и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, насколько позволяетъ судить о томъ популярная и подъ-часъ юмористическая форма изложенія разныхъ повѣрій наивнаго народа. Въ этихъ небольшихъ разсказахъ наблюдателя-очевидца ярко рисуются предъ читателемъ захолустныя Абруццы съ ихъ оригинальнымъ населеніемъ. Г. Де-Нино излагаетъ предъ нами обычаи крестинные, свадебные, погребальные, священныя представленія, хожденія на богомолье, народныя игры, говоритъ здѣсь о разныхъ примѣтахъ, о ночныхъ собраніяхъ и пр.—Въ слѣдующемъ изложеніи мы остановимся только на главномъ, отсылая читателя за подробностями къ самой книгѣ.

Начнемъ съ крестинныхъ обычаевъ.

Новорожденнаго несетъ къ крещенію обыкновенно повивальная бабка. Голова ребенка кладется на правую руку, если онъ—мальчикъ; на лѣвую, если—дѣвочка. Означаетъ ли это, что мальчикъ долженъ быть правою рукою отца? Или то, что первая изъ женъ

была взята изъ лѣваго бока—источника нѣжныхъ чувствъ? Въ церковь, вмѣстѣ съ бабкой, идетъ кума или кумъ. Воротившись домой, кума говоритъ родильницѣ: „Ну, милая кума: ты дала мнѣ его язычникомъ, я возвращаю тебѣ христіаниномъ [1]“. Или же сама родильница говоритъ кумѣ: „Спасибо тебѣ, кумушка; я дала тебѣ язычника, ты возвращаешь христіанина [2]“. При этомъ онѣ обѣ обнимаются и цѣлуются. Гостямъ разносятъ конфекты и ликеры.

Когда ребенка распеленываютъ и запеленываютъ снова, гостю, который случится въ это время, не позволяютъ выйти изъ комнаты, пока операція не кончится. Кто запеленываетъ, говоритъ: „Посидите еще немножко; если вы уйдете, ребенокъ не заснетъ; вы унесете у него покой и сонъ [3]“.

Въ Pratola Peligna, видящій ребенка въ первый разъ, беретъ его на руки и говоритъ ему: „Я тебя еще не видывалъ: не знай же ты никакой бѣды (при этомъ цѣлуетъ его въ лобъ); я тебя еще не видывалъ: не знай ты никакой болѣзни (и цѣлуетъ его въ подбородокъ); вотъ я увидѣлъ тебя въ этомъ году: Отецъ, Сынъ и Духъ Святъ [4]“ (и цѣлуетъ его въ обѣ щеки; такимъ образомъ дѣлается знаменіе креста). .... Обнаженному дитяти даютъ еще одинъ поцѣлуй, но въ какое мѣсто, пусть читатель отгадаетъ самъ (стр. 125 и слѣд.).

Воспріемники при крещеніи и повивальная бабка у Абруццезянъ называются кумомъ и кумой, il comare, la comara. Но любопытнѣе въ вопросѣ о кумовствѣ то, что кромѣ этой формы существуютъ у нихъ другіе виды кумовства. Этихъ формъ шесть: 1) кумовство по букету цвѣтовъ, 2) кумовство по передачѣ ребенка на алтарѣ, 3) кумовство по хожденію вокругъ алтаря, 4) кумовство по мизинцу, 5) кумовство по поливанью, 6) кумовство по свадебному обряду.

Наиболѣе простой способъ кумовства — кумовство по букету (il comparatico a mazzetto). Въ Ивановъ день (24 іюня) посылается на блюдѣ цвѣтокъ или цѣлый букетъ съ красивой лентой, а иногда и съ какой нибудь золотой вещицей. Принявшій возвращаетъ букетъ въ день св. Петра. Такъ становятся кумовья и кумы; ими они остаются пока жива между ними взаимная симпатія.

---

[1] Ecche, cummara me;
Tu mi lu sei datu pagane
I' te lu rrenne cristiane.

[2] Te riugrazio, cummare; t'aggio dato nu pagane e me rrienne nu cristianu (стр. 125).

[3] Trattéite 'n' avetre 'nzigne, se no lu citele no' s' addorme: tu glie te pourte la pace e lu suonne (стр. 126).

[4] Non t' aje viste ma'
Ne puozze avè' nisciune guà'
Non t' aje viste ancore
Ne puozze avè' nisciune dulore
I' t' aje viste uanne:
Padre e Figlio e Spirite Sante (стр. 127).

Своеобразную форму представляетъ кумовство по передачѣ ребенка съ рукъ на руки на алтарѣ (il comparatico a passare sull' altare: Passami questa creatura). Этотъ обычай заключается въ слѣдующемъ. Приносятъ въ церковь ребенка или больного—слѣдовательно для молитвы о его выздоровленіи, или же послѣ болѣзни—для благодаренія святого или святой. Мать кладетъ при этомъ младенца съ той или другой стороны алтаря. Одна изъ двухъ женщинъ, сопровождающихъ ее въ этомъ случаѣ, читаетъ особаго рода молитву, обнимаетъ ребенка и передаетъ его другой женщинѣ, которая для той же цѣли ждетъ у противоположной стороны алтаря. Эта также кладетъ ребенка на алтарь, тоже шепчетъ молитвы, обнимаетъ дитя и отдаетъ его въ прежнія руки. Обрядъ исполняется три раза. Послѣ этого мать благодаритъ своихъ спутницъ и привѣтствуетъ ихъ именемъ кумушекъ; названіе comari остается навсегда: такъ онѣ величаютъ себя при всякой встрѣчѣ.

Кумовство по хожденію вокругъ алтаря (il comparatico in giro all'altare). Двѣ или нѣсколько дѣвушекъ берутся за руки и три раза обходятъ алтарь. За тѣмъ онѣ поперемѣнно цѣлуются, вырываютъ у себя по волоску и хоронятъ его въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ храма. По окончаніи этого обряда, одна изъ нихъ протягиваетъ руку, какъ бы съ намѣреніемъ считать число кумъ (le comari), которыя стоятъ при этомъ кружкомъ, или когда ихъ только двѣ, то одна противъ другой. Но вмѣсто того чтобы говорить: одна, двѣ, три, четыре и пр. поетъ слѣдующую пѣсню:

Cummare e cummare
La notte de Natale
La notte de San Iuvenne
A te la vrode a mi le segne.
Jemme a Sant' Aniello
Ce cumpremme ju susemielle:
Mezz' a tì, mezz' a mì:
Sempre cummare ce avemme dì'.
Se cummare nce diceme,
A ju'nfierne ce ne jeme:
Ce aveza la bacchetta
Ce ne jeme à casa bendetta:
Ce sona ju campaniellu
Ce ne jeme dritta a ju'nfierne

т. е. „Кумушка, кумушка! Въ ночь на Рождество, въ ночь на св. Ивана тебѣ бульенъ, мнѣ лапшу. Пойдемъ въ Санъ-Аннелло, купимъ мы булочку—половину тебѣ, половину мнѣ: и будемъ мы всегда называться кумами. А когда такъ себя звать перестанемъ, пойдемъ мы прямо въ адъ [1])".

[1]) Послѣдніе четыре стиха этой пѣсни для насъ темны; буквально они значатъ: „поднимается палочка—и мы пойдемъ въ домъ благословенный; звенитъ звонокъ—пойдемъ мы прямо въ адъ".

Кумовство по мизинцу (il comparatico a ditillo) заключается просто и скоро.

Двѣ дѣвушки берутъ одна другую за мизинецъ, и покачивая руками поютъ хоромъ: „Кумушка, кумушка! будемъ мы кумами. А разсоримся—пойдемъ мы въ адъ. Звенитъ, звенитъ звонокъ—пойдемъ мы прямо въ адъ [1])“.

Вслѣдъ за этимъ, онѣ вырываютъ у себя по волоску и одна кладетъ его на голову другой. То—талисманъ сердечной жизни. Съ этой минуты двѣ кумушки уже могутъ открывать другъ другу сердце, могутъ повѣрять свои даже наиболѣе деликатныя тайны (стр. 48 и слѣд.).

Обычай заключенія кумовства по поливанью (il comparatico di sciacquamento) подмѣченъ авторомъ въ селеніи Ortucchio. Двѣ дѣвушки, желающія заключить кумовство этого рода, 24 іюня, съ восходомъ солнца, должны выйти въ поле, къ одному небольшому источнику (una piccola fontana, отъ чего и мѣстность носитъ названіе il Fontanile) и попеременно одна другой полить пригоршнями нижнюю часть руки и вытереть её тонкимъ полотенцемъ. По окончаніи обряда, онѣ обѣ цѣлуются и съ тѣхъ поръ начинаютъ величать себя кумами: cummarame: sine sine, cummarame. Точно такимъ же способомъ могутъ становиться кумовьями (i compari) и мужчины (стр. 43 и слѣд.).

Кумовство по браку (il comparatico nei matrimoni). Вслѣдъ за обрученіемъ жениха и невѣсты и благословеніемъ со стороны священника, совершающаго обрядъ вѣнчанія, подходитъ лицо съ двумя зажженными свѣчами и вручаетъ одну изъ нихъ невѣстѣ, а другую жениху. Эти свѣчи горятъ до конца обряда—и поднесшій ихъ называется il compare новобрачныхъ (стр. 48 и слѣд.).

II.

Послѣдній обычай, замѣченный авторомъ въ селеніи Roccasapia, вводитъ насъ въ кругъ свадебныхъ обрядовъ Абруццезянъ. Выбираемъ болѣе характерные и располагаемъ ихъ въ порядкѣ свадебнаго торжества.

Подобно невѣстамъ другихъ народовъ, абруццскія дѣвушки вѣрятъ въ спасительныя силы разныхъ свадебныхъ талисмановъ. Запастись ими на время вѣнчанія, и по ихъ вѣрованіямъ, значитъ

[1]) Cummara me, cummara
Facemmece a cummara.
Se nu ce reguastemme
A lu'nfierre ce ne jemme:
Sona, sona lu campanielle
Ce ne jemme dritte a lu'nfierre (стр. 49).

обезопасить предстоящую супружескую жизнь отъ золъ и несчастій.

Вотъ что разсказываетъ на этотъ счетъ г. Де-Нино.

Двѣ двоюродныя сестры, свадьба которыхъ назначена была на одинъ и тотъ же день, вели интимную бесѣду и сообщали одна другой цѣлую вереницу секретовъ.

— Когда ты, говоритъ между прочимъ одна изъ нихъ, пойдешь къ алтарю для колѣнопреклоненія, держи въ карманѣ молитвенникъ.

— Какой? спросила другая.

— Молитвенникъ необходимый для обѣдни, гдѣ находятся всѣ молитвы и святыя евангелія... Та которая держитъ его въ карманѣ въ ту минуту, когда произноситъ свое „желаю", освобождаетъ жениха отъ всякой порчи: и свадьба совершается безпрепятственно.

— Глупости, глупости! и ты этому вѣришь? Я такъ не повѣрила бы этому на одну крошку. А мнѣ тетка говорила, что противъ порчи слѣдуетъ только разослать край платья или передника на ступенькѣ алтаря, гдѣ стоитъ на колѣнахъ женихъ.

— Фи, и я этому не повѣрю.

Пришло вѣнчаніе, и кузина съ своей каемкой поторопилась. Другая не преминула дать знать, что она замѣтила это, и улыбнулась съ миной состраданія. Сама она вѣнчалась съ торжествующимъ видомъ. Вѣнчаніе кончено; новобрачная съ каемкой подошла близко къ своей кузинѣ и ощупавъ ея платье, говоритъ ей: „А то, что у тебя въ карманѣ развѣ не молитвенникъ?" (стр. 169 и слѣд.).

П р о в о д ы   н е в ѣ с т ы   в ъ   ц е р к о в ь. Въ домѣ невѣсты собрались родственники и друзья; церковный служитель даетъ знать, что въ церкви все готово для брачнаго обряда. Въ комнатѣ водворяется молчаніе. Отецъ и мать поднимаются съ своихъ мѣстъ и подходятъ къ дочери. Они съ монетой въ рукѣ осѣняютъ ее крестнымъ знаменіемъ, затѣмъ цѣлуютъ, даютъ ей п о щ е ч и н у (lo schiaffo) и опускаютъ монету въ ея передникъ. Проливаются обильныя и сердечныя слезы. Родственники и друзья кладутъ, но уже безъ поцѣлуевъ и пощечинъ, въ передникъ невѣсты подарки съ своей стороны. По окончаніи этого, всѣ направляются въ церковь для совершенія брачной церемоніи. Крестъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, означаетъ благословеніе; поцѣлуй—любовь родительскую; пощечина, быть можетъ, знакъ краткаго гнѣва по случаю отдѣленія дочери отъ семьи? (стр. 183 и слѣд.).

Это—обычай при проводахъ невѣсты въ церковь. Не менѣе интересенъ обрядъ п р о в о д о в ъ   м о л о д о й   в ъ   д о м ъ   м у ж а   п о с л ѣ   в ѣ н ц а. Разъ случилось мнѣ быть—разсказываетъ г. Де-Нино—въ селеньи Canzano и попасть тамъ на свадьбу. Передъ домомъ новобрачной, среди большой толпы, стояли пять навьюченныхъ муловъ. Перевозилась домашняя утварь невѣсты: сундукъ, двѣ деревянныхъ скамейки, нѣсколько досокъ для кровати, котелъ, кадка, чашка, три ящика съ платьемъ и проч.; поверхъ всего торжественно красовалась прялка

съ веретеномъ — произведеніе собственной мудрости нашихъ мѣстъ. Вотъ выходитъ молодой со свитою родныхъ и друзей, и раздаетъ на всѣ стороны конфекты. Всѣ ждутъ выхода новобрачной. На верху лѣстницы появляется старушка—и уже по одному тому, что она въ слезахъ, кто не узналъ бы въ ней матери? Спускается молодая: смущенная, съ опущеннымъ взоромъ, она ни на кого не смотритъ. Передъ отходомъ она оборачивается назадъ—per dire addio alla casa paterna. Слѣдуетъ трогательная минута прощанья съ родительскимъ кровомъ. Старушка-мать, все еще стоящая на лѣстницѣ, набираетъ чего-то въ своемъ передникѣ и бросаетъ имъ по направленію дочери: то была горсть жита. Это символъ желаемаго богатства и счастья материнскаго (стр. 24 и слѣд.).

За сценой прощанія съ родительскимъ домомъ, для новобрачной слѣдуетъ сцена пріема ея свекровью въ домѣ мужа. Формы этой встрѣчи очень любопытны; однѣ изъ нихъ поражаютъ грубостью и недостаткомъ нравственной основы, другія, напротивъ, отличаются наивностью символическаго церемоніала. Нижеслѣдующій случай записанъ авторомъ въ Pratola Peligna.

Разъ, въ одно іюльское воскресенье, въ присутствіи г. Де-Нино, молодая, въ сопровожденіи родныхъ и друзей, шла къ дому мужа. На лѣстницѣ ея будущаго жилища ожидала ее свекровь; въ рукахъ она держала за оба конца длинный и тонкій хлѣбъ. И лишь новобрачная приблизилась къ ней, какъ свекровь переломила хлѣбъ надъ ея головой со словами: „Невѣстка моя, невѣстушка, лучше умереть тебѣ чѣмъ оставаться вдовою“ [1]). Такимъ образомъ, молодой, при вступленіи черезъ порогъ новаго дома, подносится хлѣбъ, а молодому желаютъ долговѣчной жизни! Смыслъ всего этого, конечно, слѣдующій: „Вдовство твоѐ предполагаетъ смерть моего сына; такъ ужь лучше ты умри первая“ (стр. 36 и слѣд.).

Въ сравненіи съ этимъ обычаемъ, какою простотою и симпатичной наивностью вѣетъ отъ другихъ народныхъ церемоній, сопровождающихъ тотъ же самый моментъ брачнаго торжества! Вотъ одинъ изъ такихъ обычаевъ, отмѣченный авторомъ для окрестностей города Penne (in quasi tutto il circondario di Penne). Послѣ истинныхъ или притворныхъ слезъ новобрачной и просьбъ молодаго и родныхъ, открывается свадебная процессія. По дорогѣ встрѣчаются толпы глядѣльщиковъ, которые лентами загораживаютъ дорогу и не пускаютъ новобрачныхъ, пока не получатъ какого нибудь подарка. Наконецъ, процессія останавливается у дома мужа. Но молодая не хочетъ войти въ него. Просьбы со всѣхъ сторонъ и ласковыя поталкиванія со стороны мужа; напрасно, молодая неподвижна: „не хочу, не могу“

[1]) Nora maïa, nora maïa
Chiuttoste te puozze mureie
Che véreva nen scieie (стр. 37)

говоритъ она. Тогда въ дверяхъ дома показывается свекровь съ курицей въ рукахъ; кланяясь и привѣтствуя невѣстку, она подноситъ ей курицу. Молодая принимаетъ и только тогда входитъ. Новобрачной подражаютъ и родственники; они также не хотятъ войти въ домъ. Но для нихъ не требуется курицы: essi non debbono fecondare; debbono solo contentare lo stomaco. Въ дверяхъ они получаютъ конфекты и ликеръ, или пряники съ виномъ, и затѣмъ входятъ (стр. 154 и слѣд.).

А въ другихъ мѣстахъ новобрачную въ этомъ случаѣ встрѣчаетъ свекровь съ блюдомъ жита и разбиваетъ его на ея головѣ (стр. 178).

За вступленіемъ молодой въ домъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Абруццъ слѣдуютъ подарки новобрачной не только со стороны свекрови, но и отъ матери и родственницъ, принимающихъ участіе въ свадьбѣ. Съ этой цѣлію, послѣ обычныхъ привѣтствій и угощенія, всѣ женщины, составляющія свиту невѣсты, расходятся по домамъ, условившись напередъ относительно мѣста свиданія. Въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ, собираются пять, восемь, десять и болѣе женщинъ съ полными корзинами на головахъ. Въ каждой корзинѣ лежитъ по нѣскольку блюдъ, а въ нихъ рожь, мука, пшеница, бобы апулійскіе, бобы турецкіе разныхъ сортовъ, горохъ, чечевица и проч. Мать новобрачной сама беретъ въ руки черную курицу, а другой женщинѣ даетъ нести корзину съ платьемъ, которое новобрачная должна будетъ надѣть сейчасъ же и носить его, пока оно не придетъ въ ветхость. Теперь всѣ эти женщины выступаютъ одна за другой, а впереди всѣхъ мать новобрачной. Молодая, между тѣмъ, ждетъ вмѣстѣ съ мужемъ, свекромъ, свекровью и другими родственниками. Толпа съ своей стороны стремится посмотрѣть на эти корзины, посчитать сколько ихъ числомъ, въ порядкѣ ли несутъ ихъ, красивы ли на нихъ покрышки и проч. Эти блюда съ хлѣбомъ и овощами—символъ изобилія плодовъ, символъ сельскаго богатства; эта курочка—знакъ благословеннаго чадородія (стр. 64 и слѣд.).

Свадьба считается у всѣхъ лучшимъ, счастливѣйшимъ моментомъ жизни. Но едва ли хорошо себя чувствуютъ абруццскіе вдовцы и особенно старые вдовцы, вздумавшіе жениться снова. Г. Антонію Де Нино передаетъ намъ на этотъ счетъ слѣдующій случай. Во многихъ мѣстностяхъ Абруццъ, разсказываетъ онъ, существуетъ обычай звонить въ колокольчики на свадьбахъ вдовцовъ, особенно старыхъ. Разъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ такой сцены въ Montereale. Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпою зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, брянчанье связками ключей; ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Спеціалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна наиболѣе веселая ком-

панія отвязала на колокольнѣ колоколъ и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ. Но вотъ молодая уже входитъ въ домъ вдовца. Начались поздравленія и угощенье сластями. Ночь становилась все темнѣе и темнѣе: родные и знакомые уже разошлись по домамъ, новобрачные уже почти одни. Оставались только наиболѣе упрямые подъ окнами брачнаго покоя съ своими несносными колокольчиками. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ гостей, хозяинъ усугубляетъ любезность: онъ выходитъ къ воротамъ дома и ласково предлагаетъ имъ угощенье. Звонари пьютъ, кричатъ: „Да здравствуютъ молодые!" и поднимаютъ звонъ все сильнѣе и сильнѣе. Обѣщаютъ разойтись, а сами продолжаютъ звонить со всей мочи. Дверь дома захлопнулась, а звонки работаютъ съ прежней силой. Тогда вдовецъ въ досадѣ хватается самъ за колокольчикъ и начинаетъ звонить имъ изъ окна. Музыканты, увидя презрительное лицо старика, исчезаютъ одинъ за другимъ. На улицѣ пусто, а между тѣмъ даже издалека слышится колокольчикъ выведеннаго изъ терпѣнія стараго вдовца (стр. 101 и слѣд.).

Заключаемъ рѣчь о свадебныхъ обрядахъ Абруццезянъ указаніемъ на ту пеню, котору платитъ отецъ, получившій въ даръ отъ жены не мальчика, а дѣвочку. Въ Roccaraso — праздникъ св. Рокка (san Rocco [1]), и толпы музыкантовъ расхаживаютъ по улицамъ, наигрывая пѣсни. Не смотря на все веселье этого праздника, нѣкоторые отцы семействъ тайкомъ ушли въ сосѣднія селенія; спросите: почему? да затѣмъ, чтобы не участвовать въ кавалькадѣ. Другіе, рѣшившіеся принести эту жертву, готовили нарядное платье своимъ дочкамъ, тогда какъ ихъ родственники убирали къ этому дню осла лентами, цвѣтами, колокольчиками и пр. Въ установленный часъ приводятъ осла къ извѣстному дому и выкликиваютъ имя отца, который долженъ открывать кавалькаду. Отецъ выходитъ съ дѣвочкой на рукахъ и садится на приготовленнаго осла; толпа привѣтствуетъ его крикомъ: „здоровья и дѣтей—мальчиковъ!" Этотъ крикъ повторяется нѣсколько разъ, пока совершается объѣздъ всего селенія. Объѣздъ бываетъ медленный, при чемъ болѣе всѣхъ терпитъ выносливый оселъ, котораго толпа безжалостно мучитъ, дергая за хвостъ и за узду. Отецъ вмѣстѣ съ ребенкомъ сходитъ у дома родственниковъ, гдѣ обыкновенно предлагаютъ ему конфектъ, ликеру, пирожковъ или вина.. И потомъ снова: „здоровья и мальчиковъ!" Когда кончаетъ свой кругъ одинъ отецъ, подвергается тому же другой, затѣмъ третій и т. д. Не избавляются отъ этой участи и тѣ отцы, которые сбѣжали на этотъ праздникъ въ окрестныя селенія; по возвращеніи ихъ домой на другой день, родственники подводятъ къ ихъ домамъ своихъословъ и припуждаютъ ихъ продѣлать тоже самое (стр. 196 и слѣд.). Такъ-то поступаютъ съ бѣднымъ мужемъ, которому въ этомъ году жена подарила дѣвочку, а не мальчика.

---

[1]) Этотъ же праздникъ авторомъ называется la festa del Santo di Montpellier.

III.

Своеобразіемъ отличаются и похоронные обычаи въ Абруццахъ. У нихъ мальчикъ и дѣвочка, умершіе до семи лѣтъ, хоронятся дѣвушками, какъ замѣтилъ это авторъ въ Pretanico. Здѣсь, въ его присутствіи, изъ бѣднаго дома выносили гробъ съ младенцемъ, украшеннымъ цвѣтами, четыре красивыя дѣвушки, одѣтыя со всей деревенской роскошью (стр. 6 и слѣд.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ребенка несетъ на кладбище и опускаетъ въ могилу сына мать (стр. 8).

Женщины и дѣвушки играютъ первенствующую роль и при погребеніи холостого, въ особенности умершаго въ молодыхъ лѣтахъ. Наиболѣе здоровыя и сильныя берутъ носилки на плечи и такъ несутъ покойника до церкви и изъ церкви до кладбища (ibid). Если таково участіе абруццскихъ дѣвушекъ въ похоронахъ мужчины, то тѣмъ естественнѣе ихъ печаль по подругѣ и, какъ знакъ этой печали, несеніе ея гроба на своихъ плечахъ. Дѣвушки тогда одѣваются въ бѣлыя платья и украшаютъ головы вѣнками изъ цвѣтовъ (стр. 116 и слѣд.).

За погребеніемъ умершаго слѣдуетъ утѣшеніе, ricúnselu, riconsuolo, riconsolazione. Такъ называется поминальный обѣдъ, даваемый родственниками осиротѣвшему семейству. Для этой цѣли припасы приносятся въ большихъ корзинахъ; число такихъ корзинъ зависитъ отъ количества родни. Обыкновенно, при этомъ приглашаются всѣ родственники, и въ свою очередь каждый изъ нихъ, по порядку родства, долженъ всѣхъ пригласить самъ. Обѣдъ устраивается всегда въ домѣ умершаго—отъ того иногда такія „ricùnseli" продолжаются цѣлые мѣсяцы. Къ столу, на которомъ лежалъ гробъ, приставляютъ другіе столы и затѣмъ стелется скатерть. Гости садятся печальные и молчаливые: ни одного слова, ни движенія вольнаго или нескромнаго. Всячески расточаются любезности и подчиванія. Причемъ осиротѣвшему приходится ѣсть и пить больше, чѣмъ выноситъ желудокъ. Ближайшій по родству говоритъ ему: „Ты не желаешь мнѣ добра, если не съѣшь вотъ этотъ кусочекъ"; или: „Теперь увидимъ, желаешь ли ты мнѣ добра: выпей вотъ этотъ глоточекъ вина". И подъ общія воспоминанія добродѣтелей покойнаго, лицо понесшее утрату (безъ различія пола) должно пить, даже мѣшая съ виномъ слезы. По окончаніи обѣда, скатерти складываютъ въ корзины, не чистя ихъ. Остатковъ не берутъ съ собою, даже соли, перцу и прочихъ приправъ: въ противномъ случаѣ, дававшій обѣдъ накликалъ бы смерть на какого либо другого члена этой семьи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уносятъ только хлѣбъ, но все-таки оставляютъ три ломтя, не болѣе (стр. 129 и слѣд.)

Кромѣ этого поминовенія умершихъ, относящагося болѣе къ оставшимся въ живыхъ, къ семьѣ покойника, существуютъ въ Абруццахъ и другія оригинальныя формы чествованія усопшихъ. Такъ

наприм. въ Perano и Castellamare Adriatico, наканунѣ поминальнаго дня, вечеромъ устроивается процессія на кладбище, при чемъ во время процессіи не видно и слѣдовъ какой либо серьезности: раздаются крики, стукъ, толчки въ двери домовъ и вызыванія въ родѣ: „Эй, твой дядя воскресъ,—пойдемъ!“ Идущіе впереди, несутъ свѣчу и колокольчикъ, работающій всю дорогу. Тотъ же обрядъ повторяется и на слѣдующее утро. Въ другихъ мѣстностяхъ практикуются иные обычаи: 1) ходить въ церковѣ въ полночь съ лампочкой или свѣчей въ рукѣ: существуетъ вѣрованіе, что кто приходитъ раньше всѣхъ, тотъ освобождаетъ одну душу изъ чистилища; 2) кладутъ на ворота дома пустыя тыквы съ вырѣзанными подобіями глазъ и носа и со свѣчею внутри; 3) не касаются цѣпи камина, чтобы не ударить въ голову покойниковъ и не нарушить ихъ мира.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эту ночь вызываютъ умершихъ. Обрядъ этотъ исполняютъ старухи. Въ укромномъ уголкѣ дома на столѣ ставятся двѣ свѣчи и тазъ съ водою. Старуха беретъ деревянныя вилы, ставитъ рукояткою на полъ и кладетъ между спицами (sull'inforcatura) шею. Наклонившись впередъ и держа въ лѣвой рукѣ свѣчу, а на правомъ плечѣ развернутую салфетку, она смотритъ въ воду. Послѣ нѣкотораго времени, ей начинаетъ казаться, что она видитъ умершихъ на днѣ воды: „Вонъ, вонъ они... ходятъ, вотъ матушка, вотъ отецъ, сестра...“ Старушка вѣритъ, что она узнала души прошедшихъ мимо нея. Но вглядываясь пристальнѣе въ ея лицо, едва ли бы кто узналъ ее самое: морщинъ на ней стало вдвое болѣе прежняго; губы передернуты; глаза выкатились изъ орбитъ... (стр. 140 и слѣд.).

Это вызываніе мертвыхъ посредствомъ воды на италійской почвѣ идетъ изъ древнихъ поръ; еще Проперцій пѣлъ (V 1, 106):

Umbra ve quae magicis mortua prodit aquis.

IV.

Извѣстна истина, что чѣмъ ниже развитіе народа, тѣмъ болѣе у него всякихъ примѣтъ и предразсудковъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ боязнь передъ разнаго рода темными силами природы, тѣмъ страннѣе средства, употребляемыя имъ для устроенія и упроченія своего счастья и благополучія въ жизни. Въ трудѣ нашего автора собрано не мало фактовъ того, какими разнообразными и странными предразсудками обставлена жизнь Абруццезянъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ суевѣрныхъ примѣтъ и обычаевъ темныхъ горцевъ.

Абруццскіе простолюдины вмѣсто того, чтобы сказать „ты счастливъ (Tu sei fortunato)“ говорятъ: „ужь не имѣешь ли ты ящерицы о двухъ хвостахъ (O che hai la lucertola a due code?)“ Обладать и

постоянно носить при себѣ два хвостика ящерицы значить владѣть талисманомъ для всяческаго счастья. Въ окрестностяхъ Moscufo еще и нынѣ крестьяне отправляются для нарочной ловли ящерицъ этого рода. Поймавши, они отрѣзываютъ или отрываютъ имъ хвостики и потомъ продѣлываютъ нѣсколько церемоній для того, чтобы придать этимъ хвостикамъ чудодѣйственную силу. Съ этой цѣлью они приходятъ въ церковь въ такіе часы дня (напр. около трехъ по полудни) когда она бываетъ пуста, и потихоньну снимаютъ покрывало съ алтаря, поднимаютъ священный камень, на которомъ совершается обѣдня, и кладутъ подъ него два хвостика ящерицы. Тамъ они остаются до завтра, когда послѣ мессы, также тайкомъ отъ всѣхъ, положившій приходитъ и беретъ ихъ съ собою. Съ этой поры онъ носитъ ихъ на спинѣ въ видѣ амулета (стр. 32 и слѣд.).

Такую же способность приносить за собою счастье приписываютъ въ Абруццахъ и углямъ вырытымъ изъ земли вечеромъ 10 августа. Часа за три до наступленія ночи, крестьяне многихъ мѣстностей въ этотъ день тихонько и въ одиночку выходятъ изъ домовъ и съ трепетомъ въ сердцѣ начинаютъ рыть землю, въ надеждѣ найти... кладъ, какъ естественно подумать: нѣтъ, они ищутъ углей. То угли, на которыхъ сгорѣлъ св. Лаврентій (san Lorenzo): они обладаютъ силой призывать благословеніе неба на тотъ очагъ, гдѣ лежатъ они. Найти же ихъ можно только вечеромъ 10 августа. Потому то такъ счастливъ тотъ, кто случайно находитъ въ землѣ какой нибудь уголекъ во время этихъ поисковъ. Не нашедшій утѣшаетъ себя надеждой быть счастливѣе въ будущемъ году. Лучшимъ моментомъ для такихъ расконокъ считается закатъ солнца (стр. 59 и слѣд.).

Если хвостики ящерицы и угли св. Лаврентія дѣлаютъ человѣка счастливымъ, то сердце ласточки, проглоченное въ дѣтствѣ, приноситъ человѣку мудрость, дѣлаетъ его умнымъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ нашъ авторъ. „Открой ротикъ и проглоти, сказала мнѣ однажды старушка сосѣдка и другъ нашего дома, подавая мнѣ трепещущее сердце только что варварски распотрошенной живой ласточки. Я, которому было тогда шесть или семь лѣтъ, со страхомъ проглотилъ данное мнѣ. Старушка сіяла отъ удовольствія; она говорила мнѣ, что это сдѣлала для моего благополучія, для моей пользы, при этомъ ласкала меня и дала мнѣ нѣсколько каштановъ. Выросши, я спросилъ о значеніи такого причастія—и мнѣ сказали, что то было наиболѣе сподручное средство сдѣлать меня умнымъ. Для этого-де нужно только проглотить сердце ласточки или же, по мнѣнію другихъ, семь ласточкиныхъ сердецъ. Этотъ жестокій обычай практикуется многими матерями, по натурѣ своей мягкими и любезными, и теперь (стр. 72 и слѣд.).

Истинное несчастье для Абруццъ составляютъ вѣдьмы (le streghe). Вѣрованье въ существованіе этого темнаго генія распространено по всѣмъ захолустьямъ и держится въ умахъ чрезвычайно крѣпко. О

нихъ существуетъ цѣлый циклъ сказаній: здѣсь знаютъ, когда вѣдьма зачинаетъ и когда родитъ дитя; знаютъ, какъ и чѣмъ вредитъ она чужимъ дѣтямъ; здѣсь употребляютъ различныя—и одно цѣлесообразнѣе другого—средства для борьбы съ ними...

Вѣдьма зачинаетъ въ апрѣлѣ и родитъ по истеченіи девяти мѣсяцевъ, слѣдовательно въ декабрѣ. Обыкновенно же она разрѣшается отъ бремени въ ночь на Рождество. Но не только дѣти этихъ streghe, но и всякій ребенокъ, родившійся между 24 и 25 декабря, въ будущемъ—колдунъ или вѣдьма. Чтобы спасти ребенка отъ такой бѣды, бѣгутъ тотчасъ же по его рожденіи въ садъ, срываютъ виноградную вѣтку, обжигаютъ её съ одного конца и потомъ этимъ горящимъ концомъ проводятъ по правой рукѣ будущаго колдуна, дѣлая знаменіе креста—и будущая способность колдовства исчезаетъ разъ на всегда.

Въ Рожественскую ночь, Абруццезяне узнаютъ своихъ вѣдьмъ. Ради этого, во время службы, въ дверяхъ церкви становится косецъ съ косою въ рукѣ и пучкомъ колосьевъ. Его присутствіе останавливаетъ-де всѣхъ вѣдьмъ въ церкви; онѣ не могутъ выйти, пока тотъ стоитъ въ дверяхъ. Безпрепятственно выходятъ только добрые христіане. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Ajelli, думаютъ, что колдуньи никогда не ходятъ въ церковь въ ночь на Рождество, а если и появляются, то непремѣнно выходятъ изъ храма въ минуту поднятія даровъ, all' elevazione dell'ostia (стр. 131 и слѣд.).

Вѣдьмы сосутъ кровь абруццскихъ дѣтей. Если ребенокъ начинаетъ сильно худѣть и падать силами, то родители приписываютъ это злобѣ вѣдьмъ, которыя невидимо для другихъ сосутъ кровь младенцевъ. Противъ этого несчастья Абруццезянки испытываютъ разныя средства: совѣтуются съ сосѣдками, ходятъ за молитвою къ священникамъ; возвратившись домой ставятъ на кіотѣ восковой крестъ, освященный въ день Вознесенія; берутъ щепотку соли, завязываютъ ее въ тряпочку и вѣшаютъ этотъ амулетъ на шею ребенка; отрѣзываютъ локонъ волосъ у дитяти и сожигаютъ ихъ на огнѣ; кропятъ святою водой петли оконныхъ ставней и читаютъ громко три раза „Вѣрую" (стр. 143 и слѣд.); святотатственно крадутъ закладки изъ священныхъ книгъ, употребляющихся при богослуженіи, и кладутъ ихъ подъ подушку ребенка (стр. 163 и слѣд.); ѣдятъ полынь (l'assenzio) въ день Вознесенія (стр. 167 и слѣд.) и проч.

Если усилія матери оказываются напрасны, вступаетъ въ борьбу съ вѣдьмой отецъ: онъ исполняетъ семь ночныхъ бдѣній, не спитъ семь ночей—voglio fare le sette notti, говоритъ онъ. Съ лампочкой, накрытою горшкомъ, онъ поджидаетъ злодѣйку послѣ полуночи, когда вѣдьмы ходятъ по домамъ и сосутъ кровь малютокъ. Вотъ несчастному слышится въ ночной тиши какой-то шорохъ: то конечно вѣдьма... Онъ стремительно снимаетъ горшокъ съ лучерны и пускается въ погоню за гостьей. Но той, ра-

зумѣется, и слѣдъ простылъ: она ускользнула черезъ замочную дырочку!—На слѣдующее утро, измученный безсонницей отецъ отправляется разъискивать какую нибудь гадалку и проситъ ее освободить невинное дитя отъ злости вѣдьмы. Та увѣряетъ, что для этого нужно не много: слѣдуетъ только убить собаку или кошку и положить ее за ворота дома. Тогда вѣдьма не можетъ войти, не пересчитавши всѣхъ волосъ мертваго животнаго. И пока она считаетъ, наступаетъ день, когда разбойница принуждена бываетъ скрываться, потому что еслибы она не убѣжала во-время отъ солнечнаго свѣта, то ее увидѣли бы нагою (стр. 143 и слѣд.).

Выше мы говорили о средствахъ, которыми житель Абруццъ обезпечиваетъ свое счастье въ жизни, и о тѣхъ злыхъ геніяхъ, которые становятся на пути къ его благополучію. Но вредятъ человѣку не однѣ только streghe, — бѣды и несчастья низводятся ему на голову нерѣдко его врагами и ложными друзьями. Распознать людей, съ которыми приходится жить, опредѣлить силу дружбы и непріязни другихъ, обыкновенно считается дѣломъ труднымъ. Такъ думаютъ и Абруццезянки: отъ того онѣ и прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ чтобы отгадать свойства чувствъ, питаемыхъ къ нимъ другими. Интереснѣе всѣхъ прочихъ путь избираемый въ этомъ случаѣ жительницами Анверсы (Anversa). Въ ночь наканунѣ Крещенія, ложась спать, онѣ повязываютъ себѣ лобъ платкомъ и вмѣсто обычныхъ молитвъ произносятъ слѣдующую строфу:

Pasqua Pifania Pifanengna
'N testa me l'attacco la mia cegna:
Chi me vo' bene, chi me vo' male
'Nsogno stanotte me vegna a trovare

т. е. „День Крещенья, день Крещенья! На голову я надѣваю мою повязку: кто меня любитъ, кто мнѣ желаетъ зла, того я въ эту ночь увижу во снѣ“.

Съ этимъ желаніемъ онѣ засыпаютъ — и вотъ въ грезахъ предъ ними проходятъ друзья искренніе и друзья ложные, враги дѣйствительные и враги только кажущіеся (стр. 185 и слѣд.).

Матеріалъ, собранный г. Де-Нино, знакомитъ насъ съ нѣсколькими образчиками народной абруццской медицины и физики. Такъ напримѣръ, во многихъ мѣстахъ нѣтъ земледѣльца, который 24 іюня не поѣлъ бы свѣжаго чесноку. Они ѣдятъ не только сами, но и носятъ въ даръ своимъ хозяевамъ. Существуетъ вѣрованіе, что чеснокъ, съѣденный въ этотъ день, предохраняетъ отъ болѣзней кожи. Многіе, чтобы достичь бо̀льшаго эффекта, трутъ его въ рукахъ, читая при этомъ молитву Іоанну Предтечѣ, праздникъ котораго падаетъ именно на это число (стр. 165 и слѣд.).

Или не менѣе характерны способы сводить бородавки съ кожи. Такихъ способовъ нѣсколько: 1) сосчитать число бородавокъ, взять столько же зеренъ кукурузы и бросить ихъ nella latrina: съ разложеніемъ этихъ сѣмянъ исчезнутъ и бородавки; 2)

сосчитать число бородавокъ, взять палочку камыша, сдѣлать на ней столько же надрѣзовъ, затѣмъ положить этотъ кусокъ во влажное мѣсто: бородавки будутъ сходить по мѣрѣ гніенія этой палочки; 3) многіе снимаютъ съ древесной коры улитокъ и накладываютъ ихъ на бородавки; 4) взять кусокъ мяса съ бойни, натереть имъ каждую бородавку, завязать потомъ его плотно въ тряпочку и повѣсить на цѣпь очага: какъ будетъ засыхать этотъ кусочекъ мяса, такъ будутъ сходить и бородавки (стр. 179 и слѣд.). Есть и другія средства, служащія для той же цѣли.

Чтобы свести родимое пятнышко съ лица мальчика или дѣвочки, нужно, по рецепту абруццскихъ матерей, взять розу, положить ее въ горшокъ съ виномъ и, вскипятивъ, вымыть этимъ родинку. Что съ лѣтами проходитъ само съ собою, то Абруццезянки приписываютъ дѣйствію этого душистаго умыванья (стр. 34 и слѣд.).

Это изъ области народной медицины; перенесемся теперь въ область физики Абруццезянъ и посмотримъ хотя бы на тѣ мѣры, къ которымъ они прибѣгаютъ для обезпеченія себя во время грома, во время бури.

Обыкновенное средство, къ которому прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ, есть средство религіозное и состоитъ въ молитвѣ: A fulgure et tempestate libera nos, Domine. Молитвѣ и колѣнопреклоненію предшествуетъ зазженіе восковой свѣчи, благословленной въ праздникъ Срѣтенія (Purificazione della Madonna). Но рядомъ съ этой формой усмиренія бури встрѣчаемъ и другія: 1) ставятъ жаровню на окно и кладутъ туда оливковую вѣтвь, освященную въ Пальмовое воскресеніе (la domenica delle palme = наше Вербное воскресенье): оливка горитъ и, по вѣрованью Абруццезянъ, утишаетъ бурю; 2) зажигаютъ головни отъ огня, благословленнаго въ Пасху (такія головни нарочно сберегаются на случай бури); 3) во многихъ мѣстахъ заботу усмиренія непогоды вѣдаютъ только женщины. Высунувшись въ окна, онѣ кличутъ каждая свою сосѣдку и плачутся на несчастье цѣлымъ хоромъ, призывая на помощь св. Варвару, св. Винченца, св. Эмидія (santa Barbara, san Vincenzo, sant' Emidio). Когда религіозныя средства истощены, а буря продолжаетъ дѣлать свое дѣло, женщины рѣшаются на послѣднюю мѣру: онѣ отцѣпляютъ цѣпи отъ камина и бросаютъ ихъ на улицу. „Съ какимъ намѣреніемъ онѣ это дѣлаютъ? спрашиваетъ авторъ. Не думаю, чтобы онѣ хотѣли этимъ удалить отъ себя ударъ электричества, потому что ученіе объ электричествѣ ново, тогда какъ указанный обычай идетъ издревле. Быть можетъ, онѣ желаютъ заковать бурю въ цѣпи".

До сихъ поръ проходили предъ нами разныя суевѣрія простого люда; но нижеслѣдующій случай, свѣдѣнія о которомъ авторъ почерпнулъ изъ оффиціальнаго документа [1]), показываетъ что въ

[1]) Этотъ документъ въ настоящее время составляетъ собственность г. Де-Нино: „tutto questo da un autentico documento che è presso di me" (стр. 176).

прошломъ столѣтіи не далеко въ этомъ отношеніи уходили и высшіе, правившіе классы въ Абруццахъ. Въ 1786 г. на область Pacentro напала гусеница. Жители обратились тогда съ просьбою за помощью противъ неизбѣжной гибели полей. Челобитная начиналась словами Бога къ первымъ людямъ: „Владычествуйте надъ рыбами морскими и птицами небесными (Dominamini piscibus maris et volatilibus coeli)"; далѣе говорилось, что безсмысленныя твари, причиняющія вредъ существамъ разумнымъ, могутъ быть приводимы къ повиновенію средствами сверхъестественными и натуральными. И такъ какъ первыя изъ нихъ, каковы общественныя покаянія и заклинанія (le penitenze publiche e gli esorcismi), оказались недостаточными, то они и прибѣгаютъ къ средствамъ натуральнымъ, т. е. бьютъ челомъ Баронской Управѣ (Corte Baronale), да соблаговолитъ она „повелѣть саранчѣ и гусеницамъ въ кратчайшій срокъ, не опустошая болѣе созрѣвшихъ и зрѣющихъ плодовъ, оставить эту область и идти туда, гдѣ они не могли бы наносить вреда человѣческому обществу" [1]). Просьба заключалась словами: „Въ случаѣ же ослушанія или поздняго повиновенія, просятъ осудить ихъ (саранчу и гусеницъ) на смерть [2]). „Баронская Управа вняла этой просьбѣ и губернаторъ Луиджи Вадини (Luigi Vadini) отдалъ приказъ вреднымъ насѣкомымъ немедленно оставить эту область и идти по крайней мѣрѣ туда, гдѣ они еще не были извѣстны: „Caveant (говорилось въ этомъ приказѣ) de, contrario sub poena indignationis, et disgratiae Divinae Majestatis". Эта губернаторская бумага прошла цѣлый рядъ другихъ служебныхъ инстанцій, возбуждая собою канцелярскую переписку, гдѣ саранча и гусеницы играютъ первенствующую роль (стр. 175 и слѣд.).

Теперь въ Абруццахъ уже не пишутъ бумагъ объ изгнаніи гусеницъ; но какъ только атмосферическія условія начинаютъ способствовать ихъ развитію, въ большинствѣ мѣстностей зовутъ священниковъ для заклинанія неразумныхъ тварей—по особенному, нарочно установленному обряду. Тамъ же, гдѣ мало вѣрятъ въ пользу такихъ заклинаній (какъ наприм. въ Aversa), прибѣгаютъ къ св. Доминику Кокулльскому (san Domenico di Cocullo). Въ церкви этого святого собираютъ съ полу соръ и известь опадающей штукатурки—что и называется землею св. Доминика, la terra di san Domenico. Послѣ уносятъ это домой и, какъ лучшее цѣлительное средство, развѣваютъ по полямъ и огородамъ (стр. 176 и слѣд.).

---

[1]) „Ordinare alle Locuste ed ai Bruchi, che sotto perentoriale ristretto termine senza ulteriormente devastare li prodotti e producendi frutti sgombrassero dal medesimo tenimento e andassero indove non potessero recar pregiudizio all'umana società" (стр. 175 и слѣд.).

[2]) „Ed in caso di trasgressione o di ritarda obedienza fan'istanza condannarsi alla morte" (ibid).

V.

Въ заключеніе, отмѣтимъ нѣкоторыя формы гаданій Абруццезянъ.

Въ Loreto Aprutino, одинъ волъ долженъ быть названъ первымъ счастливцемъ: онъ много ѣстъ, не знаетъ никакой работы, его ласкаютъ всѣ и каждый. То волъ не простой, то волъ св. Сопита (il bue di san Sopito).—Приходитъ праздникъ этого святого. Во время процессіи несутъ его статую и непосредственно за нею идетъ этотъ волъ. Гордо выступаетъ лѣнивое животное, никогда не знавшее ярма. Рога и хвостъ у него убраны мишурою и лентами; весь онъ покрытъ краснымъ покрываломъ. На немъ верхомъ сидитъ мальчикъ, одѣтый въ бѣлое и красное. Давка въ толпѣ невѣроятная, потому что нѣтъ сосѣдняго селенія, которое не послало бы сюда своихъ представителей. Процессія кончена; статую вносятъ въ церковь. Вниманіе всѣхъ теперь обращено на вола, который останавливается передъ дверями храма. Онъ падаетъ на колѣна, потомъ съ трудомъ поднимается на ноги и, при рукоплесканіяхъ и ласкахъ толпы, входитъ въ церковь. Нѣжность и ласки сильно дѣйствуютъ на умное животное, ибо оно почти всегда въ этотъ моментъ... si sgrava del soverchio peso. И набожные люди по количеству della materia sgravata заключаютъ о бѣдности или изобиліи предстоящаго урожая. „Моисей, заключаетъ нашъ авторъ, зачѣмъ ты разбилъ скрижали завѣта, увидѣвъ золотого тѣльца? Что сказалъ бы ты теперь, когда бы увидѣлъ живого вола св. Сопита?“ (стр. 161 и слѣд.).

Часы ожиданія обыкновенно тянутся медленно; особенно мучительны они для жены, ожидающей любимаго мужа, для матери, ожидающей сына, для дѣвушки, ждущей своего жениха. И вотъ, чтобы ослабить скуку ожиданія и скоротать время, абруццскія женщины начинаютъ гадать. Между такими гаданіями наиболѣе распространено гаданье въ пядень, fare il palmo. Правою рукою отмѣриваютъ на нижней каймѣ передника три пядени со словами:

Questo è il palmo di san Martino,
Questo è il palmo di san Piercelestino,
Questo è il palmo se Tizio cammina

т. е. „Это пядень св. Мартина; это пядень Піерцелестина; это пядень—идетъ ли Тицій“. При этомъ отмѣчаютъ, гдѣ кончился третій. Тоже самое измѣреніе дѣлается во второй разъ, но уже безъ этихъ стиховъ, и затѣмъ смотрятъ, гдѣ кончилась третья пядень этого второго раза. Если она совпадаетъ съ первымъ разомъ или зашла далѣе, это значитъ, что ожидаемое лицо не отправилось въ путь. Если же третья пядень не дошла до прежняго мѣста, значитъ оно уже въ пути и находится болѣе или менѣе близко, смотря по разстоянію между первой и второй мѣрой (стр. 172 и слѣд.).

Дѣвушка, въ сердце которой закралось сомнѣніе на счетъ вѣрности ея возлюбленнаго, въ ночь на 24 іюня срываетъ какой нибудь цвѣтокъ, обжигаетъ конечные лепестки его вѣнчика и затѣмъ кладетъ его гдѣ нибудь на открытомъ воздухѣ. Если днемъ позднѣе цвѣтокъ остается свѣжъ,—добрый знакъ; въ противномъ случаѣ—дѣло пропащее. Такъ поступаютъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи (De Gubernatis, Usi nuziali стр. 39). Въ Rivinsoli, въ Абруццахъ, дѣвушки въ эту ночь собираютъ крапиву (ortica), дѣлаютъ изъ нея небольшіе букетики и ставятъ ихъ потомъ на окнѣ, на балконѣ, на террасѣ, или гдѣ нибудь по близости къ свѣжему воздуху. Крапива, какъ всѣмъ извѣстно, растеніе вянущее быстро. А потому Иванова ночь для гадающихъ дѣвушекъ — безконечное, непрерывное безпокойство. Надежда и опасеніе, грусть и радость, поочередно смѣняются въ ихъ сердцѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ встаютъ по нѣскольку разъ, чтобы посмотрѣть что дѣлается съ растеніемъ: другія не смыкаютъ глазъ. Но вотъ свѣтъ начинаетъ пробиваться въ окна—восходитъ солнце. Дѣвушки уже всѣ на ногахъ; съ бьющимся сердцемъ подходятъ онѣ къ волшебной травкѣ. Та, естественно, совершила свой жизненный кругъ... Но когда не обманываютъ насъ другіе, мы охотно обманываемъ себя сами. Между поблекшими головками дѣвушки ухитряются найти хотя одну еще свѣжую... Румянецъ залилъ лицо счастливицы—и радость молодой любви выливается въ звонкой пѣснѣ (стр. 55 и слѣд).

Таковы уже свойства народной жизни, что въ ней рядомъ укладываются формы діаметрально-противоположнаго характера: то грубыя и отталкивающія, то нѣжныя и глубоко-поэтическія. Цѣлая пропасть лежитъ, напримѣръ, между первымъ и двумя послѣдними гаданіями, а между тѣмъ они составляютъ принадлежность жителей одной и той же провинціи.

И. Цвѣтаевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ.

Въ прежнихъ статьяхъ [1]), мы познакомили читателей въ подробномъ изложеніи съ нѣкоторыми изъ наиболѣе интересныхъ сочиненій по новой исторіи Англіи — съ біографіями Елисаветы и Маріи Стюартъ, и съ сочиненіемъ Леки объ исторіи Англіи XVIII в.; настоящую статью мы намѣрены посвятить сжатому обзору остальныхъ выдающихся сочиненій или изслѣдованій по упомянутому періоду.

Прежде всего заслуживаютъ вниманія читателей нѣкоторыя изданія источниковъ, почерпнутыхъ въ архивахъ или библіотекахъ Англіи и напечатанныхъ за послѣднее время частными историческими обществами, или королевской коммиссіей изданія государственныхъ документовъ. Между изданіями обнародованными Камденскимъ обществомъ, мы обратимъ вниманіе на изданное теперь въ первый разъ Пококомъ полемическое сочиненіе Гарпсфильда противъ развода Генриха VIII и Екатерины Арагонской, развода, который, какъ извѣстно, послужилъ поводомъ къ реформаціи въ Англіи и имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на судьбу королевскаго дома и исторію страны.

Гарпсфильдъ занималъ въ концѣ царствованія Генриха VIII, основанную этимъ королемъ, профессуру греческаго языка въ Оксфордѣ; въ 1550 г., вслѣдствіе введенной при Эдуардѣ VI реформаціи, онъ эмигрировалъ и вернулся въ Англію при Маріи; въ 1554 г. онъ былъ назначенъ вмѣсто брата Кранмера архидіакономъ Кантерберійскимъ, но при Елисаветѣ въ 1559 г. былъ отставленъ отъ этого сана за то, что не призналъ ея власти надъ церковью (супремата) и до самой смерти (1615) находился въ заключеніи. Онъ написалъ въ защиту правъ Маріи, съ значительной и для того времени многосторонней ученостью, правдивостью, и тогда особенно похвальной умѣренностью,

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., кн. 11 и 12 и 1881 г. кн. 1.

трактатъ о разводѣ Генриха VIII съ ея матерью. Сочиненіе это было готово къ печати, когда католическая реакція, во время которой самъ Гарпсфильдъ обнаружилъ жестокость, кончилась со смертью Маріи. Рукопись осталась—въ то время, какъ другія сочиненія Гарпсфильда, написанныя въ тюрьмѣ, были частью изданы заграницей подъ чужимъ именемъ,—въ рукахъ его слуги Картера, который былъ казненъ въ 1584 г. за печатаніе католическихъ книгъ. Въ началѣ XVIII в., эта рукопись попала въ руки усерднаго католика, Чарльза Истона, и была отдана однимъ изъ его потомковъ Пококу въ полное распоряженіе. Двѣ первыя книги и большая часть третьей заключаютъ въ себѣ очень ученое опроверженіе сочиненій, написанныхъ въ защиту развода, затѣмъ описывается самый брако-разводный процессъ и изображаются, разумѣется, съ крайне-католической точки зрѣнія, послѣдствія его для всѣхъ участвовавшихъ въ немъ и для всей страны. Драгоцѣнныя замѣчанія издателя дополняютъ и поправляютъ нѣкоторые пункты документальнаго и при этомъ очень искусно написаннаго сочиненія. Пококъ относится совершенно объективно къ разнымъ, легковѣрно принятымъ преданіямъ католической партіи, сохранившимся въ сочиненіи Гарпсфильда.

Изъ появившагося въ 1878 г. изданія государственныхъ документовъ, одна часть относится къ исторіи Ирландіи [1]), въ концѣ намѣстничества Джона Перрота 1583—88 г. Послѣдній былъ постоянно стѣсняемъ вслѣдствіе связей ирландскаго тайнаго совѣта съ Бёрлеемъ и Вальсингамомъ и имѣлъ съ членами этого совѣта такія непріязненныя столкновенія, что принужденъ былъ, наконецъ, отказаться отъ должности. Перротъ былъ даже обвиненъ въ 1592 г. въ измѣнѣ, несправедливо осужденъ и умеръ въ темницѣ. Другая часть Сборника Государственныхъ Документовъ, касается отношеній Англіи къ Остъ-Индіи, Китаю и Японіи, гдѣ до 1623 г. находилась важная англійская факторія. Въ 1619 г. Англія и Голландія вступили въ соглашеніе между собой, чтобъ вести сообща восточно-азіятскую торговлю, которая тогда находилась въ рукахъ подвластныхъ Испаніи португальцевъ. Но въ 1622 г. былъ заподозрѣнъ одинъ англичанинъ въ томъ, что онъ намѣревался при помощи японскихъ солдатъ сдѣлать нападеніе на голландскую крѣпость на островѣ Амбойнѣ. Вслѣдствіе этого, было казнено 10 англичанъ. Европейскія дѣла помѣшали дальнѣйшему ходу возникшей изъ этого ссоры.

---

[1]) Calendar of State Papers relating to Ireland.

Рядомъ съ обширными и важными собранiями англiйской коммиссiи для изданiя государственныхъ документовъ, можетъ достойно занять мѣсто „Реестръ дѣлъ тайнаго совѣта Шотландiи“ [1]). Въ 1878 г. вышла вторая его часть, обнимающая, съ нѣкоторыми пробѣлами, года отъ 1569 — 78. Своимъ тщательнымъ изданiемъ Гилль Бёртонъ оказалъ великую услугу не только шотландской, но, вслѣдствiе близкихъ отношенiй шотландскихъ регентовъ въ малолѣтство Якова VI къ Елисаветѣ, и англiйской исторiи.

Вслѣдствiе изобилiя протоколовъ и постановленiй тайнаго совѣта, часто касающихся незначительныхъ дѣлъ, Бёртонъ по мѣрѣ того, какъ подвигался въ своемъ изданiи, сталъ ограничиваться все болѣе и болѣе краткими, хотя дѣльными извлеченiями изъ протоколовъ совѣта, но для облегченiя архивнаго труда изслѣдователей-спецiалистовъ составилъ списокъ именъ, не внесенныхъ имъ въ текстъ. Объемистымъ и тщательно составленнымъ указателемъ и превосходнымъ введенiемъ, издатель очень облегчилъ пользованiе этимъ громаднымъ матерiаломъ, чрезвычайно интереснымъ въ культурно-историческомъ отношенiи. Значенiе предпринятаго Бёртономъ изданiя особенно обнаруживается при сопоставленiи его съ написанной самимъ Бёртономъ раньше исторiей Шотландiи. Какъ ни велики достоинства этого сочиненiя, но можно сказать, что только по окончанiи его изданiя матерiаловъ (расчитаннаго на 10 томовъ) станетъ возможнымъ написать исторiю Шотландiи, въ эпоху реформацiи, вполнѣ соотвѣтствующую современнымъ требованiямъ исторической пауки.

Разсмотрѣвши важнѣйшiя изданiя новыхъ матерiаловъ для исторiи реформацiоннаго перiода въ Англiи, мы теперь обратимся къ обзору выдающихся въ какомъ либо отношенiи изслѣдованiй и сочиненiй по этому предмету. Мы начнемъ съ указанiя на одно сочиненiе, замѣчательное не по своимъ научнымъ или литературнымъ достоинствамъ, а по своему направленiю. Неудивительно конечно, что и въ Англiи, особенно по реформацiонному перiоду, существуетъ своего рода клерикальная исторiографiя, но замѣчательно, что среди англiйскаго клерикализма въ исторiографiи обнаруживается сильное сочувствiе къ католицизму, которое и высказывается въ крайне одностороннихъ сужденiяхъ объ англiйской реформацiи и ея дѣятеляхъ. Особенно ярко проявилась эта тенденцiя въ сочиненiи англиканскаго священника Ф. Д. Ли, „Иторическiе очерки реформацiи“ [2]).

Историческое значенiе англiйской реформацiи въ настоящее время возбуждаетъ небывалый доселѣ интересъ и старые вопросы снова возникаютъ съ бóльшей живостью, чѣмъ когда-либо. Было ли это вели-

---

[1]) The Register of the Privy Council of Scotland II Edinborough.
[2]) Historical sketches of Reformation. By the rev. Fr. G. Lee.

кое движеніе всецѣло плодомъ тиранніи и злонамѣренности, или оно было результатомъ мнѣній, которыя медленно развились среди народа и сдѣлались, наконецъ, слишкомъ сильны, для того, чтобъ прежняя власть могла ихъ сдерживать? И если реформація была личнымъ дѣломъ тирана, то признавать ли виновника его благонамѣреннымъ деспотомъ, проницательнымъ и безкорыстнымъ, главной цѣлью котораго было содѣйствовать славѣ Божіей и благу своихъ подданныхъ? Или—съ другой стороны, вся реформація обусловливалась общественными причинами — возмущеніемъ противъ поповской и монашеской безнравственности и противъ покровительства, оказаннаго развращеннымъ духовенствомъ распущенности среди самихъ мирянъ? Вотъ нѣкоторыя изъ мнѣній, высказанныхъ по исторіи реформаціи и можно надѣяться, что въ наше время обсужденіе ихъ приведетъ къ результату, который будетъ признанъ окончательнымъ.

Но этотъ результатъ, насколько можно уже судить теперь, не будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ крайнихъ сторонниковъ той или другой богословской точки зрѣнія.

Теорія благонамѣреннаго деспотизма была высказана болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ Фраудомъ и была встрѣчена далеко не съ одобреніемъ. Здравый смыслъ публики отвергъ ее какъ непостижимый парадоксъ, чѣмъ она и была на дѣлѣ. Но все же слѣдуетъ кое-что простить автору, который, хотя и съ небольшимъ запасомъ новыхъ изслѣдованій, высказалъ свѣжія мысли по поводу стараго предмета и который старался, хотя и по своему, справиться съ фактами, которые сами вели къ парадоксальному заключенію.

По крайней мѣрѣ Фраудъ увидѣлъ то, чего другіе до него не видѣли и о чемъ забыли всѣ прежніе историки,—что деспотизмъ, по самой природѣ вещей, не можетъ держаться въ силу одной только воли деспота. Генрихъ VIII былъ поддерживаемъ въ своихъ странныхъ мѣропріятіяхъ своими лордами, своими парламентами, и даже въ значительной степени своимъ народомъ; а потому вопросъ сводится къ тому: было-ли все это также безнравственно, какъ онъ самъ?

Теперь мы знаемъ до нѣкоторой степени настоящій отвѣтъ; но его конечно нельзя найдти у Фрауда. Со времени изданія первыхъ томовъ его исторіи успѣхи изслѣдованія способствовали развѣ лишь къ тому, чтобы еще болѣе набросить тѣнь на безъ того уже мрачную картину жестокости, тиранніи и разврата Генриха VIII. Очевидно, что теорія о благонамѣренномъ деспотѣ не выдерживаетъ критики и многіе писатели теперь склонны къ совершенно противоположной крайности, выставляя и самую реформацію дѣломъ злонамѣренности и преступности. Въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать, какого бы мы мнѣнія ни были о религіозномъ и культурномъ значеніи протестантизма и о результатахъ этого движенія въ настоящемъ, что первый толчекъ реформаціи въ Англіи дѣйствительно былъ данъ распущенностью и

тиранніей короля. Насколько же зло привело къ добру и насколько дореформаціонная церковь сама виновна въ преступленіяхъ короля— это вопросъ, о которомъ существуютъ очень различныя мнѣнія.

Ли пишетъ объ этомъ предметѣ съ очень рѣзко опредѣленнымъ чувствомъ. Онъ изъ тѣхъ, которые оплакиваютъ разъединеніе христіанства и желаютъ соединенія съ Римомъ. Онъ говоритъ о „безбожной одинокости“ Англіи, и примѣняя слово „реформированная“ религія, ставитъ при этомъ знакъ вопроса. Онъ очень дурного мнѣнія о Кранмерѣ и даже о Гуперѣ и можетъ быть о большинствѣ вождей среди тогдашняго протестантскаго духовенства; съ другой стороны онъ имѣетъ полную вѣру во все, что писали Сандерсъ и Гарпсфильдъ для того, чтобъ подорвать новое богословіе и его исповѣдниковъ. Его книга, повидимому, предназначена для того, чтобъ открыть всѣмъ глаза на настоящій характеръ того, что, по его мнѣнію, было „злосчастной и безнравственной революціей“; а въ предисловіи онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что все приводимое имъ— чистые факты безъ всякихъ прикрасъ фантазіи и прибавленій ради эффекта. Не мѣшало-бы ему побольше потрудиться для того, чтобы оправдать свои слова; а то, хотя мы вѣримъ, что онъ не внесъ собственныхъ прикрасъ, но ясно, что онъ принялъ за достовѣрное многое изъ сомнительныхъ авторитетовъ. Что касается самостоятельныхъ изслѣдованій,—въ книгѣ Ли ихъ рѣшительно нѣтъ. Правда онъ ссылается въ одномъ мѣстѣ на рукописи герцога Графтона, въ другомъ на „замѣтки и выписки изъ рукописей принадлежащихъ автору“. Но первыя оказываются просто копіей съ документовъ, которые были уже напечатаны Бёрнетомъ и въ „Сборникѣ Государственныхъ Документовъ“; а относительно значенія послѣднихъ читатели остаются въ полномъ невѣдѣніи. Между тѣмъ авторъ совершенно не пользовался напечатанными государственными документами, которые также доступны, какъ и рукописи герц. Графтона; или изданнымъ Брюэромъ „Сборникомъ государственныхъ бумагъ Генриха VIII“, которыя спасли-бы его отъ повторенія старой ошибки, будто Томасъ Кромвель былъ при взятіи Рима въ 1527 г.

Только кое-гдѣ, изрѣдка, Ли сообщаетъ намъ, гдѣ онъ черпалъ свои „правдивые разсказы“ и „несомнѣнные факты“, такъ-что не всегда легко составить себѣ мнѣніе на счетъ ихъ достоинства. Но можно покрайней мѣрѣ вполнѣ оцѣнить степень достовѣрности второго его изъ девяти очерковъ, озаглавленнаго „Король Генрихъ VIII въ Вульфъ-Голлѣ въ Вильтширѣ, мая 19, 1536“. Вульфъ-Голль былъ помѣстьемъ фамиліи Сеймуръ, и Ли повѣствуетъ, что Генрихъ VIII изъ любви къ Іоаннѣ Сеймуръ отправился туда передъ самой казнью Анны Болэнъ и прибылъ 18 мая. На другой день совершилась казнь королевы Анны и вѣсть о ея смерти была доставлена королю гораздо быстрѣе, чѣмъ это возможно посредствомъ конныхъ эстафетовъ. „Пушечный выстрѣлъ съ Лондонской башни разнесъ печальную вѣсть

гражданамъ, вообще довольно безучастнымъ и жосткимъ; другой выстрѣлъ изъ дворца Сентъ-Джемскаго и третій въ западной части города, возвѣстилъ о случившемся любопытнымъ, ожидавшимъ событія въ Ричмондскомъ дворцѣ; и такъ далѣе, пока вѣсть донеслась до обитателей Вульфъ-Голля, ждавшихъ ея въ нетерпѣливомъ волненіи".

Этотъ разсказъ и прежде былъ извѣстенъ, только съ варіяціями. По нѣкоторымъ извѣстіямъ одна только ракета служила условленнымъ сигналомъ, за которымъ король наблюдалъ изъ Эппингъ Форесга; но такъ какъ казнь происходила днемъ, то разсказъ Ли о выстрѣлѣ болѣе правдоподобенъ. Между тѣмъ нужно замѣтить, что Сентъ-Джемскій дворецъ не былъ еще тогда выстроенъ и лучше-бы впередъ вовсе не упоминать о немъ приводя этотъ анекдотъ. Но откуда же взятъ самый разсказъ? Такого рода исторіи очень много теряютъ достовѣрности, когда не указано ихъ происхожденіе. Зная первый источникъ можно было-бы составить болѣе опредѣленное мнѣніе, былъ-ли король въ то время въ Вильтширѣ или въ Эппингъ-Форестѣ, хотя положительное утвержденіе Ли о пріѣздѣ его въ Вульфъ-Голль 18-го мая такъ точно, что могло-бы внушить довѣріе. Но одинъ изъ критиковъ Ли, извѣстный историкъ Гарднеръ, (James Gairdner) доказалъ съ очевидностью на основаніи многихъ современныхъ писемъ, что Генрихъ VIII въ день казни Анны Болэнъ не былъ ни въ одномъ изъ указанныхъ двухъ мѣстъ, а былъ въ Лондонѣ, и весь разсказъ Ли—чистая фантазія.

Предметъ 9-го очерка составляетъ подобный-же фантастическій разсказъ о сверхъестественномъ видѣніи: Ли, очень вѣритъ сверхестественнымъ явленіямъ; и его легковѣрность въ другихъ вопросахъ дѣлаетъ его вѣру въ сверхестественное вовсе неудивительной. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ „почти вѣрнымъ", что христіанство было принесено въ Англію во времена апостоловъ, хотя онъ не хочетъ ручаться за легенду Святого Іосифа Аримаѳейскаго. Онъ вполнѣ вѣритъ также разсказу архидіакона Гарпсфильда о собакѣ, лизавшей кровь Генриха VIII, во исполненіе пророчества отца Пето, что онъ раздѣлитъ участь Ахава; онъ даже не смущается нисколько тѣмъ, что приходится отнести это происшествіе черезъ двѣ недѣли спустя по смерти короля.

Подобными нелѣпостями Ли самъ подрываетъ то дѣло, которое онъ такъ принимаетъ къ сердцу. Многое изъ того, что Ли разсказываетъ о тиранніи и жестокости Генриха VIII совершенно вѣрно, какъ наприм. казни Картузіанскихъ монаховъ и смерть аббата Вайтинга; но рядомъ съ вымыслами въ родѣ исполнившагося пророчества отца Пето и происшествія въ Вульфъ-Голлѣ и разсказы о дѣйствительныхъ жестокостяхъ Генриха VIII во многихъ читателяхъ не встрѣтятъ довѣрія.

Въ томъ же духѣ и также поверхностно написаны очерки Мор-

лея, другого англиканскаго священника объ эпохѣ англійской реформаціи и революціи.

Подобное же католическое направленіе, но съ несравненно болѣе научнымъ значеніемъ, имѣетъ „Исторія англійской церкви, со времени устраненія римской власти (юрисдикціи)“, сочиненіе Ватсона Диксона. [1]) Авторъ, какъ священникъ англиканской церкви, принадлежащій къ самому строгому толку ея (High Church), вслѣдствіе этого часто оказывается, не смотря на очень основательныя познанія и рѣшительное стремленіе къ безпристрастію, очень узкимъ въ своихъ взглядахъ. Диксонъ думаетъ, что была возможна внутренняя реформа средневѣковой англійской церкви, которая шла бы изъ нея самой. Правда, ему удалось доказать, что состояніе англійской церкви до реформы представляется слишкомъ съ тёмной стороны, особенно у Фрауда, относящагося къ дѣлу не критически, у котораго вслѣдствіе перемѣщенія петиціи палаты общинъ противъ духовенства на 1529 г. вмѣсто 1531 г. событія того времени значительно перепутаны. Но Диксонъ долженъ былъ для того, чтобъ доказать свой взглядъ, начать не съ 1529 г. а подробнѣе изложить предшествовавшія этому времени попытки реформы со стороны Колета, архіепископа Уаргама и ихъ сподвижниковъ-гуманистовъ.

Обозначеніе этихъ людей у Диксона, какъ представителей старой науки въ противоположность новому протестантскому ученію, невѣрно, такъ какъ они подобно церковнымъ противникамъ католицизма представляли собою духъ ренесанса въ противность старой схоластической наукѣ. Даже еслибы Уаргамъ, Фишеръ и другіе англійскіе прелаты, могли сравниться по энергіи съ знаменитымъ Хименесомъ, то и въ такомъ случаѣ имъ удалось бы достигнуть, какъ показали впослѣдствіи предложенія реформы сдѣланныя Кантерберійскимъ соборомъ,—развѣ только внѣшней реформы въ испанскомъ смыслѣ, которая не удовлетворила бы даже приверженцевъ Лода и его направленія. Странно также, какимъ образомъ Диксонъ могъ видѣть въ кардиналѣ Вульзеѣ серьезнаго реформатора и вмѣстѣ съ тѣмъ не понять, что идеалъ упрощенной и терпимой церкви въ духѣ Эразма и Томаса Мора совсѣмъ не соотвѣтствуетъ собственнымъ требованіямъ Диксона?

Изъ документовъ по исторіи реформаціи, изданныхъ Пококомъ, Диксонъ могъ бы убѣдиться, что кардиналъ Поль, также одинъ изъ единомышленниковъ Уаргама и Мора, приверженцевъ внутренней и мирной церковной реформы, одно время очень усердно дѣйствовалъ въ пользу развода Генриха VIII съ Екатериной Арагонской. Еслибы Диксону были извѣстны нѣмецкія изслѣдованія по этому предмету, то онъ на основаніи сочиненія Лехлера о Виклефѣ былъ-бы въ со-

[1]) History of the Church of England from the abolition of the Roman jurisdiction, by Watson Dixon.

стояніи оцѣнить правильнѣе Лоллардовъ въ XVI в., хотя съ своей точки зрѣнія онъ не могъ отнестись къ нимъ вполнѣ справедливо. Можетъ быть Диксонъ тогда и пришелъ бы къ убѣжденію, что отторженіе отъ Рима и все болѣе распространявшееся разрушеніе старой церкви было исторической необходимостью, а не слѣдствіемъ каприза разнузданнаго и распутнаго тирана.

Хотя бы власть папы надъ англійской церковью и не была, какъ старается доказать Диксонъ, супрематомъ, но во всякомъ случаѣ она представляла собою нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простая юрисдикція, какъ ее ограничиваетъ Диксонъ, указывая на это уже въ самомъ заглавіи своего сочиненія. Не смотря на такую односторонность въ общей тенденціи сочиненія Диксона, оно во многихъ частностяхъ проливаетъ болѣе вѣрный свѣтъ на событія. Такъ наприм. оно существенно исправляетъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, данныя, заключающіяся въ изданномъ Райтомъ (Wright) томѣ сборника Камденскаго общества „объ уничтоженіи монастырей“.

Первый томъ полезнаго для науки сочиненія Диксона доведенъ только до смерти Іоанны Сеймуръ. Въ слѣдующемъ томѣ, Диксону предстоитъ разсмотрѣть самую ужасную пору царствованія Генриха VIII,—когда въ одно время докторъ Барнсъ былъ сожженъ, какъ еретикъ, а докторъ Пауль четвертованъ, какъ папистъ.

Свобода, которою въ настоящее время пользуются католики и въ Англіи, вызвала нѣсколько изданій, относящихся къ преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались прежде. Такъ Генри Фолей, мірской членъ Іезуитскаго ордена, продолжаетъ издавать документы, относящіеся къ исторіи Іезуитскаго ордена въ Англіи. Въ нихъ заключается множество свѣдѣній о дѣятельности этого ордена въ XVI и XVII вв.; издатель впрочемъ плохо подготовленъ къ своему дѣлу, даже невполнѣ владѣетъ латинскимъ языкомъ и потому сдѣланныя имъ попытки разработать изданные имъ матеріалы очень неудачны. Болѣе достоинства представляетъ подобное же изданіе англійскихъ ораторіанцевъ. На основаніи матеріала, собраннаго кардиналомъ Маннингомъ, Францисъ Ноксъ издалъ разные документы по исторіи англійскихъ католиковъ во время дѣйствія направленныхъ противъ нихъ уголовныхъ законовъ.

Въ своемъ сочиненіи „Изъ исторіи одной семьи Норфолькскаго графства“ англиканецъ Джессопъ безпристрастно изложилъ одинъ эпизодъ изъ преслѣдованія католиковъ при Елисаветѣ. Генри Вальполь, предокъ котораго, Реджинальдъ, упоминается еще въ первую эпоху Норманскаго завоеванія, воодушевившись твердостью вѣры, обнаруженной священникомъ Кампіономъ во время казни, послѣдовалъ его примѣру, поступилъ въ іезуитскую коллегію въ Дуэ и возвратившись оттуда въ концѣ царствованія Елисаветы въ Англію, былъ казненъ вскорѣ послѣ своего прибытія.

Въ „Археологическомъ и Естественно-историческомъ Магазинѣ

Вильтшира“ Джаксонъ доказалъ, что бывшій женихъ Маріи католической, Робертъ Дёдлей, болѣе извѣстный подъ позднѣйшимъ титуломъ графа Лестера, который былъ дороже всѣхъ сердцу Елисаветы,— былъ тайно обвѣнчанъ съ Эми Робсартъ. Политика, которой слѣдовала Елисавета, не поддававшаяся голосу сердца и постоянно ободрявшая новыхъ искателей ея руки, облегчила ей борьбу съ могущественной Испаніей и содѣйствовала развитію морского могущества Англіи и основанію первыхъ колоній въ Америкѣ и Остъ-Индіи. Жизнь одного изъ славныхъ моряковъ, которымъ Елисавета была обязана своими успѣхами, Мартина Фробишера, открывшаго въ 1576—1578 г. названный его именемъ проливъ (сѣвернѣе Гудсонова пролива)—разсказана Франкомъ Джонсомъ въ интересномъ, но не имѣющемъ научнаго значенія изложеніи. Джонсъ даетъ новое описаніе борьбы съ Великой Армадой, во время которой отличился Фробишеръ.

Біографія другого моряка-героя того времени, Вальтера Ралей, написанная Луизой Критонъ, также имѣетъ лишь достоинство популярнаго сочиненія. За то изслѣдованіе Джона Гельзъ „О пороховомъ заговорѣ“ заключаетъ въ себѣ достойное вниманія дополненіе къ тому, что извѣстно объ этомъ событіи. Кэтсби и другіе заговорщики имѣли свои помѣстья въ окрестностяхъ Стратфорда на Эвонѣ и послѣ открытія заговора искали убѣжища въ своей родинѣ. Тамъ должно было въ это время произойти возстаніе католиковъ, которые предполагали захватить дочь Якова I, принцессу Елисавету, гостившую у лорда Гаррингтона. Въ драмахъ Шекспира, написанныхъ послѣ этого времени, встрѣчаются намеки на сильное впечатлѣніе, какое произвелъ на поэта заговоръ людей, можетъ быть, лично ему извѣстныхъ.

Петръ Бэнъ [1]) издалъ нѣсколько очерковъ о главныхъ дѣятеляхъ Пуританской революціи. Въ противоположность Морлею онъ сильно стоитъ за пуританъ, но старается быть безпристрастнымъ. По собственному показанію автора, главнымъ источникомъ для этихъ очерковъ послужили памфлеты британскаго музея и ему очень недостаетъ научной основательности. Генріета Марія и ея супругъ, Яковъ I, Лодъ, Кромвель и Давидъ Лесли, Кларендонъ, шотландскіе ковенанторы, Карлъ II, Монрозъ, младшій Венъ и Мильтонъ составляютъ предметъ его очерковъ.

Знаменитому поэту пуританъ посвящено еще другое, гораздо болѣе обширное и научное изслѣдованіе. Авторъ его, нѣмецкій профессоръ Альфредъ Стернъ, задался широкой задачей изобразить Мильтона въ связи съ его вѣкомъ, что при богатомъ содержаніи описываемой эпохи представляло большія затрудненія для опредѣленнаго очертанія біо-

[1]) Peter Bayne. The chief Actors in the Puritan Revolution.

графiи. Дѣйствительно, первая часть сочиненiя Стерна, появившаяся въ 1877 г., возбудила опасенiе, что она приметъ слишкомъ обширные размѣры и этимъ себѣ повредитъ. Но вышедшая въ 1879 году вторая часть, которую долженъ принять во вниманiе нашъ обзоръ, не оправдала этого опасенiя. Въ сравнительно небольшой книгѣ обработана цѣлая масса матерiала: здѣсь мѣтко разобраны главныя сочиненiя Мильтона, исторiи той эпохи отведено подобающее ей мѣсто; очень значительная сумма свѣдѣнiй по исторiи разныхъ наукъ и беллетристикѣ служитъ во многихъ случаяхъ къ уясненiю поэтическаго творчества Мильтона, — и все это въ цѣломъ такъ сжато, что даже малознакомый съ предметомъ читатель можетъ безъ утомленiя слѣдить за изложенiемъ. Третья книга, съ которой начинается эта вторая часть, заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни Мильтона во время его государственной службы при республикѣ и протекторатѣ. Мильтонъ состоялъ въ то время секретаремъ по латинской корреспонденцiи и съ радостной преданностью служилъ своимъ перомъ иностранному вѣдомству, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Кромвель сталъ считать своимъ долгомъ правителя „охранять миръ протестантовъ“. Въ то же время въ своихъ извѣстныхъ полемическихъ сочиненiяхъ, которыя особенно и утвердили его славу среди современниковъ, онъ защищалъ новую Англiю: круто и рѣзко, въ смыслѣ самаго суроваго пуританизма, ратовалъ онъ противъ Стюартовъ, противъ королевской власти и противъ католицизма. Но не смотря на это, его соединяла лишь слабая связь съ великимъ государственнымъ человѣкомъ, стоявшимъ во главѣ его отечества. Протекторатъ представляется ему лишь временнымъ, вызваннымъ нуждою, средствомъ, „такъ какъ послѣ предшествовавшей бури, волны которой еще не улеглись и при враждебности партiй, желательный и совершенный порядокъ не можетъ пока осуществиться“. Внѣшняя политика Кромвеля удовлетворяетъ Мильтона вполнѣ, но во внутреннемъ управленiи онъ къ огорченiю не находитъ осуществленiя индепендентскихъ идеаловъ. Болѣе всего его оскорбляетъ то, что церковная и государственная власть продолжаютъ быть соединены, что въ церковной области сохранены десятина въ пользу священника и другiе доходы отъ бенефицiй и патронатство (право патроновъ назначать на духовныя мѣста) и такимъ образомъ плата наемникамъ, какъ называли пуритане казенные доходы священниковъ, все еще приноситъ ущербъ свободѣ совѣсти. Многочисленныя картины, изображающiя личныя отношенiя между протекторомъ и его секретаремъ — всѣ основаны такимъ образомъ лишь на фантазiи художниковъ; особенно противорѣчитъ дѣйствительности извѣстная картина, изображающая Мильтона пишущимъ подъ диктовку Кромвеля, потому, что вслѣдствiе усиленнаго труда во время литературной полемики бѣднякъ уже въ 1652 г. былъ совершенно слѣпъ. Съ этихъ поръ онъ заставлялъ читать себѣ вслухъ и самъ диктовалъ окружающимъ его депеши, полемическiя статьи и стихотворенiя.

Но онъ находилъ плохую поддержку въ самыхъ близкихъ къ нему лицахъ: дочери его, когда подросли, старались безсердечно устраниться отъ этого тяжелаго труда. Зато помогали Мильтону посторонніе, простые слуги, а также дружески расположенные къ нему писатели и государственные дѣятели, какъ изъ англичанъ, такъ изъ иностранцевъ, особенно изъ нѣмцевъ, которыхъ авторъ въ живыхъ образахъ проводитъ передъ читателемъ. По смерти Кромвеля, когда республика уже видимо близилась къ концу, Мильтонъ рѣшился бороться противъ угрожающей ей гибели съ помощью новыхъ полемическихъ статей. Онъ аппелировалъ къ чувствамъ и разсчету тѣхъ, которые въ ту минуту стояли во главѣ у дѣлъ, чтобы ободрить ихъ въ поддержкѣ республики, которая, по его мысли, тогда именно должна была достигнуть окончательнаго довершенія въ пуританскомъ смыслѣ, которое заключало въ себѣ уничтоженіе „наемничества въ церкви". Онъ требовалъ еще настойчивѣе прежняго секуляризаціи церковнаго имущества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, подобно той, какую предприняли „князья и города Германіи во время реформаціи". Требы за „вѣнчаніе и похороны" также должны быть уничтожены, такъ какъ погребеніе мертвыхъ и заключеніе браковъ гражданскія дѣла, которыя не требуютъ содѣйствія духовенства. Доходы отъ отобраннаго церковнаго имущества должны были идти въ пользу общественнаго воспитанія и образованія, на обезпеченіе многочисленныхъ высшихъ и низшихъ школъ и публичныхъ библіотекъ. Но было слишкомъ поздно для того, чтобы расчитывать на мирное и законное осуществленіе этихъ плановъ. Самъ Мильтонъ призналъ съ душевной скорбью и негодованіемъ, что „большинство народа настолько подло, что готово отказаться отъ свободы" и могъ только дать слѣдующій жалкій совѣтъ: „было бы справедливѣе и разумнѣе, чтобы меньшинство принудило большинство сохранить свободу, чѣмъ наоборотъ— чтобы большинство принудило меньшинство раздѣлить его рабство".

Четвертая книга обнимаетъ жизнь Мильтона во время реставраціи. Онъ счастливо избѣгнулъ опасности пасть жертвой роялистской реакціи, тѣмъ, что скрывался въ домѣ одного изъ друзей своихъ до объявленія амнистіи. А что будто-бы онъ спасся благодаря ходатайству преданнаго Стюартамъ поэта Давенента или съ помощью разыгранной комедіи мнимыхъ похоронъ — оказывается, ни на чемъ не основано. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ съ этого времени человѣкъ отжившій и тѣмъ рѣшительнѣе обратился онъ снова къ тому роду творчества, къ „которому его съ неудержимой силой влекъ его геній". Ему всегда представлялась первой и главной цѣлью жизни дѣятельность не публициста, а ученаго и поэта. Съ неутомимымъ усердіемъ собираетъ онъ теперь матеріалъ для филологическихъ, историческихъ, философскихъ и богословскихъ сочиненій. Смѣлый, даже радикальный умъ, выказанный имъ на поприщѣ публицистики, обнаруживается и здѣсь во всемъ. Онъ не хочетъ принадлежать ни къ одной сектѣ,

не хочетъ считаться явнымъ членомъ никакой религіозной общины и близкій къ могилѣ, осмѣливается среди распущеннаго поколѣнія временъ реставраціи поднять еще разъ голосъ предостереженія пуританскаго проповѣдника. Но все болѣе и болѣе поднимается въ это время его духъ на „высочайшія вершины поэзіи". „Потерянный Рай" былъ уже начатъ въ послѣднее время погибающей республики. Но довести до конца это произведеніе онъ могъ только послѣ того, какъ была совершенно устранена опасность, какая грозила поэту съ возстановленіемъ монархіи. Достовѣрное извѣстіе о существованіи этой поэмы относится къ 1665 году. Источники этой поэмы біографъ ищетъ еще начиная съ самыхъ раннихъ проявленій христіанской поэзіи у германцевъ и кончая „Изгнаннымъ Адамомъ" Гуго Гроція и „Люциферомъ" голландскаго поэта Вонделя. Но роль Мильтона конечно не ограничивается однимъ заимствованіемъ, потому, что „оригинальнымъ писателемъ слѣдуетъ считать не того только, который никому не подражаетъ, а того, кому никто не въ состояніи подражать". Колоссальная фигура Мильтонова Сатаны не есть изображеніе Оливера Кромвеля; ибо сколько-бы чертъ этой героической и властительной натуры ни было перенесено на образъ Сатаны,—но нельзя допустить, чтобы Мильтонъ имѣлъ въ виду написать сатиру на протектора, такъ какъ онъ не смотря на свое частое неудовольствіе правленіемъ Кромвеля,—подобнымъ порицаніемъ произнесъ бы приговоръ надъ значительной частью своего собственнаго прошедшаго. При созданіи этого образа въ воображеніи поэта скорѣе могли носиться гордый Страффордъ, или лукавый и въ несчастьи еще величавый и привлекательный Карлъ I, или-же наконецъ „измѣнникъ свободы, стремившійся изъ за позорныхъ цѣлей къ почести", генералъ Монкъ. Точно также напоминаютъ и сподвижники Сатаны то одно, то другое изъ лицъ дѣйствительной жизни, которыхъ поэтъ встрѣчалъ въ Вайтголѣ и въ Вестминстерѣ. Непосредственно послѣ окончанія „Потеряннаго рая" Мильтонъ приступилъ къ „Вновь обрѣтенному раю" по настоянію своего юнаго друга, Томаса Эльвуда. Разборъ этихъ могучихъ произведеній Мильтона у Стерна превосходенъ; онъ написанъ ясно, тепло и наглядно; и недостатки указаны очень опредѣленно и мѣтко.

Трудъ Стерна основанъ, на нѣкоторыхъ новыхъ архивныхъ изслѣдованіяхъ, и на извлеченіяхъ изъ многочисленныхъ книгъ объ этомъ предметѣ, заимствованныхъ изъ разнообразныхъ европейскихъ библіотекъ.

Изъ приложеній особенно интересны нѣкоторыя, бывшія доселѣ неизвѣстныя письма Мильтона изъ ольденбургскаго архива.

Ту-же бурную эпоху исторіи Англіи обнимаетъ вышедшій въ 1879 г. третій томъ „Исторіи англійскаго народа" Грина. Гринъ сначала написалъ краткую исторію Англіи; необыкновенный успѣхъ, который

имѣла эта книга, несмотря на небрежность и многочисленные промахи побудилъ автора издать свое сочиненіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Пространная обработка отличается тѣми-же достоинствами, какъ и первая; эти достоинства заключаются не въ одномъ только блескѣ изложенія и противники Грина не могутъ указать на другое сочиненіе, которое давало-бы такое живое представленіе объ Англіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Гринъ имѣетъ, что такъ рѣдко встрѣчается, даръ историческаго воображенія. Многосложныя историческія явленія представляются ему не въ разъединеніи а въ общей картинѣ. Политическія и соціальныя движенія, порывы религіознаго чувства и напряженіе научной мысли, все это гармонично сливается въ этой картинѣ. Но рядомъ съ этими достоинствами находимъ у Грина и крупные недостатки, ту-же небрежность въ подробностяхъ и такіе-же промахи, какъ прежде, хотя послѣдній трудъ представляетъ сравнительно съ первымъ значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Конечно, нѣтъ особенной бѣды въ томъ, что Гринъ называетъ извѣстнаго сера Роберта Филипса, одного изъ главныхъ вождей оппозиціи въ первомъ парламентѣ Карла I, въ одномъ мѣстѣ серъ Томасъ, а на слѣдующей страницѣ серъ Ричардъ; не важно и то, что онъ представляетъ надѣлавшее въ свое время столько шума сочиненіе Прина „Бичъ театра“ громаднымъ фоліантомъ; это доказываетъ только, что Гринъ не поинтересовался взглянуть на толстый in-quarto знаменитаго пуританина;—но промахи Грина далеко не всегда такъ невинны.

Гринъ слишкомъ небреженъ въ провѣркѣ показаній враждебныхъ роялистской партіи, потому-что у него совершенно нѣтъ не только пониманія роялистскихъ вождей, но даже никакого человѣчнаго участія къ нимъ.

Впрочемъ даже и въ этомъ случаѣ критика должна быть справедлива по отношенію къ Грину. Запасъ изслѣдованій который былъ-бы необходимъ автору для того, чтобъ вполнѣ разъяснить этотъ предметъ, сдѣлалъ бы его неспособнымъ написать подобную книгу. Не слѣдуетъ также порицать его слишкомъ строго за то, что онъ усвоилъ распространенное въ публикѣ повѣрье о смертельной враждѣ между Генріетой Маріей и Страфордомъ и за то, что онъ упрекаетъ королеву въ ханженствѣ потому, что она возмущалась преслѣдованіями своихъ единовѣрцевъ или за то, что онъ воображаетъ будто 300.000 ф. стерл., были взысканы въ видѣ судебныхъ пеней палатами королевскихъ лѣсовъ въ одномъ только графствѣ Эссексѣ, или за увѣреніе, будто Карлъ I снесеніемъ домовъ въ Лондонѣ вызвалъ противъ себя жестокую вражду могущественнаго города, сила и средства котораго имѣли такое пагубное вліяніе въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ,— между тѣмъ какъ извѣстно, что снесеніе было произведено по особенному ходатайству лорда мэра и старшинъ. Но есть не мало промаховъ такого рода, въ которые авторъ не впалъ бы, еслибы

отнесся нѣсколько внимательно къ дѣлу. Трудно повѣрить, что онъ считаетъ такъ называемые „добровольные платежи“ (benevolences) займомъ, тогда какъ это былъ безвозвратный даръ коронѣ; но чѣмъ-бы ни были такъ называемые benevolences авторъ не имѣлъ права утверждать, что послѣ Петиціи Правъ „королевскія требованія, устанавливавшія упомянутые поборы (bénevolences) подъ видомъ обычныхъ займовъ, были разосланы во всѣ графства“. Такое увѣреніе значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ-то, что Карлъ совершенно сознательно нарушилъ Петицію Правъ.

Нельзя себѣ вообразить, въ силу какого авторитета Гринъ впалъ въ такую ошибку; но не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ не имѣлъ никакого основанія для этого.

Во всѣхъ вопросахъ, касающихся исторіи конституціи, Гринъ выступаетъ не совсѣмъ твердыми шагами. По поводу важнаго дѣла о корабельной подати онъ говоритъ, что большинство судей „семь числомъ, высказали широкій принципъ, что противъ королевской воли, нельзя ссылаться ни на какой законъ, который-бы воспрещалъ произвольное обложеніе податью“. Если-бы Гринъ перечиталъ мнѣніе судьи Финча, на которое онъ самъ ссылается, онъ увидѣлъ бы, что по крайней мѣрѣ Финчъ ограничивалъ свой принципъ правомъ короля устанавливать подать только для обороны государства. Рѣзкое заявленіе Бёрклея касательно тождественности королевской воли и закона (rex и lex), выдѣляетъ его среди его товарищей въ королевскомъ судѣ.

Грину вообще остается еще много потрудиться; онъ находитъ затруднительнымъ вдаваться въ работу, необходимую для того, чтобъ понять тѣхъ, кого онъ считаетъ орудіями зла. Его характеристикѣ Вентворта не достаетъ простого объясненія, что его планъ снова водворить систему правленія Тюдоровъ, пришелся ко временамъ, когда не было уже болѣе подъ рукою такихъ элементовъ, на которые эта система опиралась и что ему вслѣдствіи этого было суждено по неволѣ сдѣлаться защитникомъ деспотизма, тогда какъ онъ вовсе не имѣлъ подобнаго намѣренія. Однимъ словомъ Гринъ довольно хорошо понимаетъ то, къ чему стремились Пимъ, Кромвель и Мильтонъ. Но цѣли, которыя имѣли въ виду Бэконъ, Страффордъ и Монрозъ остались тайной для его пониманія. Между тѣмъ до тѣхъ поръ, пока онъ этого не пойметъ, настоящая его книга со всѣми ея разнообразными достоинствами будетъ не болѣе, какъ поверхностный очеркъ, который не въ состояніи выдержать испытанія въ виду успѣховъ исторической науки.

Разсмотренный нами третій томъ Грина, хотя на его оберткѣ и помѣщенъ 1688 годъ, доводитъ исторію Англіи до 1683 г., т. е. почти до того времени, съ котораго началъ свой трудъ Леки. О книгѣ

Леки мы уже подробно говорили въ прошлой статьѣ и намъ остается только дополнить нашъ обзоръ указаніемъ на нѣсколько нѣмецкихъ сочиненій, предметъ которыхъ относится къ одному изъ важнѣйшихъ фактовъ англійской исторіи въ эпоху перехода отъ XVII вѣка къ XVIII.

На поворотѣ XVII и XVIII вѣковъ въ центрѣ политическихъ событій стоитъ упроченіе протестанской династіи на престолѣ Англіи посредствомъ перенесенія правъ наслѣдія короны на ганноверскій домъ. Исторія относящихся къ этому дипломатическихъ сношеній и переговоровъ получила въ послѣднее время, благодаря Онно Клопу новое освѣщеніе. Въ изданныхъ имъ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ томахъ сочиненій Лейбница (принимавшаго со стороны ганноверскихъ интересовъ дѣятельное участіе въ вопросѣ англійскаго престолонаслѣдія) напечатано множество документовъ изъ библіотеки и архива города Ганновера. Съ цѣлью очистить Вельфовъ отъ упрека въ томъ, что они намѣренно нарушили принципъ легитимности, отстранивши съ англійскаго престола законную династію, (хотя этотъ фактъ нельзя отвергать), Онно Клопъ въ своемъ введеніи къ VIII тому сочиненій Лейбница доказываетъ, что курфюрстина Софья Ганноверская, имѣвшая право на англійскій престолъ какъ внучка Якова I, въ сущности признавала сына Якова II законнымъ наслѣдникомъ престола, но что король Вильгельмъ III ошибочно призналъ письмо курфюрстины за выраженіе согласія на утвержденіе наслѣдія за ея семьей, и когда англійскій парламентъ въ 1701 г. установилъ закономъ ея право наслѣдія на престолъ, курфюрстина была вынуждена согласиться на это вопреки своему сердечному влеченію. Еще прежде окончанія обширнаго спеціальнаго труда Онно Клопа посвященнаго этому предмету [1]), Отто Мейнардусъ [2]) попытался опровергнуть взглядъ Онно Клопа на отношеніе курфюрстины Софьи къ вопросу объ англійскомъ престолонаслѣдія въ своемъ сочиненіи „Наслѣдованіе ганноверскаго дома въ Англіи и Лейбницъ“. Не приводя новыхъ источниковъ, Мейнардусъ старается доказать невѣрность указаннаго взгляда съ помощью документовъ напечатанныхъ самимъ Онно Клопомъ. Мейнардусъ показываетъ, что Софья Ганноверская—не смотря на личное участіе къ своему двоюродному брату Якову II и его сыну, которое объясняется главнымъ образомъ ея вниманіемъ къ супругѣ Вильгельма III, дочери Якова II,смотрѣла на дѣло Вильгельма III, съ живѣйшей симпатіей какъ на правое дѣло, предпринятое въ пользу религіи и свободы; что наконецъ, какъ то доказываютъ документы ганноверскаго архива, уже въ 1689 г. своими вліятельными связями въ Англіи она способствовала къ утвержденію его права наслѣдія; въ крайнемъ случаѣ можно развѣ допустить лишь

---

[1]) О паденіи Стюартовъ и наслѣдованіи ганноверскаго дома.

[2]) Meinardus. Die Succession des Hauses Hannover und Leibniz.

одно, что послѣ того, какъ не состоялся относившійся сюда билль въ 1689 г. и послѣ того, какъ у другой дочери Якова II, Анны, родился сынъ, герцогъ Глостеръ, можно замѣтить у Софьи относительно ея собственныхъ видовъ на англійскій престолъ, нѣкоторое охлажденіе и недовѣріе, вполнѣ оправдываемое ея годами. Какъ извѣстно, особенно хлопоталъ о томъ, чтобъ курфюрстина не отрѣкалась отъ англійскаго наслѣдства Лейбницъ, на котораго такимъ образомъ по мнѣнію Онна Клопа и падаетъ главная вина за то, что Вельфы стали въ противорѣчіе съ закономъ легитимности. Мейнардусъ однако, убѣдительно объясняетъ, что если бы дѣйствительно курфюрстина имѣла намѣреніе отклонить наслѣдство ради сомнѣній совѣсти, внушаемыхъ ей правами сына Якова II, то дѣятельность Лейбница прежде всего должна была бы быть направлена на устраненіе этихъ сомнѣній посредствомъ утвержденія того мнѣнія, которое признавало сына Якова подмѣненнымъ ребенкомъ; но изъ относящихся къ дѣлу записокъ и статей Лейбница видно, что ничего подобнаго не было. Политическимъ идеаломъ Лейбница было—возстановленіе стариннаго, утраченнаго со времени Генриха-Льва могущества Вельфовъ и потому онъ и игралъ такую видную роль въ интересахъ наслѣдованія ганноверскаго дома; но онъ не расходился въ этомъ съ своей курфюрстиной, которая вовсе не имѣя навязанныхъ ей Онно Клопомъ сомнѣній, наоборотъ съ самаго начала дѣйствовала въ пользу упроченія наслѣдства за своимъ домомъ; а ея позднѣйшее нѣсколько сдержанное поведеніе объясняется неудовольствіемъ противъ интригъ англійскихъ партій и недовѣріемъ къ положенію дѣлъ въ Англіи.

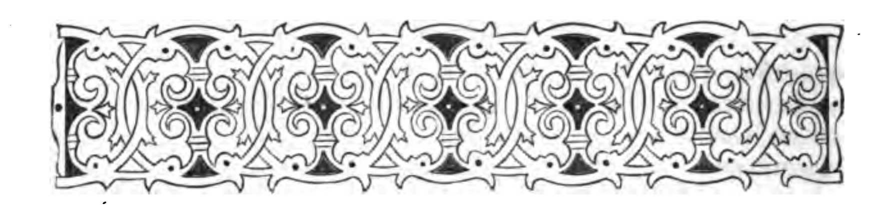
Другое сочиненіе, написанное нѣмецкимъ авторомъ, Шауманомъ, имѣетъ также предметомъ наслѣдованіе ганноверскаго дома въ Англіи, и доводитъ разсказъ до восшествія на престолъ Георга I, но безъ всякой критики взглядовъ другихъ писателей и безъ существенно новыхъ результатовъ. И изъ этого сочиненія явствуетъ, что въ Ганноверѣ душой дѣла объ англійскомъ наслѣдствѣ Вельфовъ — былъ Лейбницъ; изъ приведенныхъ данныхъ о поведеніи курфюрстины Софьи послѣ утвержденія ея правъ на наслѣдованіе особымъ закономъ и свѣдѣній о празднествахъ при ганноверскомъ дворѣ, по случаю доставленія туда грамоты объ этомъ, еще теперь хранящейся въ тамошнемъ архивѣ [1]), достаточно ясно, какъ мало основанія имѣетъ вышеупомянутая гипотеза Онно Клопа въ фактахъ. Для читателей представляетъ особенный интересъ поведеніе ганноверскаго двора по отношенію къ королевѣ Аннѣ, которая послѣ паденія виговъ, какъ извѣстно, была мало склонна къ ганноверцамъ и въ глубинѣ сердца повидимому сочувствовала наслѣдованію престола сыномъ Якова II; но благодаря умной, опять таки внушенной Лейбницемъ, политикѣ

[1]) Geschichte der Erwerbung der Krone Grossbritanniens von Seiten des Hauses Hannover. Schaumann. Hannover.

курфюрстины Софьи и благодаря ловкому поведенію ганноверскаго посланника фонъ-Ботмера, удалось среди борьбы партій виговъ и торіевъ сохранить нейтральное положеніе будущаго королевскаго дома, что очень способствовало послѣ смерти королевы Анны (въ 1714 г.) ганноверскому курфюрсту безъ всякихъ препятствій и затрудненій вступить на англійскій престолъ.

Иф...лъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Драматическій словарь. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г. С.-Петербургъ. 1881 г.

ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ направленіе, которымъ русская литература пробавляется вотъ уже третье десятилѣтіе, лишило наше общество способности объективно относиться къ своему прошлому, какъ недавнему, такъ и отдаленному; русскій читатель хоть и не прочь иногда перелистать какіе-нибудь разсказы о вѣкѣ Екатерины или пробѣжать воспоминанія о временахъ Александра, однако считаетъ обыкновенно долгомъ выражать предубѣжденіе ко всему тому, что изображаетъ наше прошлое съ симпатичной или свѣтлой стороны. Иные писатели уже давно натвердили русской публикѣ, и еще продолжаютъ натверживать до сихъ поръ разнымъ недоучкамъ, что въ нашемъ прошломъ ничего не было хорошаго, ничего воспитывающаго къ добру, и что всю нашу старую жизнь нужно только ненавидѣть или по крайней мѣрѣ забыть, чтобы стать настоящими людьми, годными для будущаго. Такой взглядъ—который мудрено назвать иначе какъ пошлымъ — оказываетъ несомнѣнно вредное вліяніе на успѣхи нашей исторической науки; быть можетъ, количество нашихъ историческихъ изслѣдователей и увеличивается, но качество ихъ работъ далеко не улучшается: изчезло то воодушевленіе, та горячность къ дѣлу, которыми отличались труды по русской исторіи лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, и по мѣрѣ того какъ крупные научные дѣятели стараго времени сходятъ съ поприща дѣятельности, ихъ замѣщаютъ люди меньшей силы, которымъ Богъ знаетъ удастся ли собрать около себя ученую школу. Отрицательное отношеніе къ прошлому вредно и въ томъ еще отношеніи, что оно отвлекаетъ отъ историческихъ занятій такихъ лицъ, для которыхъ научная дѣятельность не составляетъ спеціальной профессіи. Исторіей и всѣми соприкасающимися съ ней отраслями знаній у насъ, занимаются почти исключительно профессора, академики, члены разныхъ официіальныхъ ученыхъ коммиссій; свободныхъ любителей и знатоковъ исторіи, древностей, старинной письменности и литературы у насъ очень мало, мало и собирателей памят-

виковъ древности и старины, которые занимались бы этимъ не по обязанности а по доброй волѣ, по любви къ дѣлу. А между тѣмъ наука можетъ настоящимъ образомъ процвѣтать только тамъ, гдѣ она раздвинула рамки профессіональной дѣятельности, гдѣ ею интересуются и въ разработкѣ ея участвуютъ люди разныхъ профессій и званій, не только официальные специалисты той или другой отрасли знаній, но и простые любители ихъ. Само собою понятно, что такое участіе въ научной дѣятельности со стороны волонтеровъ науки

особенности удобно и желательно въ области отечественной исторіи. Не говоря уже о томъ, что самопознаніе обязательно для всякаго народа, имѣющаго притязаніе называться образованнымъ, и стало быть, для всякаго отдѣльнаго человѣка, который принадлежитъ къ такому народу,—ни въ какой научной отрасли человѣкъ общаго образованія, неспеціалистъ, не можетъ оказать большихъ услугъ наукѣ, какъ въ сферѣ историческихъ знаній. Тутъ уже простое коллекціонерство, собираніе памятниковъ древности и старины, приноситъ пользу; а затѣмъ, не будучи присяжнымъ ученымъ, можно быть знатокомъ своего края, своей мѣстности, можно изучить какую нибудь отдѣльную отрасль древняго быта, старинной культуры, можно собрать большое число фактовъ объ извѣстномъ историческомъ дѣятелѣ, о какой-либо сторонѣ стариннаго быта и высказать о нихъ свои соображенія; быть можетъ, все это будетъ и не строго научно, но все же можетъ освѣтить изслѣдованный предметъ съ какой нибудь новой стороны или по крайней мѣрѣ дастъ матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ. Вотъ въ чемъ можетъ выражаться дѣятельность свободныхъ любителей науки, и вотъ чѣмъ они могутъ служить ей.

Мы вошли во всѣ эти разсужденія по поводу перепечатки стариннаго „Драматическаго словаря“ потому, что, по нашему мнѣнію, изученіе нашей послѣ-петровской литературы принадлежитъ къ числу именно такихъ отраслей знанія, въ которыхъ участіе свободныхъ любителей науки особенно умѣстно и возможно. Тутъ не требуется большихъ филологическихъ познаній, но необходимо прежде всего хорошее библіографическое изученіе предмета; далѣе—необходимо знакомство съ произведеніями западно-европейскихъ литературъ XVIII вѣка—что и само по себѣ и занимательно, и поучительно,—необходимо, разумѣется, знакомство и съ новою русскою исторіей—не только по журнальнымъ статьямъ, а по подлиннымъ источникамъ, которые, впрочемъ, читаются безъ труда и особенныхъ усилій. Но къ сожалѣнію, и исторія новой русской литературы у насъ изучается мало, и въ числѣ ея изслѣдователей и знатоковъ все рѣдѣетъ число такихъ лицъ, какими еще недавно были А. Н. Аѳанасьевъ, Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгиновъ, М. П. Полуденскій, С. А. Соболевскій и др. Поэтому-то нѣтъ у насъ до сихъ поръ ни хорошей русской библіографіи XVIII вѣка, ни дѣльной исторіи русскаго театра, ни біографій многихъ нашихъ писателей. Едва дождались мы недавно библіографическаго труда по старинной нашей журналистикѣ, и едва ли увидимъ окончаніе „Словаря русскихъ писателей“, начатаго покойнымъ Геннади. Будь въ нашей литературѣ эти необходимыя пособія (а въ литературахъ западно-европейскихъ, несравненно обширнѣйшихъ, чѣмъ наша, они давно существуютъ и составляютъ плоды трудовъ именно вольныхъ любителей науки), — и самое изданіе той книги, заглавіе которой поставлено въ началѣ этой замѣтки, вышло бы гораздо лучше и болѣе соотвѣтствовало бы научнымъ требованіямъ,

А между тѣмъ, книга эта очень любопытная и заслуживаетъ полнаго вни-

манія тѣхъ, кто интересуется нашею недавнею стариной. Полное заглавіе ея слѣдующее:

„Драмматической словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Собранной въ Москвѣ въ Типографіи А. А. 1787 года“.

Уже изъ этого заглавія видно отчасти и содержаніе словаря; но чтобы дать о немъ болѣе ясное понятіе, мы прежде всего приведемъ нѣкоторые отрывки изъ самой книги:

„Гостиной дворъ. Опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ, сочинена на Россійскомъ языкѣ путешествующимъ по Италіи крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго Матинскимъ, и на музыку также имъ положена къ крайнему удовольствію нашего времени. Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрелище и нарядной спектакль въ Россійскихъ древнихъ нравахъ приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю Россійскому древнему подъяческую нарядную свадьбу. Характеръ жениха играющій Московскаго Россійскаго театра актеръ г. Залышкинъ совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрелище. Часто сія піеса представляется на Россійскихъ театрахъ какъ въ Санктпетербургѣ такъ и въ Москвѣ. Когда въ перьвой разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ Санктпетербургѣ содержателю вольнаго театра Книперу, то была представлена разъ до пятнатцати сряду, и никакая піеса не дала ему столько прибытка, какъ оная.

„Мельникъ колдунъ. Комическая опера оригинальная въ трехъ дѣйствіяхъ сочиненія г. Аблесимова. Музыка положена изъ Рускихъ пѣсенъ Россійскимъ Московскаго театра музыкантомъ г. Соколовскимъ. Представлена въ первой разъ на Московскомъ театрѣ Генваря 20 дня 1779 года. Сія піеса столько возбудила вниманія отъ Публики, что много разъ съ ряду была играна, и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна съ ряду дватцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія. Напечатана въ Москвѣ въ 1782 году.

„Мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія съ балетомъ въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная господиномъ Молліеромъ, славнымъ Французскимъ Комикомъ, переведена на Россійской языкъ П. С. Представлена въ первой разъ на Россійскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ, въ 1758 году Генваря 25 дня, и по сіе время на россійскихъ театрахъ играна бываетъ къ удовольствію зрителей.

„Примѣчаніе. Во время представленія сей комедіи, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ то пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ, и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ дѣйствующихъ въ интермедіяхъ лицъ, балетовъ, и богатыхъ декорацій, на вольныхъ театрахъ за входъ была двойная противъ обыкновеннаго плата.

„Недоросль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Фонъ-Визина, представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ, Сентября 24 дня 1772 года, на щотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; въ которое время не-

сравнено театръ былъ наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворный актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей; а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена была вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія наполненая замысловатыми изображеніями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ, и почасту на Санктпетербургскомъ и Московскомъ театрахъ была представляема. Напечатана въ Санктпетербургской вольной типографіи у г. Шнора 1783 года.

„Перерожденіе. Опера въ одномъ дѣйствіи, играна въ первой разъ на Московскомъ театрѣ въ 1777 году Генваря 8 дня. Сія опера была изъ первыхъ на Московскомъ театрѣ оригинальныхъ съ музыкою изъ Рускихъ пѣсенъ представленій; напечатана въ Университетской типографіи въ 1779 году.

„Примѣч. Прежде сей оперы никакихъ еще оперъ на Московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную играть рѣшились, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ, между большею комедіею и сею оперою".

Приведенныя выписки даютъ понятіе о характерѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются въ словарѣ. Спѣшимъ, однако, прибавить, что къ сожалѣнію, не всѣ параграфы, посвященные въ этомъ сборникѣ отдѣльнымъ пьесамъ, отличаются такою полнотою извѣстій, какъ статьи выписанные выше; иныя статьи ограничиваются только приведеніемъ заглавія пьесы и указаніемъ, гдѣ она была напечатана и представлена. Не смотря, впрочемъ, на эту неравномѣрность въ составѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ словаремъ, они составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра во второй половинѣ XVIII вѣка.

Словарь даетъ понятіе какъ о составѣ тогдашняго репертуара, такъ и объ отношеніи публики къ представлявшимся піесамъ, дополняя эти свѣдѣнія разными весьма характерными подробностями касательно нравовъ и вкуса тогдашняго общества.

Что же именно на русской сценѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ особенности нравилось публикѣ, и что ей менѣе было по вкусу? Постараемся сгруппировать съ этой точки зрѣнія важнѣйшія свидѣтельства словаря, и они дадутъ намъ довольно опредѣленный отвѣтъ на сейчасъ поставленный вопросъ.

Глава русской драматургіи, Сумароковъ, умеръ за девять лѣтъ до изданія словаря; еще при жизни его у него явилось не малое число послѣдователей, какъ въ трагедіи, такъ, въ особенности на поприщѣ нравоучительной комедіи. Какъ піесы Сумарокова, такъ и его подражателей, еще продолжали исполняться на сценѣ; но по видимому, уже охладѣлъ тотъ восторгъ, съ которымъ онѣ встрѣчены были зрителями при своемъ появленіи. Изъ множества драматическихъ произведеній „отца русскаго театра", по отзыву словаря, особенно горячій пріемъ встрѣчали трагедіи „Дмитрій Самозванецъ", „Синавъ", „Семира", „Мстиславъ", въ которой актриса Трапольская „плѣняла умы зрителей", и небольшая комедія „Приданое обманомъ". Замѣчательно, что именно о большихъ нравоучительныхъ комедіяхъ Сумарокова словарь отзывается холодно. Изъ числа авторовъ трагедій, которыхъ произведенія имѣли успѣхъ на сценѣ одновременно съ Сумароковымъ или

вскорѣ послѣ него, словарь называетъ въ особенности двухъ — Княжнина и Николева; оба они были трагики строгой классической школы, бравшіе по ея обычаю свои сюжеты или изъ классическаго міра, или же изъ древней русской исторіи. По видимому, однако, публика утомлялась ходульностью піесъ этого рода и предпочитала имъ трагедію или драму мѣщанскую. Такъ называли тогда трагическія пьесы, содержаніе которыхъ заимствовано не изъ героическаго міра, а изъ простой общественной среды: очевидно, эта среда, съ ея радостями и горемъ, была доступнѣе пониманію зрителей, чѣмъ обычная обстановка трагедіи строго-классической. Одною изъ первыхъ пьесъ „мѣщанскаго" типа, представленныхъ на русской спенѣ, была комедія Фальбера Фальбриджа, переведенная подъ заглавіемъ „Честной преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь". Она была играна на московскомъ театрѣ въ первый разъ въ 1771 году, а напечатана въ Петербургѣ въ 1772 году. Словарь отзывается о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Самъ авторъ сея комедіи сказываетъ, что взялъ ее изъ Поетики г. Мармонтеля, что служило ему основаніемъ и подкрѣпляло его трудъ больше то, что сія матерія есть истинная, приключившаяся въ 1756 году. Больше бы сію драмму назвать должно Мѣщанскою трагедіею благополучно кончившеюся. Сколь она почтенна на Россійскихъ театрахъ, каждой охотникъ извѣстенъ, паче же славной нашъ придворной Россійской актеръ г. Дмитревской къ пущей красотѣ піесы изобразилъ первой характеръ въ чрезвычайности". Очевидно, успѣхъ этой драмы побудилъ Дмитревскаго заняться переводомъ другой мѣщанской трагедіи „Беверлей", которая и была поставлена въ Петербургѣ, въ 1772 году. „Сія трагедія часто играется на Московскомъ театрѣ съ похвалою", замѣчаетъ о ней нашъ словарь спустя пятнадцать лѣтъ послѣ ея постановки. Вообще, въ теченіи 70-хъ и 80-хъ годовъ число мѣщанскихъ драмъ, большею частію переводныхъ, а впрочемъ, иногда и оригинальныхъ, продолжало умножаться въ русской литературѣ и на сценѣ,и въ ряду этихъ пьесъ, перечисленныхъ въ словарѣ, мы находимъ, между прочимъ, произведенія такихъ авторовъ, какъ Бомарше („Евгенія"), Вольтеръ („Нанина"), Лессингъ („Эмилія Галлоти") и др.

Далѣе „Драматич скій словарь" свидѣтельствуетъ о сочувствіи зрителей къ такимъ піесамъ, въ которыхъ обрисовывался русскій бытъ, хотя бы только съ внѣшней стороны. Мы уже видѣли, что этимъ именно объясняется тайна успѣха „Гостинаго Двора" и „Мѣльника". Словарь хвалитъ еще нѣсколько сценическихъ произведеній въ томъ же родѣ; таковы комедія Соколова: „Выдуманный кладъ", драма Николева „Розана и Любимъ" и комедія „Чадолюбіе"; о послѣдней, напримѣръ, словарь замѣчаетъ, что она написана „на нравы національные" и наполнена „какъ множествомъ шутокъ, такъ и острыми словами". Должно впрочемъ замѣтить, что въ подобныхъ піесахъ, по видимому, вовсе не особенно цѣнился элементъ сатирическій,—словарь упоминаетъ о немъ очень рѣдко,—и потому мы склонны думать, что самый „Недоросль", по крайней мѣрѣ для большинства публики, представлялъ интересъ, не столько мѣткостью своей сатиры, сколько своими комическими положеніями и характерами; на это намекаетъ, въ приведенномъ выше отзывѣ словаря о „Недорослѣ", указаніе на забавную роль няньки.

Большимъ успѣхомъ пользовались—по свидѣтельству словаря—комическія оперы; ихъ перечислено въ этомъ сборникѣ весьма значительное количество, и между ними встрѣчаются какъ переводныя такъ и оригинальныя, напи-

санныя въ подражаніе „Мельнику“ Аблесимова. Эти послѣднія въ особенности, плѣняли тогдашнюю публику какъ соединеніемъ драмы съ музыкой, такъ и тѣмъ, что заимствовали свое содержаніе изъ русскаго быта; притомъ и музыка для нихъ также нерѣдко бралась „изъ россійскихъ пѣсенъ“. Въ числѣ любимѣйшихъ оперъ встрѣчаемъ одну, въ которой были соединены всѣ эти условія, и для которой сверхъ того, требовалась блестящая постановка; это „Яга-Баба“, князя Дм. Горчакова. „Оная опера“, говоритъ о ней словарь,—„довольно забавна въ разсужденіи феи бабы-яги, какъ страннымъ своимъ одѣяніемъ и ѣздою въ ступѣ, такъ и разными въ оной оперѣ перемѣнами и декораціями“.

Вотъ нѣсколько заключеній, которыя мы извлекли изъ сообщеній „Драматическаго словаря“, далеко впрочемъ не исчерпавъ его содержанія. Едва ли будетъ ошибочно сказать, основываясь на этихъ данныхъ, что театръ представлялъ для тогдашняго общества только забавное зрѣлище, и ничего болѣе.

Въ заключеніе скажемъ и о самомъ изданіи „Драматическаго Словаря“ въ новой его перепечаткѣ. Съ внѣшней стороны новое изданіе очень исправно: старая книжка перепечатана буквально, строка въ строку, и даже шрифтъ подобранъ нѣсколько похожій на старинный. Но нельзя не пожалѣть, что къ этой перепечаткѣ не приложено никакихъ объясненій, ни вводной статьи, ни указателя собственныхъ именъ, которыхъ въ словарѣ великое множество. Впрочемъ, спасибо издателю и за простую перепечатку, такъ какъ „Драматическій словарь“ 1787 года уже давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Л. М.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томы IV и V. СПБ. 1881.

Предпринятое графомъ С. Д. Шереметевымъ прекрасное изданіе сочиненій покойнаго князя Вяземскаго, о которомъ мы уже говорили въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ продолжается. Вышедшіе теперь два новые тома составлены съ такимъ же вниманіемъ и знаніемъ редакціоннаго дѣла, какъ и первыя части этого роскошнаго изданія. Въ IV томѣ собраны стихотворенія, писанныя поэтомъ въ періодъ 1828 — 1852 г., а въ V томѣ помѣщена извѣстная монографія покойнаго „Фонвизинъ“, изданная въ свѣтъ въ 1848 году. При отзывѣ о первыхъ томахъ этого полнаго собранія, мы высказали свое мнѣніе о свойствахъ и характерѣ поэтическаго таланта князя Вяземскаго и теперь прибавимъ только, что съ лѣтами талантъ его не только не слабѣлъ, но развивался лучшими своими сторонами. Патріотическое настроеніе князя Вяземскаго, замѣтное и въ первыхъ его стихахъ, постоянно крѣпло и проявлялось въ болѣе ясномъ и опредѣленномъ воззрѣніи, а неистощимая его веселость и остроуміе не переставали выражаться въ самыхъ живыхъ формахъ. Вяземскій—единственный у насъ представитель свѣтской поэзіи, какою богата была французская литература, но его пѣсни при своей легкой игривости всегда блещутъ оригинальной мыслью и согрѣты неподдѣльнымъ чувствомъ. Особенной теплотою и задушевностью отличаются тѣ его стихотворенія, въ которыхъ онъ, при болѣе или менѣе продолжительныхъ поѣздкахъ заграницей, вспоминаетъ о Россіи и родныхъ обычаяхъ, или которыя посвящаетъ памяти людей ему близкихъ и доро-

гихъ. Съ какимъ искреннимъ и горячимъ чувствомъ, при извѣстіи о смерти Пушкина, выражаетъ онъ скорбь,

Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

Критика наша, во время преобладанія такъ называемаго западничества, обвиняла князя Вяземскаго въ ретроградныхъ идеяхъ, заподозривала его въ нерасположеніи къ европейскому просвѣщенію и западной цивилизаціи, въ исключительной приверженности къ старинѣ и давно отжившимъ порядкамъ, въ узкомъ патріотизмѣ и даже въ почитаніи „вдохновительнаго кнута". Вырывая отдѣльныя фразы изъ такихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Памяти живописца Орловскаго", рецензенты наши увѣряли, будто Вяземскій вздыхаетъ о темныхъ временахъ Домостроя, предпочитаетъ головоломную ямскую телѣжку европейскому дилижансу и вагону, и поетъ хвалы былому безправію. Но всѣ эти несправедливыя обвиненія сами собою падаютъ, когда мы спокойно вглядимся въ настоящій смыслъ такихъ заподозрѣнныхъ стихотвореній, отдѣлимъ въ нихъ шутку отъ серьезной мысли, и поставимъ на ряду съ ними тѣ пьесы поэта, въ которыхъ онъ является жаркимъ поборникомъ европейской науки и искусства и восторгается всѣмъ, что считаетъ здоровымъ и полезнымъ для насъ въ западной цивилизаціи. Если иногда слышится у него какъ будто насмѣшка надъ современнымъ прогрессомъ, то это вовсе не отъ вражды къ нему, а отъ того оригинальнаго склада ума, который къ самымъ серьзнымъ предметамъ относился иногда съ игривой и остроумной шуткой. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько куплетовъ изъ стихотворенія „Нашъ вѣкъ":

Нашъ вѣкъ насъ освѣщаетъ газомъ
Такъ, что и въ солнцѣ нужды нѣтъ;
Парами насъ развозитъ разомъ
Изъ края въ край чрезъ цѣлый свѣтъ.

А телеграфъ, всемірный сплетникъ,
И лжи и правды проповѣдникъ,
Совѣтникъ, чаще злой навѣтникъ,
Далъ новый складъ намъ и языкъ.

Смышленъ, хитеръ ты, вѣкъ; безспорно,
Никто изъ братіи твоей,
Какъ ты, не рыскалъ такъ проворно,
Не зажигалъ такихъ огней.

Что-жъ проку? Свесть ли безъ пристрастья
Нашъ человѣческій итогъ?
Не тѣ же-ль немощи, несчастья
И дрязги суетныхъ тревогъ?

Что князь Вяземскій, при глубокой любви ко всему родному, не былъ зараженъ исключительнымъ патріотизмомъ, это лучше всего видно изъ его сочиненія о Фонвизинѣ. Въ настоящее время книга эта, въ тѣхъ частяхъ ея,

гдѣ авторъ касается общаго хода нашей литературы, во многихъ отношеніяхъ далеко уже не удовлетворяетъ современному положенію науки; но въ оцѣнкѣ значенія самого Фонвизина и въ разборѣ его сочиненій, Вяземскій представляетъ такъ много вѣрныхъ взглядовъ и тонкой наблюдательности, что мнѣнія его до сихъ поръ служатъ лучшей характеристикой таланта и дѣятельности автора „Бригадира" и „Недоросля". Мы не будемъ разбирать этихъ критическихъ мнѣній, такъ какъ онѣ давно уже извѣстны всей образованной публикѣ, а напомнимъ только объ отзывахъ князя Вяземскаго о заграничной перепискѣ Фонвизина. Въ этихъ отзывахъ вполнѣ видно, насколько онъ былъ чуждъ узко-патріотическаго пристрастія, въ которомъ обвиняла его наша критика. Скорѣе можно упрекнуть въ такомъ пристрастіи автора „Бригадира", а не составителя посвященной ему монографіи. Извѣстно, что Фонвизинъ, частію вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія во время путешествія, а отчасти отъ самаго склада его сатирическаго ума, смотрѣлъ на европейское общество съ одной только отрицательной стороны и изъ отдѣльныхъ темныхъ фактовъ выводилъ общія заключенія, часто весьма одностороннія и несправедливыя. Князь Вяземскій, при всей любви и уваженіи къ таланту нашего комика, энергически обличаетъ неправильность и фальшивость его взгляда и горячо отстаиваетъ европейское общество отъ пристрастныхъ обвиненій своего желчнаго соотечественника. При этомъ онъ выражаетъ самое глубокое уваженіе къ европейскому просвѣщенію и западной цивилизаціи, и, опровергая огульныя нападки Фонвизина, называетъ ихъ „кощунствомъ надъ человѣчествомъ, сухимъ и холоднымъ злословіемъ". Съ особеннымъ жаромъ отстаиваетъ онъ французскую литературу и ея авторитетныхъ представителей: Дидро, Мармонтеля, Вольтера, которыхъ нашъ пристрастный путешественникъ поголовно называлъ шарлатанами. Вообще, князя Вяземскаго скорѣе можно было бы заподозрѣть не въ слѣпомъ руссофильствѣ, а въ нѣкоторомъ космополитизмѣ. Такъ, приводя мнѣніе Карамзина, что „все народное ничто предъ человѣческимъ, надо быть людьми, а не славянами", князь Вяземскій говоритъ: „это истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости". Но если бы кто вздумалъ выводить изъ подобныхъ строкъ заключеніе объ отсутствіи въ немъ русскаго народнаго чувства, тотъ былъ бы также несправедливъ, какъ и люди, обвинявшіе его въ узкомъ патріотизмѣ. Всѣ сочиненія князя Вяземскаго ясно доказываютъ, что онъ былъ чуждъ односторонности, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону.

Примѣчанія въ концѣ томовъ составлены очень внимательно и не обременяютъ изданія лишними мелочами.

А. М.

Эллада и Римъ; культурная исторія классической древности. Якова Фальке. Двѣнадцать выпусковъ. Спб. 1881.

Иллюстрированныя изданія, посвященныя древнеклассическому міру, въ настоящее время за границей въ большомъ ходу. Безъ сомнѣнія развитію вкуса къ подобнымъ изданіямъ содѣйствовали съ одной стороны успѣхи классическаго языкознанія вообще—особенно замѣтные въ послѣднее десятилѣтіе—а съ другой необыкновенно важныя по своимъ результатамъ раскопки, произведенныя Шлиманомъ. Нѣтъ нужды, конечно говорить, что, придавая важ-

ное значеніе подобнаго рода изданіямъ, мы разумѣемъ при этомъ читающую публику, а не спеціалистовъ, изучающихъ древнеклассическій міръ по профессіи. Если послѣдніе не имѣютъ нужды въ рисункахъ для яснаго представленія тѣхъ или другихъ явленій изъ области античнаго міра, то для читателя, желающаго пріобрѣсти наглядное знакомство съ древностью, подобнаго рода иллюстраціи имѣютъ ничуть не меньше важное значеніе, чѣмъ географическія карты и глобусы при изученіи географіи. Сочиненіе, заглавіе котораго мы сейчасъ привели и которое въ настоящее время выходитъ выпусками на русскомъ языкѣ, принадлежитъ извѣстному знатоку классической древности, Якову Фальке. Авторъ задался цѣлью—представить не спеціально ученое, а популярное сочиненіе, посвященное античному міру и назначенное исключительно для образованной публики. Нѣсколько замѣчательныхъ художниковъ-живописцевъ соединили свои труды и таланты для нагляднаго объясненія текста рисунками, и такимъ образомъ явилось въ свѣтъ литературно-художественное изданіе въ родѣ маленькой энциклопедіи древности. Все сочиненіе распадается на два отдѣла. Первый представляетъ внѣшнюю, политическую исторію Греціи въ сжатомъ очеркѣ; (очерки Рима будутъ заключаться въ слѣдующихъ выпускахъ) второй—культурную, общественную жизнь древней Эллады. Мы не будемъ останавливаться на первой, такъ какъ политическая исторія каждой страны, больше или меньше, одна и таже во всѣхъ курсахъ, но вотъ предметы, съ которыми знакомитъ насъ авторъ въ отдѣлѣ культурной исторіи Греціи: I. Воспитаніе у древнихъ грековъ (въ Аѳинахъ и Спартѣ, мальчиковъ и дѣвочекъ). II. Наружность, одежда, косметики. III. Женщины. IV. Домъ, домашняя утварь, прислуга. V. Гостепріимство и столъ. VI. Общественная жизнь. VII. Гимнастика и состязанія. Какъ на образчикъ прекраснаго, оживленнаго изложенія, мы укажемъ на 3 главу второго отдѣла, въ которой авторъ представляетъ намъ разнообразные типы древней гречанки. Женщина героическаго вѣка, положеніе ея въ вѣкъ историческій, какъ жены и матери, наконецъ знаменитыя кокотки древней Эллады — гетеры въ родѣ Аспазіи, Лаисы, Фрины—все это представлено у автора въ сжатыхъ, но весьма оживленныхъ чертахъ. Къ существеннымъ достоинствамъ сочиненія Фальке нужно отнести и то, что авторъ хотя не особенно подробно, но тѣмъ не менѣе знакомитъ насъ со всѣми новѣйшими раскопками и находками въ Олимпіи, Танагрѣ, Микенахъ, Троѣ и пр. Мы сказали, что сочиненія, подобныя разбираемому нами, въ высшей степени полезны для неспеціалистовъ, желающихъ изучить античный міръ. Нужно ли говорить, что они по преимуществу полезны нашему образующемуся поколѣнію?

Ученикъ гимназіи пріобрѣтаетъ изъ курса древней исторіи больше или меньше полное и связное знаніе фактовъ политической исторіи Греціи и Рима. Онъ усвояетъ имена, послѣдовательность и хронологію событій. Но исторія древней культуры почти всегда остается въ сторонѣ. А между тѣмъ, читая древнихъ писателей, ученикъ поминутно встрѣчается съ такими вещами, пониманіе которыхъ необходимо требуетъ знакомства съ культурной жизнью древнихъ. Можетъ ли возбуждать въ немъ интересъ греческій храмъ, гимназія, портикъ, палестра, наконецъ бурная, шумная жизнь аѳинской агоры—если въ большинствѣ случаевъ онъ знакомъ со всѣмъ этимъ очень поверхностно? Преподавать греческія и римскія древности въ гимназіи, или исторію греческаго искусства, при обширности нашихъ гимназическихъ курсовъ, конечно немыслимо. Но сообщите ученику знакомство со всѣмъ этимъ въ по-

пулярномъ сочиненіи, предназначенномъ для домашняго чтенія, украсьте книгу изящными гравюрами, и вы непремѣнно заставите его полюбить красоту античнаго міра, а слѣдовательно разовьете въ немъ любовь и заохотите къ изученію древнихъ литературъ.

Дм. Лебедевъ.

Четыре очерка И. А. Гончарова. СПБ. 1881.

Изъ четырехъ очерковъ г. Гончарова, три: „Литературный вечеръ", „Милльонъ терзаній" и „Лучше поздно, чѣмъ никогда" уже извѣстны нашей публикѣ: первый и послѣдній изъ нихъ были напечатаны недавно въ „Русской Рѣчи" и не прошли незамѣченными въ нашей литературѣ, а второй увидѣлъ свѣтъ еще въ 1872 году (въ „Вѣстникѣ Европы") и подписанный только начальными буквами имени и фамиліи автора, кажется, обратилъ на себя вниманіе лишь очень немногихъ читателей. Поэтому мы остановились только на немъ, да на четвертомъ очеркѣ:—„Замѣтки о личности Бѣлинскаго", тѣмъ болѣе, что эти два очерка имѣютъ наиболѣе интереса въ историко-литературномъ отношеніи.

Извѣстно, что Пушкинъ, дѣлая въ одномъ частномъ письмѣ оцѣнку комедіи „Горе отъ ума", отозвался не особенно лестно объ ея героѣ. „Что такое Чацкій? спрашиваетъ онъ.—Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно, Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго раза знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п." (Анненковъ, матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 123). Это мнѣніе, сдѣлавшись общественнымъ, было принято у насъ почти что всѣми, и предложенный Пушкинымъ вопросъ: „что такое Чацкій", считался уже рѣшеннымъ и потому обыкновенно обходился критиками. Г. Гончаровъ подвергъ его рѣшеніе пересмотру, результатъ котораго оказывается очень благопріятнымъ для Чацкаго. „Чацкій, говоритъ авторъ въ очеркѣ „Милльонъ терзаній", не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроумьемъ. У него есть и сердце, и при томъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ... Какъ личность, онъ несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ паразиты, изумительно начертанныя великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ,—и въ этомъ все его значеніе и весь умъ" (стр. 144). И Онѣгинъ и Печоринъ, по мнѣнію Гончарова, оказались неспособными къ дѣлу, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло; они презирали праздное барство, но не хотѣли и не могли съ нимъ бороться, и ихъ недовольство жизнію не мѣшало имъ ни рисоваться передъ другими, ни упражняться въ „наукѣ страсти нѣжной". Чацкій, напротивъ того, серьезный дѣятель, думающій объ наукѣ и занятіяхъ, не знающій

„тоскующей лѣни“ и „праздной скуки“ и умѣющій любить серьезно, не для одного препровожденія времени. Что же за причина его страннаго поведенія въ домѣ Фамусова? Тѣ раздраженія, отвѣчаетъ авторъ,—тотъ „мильонъ терзаній“, къ которымъ поводъ былъ данъ холодностью и скрытностью Софьи; „подъ ихъ вліяніемъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ—роль, для которой и родилась вся комедія“ (стр. 147). „Мильонъ терзаній“ утомилъ, ослабилъ Чацкаго; онъ пересталъ владѣть собою, впалъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи, чѣмъ и подтвердилъ во мнѣніи гостей распущенный Софьею слухъ о его сумашествіи. Но эта странность его поведенія и совершенное неприличіе послѣдней сцены въ сѣняхъ, выкупаются, по мнѣнію г. Гончарова, тою пользою, которую они принесли: черезъ нихъ Софья сознала слѣпоту своего чувства къ Молчалину и ясно увидѣла все нравственное ничтожество своего любовника; покой Фамусова былъ возмущенъ, и онъ по неволѣ долженъ былъ подумать о томъ, о чемъ прежде ему и въ голову не приходило. Молчалинъ послѣ сцены въ сѣняхъ не могъ уже оставаться прежнимъ Молчалинымъ; его узнали и ему, какъ пойманному вору, пришлось прятаться за уголъ, и т. д.“

Нельзя не сказать, что такое объясненіе личности Чацкаго и его поступковъ бросаетъ новый свѣтъ на самый литературный талантъ Грибоѣдова.

„Замѣтки о личности Бѣлинскаго“ представляютъ характеристику нашего талантливаго критика на основаніи личныхъ воспоминаній г. Гончарова. „Это была, говоритъ онъ, одна изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ“ (стр. 185). Отличительная черта Бѣлинскаго—его необыкновенная способность увлекаться: онъ увлекался всѣмъ, что только давало пищу увлеченію, и увлекалъ за собою другихъ, но не на долго. „Переживъ впечатлѣніе въ самомъ себѣ, истративъ на него потоки болѣе или менѣе горячихъ печатныхъ или изустныхъ импровизацій, онъ потомъ оставался ему вѣренъ уже не въ той долѣ правды, какую онъ видѣлъ въ пылу увлеченія, а какая дѣйствительно была въ немъ“ (стр. 187). Этимъ то и объясняется то обстоятельство, что отъ хвалебныхъ гимновъ онъ нерѣдко переходилъ въ другой, противуположный тонъ и осыпалъ сарказмами то, чѣмъ прежде восхищался.

А. С—скій.

Сборникъ Археологическаго Института. Книга четвертая. Спб. 1880 г.

Содержаніе этого изданія дѣлается съ каждымъ выпускомъ разнообразнѣе и интереснѣе. Первая его книга была почти цѣликомъ наполнена сырымъ матеріаломъ, четвертая, напротивъ, полна изслѣдованій и замѣтокъ. Здѣсь есть статьи и для юриста, и для археолога въ тѣсномъ значеніи, и для историка, и для историка литературы, да и для всѣхъ, интересующихся исторіей своей родины и быта. По рѣдкости у насъ руководящихъ статей по археологіи, цѣнную попытку представляетъ статья пр. Н. Покровскаго, опредѣляющая предметъ, задачи и объемъ археологіи и ея отношеніе къ исторіи. Авторъ знакомитъ насъ съ рѣшеніями этого вопроса, предложенными г. Забѣлинымъ и

гр. Уваровымъ, но окончательное рѣшеніе откладываетъ до слѣдующаго раза. Изъ статьи извѣстнаго знатока русской метрологіи Д. И. Прозоровскаго о кунныхъ цѣнностяхъ оказывается, что куны вовсе не были кожанными деньгами. Наша гривна кунъ ничто иное, какъ счетный фунтъ серебра 40 пробы, происходящій, вѣроятно, отъ византійскаго русскаго аргирія (серебряника). Только съ конца XIII вѣка, съ утвержденія татаръ, появляются деньги и самое ихъ названіе—какъ цѣнность чистаго серебра, и гривна серебра начинаетъ называться рублемъ. Статья г. Лялина о „Витебскомъ архивѣ бывшаго генералъ-губернаторства" сообщаетъ о новыхъ матеріалахъ для исторіи уніи и мѣръ русской администраціи за тридцатые и сороковые года нашего вѣка. Пр. Барсовъ въ слѣдующей затѣмъ статьѣ разбираетъ вопросъ объ авторѣ посланія къ Іоанну Грозному въ сильвестровскомъ сборникѣ библіотеки с.-петербургской духовной академіи. Опровергая высказанныя до сихъ поръ мнѣнія, пр. Барсовъ предполагаетъ, что авторомъ посланія былъ Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ ростовскій. Разработкѣ древней русской географіи посвящена статья г. Оглоблина о Полоцкомъ повѣтѣ въ XVI вѣкѣ; начало ея помѣщено было въ третьей книгѣ. Къ статьѣ приложена превосходная карта повѣта въ XVI вѣкѣ. Отмѣтимъ также описаніе Бѣлогостицкаго монастыря г. Гаврилова и замѣтку о чертежахъ XVII вѣка города Архангельска съ хромолитографическимъ снимкомъ этого чертежа. Изображенія церквей, раскатовъ и башенъ интересны для исторіи русскаго искусства. Г. Даниловъ, въ статьѣ о древнихъ русскихъ юридическихъ символахъ, касается той области, которая у насъ была затронута только одною рѣчью пр. Калмыкова въ сороковыхъ годахъ. Еще въ XI вѣкѣ есть упоминаніе объ одномъ изъ такихъ символахъ при передачѣ земли: „дрьнь (дернъ) въ скроудць на главѣ покладая присягу творить". Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ статей, въ Сборникѣ помѣщены замѣтки о свайныхъ постройкахъ г. Черкасова и г. Мейчика о книгѣ Загоскина: „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича". Институтъ обѣщаетъ сдѣлать новое и научное изданіе уложенія, въ чемъ и пожелаемъ ему искренне успѣха. Вообще, работы института (учрежденія, замѣтимъ, частнаго) представляютъ хотя и небольшой, но тщательно разработываемый вкладъ въ науку русской археологіи, о которой нынѣ много толкуютъ, но для которой мало работаютъ.

И. Ш.

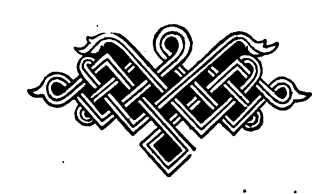
Древности Суздальско-Владимірской области. Выпускъ I. Владиміръ. 1880 г.

Немногіе у насъ статистическіе комитеты занимаются изученіемъ мѣстныхъ древностей и не потому, конечно, чтобъ не находилось на то средствъ, но въ большинствѣ случаевъ просто по недостатку въ подготовленныхъ для такого дѣла силахъ и доброй воли. Владимірскій губернскій комитетъ принадлежитъ къ этимъ немногимъ и въ помянутомъ отношеніи былъ поставленъ до сихъ поръ въ счастливыя условія, пользуясь услугами такого ретиваго труженика по изученію памятниковъ мѣстной старины и знатока своего дѣла, какимъ былъ недавно скончавшійся секретарь его К. Н. Тихонравовъ. Ему же, вмѣстѣ съ г. Артлебеномъ, обязаны археологи составленіемъ описанія

древностей, сохранившихся въ памятникахъ зодчества въ предѣлахъ Владимірской губерніи.

Первый опытъ такого предпріятія, заключающійся въ вышеприведенномъ изданіи, вышелъ вполнѣ удачнымъ. Въ составъ его входитъ общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области, сдѣланный г. Артлебеномъ. Это цѣлая монографія, свидѣтельствующая о большой эрудиціи по части археологіи, не говоря уже о спеціальныхъ познаніяхъ автора, какъ архитектора. Въ особенности архитектура храмовъ XII—XIII в. въ Суздальской области полно обслѣдована авторомъ. Выводы изъ этого изслѣдованія тѣмъ болѣе любопытны, что сдѣланы со всевозможнымъ соблюденіемъ научной осторожности. По мнѣнію автора, суздальское зодчество составилось изъ элементовъ византійскихъ, принесенныхъ въ Ростовъ и Суздаль мастерами греческими или кіевскими въ XI-мъ вѣкѣ и изъ элементовъ романскихъ, приспособленныхъ къ византійскимъ формамъ западными мастерами. Приспособленіе было такъ удачно, что въ памятникахъ оба элемента сливаются въ одно самостоятельное и оригинальное цѣлое. Суздальскіе памятники, отличаясь своей внѣшностью отъ чисто византійскихъ и формой отъ чисто романскихъ, имѣютъ много общаго съ произведеніями обоихъ соединившихся въ нихъ стилей. Суздальскіе памятники выдѣляются изъ прочихъ русско-византійскихъ обиліемъ скульптурныхъ украшеній, особенно изваянными изображеніями святыхъ. Въ XIII-мъ вѣкѣ дѣлается замѣтнымъ вліяніе образовавшихся русскихъ мастеровъ. Искусство ваянія человѣческихъ фигуръ, введенное романскими мастерами, находилось на пути къ усовершенствованію; но, будучи остановлено татарскимъ погромомъ, впослѣдствіи уже не возникало. Долговѣчная прочность построекъ и чистота ихъ отдѣлки, по словамъ г. Артлебена, доказываютъ искусство мастеровъ суздальской школы зодчества. Если бы существованіе этой школы не было внезапно и навсегда прервано, то русскіе въ концѣ XV-го вѣка не имѣли бы ни малѣйшей надобности снова учиться у иноземцевъ техникѣ каменнаго дѣла. За этимъ описаніемъ возникновенія и составныхъ элементовъ русскаго церковнаго зодчества слѣдуетъ, историко-археологическое обозрѣніе памятниковъ древности, уцѣлѣвшихъ до нынѣ во Владимірской губерніи съ половины XII-го вѣка, начиная съ княженія Юрія Владиміровича Долгорукова. Обозрѣніе начато К. Н. Тихонравовымъ и пока въ разсматриваемомъ выпускѣ ограничивается описаніемъ Спасо-Преображенскаго собора въ Переяславѣ-Залѣсскомъ и Борисоглѣбской церкви въ Кидекшѣ близь Суздаля. Можно надѣяться, что предпріятіе Владимірскаго комитета не остановится на одномъ выпускѣ и будетъ доведено до конца нынѣшнимъ преемникомъ Тихонравова.

Ѳ. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Лодка.

(Простонародная святочная игра).

Я ХОЧУ разсказать читателямъ объ одной простонародной сценической забавѣ, которая едва ли многимъ изъ нихъ извѣстна и, кажется, до меня никѣмъ еще не была записана [1]).

Забава эта, имѣющая мѣсто на святкахъ, въ дни ряженья, состоитъ изъ сценическаго представленія, называемаго именно „Лодкой“, такъ какъ лодка играетъ тутъ дѣйствительно большую роль. „Лодкой“ тѣшатся въ Петербургѣ мастеровые и фабричные, хотя, кажется, немногіе изъ нихъ. Большинству она мало извѣстна, да и съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ новыхъ модъ и вкусовъ, забывается и тѣми, которые ее знали когда нибудь. Я видѣлъ и записалъ эту игру въ Петербургѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что она извѣстна и въ другихъ центрахъ великорусскаго промыслово-городскаго населенія. Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ одной, забытой теперь, „господской“ забавой, имѣвшей мѣсто на холостецкихъ пирахъ студентовъ, помѣщиковъ, военныхъ и у цыганъ, гдѣ тоже фигурируетъ лодка, и именно при хоровомъ исполненіи пѣсни: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“.

Хотя описываемая здѣсь игра есть тоже, въ сущности, драматизированная—„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ и носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой книжности и пошлой искусственности, но она существенно разнится отъ вышепомянутой „господской“ забавы гораздо большимъ драматическимъ развитіемъ, большей сценичностью и несомнѣннымъ присутствіемъ чисто народнаго творчества, только уже новѣйшей припорченной фармаціи. Быть можетъ, это—

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сообщилъ мой списокъ нашему извѣстному этнографу, уважаемому С. В. Максимову, и онъ тогда помѣстилъ въ редактируемыхъ имъ „Вѣд. Спб. Град.“ небольшую по этому предмету замѣтку, сколько позволяла программа этой газеты. Здѣсь я передаю мой списокъ вполнѣ, не стѣсняясь и въ соотвѣтствующихъ комментаріяхъ. *Авт.*

одинъ изъ зачатковъ русской народной драмы, какъ извѣстно, не доразвившейся естественно-самостоятельнымъ путемъ до своихъ самородныхъ Софокловъ и Аристофановъ.

Построенная на пѣснѣ—всѣмъ русскимъ пѣснямъ пѣснѣ, игра эта носитъ вполнѣ народный колоритъ и дышетъ поэзіей народной традиціонной „старины", съ проблесками удали и юмора, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ другихъ продуктахъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества.

Извѣстно, что „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ"—пѣсня „разбойничья", т. е. относящаяся къ циклу пѣсенъ знаменитой волжской „вольницы", глубокими, неизгладимыми чертами запечатлѣвшейся въ народной памяти и ею опоэтизированной. Пѣсня народная вообще относится не отрицательно къ „вольницѣ": она въ этомъ пунктѣ объективна и скорѣй сочувственна, что объясняется важными историческими причинами.

Это-то характеристическое отношеніе народной памяти къ „лихимъ людямъ" временъ давнопрошедшихъ, проглядываетъ и въ нашей святочной „Лодкѣ". Все ея содержаніе взято изъ похожденій волжской „вольницы", со всѣмъ ритуаломъ ея организаціи; всѣ ея дѣйствующія лица—„добры молодцы—разбойнички", со всею своей іерархіей.

Представленіе „Лодки" происходитъ обыкновенно такъ. Нѣсколько парней, по числу дѣйствующихъ лицъ, сговорившись между собою, разъучиваютъ свои роли и подготовляются. На святкахъ, собравшись въ соотвѣтствующихъ роли каждаго костюмахъ, отправляются вечеромъ, на правахъ ряженыхъ, по знакомымъ, разумѣется, выбирая такіе дома, гдѣ можно разсчитывать на гостепріимство и хлѣбосольство. Придя въ домъ, просятъ у хозяевъ позволенія показать свое представленіе и, получивъ его, безотлагательно начинаютъ игру Ни декорацій, ни кулисъ, ни иныхъ сценическихъ приспособленій, имъ не надобно: все нужное у нихъ съ собою. Войдя въ комнату, они становятся въ кругъ, по заранѣе составленному плану, и этимъ образуютъ сценаріумъ, соотвѣтственно мѣсту и ходу дѣйствія.

Дѣйствіе происходитъ среди Волги, на всемъ ея раздольѣ, и, какъ поется въ пѣснѣ, на „хорошо изукрашенномъ кораблѣ", на кормѣ котораго „сидитъ атаманъ съ ружьемъ", на носу „сидитъ есаулъ съ багромъ"; посреди корабля—„золота казна" и т. д.!

Дѣйствующія лица: **атаманъ, есаулъ, егерь, хозяинъ „Красненькаго кабачка, казаки, гребцы.**

Картина I.

Атаманъ. Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй! Не скоро подходишь, не весело говоришь: голову сниму и въ грязь втопчу!

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Спой мнѣ любимую пѣсню.

Есаулъ. Знаю, атаманъ! (запѣваетъ; хоръ его подхватываетъ:

„Ты дѣтинушка, сиротинушка!
Безъ отца ты взросъ и безъ матери;
Что вспоилъ, вскормилъ тебя православный міръ,
Возлелѣяла Волга-матушка" и т. д.

(Исполняется вся цѣликомъ хорошо извѣстная удалая, „разбойничья" пѣсня, приписываемая Стенькѣ Разину. Конечно, въ пѣніи нашихъ артистовъ она является въ нѣсколько искаженномъ видѣ, но ужъ безъ этого нельзя).

Атаманъ (по окончаніи пѣнія и какъ бы его перебивая). Тише друзья. впереди насъ камень... Не славьте меня сердцами, а станьте вѣрными друзьями, Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй и т. д. (повторяется вышесказанное обращеніе).

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Сострой мнѣ красную лодку, съ гребцами-молодцами, съ разудалыми пѣсенниками, чтобы она въ мигъ поспѣла!

Есаулъ. Слушаю, атаманъ! (обращаясь къ хору, командуетъ). Гребцы по мѣстамъ и весла по бортамъ! (Всѣ садятся на полъ, какъ въ лодкѣ и, во время пѣнія, въ тактъ двигаютъ руками, какъ бы веслами). Есаулъ запѣваетъ, подхватываемый хоромъ:

„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ...
. . . .
. . . .
Поднималася погода, погодушка волновая....

Атаманъ (перебиваетъ). Тише друзья! впереди насъ камень. Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Нѣтъ ли гдѣ пеньевъ-кореньевъ, премелкихъ мѣстъ, чтобы нашимъ гребцамъ-молодцамъ на мель не сѣсть? Возьми мою подзорную трубку и слѣзь на шлюпку, посмотри на всѣ четыре стороны—нѣтъ ли гдѣ чего?

Есаулъ (беретъ подзорную трубу и смотритъ во всѣ стороны). Вижу!

Атаманъ. Что ты видѣшь.

Есаулъ. Колоду.

Атаманъ (будто ослышавшись). Гдѣ тамъ у чорта нашелъ ты воеводу? Правь вѣрнѣй, не сворачивай!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Ничего въ волнахъ не видно“ и т. д.

Картина II.

Егерь (выходитъ на берегъ изъ лѣсу и поетъ):

„Во лѣсахъ было, во дремучіихъ“...

Атаманъ. Тише, друзья! впереди насъ камень. Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Пойди посмотри, кто это въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ такъ громко распѣваетъ?

Есаулъ. Слушаю! (подходитъ къ егерю).

Егерь (неперестававшій пѣть; къ есаулу). Не подходи—убью! (прицѣливается въ него изъ ружья).

Есаулъ (возвращаясь къ атаману). Никакъ не могу его взять.

Атаманъ. Ступай съ казаками и приведи его ко мнѣ!

Есаулъ отправляется съ нѣсколькими казаками и, послѣ недолгой борьбы схватываетъ егеря и ставитъ его передъ лицо атамана.

Атаманъ (къ егерю). Скажи—повѣдай, храбрый егерь, какого ты роду, какого племени?

Егерь. Я роду-племени своего не знаю, но только знаю, что насъ было трое: братъ, да я, да сабля востроя моя... Со младости насъ вскормила чуждая

семья и взяла насъ непомѣрная зависть. Бросили мы хлѣбопашество и бѣжали въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный. Бывало мѣсяцъ взойдетъ среди небесъ, а мы изъ подземелья, да въ дремучій лѣсъ... Сидимъ и дожидаемъ: не идетъ ли кто? не несетъ ли чего? Не идетъ ли жидъ богатый, или нашъ баринъ брюхатый? То мы его обыщемъ, оберемъ и къ чорту пошлемъ... Бывало, гдѣ завидимъ въ трактирѣ свѣтъ, — туда — кто не боится нашей встрѣчи? — пріидемъ, въ стекла бьемъ, дверь ломаемъ, хозяина громко вызываемъ... Хозяинъ къ намъ выходилъ, вино и пиво выносилъ... Но не долго гуляли молодцы! Какъ пришли кузнецы, сковали насъ другъ къ другу и посадили насъ за каменныя стѣны, за желѣзныя двери — ни духу, ни человѣческаго слуху... Братъ былъ младше меня пятью годами; онъ томился и кричалъ: „Братъ, братъ! дай воды, душно—я въ лѣсъ хочу!“ Я ему воды подавалъ, но онъ меня не признавалъ, врагомъ называлъ: „Не ты ли, братъ, отъ яровыхъ пашенъ отъучилъ? Не ты ли къ убійству пріучилъ“?.. Но недолго онъ томился и кричалъ... Посадилъ я его на стулъ, онъ у меня и уснулъ. Тутъ я взялъ топоръ и лопату и вырылъ глубокую яму—брата похоронилъ и молитву сотворилъ, а самъ отправился въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный... Теперь же, господинъ атаманъ, покоренъ и вамъ [1]).

Атаманъ (къ есаулу). Возьми его: славный будетъ воинъ!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Самъ хозяинъ во нарядѣ“ и т. д.

Атаманъ. Тише, друзья! Впереди насъ камень. Есаулъ, и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Посмотри въ подзорную трубку—не видѣшь ли чего?

Есаулъ (посмотрѣвъ въ трубку). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Каршъ.

Атаманъ (будто ослышавшись). Кой чортъ тамъ старше насъ? Посмотри вѣрнѣе!

Есаулъ (снова смотритъ). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Въ землѣ червь.

Атаманъ. Я самъ про то знаю. Въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсахъ сучки, въ городахъ полицейскіе крючки. Они насъ хотятъ поймать, перевязать, по разнымъ тюрьмамъ разослать; но—врутъ—я ихъ не боюсь: самъ въ столичные города заберусь, а тебя, братецъ, пріободрю, двадцать пять въ спину залѣплю, мало—сто, пропадетъ твоя служба ни за что!

Есаулъ. Ахъ, чтобъ ты могъ меня карать?! Ты знаешь, моя дерзкая рука бьетъ горшки и плошки, гремятъ въ кабакѣ окошки.

Атаманъ. Но я тебя не караю, а только съ судьбою примиряю... Посмотри-ка вѣрнѣе на всѣ четыре стороны.

---

[1]) Вся исповѣдь егеря, какъ нетрудно замѣтить, представляетъ собою сокращенный и исковерканный парафразъ монолога изъ „Братьевъ разбойниковъ“ Пушкина. Привожу эту исповѣдь во всей неприкосновенности, чтобы читатель могъ наглядно видѣть, въ какомъ странномъ видѣ доходитъ Пушкинъ до народа. Впрочемъ, тутъ есть, кромѣ того, весьма своеобразныя вставки и замѣны, напр. „попа убогаго“ — „бариномъ брюхатымъ“ и проч. Вообще, сравненіе этого заимствованія съ подлинникомъ можетъ навести на нѣкоторые, нелишенные интереса, выводы.

Авт.

Есаулъ (посмотрѣвъ). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Близъ города село, а въ томъ селѣ Красненькій кабачекъ.

Атаманъ. Давно бы такъ! Ты знаешь, у нашихъ гребцовъ-молодцовъ давно брюхо подвело... Приворачивай, ребята!

Хоръ поетъ:

„Приворачивай, ребята" и т. д.

Картина III.

Атаманъ (послѣ того, какъ лодка пристала къ берегу). Тише, друзья! Есаулъ подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Поди въ это селеніе, найди его помѣщика и спроси: радъ ли онъ намъ, или не радъ?

Есаулъ. Слушаю! (выходитъ изъ круга и обращается къ хозяину дома). Хозяинъ, радъ ли ты намъ, или не радъ?

Хозяинъ (безъ сомнѣнія, скажетъ). Радъ.

Атаманъ. Какъ?

Есаулъ. Какъ чертямъ?

Атаманъ (грозно). Какъ?

Есаулъ. Какъ милымъ друзьямъ!

Атаманъ, а за нимъ вся шайка какъ бы сходитъ съ лодки съ тѣмъ, чтобы воспользоваться гостепріимствомъ хозяина „Красненькаго кабачка". На этомъ игра кончается и слѣдуетъ чествованіе артистовъ хозяевами и большая или меньшая лепта благодарности за доставленное зрѣлище. Получивъ мзду за свое искусство, исполнители „Лодки" отправляются въ другой домъ и т. д., пока не обойдутъ всѣхъ знакомыхъ.

Вл. Михневичъ.

Загадочная монахиня.

20-го октября 1859 года, въ тамбовскій женскій Вознесенскій монастырь привезли старушку лѣтъ 70 слишкомъ и сдали ее монастырскому начальству подъ строгій надзоръ. Документовъ при ней не было никакихъ. Одѣта она была по монашески, въ рясу съ бѣлымъ апостольникомъ и съ перваго же разу произвела на весь монастырь сильное впечатлѣніе своею почтенною наружностью, изящными манерами и сдержанностью въ обращеніи, доходившею на первыхъ порахъ до полнаго молчальничества. Весь монастырь пришелъ въ весьма понятное волненіе. Всѣмъ хотѣлось знать, кто эта таинственная пріѣзжая старушка.

Въ монастырь привезли ее подъ именемъ коллежской ассесорши Анны Ивановны Степановой, но этому имени никто не придавалъ никакого значенія, считая его невольнымъ псевдонимомъ пріѣзжей... Даже власти тамбовскія, губернаторъ и архіерей, не знали настоящаго ея имени и званія. Для всѣхъ окружавшихъ ее несомнѣнно было только то, что она привезена подъ надзоромъ полицейскаго чиновника изъ женскаго Кирсановскаго монастыря, въ которомъ жила съ 8-го октября 1858 года; что еще раньше она содержалась въ

усманскомъ Софійскомъ монастырѣ, куда ее привезли по распоряженію шефа жандармовъ графа Орлова, въ іюлѣ 1852 года, и что она носила монашескую рясу по праву, принявъ схиму во время своего пребыванія въ старомъ Іерусалимѣ.

Немногія лица, пользовавшіяся ея довѣріемъ, впослѣдствіи разсказывали, что старушка Анна Ивановна Степанова была хорошо извѣстна самымъ высокопоставленнымъ лицамъ нашей аристократіи, какъ свѣтской, такъ и духовной, и что нѣкоторые изъ нихъ отзывались о ней съ величайшимъ уваженіемъ и считали ее своею благодѣтельницею.

По разговору ея можно было догадываться, что она не русскаго происхожденія, потому что по русски говорила хотя и правильно, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, и что, вообще, она была женщина очень образованная и замѣчательно умная, отличавшаяся разнообразіемъ самыхъ солидныхъ знаній и обширною житейскою опытностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она была чрезвычайно богомольна и имѣла на всѣхъ окружавшихъ ее самое благодѣтельное нравственное вліяніе. Были такія случаи, что люди самые легкомысленные въ религіозномъ отношеніи, поговоривъ съ нею, нравственно перерождались и дѣлались людьми самаго строгаго религіознаго направленія. Впрочемъ, съ монастырскими послушницами матушка Анна была очень строга и требовательна такъ что угодить ей было дѣломъ далеко не легкимъ. Всѣ служанки, прежде чѣмъ явиться къ ней, должны были вымыться холодною водой, и при малѣйшей неисправности или неловкости, получали отъ нея самые строгіе выговоры, сопровождаемые весьма рѣзкою бранью.

Обстановка ея кельи въ тамбовскомъ монастырѣ была простая, но изящная. Множество цвѣтовъ на окнахъ, рѣдкая опрятность пола и мебели, чистый воздухъ,—все это производило на посѣтителей, которые, конечно, бывали у нея очень рѣдко, вслѣдствіе ея исключительнаго положенія, весьма пріятное впечатлѣніе и свидѣтельствовало о принадлежности хозяйки къ самому лучшему обществу.

Старушка Анна Ивановна проживала въ Тамбовѣ совершенно уединенно, занимаясь хозяйствомъ и молитвой. Она сама стирала бѣлье, мыла полы и готовила кушанье, причемъ отличалась особеннымъ умѣньемъ печь великолѣпные хлѣбы, а монастырскую пищу обыкновенно выбрасывала за окно, увлекаясь въ этомъ случаѣ довольно странною при ея характерѣ антипатіею къ монастырскому начальству, вызванною нѣкоторыми враждебными, по отношенію къ ней, его дѣйствіями. Тогдашнюю игуменью тамбовскаго монастыря Евгенію и ея приближенныхъ она обыкновенно называла „попадьями" и при этомъ замѣчала: „теперь онѣ обижаютъ меня, за то послѣ узнаютъ, кто я, и раскаются".

Съ нею вмѣстѣ пріѣхала изъ Петербурга тамошняя мѣщанка Агриппина Денисова, женщина неразвитая, но крайне сдержанная въ объясненіяхъ о личности пріѣзжей старушки, что и было главною причиною привязанности Анны Ивановны къ своей служанкѣ [1]).

Нѣкоторые любопытные собесѣдники иногда въ разговорѣ спрашивали ее: „кто она такая?" и это, при всей ея скрытности, не только не оскорбляло ее, но даже доставляло ей видимое удовольствіе. На подобные вопросы она обык-

[1]) Личность эта жива еще. По смерти „своей матушки" она постриглась въ усманскомъ Софійскомъ монастырѣ.

новенно отвѣчала: „я арестантъ и ничего болѣе". Или же говорила: „я вольноотпущенная, дочь печника". Если же кто-нибудь относился къ ней съ особенною почтительностью, или же за что-нибудь хвалилъ ее и льстилъ ей, то она не обращала на это ни малѣйшаго вниманія. Вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Тамбовъ, тамбовская игуменья Евгенія, сначала относившаяся къ ней съ особеннымъ уваженіемъ и даже страхомъ, распорядилась было, чтобы при поліелеѣ монахини подходили съ поклономъ и къ „матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ"; но эта честь немедлено была отклонена ею: каждой монахинѣ она откланивалась низкимъ поклономъ, почти до земли.

Матушка Анна прибыла въ Тамбовъ съ сѣрымъ говорящимъ попугаемъ, къ которому относилась съ большою нѣжностью. Попугай этотъ жилъ въ большой посеребреной клѣткѣ и приводилъ въ изумленіе всѣхъ обитателей монастыря своею ученостью. Онъ пѣлъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ"; „Христосъ воскресе". Пѣлъ также и свѣтскія пѣсни, напримѣръ: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!". Кромѣ того, читалъ псалтырь и много говорилъ.

Въ средствахъ пріѣзжая старушка не нуждалась и любила помогать бѣднымъ вещами и небольшими деньгами.

Съ особеннымъ умѣньемъ ходила Анна Ивановна за больными и дѣйствительно помогала многимъ изъ нихъ. Усманскій аптекарь Канусевичъ чуть было не лишился руки и ни одинъ докторъ не могъ помочь ему. Тогда онъ обратился за помощію къ Аннѣ Ивановнѣ и чрезъ одного изъ ея друзей получилъ отъ нея пластырь, который радикально въ 6 дней исцѣлилъ его руку. „Пусть только — велѣла она передать своему паціенту — не скупится онъ для бѣдныхъ и даетъ имъ лѣкарства даромъ".

Несомнѣнно было, что матушка Анна много путешествовала и во время своихъ путешествій успѣла побывать въ разныхъ европейскихъ и азіятскихъ странахъ, а также въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ нашего отечества. По свидѣтельству одного лица, пользовавшагося особенною ея довѣренностію, она 13 лѣтъ странствовала пѣшкомъ по Святымъ мѣстамъ, 8 лѣтъ прожила въ Иркутскѣ, гдѣ и управляла тамошнимъ женскимъ монастыремъ, полгода провела сидѣлкой въ петербургской Маріинской больницѣ и нѣсколько времени жила въ Одессѣ. Какъ особа въ полномъ смыслѣ слова бывалая, она была извѣстна очень многимъ значительнымъ лицамъ въ Россіи и за границей. Подъ именемъ іерусалимской игуменьи ее зналъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ, а отъ іерусалимскаго митрополита Мелетія она получила въ подарокъ икону, изображенную на голгофскомъ камнѣ.

Неудивительно послѣ всего этого, что въ тамбовскомъ женскомъ монастырѣ, а потомъ и во всемъ Тамбовѣ, заговорили о пріѣзжей старушкѣ и что разговоры эти стали принимать таинственный и фантастическій характеръ. Нѣкоторыя монахини по секрету передавали другимъ, что будто бы отъ самой Анны Ивановны онѣ слышали слѣдующее: „Мужъ мой былъ знаменитаго роду и я сама то же не простая, но я ушла отъ него (мужа) въ самый день свадьбы и долго должна была скрываться отъ его преслѣдованій. Семь дней я пробыла на одномъ необитаемомъ островѣ, съ котораго взяли меня на случайно плывшій англійскій корабль и отвезли въ старый Іерусалимъ. Тамъ я была 7 лѣтъ, а затѣмъ очутилась въ Россіи и вотъ живу по разнымъ монастырямъ *съ волчьимъ билетомъ*". Надобно замѣтить, что всѣ монастыри, въ которыхъ жила матушка Анна, старались почему-то сбывать ее и

даже не пренебрегали для этой цѣли разными интригами. Можетъ быть монастыри боялись какой-нибудь „исторіи“ изъ-за нея, такъ какъ и она и всѣ ея знакомые находились подъ особеннымъ наблюденіемъ полиціи.

Въ Тамбовѣ таинственная узница прожила не долго. Весною 1861 года, по указу св. синода, она была отправлена въ Пензу, въ тамошній женскій монастырь. Когда нужно было выдать ей подорожную, то мѣстная администрація не знала, какъ соблюсти въ этомъ случаѣ формальность по отсутствію документовъ... Этотъ переѣздъ въ жизни замѣчательной старушки былъ уже послѣднимъ. Выѣхала она въ самое половодье, въ с. Паимѣ около сутокъ оставалась въ водѣ (сидя въ каретѣ) и пріѣхала въ Пензу совершенно больною. Проживши тамъ 4 дня, старушка скончалась. Предсмертное ея завѣщаніе пензенской игуменьѣ Надеждѣ заключалось только въ томъ, чтобы сдѣлать для покойницы простой гробъ, но внутри непремѣнно обить бѣлымъ атласомъ. Игуменья Надежда поскупилась на атласъ, замѣнивъ его коленкоромъ, но принесенный гробъ оказался негоднымъ: и коротокъ былъ и узокъ. Тогда желаніе покойной исполнено было по неволѣ.

28-го апрѣля 1861 г. происходили похороны матушки Анны при большомъ стеченіи народа. На могилѣ ея, находящейся въ пензенскомъ Троицкомъ монастырѣ, положена чугунная плита съ надписью: „Старица Божія Анна“.

Вотъ все что мы могли узнать о таинственной тамбовской узницѣ. Намъ кажется, что она была личностью далеко не дюжинною, какъ по своимъ качествамъ, такъ и по общественному положенію до монастырскаго заключенія. Но кто она такая и какія причины привели ее къ уединенному монастырскому житью, да еще подъ строгимъ надзоромъ—это для насъ вопросъ пока не разрѣшимый.

Въ тамбовскихъ архивахъ, не смотря на всѣ наши поиски, мы не нашли никакихъ разъясняющихъ документовъ; но въ петербургскихъ архивахъ, по всей вѣроятности, есть данныя для раскрытія инкогнито описанной нами личности. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, еще живы многія особы, знавшія лично „матушку Анну“, и было бы крайне любопытно услышать отъ нихъ все то, что имъ извѣстно объ этой загадочной монахинѣ.

Сообщено **И. И. Дубасовымъ.**

Записка императрицы Екатерины II о докторѣ Санхецѣ [1]).

„Бывшему на предь сего въ здѣшней службѣ лейбъ-медикомъ, нынѣ же обрѣтающемуся въ Парижѣ, доктору Саншесу, производить изъ комнатной суммы пенсіону по тысячѣ рублей на годъ по смерть его, для того, что онъ меня за помощію Божіею отъ смерти спасъ.

Екатерина.

Ноября 2 дня.
1762 года.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

---

[1]) Докторъ Рибейро Санхецъ, родомъ португалецъ, былъ приглашенъ въ Россію въ 1731 г., занималъ въ 1737 г. должность главнаго врача при кадетскомъ корпусѣ, а въ 1740 г. былъ сдѣланъ вторымъ лейбъ-медикомъ при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ; эту должность онъ сохранилъ и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая пожаловала его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и

Письма графини П. А. Брюсъ къ брату ея графу П. А. Румянцеву-Задунайскому [1].

1.

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ свѣдала я, что вы неможете лихорадкой и за тѣмъ вашъ отъѣздъ остановленъ. Боже дай вамъ скораго облегченія, чтобъ вы здѣсь еще государыню застали, надо на несчастіе вамъ занемочь... уже и такъ толкуютъ, что вы такъ долго не ѣдете: vos ennemis sont bien aise de pouvoir trouver ce pretexte et de faire croire que c'est votre peu d'empressement qui retarde votre voyage, quoique je suis bien persuadée du contraire, sachant vos sentiments et votre zele pour une souveraine, qui en fait l'admiration et le bonheur de ses sujets. (Ваши враги очень довольны, находя въ этомъ предлогъ для увѣренія, что замедленіе въ вашемъ пріѣздѣ происходитъ отъ недостатка въ васъ усердія, хотя я убѣждена въ противномъ, зная ваши чувства и ваше рвеніе къ государынѣ, которая составляетъ счастіе и восхищеніе своихъ подданныхъ).

17 марта. Года не означено. Конвертъ адресованъ въ Данцигъ.

2.

„Il y a une semaine de cela que Sa Majesté m'a parlé de vous le plus favorablement du monde (недѣлю тому назадъ ея величество говорила со мной о васъ самымъ благосклоннымъ образомъ): „что столько трудовъ Петру Александровичу, что я не знаю какъ онъ все это сноситъ и исправляетъ безъ всякаго замѣшательства и что я тебѣ не могу довольно изъяснить сколько я имъ довольна"; enfin, je ne faisais que révérence sur révérence, (я только кланялась и кланялась), столько, батюшка, вы были выхвалены, что описать вамъ не могу.

13 февраля. Года не означено. Конвертъ адресованъ въ Глуховъ.

3.

„Батюшка братецъ! Нѣтъ словъ изъяснить вамъ мою радость и теперь еще слезы катятся. Озерова пріѣздъ насъ всѣхъ внѣ себя привелъ, а сегодня высочайшая милость оную больше умножила пожалованіемъ васъ генералъ-фельдмаршаломъ, съ чѣмъ, батюшка братецъ, васъ поздравляю; могу сказать, что

въ 1747 г. уволила, согласно собственному его желанію, съ отличнымъ аттестатомъ. Санхецъ отправился изъ Петербурга въ Парижъ, гдѣ и доживалъ свою жизнь среди ученыхъ кабинетныхъ занятій. Въ 1744 г. Екатерина II, тогда еще великая княгиня, была опасно больна. „Я находилась, говоритъ она въ своихъ запискахъ, между жизнью и смертью, 27 дней, въ теченіи которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза въ день. Наконецъ, благодаря стараніямъ доктора Санше, нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче". Узнавъ въ Парижѣ о восшествіи на престолъ Екатерины, Санхецъ, вѣроятно, напомнилъ ей этотъ случай и оказанную имъ услугу и получилъ въ отвѣтъ пожизненный ежегодный пенсіонъ.

[1]) Статсъ-дама графиня Прасковья Александровна Брюсъ, жена генералъ-аншефа, с.-петербургскаго главнокомандующаго, графа Якова Александровича Брюса, была родной сестрой графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Она пользовалась дружбой Екатерины II и отличалась умомъ, ловкостью, любезностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкостью нравовъ. Графиня Брюсъ род. въ 1729 г. и скончалась въ 1785 г.

всѣ генерально обрадованы и многіе со слезами оное приняли, говоря что ничто справедливѣе не можетъ онаго быть; вообразите сколь чувствительно оную похвалу намъ слышать; а графы (Чернышевы) такъ какъ родные оному обрадовались и Иванъ Григорьевичъ даетъ обѣдъ и чужестранныхъ трактуетъ a cette occasion (по этому случаю).

9 августа. Безъ означенія года [1]).

4.

„Батюшка братецъ! Я теперь въ домѣ Анны Карловны [2]). Сегодня Анна Михайловна Строгонова [3]) умерла; жалость неописанная; sa mort a été subite (ея кончина была скоропостижна). Пожалуй, голубчикъ, не покинь Семена Романовича [4]) я знаю, что ея смерть очень его тронетъ; au nom de Dieu ne l'adandonne pas (ради Бога, не покинь его). Прощай голубчикъ, nous ne pouvons pas revenir de cette mort; adieu mon cher frère; croyez que je suis toute ma vie votre fidèle amie et soeur. (Мы не можемъ опомниться отъ этой потери; прощай, любезный братецъ; вѣрьте что я есть всю мою жизнь вашъ вѣрный другъ и сестра)".

Безъ означенія числа и года.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка.

Съ 1715 по 1726 годъ, каѳедру епископа въ Переяславѣ на Днѣпрѣ занималъ епископъ Кириллъ Шумлянскій, состоявшій до этого назначенія номинальнымъ епископомъ луцкимъ. Послѣ смерти Шумлянскаго, преемнику его епископу Іоакиму Струкову († въ 1742 году епископомъ воронежскимъ) довелось чинить разслѣдованіе о взяточничествѣ Шумлянскаго при поставленіи въ духовные чины. Памятникомъ этой неладной черты малороссійской іерархіи служитъ слѣдующее предложеніе епископа Іоакима переяславскому окружному протопопу Андрею Берлу. Документъ извлеченъ изъ архива Успенской церкви села Пологъ-Чеботекъ, переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

„Божіею милостію православный епископъ переясловскій Іоакимъ Ѳеодоровичъ, пречестному о Христѣ протопопу переясловскому отцу Андрею Берлу объявляется:

„По указу его императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода присланному, велѣно намъ, купно съ преосвященнымъ черниговскимъ и сѣверскаго Новгородка кѵръ Иродіономъ Жураковскимъ, изслѣ-

---

[1]) Румянцевъ получилъ чинъ фельдмаршала въ 1771 г. за Кагульскую побѣду.

[2]) Графиня Анна Карловна Воронцова рожд. Скавронская, оберъ-гофмейстерина, жена гр. Михаила Ларіоновича Воронцова.

[3]) Графиня А. М. Строгонова, жена перваго графа Строгонова, Александра Сергѣевича, бывшаго впослѣдствіи оберъ-камергеромъ и президентомъ Академіи Художествъ, была дочерью государственнаго канцлера графа Михаила Иларіоновича Воронцова. Она родилась въ 1743 г. вышла замужъ въ 1758 г. и скончалась скоропостижно въ 1769 г. Бракъ ея былъ несчастливъ; супруги постоянно ссорились и графъ Строгоновъ подавалъ даже императрицѣ просьбу о разводѣ.

[4]) Воронцова, двоюроднаго брата гр. Строгоновой, находившагося въ арміи Румянцева.

довать такъ объ отданныхъ на кіево-печерскую лавру добрахъ и о протчемъ, якъ и о взяткахъ за хиротонію зъ ставленниковъ епархіи переясловской нашимъ антецессоромъ покойнымъ преосвященнымъ Кирилломъ Шумлянскимъ, епископомъ переясловскимъ; и по тому указу яко въ протчія епархіи нашей протопопіи до протопоповъ повелѣли мы ординовать указы, такъ и до пречестности вашей посылаючи сей предлагаемъ: дабы вы по полученіи сего во всякой скорости зъ протопопіи переясловской пригласивши передъ себе всѣхъ священниковъ и діаконовъ тихъ, которые посвященны покойнымъ преосвященнымъ Кирилломъ Шумлянскимъ, взяли у нихъ отъ каждаго порознь обстоятельныя за ихъ руками сказки—сколько кто и въ которомъ году за хиротонію до шкатули архіерейской дали зъ нихъ ему преосвященному Кириллу денегъ. А которыхъ священниковъ покойнымъ хиротонисанныхъ въ живыхъ нѣтъ, то отъ домашнихъ ихъ такія сказки принявши, привозить тія пречестности вашей въ домъ нашъ архіерейскій въ Переясловъ непремѣнно текущаго февраля къ седмому-на-десять числу, опасаясь за непривозку на срокъ о вышеписанномъ сказанномъ штрафа.—Дано въ катедрѣ нашей епископской переясловской. Февраля 15-го дня, 1728 року.—Іоакимъ епископъ переясловскій".

Сообщено **Ив. Д. Павловскимъ.**

Указъ Синода о непродажѣ въ монастыряхъ и церквахъ чудотворнаго меда и масла и о присылкѣ веригъ.

„Отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода объявляется:

„1722 года, февраля въ 28 день, по указу его императорскаго величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ увѣдомился чрезъ нѣкоторое извѣстіе, что въ Чудовѣ монастырѣ, чудотворца Алексѣя продается приходящимъ людямъ нѣкакой медъ, собственнымъ его чудотворцевымъ называемый, а въ церкви Василія Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло, и въ почтеніи содержится и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобные тому продажи бываютъ, также во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются будто чудотворцевъ нѣкоихъ вериги, которые возлагаютъ аки бы для изцѣленія на младенцевъ, но не безъ скверноприбытной денегъ вымaны. И разсудивши опасно, что такимъ продажамъ быть не подобаетъ, согласно приговорили, такіе продажи яко не надлежащія и подозрительныя, весьма пресѣчь, дабы отнюдь никто ничего вышеозначеннаго за святыню почитается, продавать не дерзалъ, подъ лишеніемъ сана своего, и подъ потеряніемъ движимаго и недвижимаго имѣнія. А ежели кто изъ правовѣрныхъ, по своему желанію и по прежнему обычаю, онаго меда, или масла, или прочаго, за святыню почитаемаго требовать будетъ, и тѣмъ онаго въ употребленіе давать безденежно, дабы подозрѣнія за то и нарѣканія на монастыри и церкви не было. А вериги вездѣ, гдѣ обрѣтаются, присылать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ безъ всякой утайки при доношеніяхъ. А ежели кто безстрашіемъ своимъ, и за симъ его императорскаго величества указомъ, и синодальнымъ запрещеніемъ, отъ вышеозначеннаго что продавать, и деньги, или другое что, отъ кого будетъ требовать, или даемое принимать будетъ, и о томъ каждому, кто бы какого званія не былъ, увидѣвъ или увѣдавъ сіе, доносить въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ безъ всякаго попущенія и прикрывательства, за что тѣ доносители признаны будутъ

за достовѣрныхъ людей, а иные за усердное донесеніе и награжденія отъ Святѣйшаго Синода будутъ сподоблены, а преступники жестоко за оное лакомство накажутся. И о томъ всенароднаго ради вѣдѣнія распубликовати сими указы и разослать какъ во оные мѣста, такъ и по всюду немедленно, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался. Подлинный приговоръ за подписаніемъ всего Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Печатано въ Московской типографіи. Лѣта Господня 1722 г. Марта въ 6 день".

Сообщено **А. П. Коломнинымъ.**

Образецъ помѣщичьяго краснорѣчія.

Извлекаемъ этотъ характерный „образецъ" изъ неизданнаго документа, озаглавленнаго слѣдующимъ образомъ:

„Вѣдомость 1844 года, февраля 10-го дня, деревни Сорочьихъ Горъ, госпожи Панаевой: сколько выдано крестьянскихъ дочерей-дѣвицъ въ Старосельское село, и Емельяново село, и сколько въ Сорочьи Горы [1]).

Интереснѣйшею частью этой вѣдомости является несомнѣнно слѣдующій приложенный къ ней документъ:

„Приказъ моимъ Сорочинскимъ крестьянамъ".

„Никита Ивановичъ [2]) увѣдомляетъ меня, что нѣкоторые изъ васъ, подъ разными пустыми изворотами, отказываются выдавать дочерей своихъ за жениховъ села Старосельскаго. Очень непріятно мнѣ было получить такое о васъ извѣстіе. Развѣ вы не знаете, что божескіе и государевы законы повелѣваютъ, чтобы дѣвицы не оставались въ безбрачномъ состояніи, которое доводитъ до одного только распутства, — а по достиженіи зрѣлаго возраста выходили бы замужъ, да и въ церкви, при вѣнчаніи, читается: „И такъ исполните законъ Христовъ". Развѣ забыли, что и вы, и Старосельскіе, принадлежите одной госпожѣ и составляете одну барщину, что госпожа ваша обязана имѣть обо всѣхъ васъ равное попеченіе, и ничего кромѣ добраго и полезнаго вамъ не желаетъ и желать не можетъ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что ослушниковъ господской власти нигдѣ не терпятъ и по головкѣ не гладятъ, а порядкомъ наказываютъ; тогда-же, какъ людей вредныхъ для другихъ, и вовсе удаляютъ изъ мірскаго общества, т. е. отдаютъ не взачетъ въ рекруты, или ссылаютъ на поселеніе. Кажется, вы народъ не глупый и можете понять, что сдѣлали худо, что такое упрямство до добра не доводитъ. И такъ, слушайте-же мою волю: выдайте безотговорочно дочерей своихъ за тѣхъ жениховъ, которые назначены будутъ Никитою Ивановичемъ; исполняйте во всемъ приказанія его, какъ мои собственныя, живите смирно и добропорядочно, съ усердіемъ исполняйте господскія работы, и знайте, что за худое спуска не будетъ, а за хорошее похвалятъ. Словомъ сказать, я желаю, чтобы у васъ была тишь да гладь, да Божья благодать.

---

[1]) Покойная г-жа Панаева, супруга извѣстнаго В. И. Панаева, владѣла въ Казанской губ. показанными здѣсь селеніями.

[2]) Покойный Н. И. Буличъ, правитель канцеляріи начальника Казанскаго жандармскаго округа, наблюдалъ за имѣніями г-жи Панаевой во время ея отсутствія.

„А ты Никита Аѳанасьевъ [1]), оказавшій больше другихъ упорство и неповиновенія, ты всѣхъ виноватѣе, ты и другихъ-то видно сбилъ съ толку. Не хотѣлъ ты выдать дочери твоей за хорошаго Старосельскаго парня, ну такъ знай-же,—за это я обѣихъ твоихъ дочерей беру во дворъ и приказала отправить ихъ по первому хорошему пути сюда въ Петербургъ.

„Госпожа ваша Дѣйствительная Статская Совѣтница Прасковья Панаева.

14-го марта 1843 года“.

Сообщено **П. А. Казанскимъ.**

---

[1]) Крестьянинъ дер. Сорочьи Горы Лаишевскаго у. Каз. губ.

СМѢСЬ.

Скорбныя страницы.

Тяжкія утраты принесъ съ собою нынѣшній годъ для русской науки и литературы. Въ первый же мѣсяцъ, въ короткій промежутокъ какой нибудь недѣли, съ 20-го по 28-е января, Россія потеряла четырехъ тружениковъ мысли и слова. Въ Москвѣ, почти въ теченіи сутокъ, съ 20-го по 21-е января, скончались: одинъ изъ первостепенныхъ романистовъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, заслуженный профессоръ московскаго университета Василій Николаевичъ Лешковъ и извѣстный переводчикъ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ. Не прошло и недѣли, какъ въ Петербургѣ смерть поразила одного изъ талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ русскихъ людей и писателей. 28 января, умеръ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Посвятивъ въ настоящей книжкѣ „Историческаго Вѣстника" памяти Достоевскаго двѣ статьи, и имѣя въ виду сдѣлать литературную характеристику Писемскаго въ слѣдующей книжкѣ, мы ограничимся здѣсь краткими некрологами покойныхъ писателей, имѣя въ виду лишь напомнить читателямъ извѣстныя заслуги каждаго изъ нихъ. Начнемъ съ некролога А. Ѳ. Писемскаго.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 20 марта 1820 года, въ усадьбѣ Раменьѣ, Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда. Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ. Первымъ учителемъ его былъ Николай Ивановичъ Бекеневъ, старичекъ, по преимуществу учившій Алексѣя Ѳеофилактовича латинскому языку, рисованію и грамматическому разбору. Въ 1833 года, когда А. Ѳ. было 13 лѣтъ, его отдали въ костромскую гимназію. Изъ числа товарищей, имѣвшихъ вліяніе на Писемскаго, слѣдуетъ отмѣтить приставленнаго къ нему чѣмъ то въ родѣ тутора, старше его лѣтами и по классу, гимназиста Стайновскаго, который развивалъ въ Писемскомъ страсть къ театру, такъ что А. Ѳ., еще будучи гимназистомъ, участвовалъ во всѣхъ домашнихъ спектакляхъ, которые затѣвали гимназисты, и при этомъ всегда исполнялъ комическія роли. Въ гимназіи развилась у А. Ѳ. и страсть къ чтенію; онъ прочитывалъ почти всѣ, выходившіе тогда въ огромномъ количествѣ, романы русскіе и переводные. Любовь къ чтенію имѣетъ важное значеніе въ годы отрочества, и здѣсь по этому необходимо указать на лицо, имѣвшее главное вліяніе на ходъ воспитанія, — это былъ дядя его по матери, бывшій флотскій офицеръ, Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ, очерченный Писемскимъ въ лицѣ Эспера Ивановича (романъ „Люди сороковыхъ годовъ"). Указанія Бартенева и его бесѣды по поводу прочитаннаго Писемскимъ, удерживали послѣдняго отъ „чтенія только изъ любопытства". Въ 1840 году, послѣ семилѣтняго пребыванія въ костромской гимназіи, Писемскій поступилъ въ московскій университетъ, на математическій факультетъ, и здѣсь окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ

1844 году. Университетскіе годы имѣли важное значеніе въ развитіи Писемскаго. Чтеніе сочиненій Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, жаркіе, умные споры съ товарищами, лекціи даровитыхъ профессоровъ,—все это не могло не отразиться на даровитомъ юношѣ: онъ вступилъ въ жизнь уже готовымъ, сложившимся человѣкомъ, съ здравымъ взглядомъ на жизнь.

По окончаніи курса въ университетѣ, А. Ѳ. отправился на родину и вскорѣ (въ 1844 году) поступилъ на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ; въ слѣдующемъ 1845 году, перешелъ въ такую же палату въ Москвѣ, а въ 1846 году оставилъ службу и поселился въ деревнѣ. Здѣсь онъ вполнѣ предался чтенію и литературѣ, и 11 октября 1848 года женился на Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной, дочери извѣстнаго писателя и издателя первыхъ „Отечественныхъ Записокъ“ П. П. Свиньина. Въ томъ же 1848 году А. Ѳ. Писемскій вторично поступилъ на службу въ чиновники особыхъ порученій къ костромскому военному губернатору, должность котораго исправлялъ тогда генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ князь А. А. Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій. Въ этой должности А. Ѳ. прослужилъ пять лѣтъ и въ 1853 г. вышелъ въ отставку. Въ 1854 г. онъ переселился въ Петербургъ, откуда, по приглашенію морскаго министерства, ѣздилъ въ 1856 г. съ литературною цѣлью въ Астрахань; плодомъ этой поѣздки явилось нѣсколько этнографическихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ и „Библіотекѣ для чтенія“. Съ наступленіемъ 1858 г. А. Ѳ. принялъ участіе въ редактированіи журнала „Библіотека для чтенія“, вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ. Въ 1860 году принялъ участіе въ редакціи журнала „Искусство“, а въ сентябрѣ того же года былъ объявленъ сотрудникомъ возникшаго тогда періодическаго изданія „Вѣкъ“. Въ началѣ 1862 г. А. Ѳ. переселился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ въ 1866 году поступилъ опять на службу совѣтникомъ въ московское губернское правленіе; здѣсь потомъ былъ повышенъ въ должность старшаго совѣтника. Съ 1872 года Писемскій до самой смерти своей находился въ отставкѣ и жилъ постоянно въ Москвѣ, за исключеніемъ не частыхъ выѣздовъ за границу.

Въ 1846 году, Писемскій выступилъ въ первый разъ на литературное поприще съ маленькимъ разсказомъ „Нина“, который былъ напечатанъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“; редакція журнала такъ урѣзала и измѣнила разсказъ, что авторъ и не перепечатывалъ его потомъ. Въ 1847 году А. Ѳ. написалъ повѣсть „Боярщина“, которая увидѣла свѣтъ на страницахъ „Библіотеки для чтенія“ только въ 1858 году. Такое долгое пребываніе повѣсти въ ненапечатанномъ видѣ объясняется строгостью тогдашнихъ цензурныхъ правилъ. Да и возможно ли было явиться этой повѣсти, когда М. Е. Салтыковъ за сравнительно невинный разсказъ „Запутанное дѣло“ былъ посланъ въ мѣста не столь отдаленныя? „Боярщина“ хотя и не была напечатана, но довольно была распространена въ рукописномъ видѣ. Слѣдующимъ произведеніемъ А. Ѳ. была повѣсть „Тюфякъ“, хотя и написанная въ томъ же 1847 году, но напечатаннаи только въ 1850 г. Съ этого года собственно и начинается извѣстная для публики литературная дѣятельность Писемскаго, который сталъ печатать свои произведенія въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. А. Ѳ. очень много писалъ, такъ что въ 1853 г. уже издалъ свои „Повѣсти и разсказы“ въ трехъ частяхъ. Съ 1853 года онъ сталъ печатать свои произведенія только въ петербургскихъ журналахъ. Уже обративъ вниманіе на себя достоинствомъ первыхъ своихъ произведеній, уже давно причисленный читающею публикою и литературою, съ критиками во главѣ, къ рангу первостепенныхъ писателей, въ 1858 году Алексѣй Ѳеофилактовичъ достигъ апогея славы своей: въ этомъ году были напечатаны „Боярщина“ и „Тысяча душъ“, одно изъ капитальнѣйшихъ его произведеній. Къ 1859 г. относится другое капитальное произведеніе А. Ѳ. драма „Горькая Судьбина“, дозволенная къ представленію на сценѣ только въ 1863 г. Эта драма доставила автору большую золотую медаль, присужденную Императорскою Академіею Наукъ 25 сентября 1860 г., въ день четвертой раздачи такъ называемыхъ уваровскихъ наградъ за драматическія сочиненія изъ русскаго быта.

Живя въ Петербургѣ, Писемскій въ 1860 году принималъ живое участіе въ литературныхъ вечерахъ и любительскихъ спектакляхъ, устраивавшихся тогда для увеличенія средствъ только что возникшаго „Общества для

пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ". Извѣстно, что А. Ѳ. былъ необыкновенно искусный чтецъ и хорошій актеръ.

Переселившись въ 1862 г. въ Москву, А. Ѳ. пристроился здѣсь къ „Русскому Вѣстнику" и былъ около года помощникомъ редактора этого журнала по выбору статей для изящной словесности. На страницахъ этого журнала появился въ 1863 г. романъ Писемскаго „Взбаламученное море". Въ началѣ 70-хъ годовъ Писемскій написалъ четыре піесы для сцены, а послѣднія два свои произведенія „Мѣщане" и „Масоны" помѣстилъ въ петербургскихъ еженедѣльныхъ журналахъ.

А. Ѳ. Писемскій служилъ русскому обществу въ качествѣ первостепеннаго литератора ровно 31 годъ. 19 января 1875 году общество русское праздновало 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности А. Ѳ. Писемскаго; чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого торжества, Писемскаго уже не стало: онъ скончался въ среду 21 января 1881 г. въ 4 часа по полудни.

Василій Николаевичъ Лешковъ и какъ профессоръ, и какъ деканъ юридическаго факультета, и какъ предсѣдатель юридическаго общества, пользовался всегда уваженіемъ и популярностью между студентами и бывшими учениками его. Масса рецензій въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, участіе покойнаго во всѣхъ почти диспутахъ на юридическомъ факультетѣ и преніяхъ въ юридическомъ обществѣ, причемъ онъ всегда умѣлъ сдѣлать нѣсколько хотя бы принципіальныхъ замѣчаній по тому или другому вопросу, къ какой бы отрасли права онъ ни относился, свидѣтельствовали о неутомимой дѣятельности покойнаго. Наиболѣе капитальнымъ изъ сочиненій покойнаго, слѣдуетъ признать явившееся въ 1858 г. сочиненіе его подъ заглавіемъ „Русскій народъ и государство" (Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.). Изслѣдованіе это, касающееся того періода въ жизни русскаго народа, который пользовался особеннымъ сочувствіемъ В. Н. Лешкова, въ которомъ онъ видѣлъ всестороннее развитіе общественнаго самоуправленія, общественной самодѣятельности, въ противоположность періоду послѣ—петровскому, когда государственность, правительственная регламентація и опека заглушили это самобытное, свободное развитіе общественнаго и экономическаго быта русскаго народа, — изслѣдованіе это было неоцѣнимымъ вкладомъ для развитія русской литературы по наукѣ полицейскаго права, такъ какъ авторъ задался въ немъ цѣлью установить научныя юридическія начала для такъ называемой полицейской дѣятельности.

„Еще 45 лѣтъ тому назадъ,—замѣчаетъ „Русскій Курьеръ" по поводу кончины В. Н.—когда скована еще была Россія во всѣхъ проявленіяхъ жизни, прочными, казалось, и несокрушимыми цѣпями рабства, когда слабо еще было уваженіе къ наукѣ, когда презирался трудъ, осуждалась любовь къ народу, преслѣдовалось стремленіе быть ему полезнымъ; когда только проснулась свободная русская мысль, раздалась впервые и изъ устъ покойнаго Василія Николаевича Лешкова живая, горячая и убѣжденная проповѣдь о правахъ народа, о его освобожденіи, объ уваженіи къ личности. Уважать трудъ, не презирать, а жалѣть народъ за низкій уровень его знаній и стремиться возвысить его, цѣнить здравый смыслъ населенія, не навязывать ему чуждыхъ и шаткихъ идеаловъ, не опекать его, какъ немощнаго младенца, а искренно вѣрить въ его силы и самодѣятельность, безъ предвзятыхъ мнѣній изучать прошлую и настоящую жизнь народа, изслѣдовать выработанныя его опытнымъ знаніемъ формы общежитія, способствовать на почвѣ ихъ свободному развитію общества и личности—вотъ чему училъ Василій Николаевичъ".

Какъ профессоръ-человѣкъ, Василій Николаевичъ всегда пользовался симпатіями студентовъ. Любовь къ нему, какъ ученому, честно отстаивавшему свои взгляды, какъ къ преподавателю и декану, всегда внимательно относившемуся къ нуждамъ студентовъ, оставалась у его слушателей и по выходѣ ихъ изъ университета. Благую память оставилъ онъ и послѣ своей кончины.

Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ, хотя и скромный литературный труженикъ, принесъ не малую пользу русскимъ читателямъ добросовѣстными переводами иностранныхъ поэтовъ. Ѳ. Б. родился въ Москвѣ, въ 1818 г.; первоначальное образованіе онъ получилъ въ московскомъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра и Павла, потомъ изучалъ нѣкоторое время медицину, посѣщая лекціи москов-

скихъ профессоровъ медицинскаго факультета. Эти занятія, однако же, не соотвѣтствовали его склонностямъ и онъ скоро оставилъ ихъ, и вступилъ на педагогическое поприще въ качествѣ преподавателя нѣмецкаго языка и русской словесности. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1841 г., издавъ стихотворную передѣлку одной нѣмецкой сказки и затѣмъ началъ работать въ „Москвитянинѣ" въ качествѣ переводчика изъ Шиллера и другихъ поэтовъ. Въ 1859 году онъ основалъ юмористическій журналъ „Развлеченіе", который пользуется до сихъ поръ успѣхомъ въ извѣстной части московской и провинціальной публики. Почти до послѣднихъ дней своей жизни Ѳ. Б. не оставлялъ трудовъ по ознакомленію русской публики съ иностранными поэтами и еще недавно далъ добросовѣстные переводы обширныхъ поэмъ Гамерлинга „Агасѳеръ въ Римѣ" и „Пророкъ".

Обращаемся къ Ѳедору Михайловичу Достоевскому. Онъ сынъ доктора, родился въ Москвѣ, въ 1821 году. Тамъ-же онъ получилъ первоначальное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ не мало людей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными. Въ 1837 г., 15-лѣтнимъ юношей, Достоевскій перевезенъ былъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ главное инженерное училище. Не по душѣ было тамъ Ѳедору Михайловичу; по его собственнымъ словамъ, онъ чувствовалъ, что вступаетъ не на свою дорогу, и думалъ объ университетѣ. Жизнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Годъ спустя Достоевскій потерялъ родителей, что, конечно, не могло не отозваться и на матеріальномъ положеніи его; сознаніе практической необходимости успѣшно кончить курсъ, вынудило Ѳедора Михайловича отдать на время свои силы изученію инженерныхъ наукъ и онъ вышелъ изъ училища однимъ изъ первыхъ.

Рано почувствованное призваніе влекло Ѳедора Михайловича къ литературѣ. Едва вышедши изъ училища, онъ уже подалъ въ отставку и въ самомъ концѣ 1844 г., никогда прежде ничего не писавши, началъ своихъ знаменитыхъ „Бѣдныхъ людей". Къ веснѣ повѣсть была окончена и появилась въ печати въ 1846 г., въ изданномъ тогда Некрасовымъ „Петербургскомъ сборникѣ". Успѣхъ ея былъ необычайный и сразу поставилъ Достоевскаго въ среду лучшихъ писателей нашихъ.

Въ періодъ слѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилось еще нѣсколько повѣстей Достоевскаго, имѣвшихъ меньшій успѣхъ уже потому, что отъ автора ждали сразу слишкомъ многаго. Такими повѣстями надо признать „Господинъ Прохарчинъ", „Хозяйка"., „Неточка Незванова" и пр. Въ 1849 г. литературная дѣятельность Ѳ. М. прекратилась на цѣлыхъ 12 лѣтъ. Замѣшанный въ извѣстное политическое дѣло Петрашевскаго, онъ былъ сосланъ въ „настоящія", по его выраженію, каторжныя работы на 4 года, и по истеченіи этого срока оставленъ въ Сибири въ военной службѣ рядовымъ.

Только въ 1856 г. Достоевскій произведенъ былъ въ офицеры. Впослѣдствіи онъ получилъ разрѣшеніе выйти въ отставку и поселиться въ Твери, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1860 г., ему дозволено было переѣхать въ Петербургъ.

Въ теченіе всего этого времени Достоевскій не оставлялъ занятій литературою. Еще въ крѣпости, во время слѣдствія по дѣлу, онъ писалъ повѣсть „Маленькій герой". Въ Сибири написаны повѣсти „Дядюшкинъ сонъ", „Село Степанчиково и его обитатели" и проч., вошедшіе въ „Полное собраніе сочиненій". Тяжелыя испытанія, посланныя судьбою Достоевскому, не остались безъ вліянія на литературную дѣятельность его, и, прежде всего, имъ обязана русская литература вывезеннымъ изъ Сибири же замѣчательнымъ этюдомъ каторжно-острожной жизни и нравовъ подъ названіемъ „Записки изъ Мертваго дома", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1862 году. Съ пріѣзда въ Петербургъ литературная дѣятельность Достоевскаго не прекращалась. Въ томъ-же году онъ принялъ участіе въ редактированіи издававшагося тогда его братомъ, Михаиломъ Михайловичемъ, авторомъ нѣсколькихъ повѣстей („Господинъ Свѣтелкинъ" и пр.), журнала „Время", впослѣдствіи „Эпоха", который по смерти брата въ 1864 г. окончательно перешелъ къ Ѳедору Михайловичу и былъ въ его рукахъ до прекращенія въ 1865 году. Въ то же время, одно за другимъ появлялись новыя произведенія Достоевскаго. Въ 1861 году появился его большой романъ „Униженные и Оскорбленные", вызвавшій статью Добролюбова, который и указалъ истинное значеніе тогдашнихъ произведеній Достоевскаго для нашего обще-

ства. За этимъ романомъ слѣдовалъ рядъ повѣстей: „Крокодилъ“, „Скверный анекдотъ“, „Записки изъ подполья“, „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ и проч. Въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности до настоящаго времени Достоевскимъ написанъ рядъ большихъ романовъ: „Преступленіе и Наказаніе“ („Русскій Вѣстникъ“, 1866 г.), „Идіотъ“ (Р. В., 1868 г.), „Бѣсы“ (отдѣльное изданіе, 1873 г.), „Подростокъ“ („Отечественныя Записки“, 1875 г.) и, наконецъ, „Братья Карамазовы“ („Русскій Вѣстникъ“, 1879 г.). Въ 1876—1878 годахъ, Өедоръ Михайловичъ издавалъ ежемѣсячный свой дневникъ, подъ названіемъ „Дневникъ Писателя“, имѣвшій огромный успѣхъ и прекращенный на время самимъ издателемъ.

Похороны Достоевскаго послужили доказательствомъ того, какъ русское общество отнеслось къ этой утратѣ безукоризненно честнаго и нравственно чистаго труженника. Со всѣхъ сторонъ раздались голоса, исполненные глубокой скорби по поводу этой утраты, вдова покойнаго ежедневно получала отъ разныхъ лицъ письма, съ выраженіемъ искренняго участія; представители литературы, науки, искусства и общества несли вѣнки на гробъ писателя. Университетъ, медицинская академія, технологическій иститутъ, консерваторія, женскіе курсы, мужскія и женскія гимназіи, городскіе представители, депутаты отъ разныхъ городовъ, артисты, художники, литераторы... это было не погребальное шествіе, а какъ справедливо выразился на университетскомъ актѣ въ своей рѣчи О. Ө. Миллеръ, это было „тріумфальное шествіе“. „Это—тріумфъ побѣдителя, неутомимаго борца за идею, за всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“.

что мы... я сама привела Химену; она хотѣла познакомиться съ тобой Франциска и утѣшить тебя...

Химена при этихъ словахъ подошла къ графинѣ Шатобріанъ и робко протянула ей руку.

Трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое впечатлѣніе производила наружность молодой дѣвушки. Большіе черные глаза смотрѣли печально и задумчиво; губы были слегка окрашены: Ея небольшое лицо съ высокимъ лбомъ и округленными висками имѣло блѣдно-желтый оттѣнокъ, свойственный дѣвушкамъ при переходѣ отъ отрочества къ дѣвичеству. Узкое черное платье изъ простой матеріи съ высокимъ воротомъ плотно обхватывало ея тоненькую фигуру; и только дорогой вуаль, изящная форма головы, узкія, длинныя руки и красивая нога свидѣтельствовали о знатности происхожденія. Болѣе оскорбленная нежели сконфуженная она отступила на нѣсколько шаговъ отъ графини Шатобріанъ, которая сидѣла молча, не обращая на нее никакого вниманія.

Въ это время отворилась дверь и въ комнату вошелъ Шабо де-Бріонъ, въ сопровожденіи аббата.

— Бріонъ, мой спаситель! радостно воскликнула графиня, бросаясь къ нему и схвативъ за обѣ руки. О мой Боже! благодарю тебя, ты не оставилъ меня!..

Насколько молодой сеньеръ почувствовалъ себя счастливымъ отъ этого пріема, настолько же былъ озадаченъ аббатъ. Взявъ подъ руку Флорентина онъ поспѣшно увелъ его въ амбразуру окна для переговоровъ.

Графиня воспользовалась этимъ моментомъ и сказала вполголоса Бріону, чтобы онъ скорѣе и во что бы то ни стало увезъ ее куда нибудь изъ этого дома.

Можно себѣ легко представить отвѣтъ влюбленнаго сеньера!

— Сдѣлайте это тотчасъ-же!.. добавила она.

— Я къ вашимъ услугамъ, графиня!

Но прежде чѣмъ они дошли до двери, Флорентинъ, замѣтивъ намѣреніе графини бросился къ ней съ поспѣшностью не соотвѣтственною его сану и, загородивъ ей дорогу, потянулъ за шнурокъ висѣвшій у двери. Раздался громкій протяжный звонъ подъ сводами галерей и корридоровъ аббатства.

— Сеньеръ! эта дама останется въ аббатствѣ!

— Ты не смѣешь удерживать эту даму, монахъ. Графиня можетъ выѣхать изъ аббатства когда ей угодно!

— Только не теперь и не съ вами, сеньеръ.

— Это почему?

— Здѣсь не мѣсто объяснять вамъ причины. Если вамъ угодно будетъ послѣдовать за нами въ гостинную его преосвященства г-на аббата...

— Мнѣ это неугодно! Его преосвященству извѣстна цѣль моего посѣщенія.

— Развѣ я должна считать себя плѣнницей въ аббатствѣ св. Женевьевы и не могу уйти остюда, когда мнѣ вздумается? спросила графиня, обращаясь къ растерянному аббату.

Полная осанистая фигура аббата направилась къ двери, гдѣ стоялъ Флорентинъ. Онъ видимо ожидалъ отъ молодого священника разрѣшенія своихъ недоумѣній.

— Вы совершенно свободны, графиня, отвѣтилъ аббатъ вѣжливымъ тономъ. Наше аббатство, да благословитъ его Господь, не темница, а убѣжище для лицъ удрученныхъ горемъ!

— Вѣроятно для тѣхъ, которыя желаютъ остаться у васъ, а я не принадлежу къ числу ихъ! замѣтила графиня.

— Мы напрасно теряемъ время! не удерживайте насъ благочестивые отцы! сказалъ Бріонъ и, взявъ подъ руку графиню, сдѣлалъ шагъ къ двери.

Флорентинъ шепнулъ аббату:

— Если мы теперь пустимъ ее съ этимъ сеньеромъ, все потеряно для насъ! поддержите меня и не мѣшайте моимъ распоряженіямъ.

Дородный аббатъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Оставьте въ покоѣ эту даму, молодой сеньеръ, сказалъ Флорентинъ, обращаясь къ Бріону. Мы согласились взять графиню на свое попеченіе и обязаны оберегать ее отъ назойливости разныхъ господъ.

— Ты лжешь, никто не поручалъ меня вамъ! воскликнула съ негодованіемъ графиня.

— Ваша мать графиня Фуа просила его преосвященство взять васъ на свое попеченіе!

Этотъ отвѣтъ смутилъ молодую женщину и она замолчала; но Бріонъ отвѣтилъ съ запальчивостью:

— Какую власть имѣетъ графиня Фуа надъ графиней Шатобріанъ! Развѣ недостаточно, что она распорядилась судьбою дочери, когда та была ребенкомъ, не принимая въ разсчетъ ея счастья. Материнская власть графини Фуа давно кончилась. Эта дама можетъ дѣйствовать самостоятельно.

— Вамъ извѣстно, что эту даму зовутъ графиней Шатобріанъ, сказалъ Флорентинъ, и, что ея властелинъ, графъ Шатобріанъ, имя котораго она носитъ. Онъ приказалъ чтобы супруга его оставалась въ аббатствѣ, пока онъ не потребуетъ ее къ себѣ.

Графиня вздрогнула при этомъ заявленіи; изъ груди ея вырвался слабый стонъ.

Бріонъ крѣпко пожалъ ей руку чтобы ободрить ее и крикнулъ рѣшительнѣе прежняго:

— Прочь съ дороги, лживые монахи, или я заставлю васъ пропустить меня! Клянусь честью дворянина, что король, именемъ ко-

тораго я дѣйствую, заставитъ васъ и ваше аббатство вѣчно помнить эту исторію!

Аббатъ окончательно растерялся отъ этой сцены и сдѣлалъ попытку прекратить ее; но Флорентинъ не уступалъ и хладнокровно отвѣтилъ Бріону:

— Король получитъ извѣстіе о случившемся, прежде, чѣмъ вы доѣдете до Парижа; онъ вполнѣ довѣряетъ намъ и уважаетъ неприкосновенность монастырскихъ стѣнъ. Передайте ему, что мы ожидаемъ его приказаній, но сочли неприличнымъ поручить беззащитную даму первому встрѣченному дворянину, который заявилъ намъ, что дѣйствуетъ именемъ короля, не представивъ при этомъ никакихъ осязательныхъ доказательствъ. Не обнажайте напрасно шпаги въ домѣ св. Женевьевы! Мы не такъ беззащитны какъ вамъ кажется; хотя двери открыты, но выйдя отсюда, вы удидите, что всѣ переходы и ворота заняты вооруженными монастырскими слугами, которые никого не выпустятъ изъ аббатства безъ нашего разрѣшенія.

Съ этими словами Флорентинъ отворилъ дверь въ корридоръ, въ углубленіи котораго виднѣлась толпа вооруженныхъ людей.

Наступила томительная минута. Но Бріонъ скоро положилъ конецъ общему недоумѣнію. Онъ быстро отвернулся отъ священниковъ стоявшихъ у дверей и удалившись съ графиней въ глубину комнаты, гдѣ никто изъ присутствующихъ не могъ слышать ихъ, сказалъ шопотомъ:

— Вы видѣли этихъ вооруженныхъ людей: они не выпустятъ насъ отсюда и я напрасно подвергну свою жизнь неминуемой опасности. Останьтесь пока здѣсь, графиня; хитростью или насиліемъ я освобожу васъ. Можетъ быть мнѣ удастся какъ нибудь уговорить аббата...

— Берегитесь, насъ могутъ подслушать, сказала графиня.

— Когда вы увидите бѣлый платокъ, привязанный къ дереву подъ этимъ окномъ, то знайте, что я нашелъ возможность освободить васъ...

Бріонъ замолчалъ, такъ какъ Флорентинъ стоялъ возлѣ нихъ. Онъ поспѣшно поцѣловалъ руку графини и вышелъ изъ комнаты, сдѣлавъ знакъ аббату чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ.

Флорентинъ, замѣтивъ это, тотчасъ же присоединился къ нимъ. Онъ не хотѣлъ оставлять Бріона наединѣ съ аббатомъ, зная по опыту уступчивость послѣдняго. Хотя онъ былъ увѣренъ, что графиня не выдастъ его, но имѣлъ достаточный поводъ опасаться, что если она уѣдетъ отъ нихъ въ своему теперешнемъ настроеніи, то это можетъ повредить аббатству и въ особенности его будущей карьерѣ. Онъ рѣшилъ не выпускать молодой женщины изъ монастыря, до тѣхъ поръ, пока ему не удастся опять расположить ее въ свою пользу.

Между тѣмъ графиня была въ такомъ лихорадочномъ состояніи, благодаря потрясающимъ впечатлѣніямъ, которыя она испытала въ

продолженіи нѣсколькихъ часовъ, что еще болѣе ухудшила свое положеніе необуманнымъ рѣшеніемъ. Оставшись на единѣ съ кормилицей она бросилась къ ней на шею и со слезами умоляла содѣйствовать ея бѣгству изъ аббатства. Марго, представлявшая собою олицетворенное добродушіе, тотчасъ-же согласилась на все, обѣщала ни чего не говорить своему сыну и помогать Бріону дѣломъ и словомъ. Никакія сомнѣнія не тревожили ее. Входъ въ аббатство былъ открытъ для нея днемъ и ночью; не подозрѣвая насколько бѣгство Франциски можетъ повредить ея собственному сыну она рѣшила отыскать Бріона и устроить все въ эту-же ночь. Взявъ за руку Химену, на которую никто не обращалъ вниманія и громко разсуждая сама съ собой о томъ какъ лучше приняться за дѣло, она вышла изъ комнаты.

Въ это время уже наступила длинная зимняя ночь; огонь въ каминѣ началъ потухать. На дворѣ бушевалъ вѣтеръ, нагоняя облака на мѣсяцъ. Грозно скрипѣли подъ окномъ столѣтнія сосны, ударяя время отъ времени своими вѣтками о стѣну.

Франциска подошла къ окну. Мысль о бѣгствѣ настолько занимала ее, что ей даже не пришло въ голову запереть на ключь дверь выходившую въ корридоръ. Она въ первый разъ полюбопытствовала узнать, куда выходитъ ея единственное окно. Комната была угловая и въ нижнемъ этажѣ; къ счастью только лѣвая глухая стѣна принадлежала къ фасаду, обращенному къ замку Фуа, среди котораго былъ главный входъ съ кельей привратника, такъ что графиня могла смѣло расчитывать, что со стороны фасада никто не увидитъ ее, если она вздумаетъ убѣжать изъ окна. Повидимому Флорентинъ, назначивъ ей эту комнату, вовсе не думалъ о возможности бѣгства, потому что нельзя было придумать помѣщенія болѣе удобнаго для этой цѣли.

Широкая вѣковая стѣна, окружавшая дворы аббатства въ этомъ мѣстѣ такъ близко подходила къ карнизу окна, что можно было, сдѣлавъ одинъ шагъ, прямо вступить на стѣну съ подоконника, который приходился почти въ уровень съ поломъ. За этимъ угломъ сосны прекращались и начинался обширный лугъ, насколько можно было видѣть среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ зданій аббатства. Полный мѣсяцъ, выглядывая по временамъ изъ-за облаковъ освѣщалъ своимъ фантастическимъ свѣтомъ монастырскія зданія, лугъ и гору St. Sauveur, похожую на громадное бѣлое привидѣніе.

Франциска открыла окно. Вѣтеръ затихъ въ эту минуту и она съ наслажденіемъ дышала свѣжимъ воздухомъ. Ей казалось, что она провела въ заточеніи много лѣтъ. Развѣ бретанскій замокъ, куда она вступила въ качествѣ графини Шатобріанъ, не былъ для нея тяжелой тюрьмой?

— Развѣ я когда нибудь была свободна, спрашивала она себя съ глубокой тоской,—и цѣпи невольничества не преслѣдовали

меня своимъ бряцаніемъ въ Блуа и не вынудили искать убѣжища за монастырскими стѣнами? А воспитаніе на этой горѣ въ замкѣ не было ли это своего рода заточеніемъ? Не держала ли меня суровая мать за желѣзными рѣшетками своихъ предписаній? Моя дорогая Констанція, какъ изныватъ мое сердце въ разлукѣ съ тобой! Если мнѣ суждено опять увидѣть тебя, то я буду руководить тобой, не насилуя относительно выбора жизненнаго пути. О Боже! возврати мнѣ моего ребенка и спаси меня отъ соблазновъ свѣта!

Она облокотилась на подоконникъ, мечтая о возможности вырвать свою дочь изъ рукъ мужа и жить съ нею на свободѣ вдали отъ свѣта. Она не замѣтила какъ поднялся вѣтеръ и дверь, выходившая въ корридоръ отворилась настежь. Въ головѣ ея мелькнула непріятная мысль и заставила усиленно биться ея сердце. Химена, совершенно незнакомое ей существо, которое она даже не удостоила привѣтливымъ словомъ, была свидѣтельницей ея разговора съ Марго и знала весь планъ предполагаемаго бѣгства. Оскорбленная дѣвушка при своей неопытности, могла все разсказать старой графинѣ Фуа, у которой она жила въ это время, тѣмъ болѣе, что вовсе не была заинтересована соблюдать тайну.

— Горе мнѣ! воскликнула Франциска, несчастіе преслѣдуетъ меня; Я погибну если останусь въ этомъ домѣ; Флорентинъ овладѣетъ мною!

Это печальное сознаніе явилось у молодой женщины вслѣдствіе того волненія, которое было возбуждено въ ней объятіями Флорентина. Оно охватило ее въ ту минуту, когда стоя подъ руки съ Бріономъ, она молча слушала его споръ съ Флорентиномъ; даже теперь она чувствовала съ болью въ сердцѣ трепетъ неудовлетвореннаго желанія. Во всемъ тѣлѣ это ощущеніе казалось ей такимъ же предвѣстникомъ гибели, какъ крикъ ворона въ замкѣ.

Печально смотрѣла она, то на высокую пустую комнату и на открытую дверь, черезъ которую могъ ежеминутно войти искуситель, то на деревья подъ окномъ, гдѣ долженъ былъ появиться спасительный знакъ. Не ошиблась ли она?... На ближайшемъ деревѣ дѣйствительно развѣвался бѣлый платокъ, а вслѣдъ затѣмъ на стѣнѣ появилась мужская фигура. Это вѣрно Шабо де-Бріонъ!... Она узнала его и дрожа отъ радости хотѣла встать на подоконникъ и протянуть ему руку, но въ эту минуту ей показалось, что кто-то идетъ по корридору поспѣшными шагами. Проклиная себя, что не догадалась запереть во время дверь, она остановилась въ нерѣшимости среди комнаты, но услыхавъ голосъ Бріона, который звалъ ее по имени, бросилась къ двери и замерла отъ ужаса. Передъ нею стоялъ Флорентинъ, котораго она тотчасъ-же узнала при лунномъ освѣщеніи.

У ней достало силъ подавить крикъ испуга, готовый вырваться изъ ея груди; однако прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ она придумала какимъ способомъ скрыть близкое присутствіе Бріона. Она ясно слышала хрустѣніе вѣтвей за окномъ и чтобы заглушить его

инстинктивно возвысила голосъ. Сначала она сама не сознавала, что говорила, потому что думала о томъ, чтобы произвести побольше шуму, но мало по малу невольно поддалась негодованію, накипѣвшему въ ея сердцѣ и забывая, что Бріонъ слышитъ каждое ея слово, разразилась противъ Флорентина горькими упреками. Но она тотчасъ же смирилась, когда онъ взялъ ее за руку. Это прикосновеніе опять привело ее въ то полусознательно возбужденноее, состояніе, котораго она такъ боялась и ей нужно было употребить надъ собой нравственное усиліе, чтобы отнять руку и отойти отъ него.

Флорентинъ заперъ за собой дверь и подошелъ къ ней.

— Франциска, сказалъ онъ, ты имѣешь право говорить со мной такимъ образомъ; въ одномъ только ты несправедливо обвиняешь меня: будто бы я хочу погубить тебя и сдѣлать несчастной. Я напротивъ того, желаю тебѣ счастья и по возможности полнаго и продолжительнаго. Я подвергалъ тебя искушенію, предполагая, что ты могла измѣниться со времени нашей разлуки и убѣдился, что составилъ о тебѣ ложное мнѣніе. Ты оказалась безпорочнѣе и неопытнѣе, нежели я думалъ. Но тѣмъ труднѣе будетъ для тебя борьба со свѣтомъ и ты болѣе нуждаешься въ моей помощи, нежели ты въ состояніи понять это. Я знаю, что невольно оскорбилъ тебя и мнѣ не скоро удастся заслужить твое довѣріе, тѣмъ не менѣе оно необходимо, если ты хочешь, чтобы побѣда осталась на твоей сторонѣ въ извѣстномъ дѣлѣ. Вотъ причина, почему я настаивалъ, чтобы ты осталась у насъ. Даже помимо того, что мнѣ нужно еще многое разъяснить тебѣ и наставить на путь истинный, я никогда не позволилъ бы тебѣ уѣхать съ какимъ нибудь легкомысленнымъ сеньеромъ. Это значило бы бросить на вѣтеръ всѣ преимущества, которыя доставила тебѣ твоя безупречная добродѣтель. Я знаю, напримѣръ, что ты любишь короля Франциска...

— Кто тебѣ далъ право высказывать мнѣ подобныя предположенія! воскликнула графиня, прерывая рѣчь священника, такъ какъ она не хотѣла, чтобы Бріонъ узналъ сокровенную тайну ея сердца.

— Ты любишь мечтательною любовью рыцарскаго короля Франциска, продолжалъ священникъ спокойнымъ голосомъ и убѣдившись, что онъ ухаживаетъ за тобой и съ горячностью добивается твоей привязанности, ты обратилась въ бѣгство. Короче сказать, ты поступила какъ добродѣтельная и мудрая женщина, такъ что трудно опредѣлить, что собственно руководило тобой: добродѣтель или мудрость. Благодаря этому, можно предвидѣть моментъ, когда король, потерявъ надежду сдѣлать тебя своей любовницей, принужденъ будетъ сказать сановникамъ своего государства: я выбралъ королеву, отправляйтесь въ Пиринеи и скажите графинѣ Шатобріанъ, что я прошу ея руки; ждите у воротъ аббатства пока настоятель объявитъ вамъ, что святой отецъ въ Римѣ освободилъ ее отъ прежняго обязательства и привезите сюда королеву Франциску! Все это

ты умно подготовила; зачѣмъ же хочешь ты все уничтожить однимъ ударомъ, вслѣдствіи недоразумѣнія, возникшаго между друзьями молодости? Неужели тебѣ непонятно, что ты безвозвратно испортила бы себѣ будущность, слѣпо довѣрившись молодому сеньеру, который могъ увезти тебя куда вздумается и распорядиться по своему усмотрѣнію; и во всякомъ случаѣ, даже при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ, сопровождая тебя такимъ романическимъ и двусмысленнымъ способомъ, онъ отдалъ бы тебя въ жертву злословію.

Этотъ неожиданный оборотъ рѣчи такъ разсердилъ Бріона, который слышалъ весь разговоръ, что онъ невольно сдѣлалъ неосторожное движеніе. Хотя шумъ былъ самый незначительный, но Флорентинъ тотчасъ же разслышалъ его и поспѣшно подошелъ къ окну, отстранивъ Франциску, которая инстинктивно хотѣла загородить ему дорогу.

Бѣгство этимъ путемъ сдѣлалось теперь невозможнымъ для графини. Мѣсяцъ въ эту минуту свѣтилъ въ полномъ блескѣ; если Флорентинъ обратитъ вниманіе на неудобное расположеніе комнаты, то, разумѣется, не задумается перемѣстить свою гостью въ болѣе надежное помѣщеніе.

Двухъ-этажный домъ, входившій въ составъ аббатства, обращенный лицевой стороной къ воротамъ, былъ въ полномъ распоряженіи аббата и священниковъ, между тѣмъ какъ наиболѣе значительная часть монастыря за первымъ дворомъ служила помѣщеніемъ для монахинь. Аббатство въ первые годы своего существованія предназначалось для мужского монастыря и было посвящено памяти св. Волюзіана, не пользовавшагося особенною популярностью въ народѣ. Но вскорѣ болѣе современный культъ св. Женевьевы замѣнилъ чествованіе прежняго святого и монастырь сдѣлался исключительно женскимъ. Тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ первоначальной цѣли, съ которой было основано аббатство, старый домъ по прежнему оставался въ пользованіи духовныхъ лицъ мужского пола. Они безгранично властвовали здѣсь и такъ какъ они были почти избавлены отъ монастырской службы и работъ, то могли тѣмъ болѣе посвятить свое вниманіе свѣтскимъ дѣламъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Флорентинъ повидимому замѣтилъ всѣ неудобства выбраннаго имъ помѣщенія, потому что подойдя къ окну онъ окинулъ комнату внимательнымъ взглядомъ, затѣмъ медленно и осторожно высунулъ голову изъ открытаго окна. Не боялся ли онъ, что Франциска въ порывѣ гнѣва и отчаянія столкнетъ его въ тѣсный промежутокъ между окномъ и стѣной? По крайней мѣрѣ онъ быстро оглянулся назадъ, когда услышалъ за собою шумъ.

По корридору явственно раздавались шаги.

Минуту спустя дверь отворилась и свѣтъ потаеннаго фонаря упалъ на блѣдную, взволнованную графиню и священника въ лиловомъ одѣя-

ніи. Это была Марго съ служанкой изъ замка, которая несла за нею большой свертокъ. Не выказывая ни малѣйшаго смущенія Марго набросилась съ упреками на Флорентина, который хотѣлъ было развязать свертокъ, что „онъ не даетъ ни минуты покоя бѣдной графинѣ, измученной продолжительнымъ путешествіемъ и теперь мѣшаетъ ей перемѣнить бѣлье, которое онѣ принесли съ собой изъ замка“.

Къ несчастью Марго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вела себя совершенно иначе въ замкѣ. Слѣдуя влеченію своего добраго сердца она все выболтала старой графинѣ, несмотря на старанія Химены удержать ее отъ этого. Въ этомъ случаѣ, какъ всегда, ею руководило доброе намѣреніе: зная, что Франциска не хочетъ долѣе оставаться въ аббатствѣ, она надѣялась доставить ей пріютъ въ замкѣ. Она конечно не достигла желаемаго результата и только возбудила недовѣріе старой графини, которая захотѣла убѣдиться собственными глазами, дѣйствительно ли ея дочь въ такомъ положеніи, что ей необходимо искать спасенія въ бѣгствѣ. Она оставалась совершенно безучастною, пока была увѣрена, что ея заблудшее дитя находится въ стѣнахъ оббатства, но мысль, что новое бѣгство можетъ еще больше испортить репутацію молодой женщины сильно встревожила ее. Она только ждала ухода Марго, чтобы исполнить свое намѣреніе. Обыкновенно тихая и молчаливая Химена съ несвойственною ей живостью употребила все свое краснорѣчіе, чтобы удержать старую графиню отъ посѣщенія аббатства въ такой поздній часъ вечера. Настойчивость Химены только усилила ея подозрѣнія; она повелительно потребовала свой зимній салопъ и приказала молодой дѣвушкѣ слѣдовать за нею.

Несравненно удачнѣе шло дѣло съ опаснымъ противникомъ бѣгства, Флорентиномъ. Желая заслужить расположеніе своей молочной сестры онъ не счелъ нужнымъ разсматривать свертокъ и, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ, удалился. Его вниманіе было поглощено окномъ, потому что онъ ожидалъ, что графиня выберетъ этотъ путь для своего бѣгства. Позвавъ къ себѣ сторожа, онъ приказалъ ему въ эту ночь обойти нѣсколько разъ стѣну аббатства и обратить особенное вниманіе на угловое окно комнаты, назначенной для пріѣзжей дамы. Затѣмъ онъ отправился къ привратнику и посовѣтовалъ ему усерднѣе исполнять свою обязанность и не впускать въ монастырь всякихъ навязчивыхъ сеньеровъ, не узнавъ предварительно о цѣли ихъ посѣщенія.

Едва Флорентинъ скрылся за дверью, какъ Марго отправила горничную обратно въ замокъ и стала торопить графиню, чтобы та какъ можно скорѣе одѣла на себя широкую волосяную одежду бѣлицы, которую она вынула изъ свертка. Наряжая свою дорогую Франциску въ этотъ странный нарядъ Марго объявила, что намѣрена вывести ее изъ аббатства подъ именемъ бѣлицы Марты, опытной сидѣлки при

больныхъ, будто бы призванной въ замокъ по случаю внезапной болѣзни графини Фуа. Этимъ способомъ имъ будетъ не трудно выбраться изъ монастыря, а на опушкѣ лѣса у рѣки ихъ будетъ ждать Батистъ съ тремя лошадьми.

— Третья лошадь для меня, моя дорогая, добавила добрая женщина съ ласковой улыбкой,—потому что теперь я уже не разстанусь съ тобой, пока ты окончательно не устроишься. Не бойся, все будетъ кончено черезъ десять минутъ; дай мнѣ только твое дорожное платье; я заверну его въ платокъ, оно понадобиться намъ...

Но прошло около десяти минутъ, прежде чѣмъ имъ удалось отыскать платье въ темной комнатѣ съ помощью фонаря. Франциска, предполагая, что Бріонъ все еще ожидаетъ ее, хотѣла подойти къ окну чтобы предупредить его, но Марго воспротивилась этому и, взявъ ее за руку, почти насильно вывела изъ двери.

— Чужой господинъ не знаетъ нашей тайны, сказала она, — мы все устроили вдвоемъ съ Батистомъ! Если ты пожелаешь видѣть молодого сеньера, то стоитъ только намекнуть объ этомъ его слугамъ и онъ насъ найдетъ. Мы должны торопиться, городскія ворота запираются ровно въ десять; если мы опоздаемъ, то нельзя будетъ проѣхать мостъ, а ты знаешь, что теперь Аріежъ такъ полноводна, что нечего думать перебраться черезъ нее въ бродъ.

Онѣ дошли до лѣстницы, гдѣ кончался корридоръ перваго этажа, и, сойдя съ нее, вошли въ нижнюю галлерею, которая вела въ келью привратника. Графиня на минуту остановила Марго, потому что она съ трудомъ дышала отъ страха и быстрой ходьбы. Все было тихо кругомъ. Черезъ широкіе арки поддерживаемые четырехугольными столбами видѣнъ былъ дворъ аббатства, ярко освѣщенный луной и на ихъ счастье совершенно пустынный въ эту минуту. Но едва сдѣлали онѣ нѣсколько шаговъ, какъ услыхали за собою шорохъ и надъ ихъ головами кто-то назвалъ по имени графиню. Зовъ этотъ глухо раздался среди ночной тишины и привелъ въ ужасъ обѣихъ женщинъ. Графиня молча опустилась на колѣни, не поворачивая головы.

— Господи Іисусе Христе! Что это значитъ? воскликнула Марго оглядываясь во всѣ стороны, и, замѣтивъ какую-то темную массу въ глубинѣ свода, приняла ее за сверхестественное явленіе и, внѣ себя отъ страху, упала на каменныя плиты галлереи.

— Боже, помоги намъ! простонала она чуть слышно.

Черезъ секунду опять послышался шорохъ и зовъ раздался у самыхъ ея ушей.

Марго быстро поднялась на ноги.

— Несносная тварь! сказала она, сердитымъ голосомъ, хотя въ душѣ была очень довольна, что ея страхъ оказался напраснымъ.—Глупый Жакъ, ты разбудишь все аббатство!

Это былъ воронъ, который вѣроятно послѣдовалъ за Марго изъ замка и, потерявъ ее изъ виду, пріютился подъ сводами нижняго

коридора. Марго схватила его, не обращая вниманія на карканье и прикрыла платкомъ.

— Идите скорѣе, Франциска, торопила она, насъ могутъ задержать.

Дойдя до половины галлереи, онѣ остановились въ нерѣшимости, потому что кто то вышелъ изъ кельи привратника и послышался шумъ быстро приближавшихся шаговъ.

— Спусти капишонъ на лицо и не говори ни слова, шепнула Марго своей спутницѣ. Намъ никто не опасенъ кромѣ Флорентина, а ему здѣсь дѣлать нечего... Тише! Это его шаги! Онъ не долженъ тебя видѣть, его не обманешь! Спрячься скорѣе за этотъ столбъ...

Графиня повиновалась, а Марго открыла свой потаенный фонарь и смѣло пошла на встрѣчу своему сыну, но забыла о воронѣ, который вырвался изъ ея рукъ и съ крикомъ „Францискъ! Францискъ"! сталъ кружиться вокругъ столба, за которымъ стояла графиня.

Но Марго не потеряла присутствія духа и, встрѣтивъ своего сына среди галлереи, спросила равнодушнымъ тономъ:

— Ты ли это Флорентинъ?

— Да, я...

— Ты напрасно выучилъ болтать глупаго Жака и навязалъ намъ всѣмъ это пугало! Вотъ онъ теперь до смерти встревожилъ Франциску, влетѣлъ въ окно и бросился прямо къ ней на постель, куда я только что уложила ее. Вы всѣ непозволительно мучите моего бѣднаго ребенка; дайте ей отдохнуть нѣсколько дней, и прійти въ себя послѣ такой дороги...

Марго говорила безъ умолку, чтобы отвлечь вниманіе Флорентина и направила свой потаенный фонарь прямо ему въ лицо и, когда тотъ избѣгая яркаго свѣта, направился къ лѣстницѣ, она послѣдовала за нимъ.

Удалившись такимъ образомъ на нѣсколько шаговъ отъ столба, за которымъ стояла графиня, Марго остановилась и стала освѣщать дорогу своему сыну, продолжая бранить Жака, который испугалъ ея дорогую Франциску. Наконецъ Флорентинъ скрылся изъ виду и Марго вздохнула свободнѣе. Она поспѣшно закрыла фонарь и позвавъ Франциску довела ее до дверей кельи привратника.

— Постой здѣсь, моя дорогая, шепнула она графинѣ. Я переговорю съ привратникомъ и вернусь за тобой. Если я буду объясняться съ нимъ въ твоемъ присутствіи, то онъ начнетъ разглядывать тебя и пожалуй догадается въ чемъ дѣло.

Франциска видѣла, что кормилица ея совершенно права и покорилась скрѣпя сердце, хотя чувствовала себя гораздо смѣлѣе, пока съ нею была Марго. Дрожа отъ волненія и страха, она отошла отъ двери.

Между тѣмъ Марго войдя къ привратнику, спросила его недовольнымъ голосомъ:

— Неужели до сихъ поръ не приходила Марта?

— На что тебѣ понадобилась Марта?

— Боже мой! Да развѣ ты не знаешь, что наша старая графиня занемогла отъ сегоднишняго волненія?

— Не изъ-за графини ли Франциски?

— Разумѣется! Вотъ меня и послали за Мартой, потому что она лучше всѣхъ умѣетъ ухаживать за больными... Не понимаю, куда она дѣвалась! Еще дала слово, что тотчасъ прійдетъ, а я какъ будто нарочно встрѣтила сына въ корридорѣ и заговорилась съ нимъ!..

— Недавно была здѣсь служанка изъ замка и ни слова не сказала мнѣ объ этомъ.

— Она такъ глупа, что отъ нея никогда не добьешься толку! Но вотъ и Марта!

Марго отворила дверь и, взявъ подъ руку Франциску, направилась къ выходу.

Привратникъ загородилъ имъ дорогу.

— Что это значитъ, Марта? Ты сегодня не хочешь поздороваться со мной!

— Пусти ее; она торопится...

— Развѣ вы не однѣ? спросилъ съ удивленіемъ привратникъ; кто-то шаритъ за дверью, не можетъ отыскать ручки.

— Пустяки! тамъ никого нѣтъ. Отворяй скорѣе! воскликнула Марго.

Въ эту минуту въ галлереѣ раздался рѣзкій крикъ: „Францискъ“. Привратникъ опрометью бросился къ двери, не обращая вниманія на Марго, которая громко бранила „проклятаго“ ворона, какъ она его называла и выходила изъ себя, что онѣ напрасно теряютъ время. Добрая женщина была въ сильномъ безпокойствѣ; упорное молчаніе графини могло показаться подозрительнымъ привратнику, который вернувшись назадъ, счелъ нужнымъ выразить свое удивленіе и распространиться о необыкновенномъ посѣщеніи ворона. Наконецъ онъ поднялъ засовъ, но въ это самое время кто-то позвонилъ съ улицы и, когда отворилась дверь, то Марго и Франциска очутились лицомъ къ лицу съ старой графиней Фуа. Теперь всякая надежда на бѣгство была потеряна. Франциска, измученная волненіями дня, съ отчаяніемъ отступила назадъ; привратникъ, видя, что Мартѣ нѣтъ никакой надобности отправляться въ замокъ поспѣшилъ запереть наружную дверь, по приказанію старой графини. Наступила минута томительнаго молчанія.

— Иди впередъ съ своей спутницей, сказала наконецъ графиня Фуа, обращаясь къ Марго и повелительно указывая на дверь, ведущую въ галлерею.

Презрительный тонъ, съ которымъ были сказаны эти слова и высокомѣрное выраженіе лица старой графини вывели изъ терпѣнія Франциску. Гнѣвъ на минуту овладѣлъ ея сердцемъ; она выпрямилась во весь ростъ и громко сказала привратнику:

— Отвори дверь! Ты не смѣешь удерживать меня здѣсь!

Но привратникъ не двигался съ мѣста. Видя себя обманутымъ и отчасти подозрѣвая истину, онъ не считалъ удобнымъ брать на себя отвѣтственность въ сомнительномъ дѣлѣ.

— Неужели вы считаете приличнымъ, сударыня, разсуждать о семейныхъ дѣлахъ въ присутствіи привратника? замѣтила съ усмѣшкой графиня Фуа и, видя, что Франциска молчитъ, добавила, обращаясь къ Марго:

— Избавь насъ пожалуйста отъ всякихъ разсужденій и веди въ комнату Франциски.

Въ это время Бріонъ, стоя на стѣнѣ, за густыми вѣтвями сосны, терпѣливо ждалъ благопріятной минуты для побѣга графини. Онъ почти возненавидѣлъ Флорентина за его властолюбивые планы и, хотя самъ искренно поклонялся королю-рыцарю, но преданность его не была на столько велика, чтобы онъ согласился безропотно уступить королю любимую женщину. Его романическая, безкорыстная привязанность къ ней была чужда разсчета и онъ готовъ былъ принести себя въ жертву для ея счастья, но не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ для достиженія чьихъ бы то ни было корыстныхъ цѣлей. Хладнокровный тонъ священника настолько раздражилъ молодого сеньёра, что онъ обнажилъ свою шпагу, когда Флорентинъ подошелъ къ окну, и только появленіе Марго спасло жизнь ея сыну. Затѣмъ обѣ женщины остались однѣ и Бріонъ, слыша шопотъ чьихъ-то голосовъ, стоялъ неподвижно, такъ какъ не былъ увѣренъ, нѣтъ ли еще кого нибудь съ ними.

Но вотъ шопотъ прекратился и въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Бріонъ вполголоса назвалъ графиню по имени; никто не отвѣтилъ ему. Взволнованный долгимъ ожиданіемъ, не зная, чѣмъ объяснить молчаніе графини, онъ остановился въ нерѣшимости; и въ тотъ же моментъ надъ головой его неожиданно пролетѣла большая птица, шумя тяжелыми крыльями и въ темной комнатѣ раздался громкій крикъ: „Францискъ!“ Бріонъ не былъ труслився, но тѣмъ не менѣе сердце его замерло отъ ужаса, потому что помимо своей воли онъ раздѣлялъ суевѣрія того времени или вѣрнѣе сказать предразсудки свойственныя всѣмъ вѣкамъ. Внезапное появленіе ворона и имя короля, которое изрѣдка слышалось внутри аббатства настолько смущали его, что прошло довольно много времени, пока онъ могъ на что нибудь рѣшиться. Наконецъ, когда все стихло, онъ опять назвалъ графиню по имени, но такъ какъ и на этотъ разъ не послѣдовало никакого отвѣта, онъ рѣшился войти въ комнату. Но едва успѣлъ онъ перешагнуть окно, какъ на порогѣ появились четыре женщины и свѣтъ фонаря ярко освѣтилъ его испуганное лицо.

— Бріонъ! воскликнула съ отчаяніемъ Франциска, закрывъ лицо руками.

Этотъ возгласъ привелъ еще въ большую ярость старую графиню которая знала по имени королевскаго любимца, и не могла простить молодому сеньёру его появленія въ замкѣ Фуа.

— Зажги свѣчи, Марго, сказала она съ принужденнымъ спокойствіемъ, запри окно и проводи этого господина къ привратнику; онъ вѣроятно заблудился и не знаетъ какъ выйти изъ аббатства.

Бріонъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія и догадываясь, что видитъ передъ собою старую графиню Фуа, не тотчасъ нашелся, чѣмъ объяснить свое двусмысленное появленіе въ комнатѣ молодой женщины, потому что романическая любовь вообще бѣдна на выдумки. Онъ нерѣшительно взглянулъ на Франциску и совсѣмъ отказался отъ всякаго возраженія, когда ему показалось, что она сдѣлала знакъ рукой чтобы онъ немедленно удалился. Не говоря ни слова, онъ молча послѣдовалъ за Марго къ привратнику, который все еще не могъ прійти въ себя отъ испытанныхъ имъ волненій и былъ очень удивленъ, что ему приходится отворять дверь господину, котораго онъ не думалъ впускать въ монастырь.

Между тѣмъ старая графиня начала форменный допросъ своей дочери. Подобный допросъ врядъ ли вынесла бы всякая другая менѣе честная и добродѣтельная женщина и вѣроятно съумѣла бы привести къ болѣе счастливому исходу, нежели это сдѣлала Франциска. Главная причина этого заключалась въ томъ, что несчастная женщина, при оцѣнкѣ своихъ поступковъ, руководствовалась еще болѣе утонченными и строгими правилами нравственности, чѣмъ тѣ, какія были доступны ея матери. Такимъ образомъ она осталась беззащитною противъ суровыхъ нарѣканій старой графини, даже помимо полнаго тѣлеснаго безсилія, которое она ощущала въ эту минуту. Что могла она отвѣчать матери, когда та холоднымъ, безучастнымъ тономъ описывала ея жизнь съ того момента, когда, пользуясь отсутствіемъ мужа, она оставила замокъ Шатобріанъ ради веселой придворной жизни.

— Какъ тебѣ не стыдно, безсовѣстная мать и дурная жена! говорила старая графиня; и ея худощавое, желтое лицо съ рѣзкими чертами, нѣкогда правильное и красивое, покрылось глубокими морщинами отъ презрительной улыбки тонкихъ губъ, въ то время какъ ея длинная, бѣлоснѣжная рука двигалась взадъ и впередъ по воздуху. Ты бросила единственнаго ребенка на чужихъ рукахъ для удовлетворенія своей чувственности, сдѣлала мужа посмѣшищемъ легкомысленнаго двора, когда онъ, имѣя право убить на мѣстѣ свою преступную жену, кротко уговаривалъ ее вернуться домой къ ребенку! Изъ боязни лишиться достойной награды за свой развратъ, ты кокетливо удалилась отъ короля, который медлилъ почтить тебя внѣшними знаками своего высокаго вниманія! Ты забыла стыдъ и все сдѣлала чтобы опозорить фамилію Фуа и имя твоей матери, которая надѣялась, что ты по крайней мѣрѣ почувствуешь потребность въ долгомъ

и тяжеломъ покаяніи. Но и это показалось лишнимъ твоему извращенному уму!.. Ты обманула послѣднюю надежду твоей матери! Когда я прогнала тебя изъ твоего родительскаго дома и ты нашла себѣ убѣжище въ здѣшнемъ аббатствѣ, у меня явилась увѣренность, что ты наконецъ опомнишься и своимъ глубокимъ раскаяніемъ выкажешь ту силу характера, которую я могла ожидать отъ моей дочери. Какъ жестоко ошиблась я! Помимо высокопоставленнаго у васъ оказался второй любовникъ низшаго разбора еще болѣе близкій вашему сердцу!.. Однимъ словомъ, то, что мнѣ было бы совѣстно подумать о совершенно постороннихъ и самыхъ развратныхъ тваряхъ, я должна говорить это о женщинѣ, которую я въ былыя времена называла своей дочерью!.. Этотъ любовникъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за своей дамой съ очевиднымъ намѣреніемъ продолжать съ нею постыдную связь въ домѣ ея матери! Но замокъ Фуа оказался закрытымъ для него; не приняло его и здѣшнее аббатство и вотъ графиня Шатобріанъ рѣшается на бѣгство изъ боязни пропустить rendez-vous. Онъ съ своей стороны отыскивая развратницу перелѣзаетъ стѣны, врывается въ окно святой обители въ первую же ночь, когда почтенные отцы, тронутые мнимымъ раскаяніемъ грѣшницы рѣшились дать ей пріютъ у себя. Я сама, несчастная мать, которой почему-то послано такое жестокое испытаніе, застала его въ этой комнатѣ... Что можешь сказать ты въ свое оправданіе?.. Ты блѣднѣешь и дрожишь отъ моихъ словъ!.. Но меня только радуетъ это! Если бы мои слова напугали тебя до смерти, то я считала бы это только благодѣяніемъ для обѣихъ насъ и возблагодарила бы создателя за милостивое избавленіе!..

Съ этими словами графиня Фуа взяла за руку Химену и направилась къ двери въ то время какъ ея дочь съ раздирающимъ воплемъ упала на каменный полъ. Не оглядываясь вышла старая графиня изъ комнаты и, казалось, не замѣтила, что Химена оттолкнула ея руку и бросилась поднимать Франциску вмѣстѣ съ Марго.

ГЛАВА III.

Шабо де-Бріонъ узналъ на слѣдующее утро, что графиня Шатобріанъ опасно заболѣла и находится при смерти. Марго сообщила ему это извѣстіе съ такимъ горькимъ плачемъ, что онъ не могъ сомнѣваться въ истинѣ ея словъ. Онъ понялъ изъ ея несвязнаго разсказа, что съ Франциской сдѣлалась нервная горячка и что съ прошлой ночи самыя ужасныя фантазіи мучатъ ее среди безпамятства, такъ что ей вѣроятно грозитъ смерть или сумасшествіе. При

этомъ Марго добавила, что Флорентинъ сильно возмущенъ безсердечіемъ старой графини Фуа и что г-нъ де-Бріонъ чрезвычайно обяжетъ его, если пожалуетъ немедленно въ аббатство для переговоровъ о судьбѣ Франциски въ случаѣ ея вызоровленія, и о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя они должны послать королю.

Бріонъ былъ такъ встревоженъ болѣзнью графини, что, забывъ свою непріязнь, тотчасъ же отправился къ Флорентину, которому удалось довольно ловко оправдать свое поведеніе относительно Франциски. Онъ откровенно сознался молодому сеньёру, что совершенно ложно представлялъ себѣ характеръ и положеніе графини Шатобріанъ, но теперь не считаетъ болѣе полезнымъ и даже возможнымъ, чтобы она вернулась къ прежнимъ отношеніямъ и что по его мнѣнію необходимо всѣми средствами оградить несчастную женщину отъ притязаній мужа и матери. Если король послѣ вѣроятной смерти королевы Клавдіи выхлопочетъ разводъ графини съ мужемъ, то это можетъ благотворно подѣйствовать на больную и ускорить ея выздоровленіе лучше всякихъ лекарствъ. Затѣмъ Флорентинъ незамѣтно завелъ рѣчь о томъ, что Бріонъ долженъ отрекомендовать его королю, какъ самаго надежнаго человѣка для такого щекотливаго дѣла. Хотя онъ, какъ священникъ, выказалъ сначала нѣкоторую строгость относительно молодой женщины, но, убѣдившись въ ея безвыходномъ положеніи, готовъ употребить всѣ усилія чтобы освободить ее отъ семейныхъ обязательствъ. Въ виду этого онъ обѣщалъ еженедѣльно извѣщать Бріона о состояніи больной и въ случаѣ ея выздоровленія слѣдовать во всемъ указаніямъ короля и молодого сеньёра.

Шабо де-Бріонъ, благодаря своей неопытности, съ радостью принялъ предложеніе священника и просилъ только чтобы ему позволили взглянуть на графиню передъ отъѣздомъ въ Парижъ. Флорентинъ не особенно желалъ этого свиданія, но счелъ неудобнымъ отказать молодому сеньёру. Онъ свелъ его въ комнату больной предварительно спросивъ на это разрѣшенія у Марго, добровольно взявшей на себя роль сидѣлки. Роковое окна было завѣшано; въ темномъ углу, на постели лежала несчастная Франциска съ лицомъ искаженнымъ отъ жара и судорогъ. Химена сидѣла у ея изголовья, а Марго съ заплаканными глазами стояла у постели и боязливо вглядывалась въ лицо Марты, не рѣшаясь спросить ее: можно ли надѣяться на выздоровленіе ея дорогой Франциски и какія существуютъ средства противъ горячки?

Свиданіе это произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на Бріона. Хотя графиня лежала съ открытыми глазами, но она никого не узнавала и говорила только о королѣ, называя его „дорогимъ Францискомъ“, „властелиномъ ея сердца“...

Въ тотъ же день Бріонъ отправился въ Парижъ. Въ долинѣ Аріежъ поднималась мятель, когда онъ пріѣхалъ на высокій холмъ, съ котораго Батистъ и графиня смотрѣли на оврагъ и горы Фуа.

Съ вершины St-Sauveur падалъ зимній снѣгъ, покрывая бѣлымъ саваномъ высокій замокъ съ башнями, аббатство и чернѣвшій внизу городъ.

Батистъ, проводивъ Бріона, остановилъ свою лошадь, и еще разъ оглянулся назадъ. Снѣгъ падалъ такими хлопьями, что онъ скоро потерялъ изъ виду молодого сеньёра и его свиту. Мрачное зрѣлище зимней пустыни еще болѣе усилило тоску, наполнявшую сердце вѣрнаго слуги; онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно въ Фуа чтобы поселиться въ кузницѣ и ожидать, чѣмъ рѣшится участь его госпожи.

Въ тѣ времена во Франціи не существовало почты, но между высокопоставленными и болѣе или менѣе извѣстными духовными лицами разныхъ монащескихъ орденовъ было установлено правильное сообщеніе, что давало имъ большой перевѣсъ надъ высшимъ французскимъ дворянствомъ. Хотя послѣднее считало своимъ долгомъ поддерживать дѣятельныя сношенія съ провинціей, но это дѣлалось только въ исключительныхъ и важныхъ случаяхъ, тогда какъ духовенство непрерывно сносилось со всѣмъ христіанскимъ міромъ черезъ своихъ странствующихъ монаховъ, богомольцевъ и съ помощью разныхъ другихъ правильно организованныхъ средствъ сообщенія. Такимъ образомъ Флорентинъ имѣлъ постоянныя извѣстія изъ Блуа о Францискѣ, которыя онъ систематически сообщалъ ея матери. Тѣмъ же способомъ извѣщалъ онъ теперь еженедѣльно Бріона о ходѣ болѣзни графини Шатобріанъ, о своихъ догадкахъ и соображеніяхъ относительно ея нравственнаго состоянія и устройства ея дальнѣйшей участи. Прислушиваясь въ продолженіи многихъ дней и ночей къ бреду больной, Флорентинъ окончательно убѣдился, что Бріонъ не опасенъ для него. Хотя онъ не имѣлъ поводовъ безпокоиться, что молодой сеньеръ что либо скроетъ отъ короля, такъ какъ при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ ревность не могла руководить его дѣйствіями, но тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ найти еще другой путь къ королю. Духовенство не довѣряло Гилльому Бюде, который завѣдывалъ преподаваніемъ высшихъ наукъ во Франціи и не находился въ прямой зависимости отъ духовныхъ властей; но это и побуждало ихъ поддерживать съ нимъ связь, слѣдуя мудрому правилу, что врагъ только тогда опасенъ, когда мы не знаемъ его и не имѣемъ съ нимъ никакихъ сношеній. Такимъ образомъ Бюде черезъ посредство третьяго лица получалъ довольно часто извѣстія о графинѣ Шатобріанъ, тѣмъ болѣе, что Флорентину было извѣстно, насколько этотъ добродушный ученый пользовался довѣріемъ короля. Флорентинъ сознавалъ, что сдѣлалъ непростительную глупость заявивъ свои притязанія на Франциску и рѣшилъ употребить всѣ старанія чтобы снова заслужить ея довѣріе. Въ то время какъ несчастная жертва боролась между жизнью

и смертью онъ успѣлъ настолько подвинуть свое дѣло, что уже смѣло разсчитывалъ получить важное назначеніе въ Парижѣ. Весь вопросъ заключался въ томъ чтобы снова водворить графиню Шатобріанъ при дворѣ и имѣть на нее вліяніе въ будущемъ. Флорентинъ и вся его клика не придавали особеннаго значенія склонности молодой женщины къ философскимъ и религіознымъ вопросамъ, потому что надѣялись наставить ее на истинный путь, если Флорентинъ сдѣлается ея духовникомъ въ Парижѣ. Они были увѣрены, что дѣйствуя на короля черезъ посредство умной и красивой женщины имъ удастся склонить его на свою сторону и оградить отъ вліянія герцогини Алансонской, которая открыто высказывала свое сочувствіе реформаціи. Что-же касается плана, по которому предполагалось возвести графиню Шатобріанъ въ санъ королевской супруги, то почтенные отцы не считали нужнымъ поднимать его въ данный моментъ, такъ какъ все зависѣло отъ того, насколько занимавшая ихъ дама будетъ ревностно поддерживать католическую церковь.

Въ то время какъ другіе распоряжались такимъ образомъ ея будущностью, графиня въ теченіи двухъ мѣсяцевъ лежала въ горячкѣ, исходъ которой былъ неизвѣстенъ, потому что сильные приступы болѣзни не разъ заставляли опасаться за ея жизнь. Но противъ всякаго ожиданія больная стала мало по малу оправляться, благодаря своей молодости и здоровому организму. Когда солнце начало пригрѣвать южную сторону аббатства и, высоко поднявшись на небѣ, озарило окрестныя горы и лугъ подъ окномъ Франциски, она ожила душой, и прійдя въ полное сознаніе стала обращать вниманіе на окружавшихъ ее лицъ.

Видъ Химены, которая неотлучно оставалась при ней видимо раздражалъ ее. Не явилось ли у ней подозрѣніе, что эта молчаливая дѣвушка выдала старой графинѣ Фуа тайну ея бѣгства и привела послѣднюю изъ замка? На это сама Франциска врядъ ли могла дать опредѣленный отвѣтъ, такъ какъ никто не въ состояніи прослѣдить тотъ процесъ мысли, который совершается въ человѣкѣ во время сна или продолжительной опасной болѣзни, когда повидимому прекращается всякая духовная дѣятельность. Хотя у Франциски воспоминаніе прошлаго возвращалось крайне медленно и урывками, но событія послѣднихъ дней передъ ея болѣзнью возбудили въ ней неожиданныя симпатіи и антипатіи. Такъ въ ея душѣ не осталось слѣда прежняго отвращенія къ Флорентину и она выказывала самое нѣжное расположеніе къ этому загадочному человѣку. Къ матери Франциска относилась совершенно равнодушно, ни разу не спросила о ней и, когда говорили о графинѣ Фуа въ ея присутствіи, то слушала такъ безучастно, какъ будто дѣло шло о совершенно посторонней особѣ. Что-же касается короля, то она спросила безъ всякаго стѣсненія: не пріѣзжалъ ли онъ въ аббатство во время ея болѣзни и чѣмъ выразилъ свое участіе къ ней?

Флорентинъ былъ въ полномъ восхищеніи. Онъ ожидалъ, что ему придется потратить все свое краснорѣчіе чтобы возбудить въ графинѣ Шатобріанъ ея прежнюю склонность къ королю, особенно въ виду того, что чувственность, которая играетъ такую важную роль во всякой привязанности должна была замолкнуть послѣ такой долгой и продолжительной болѣзни. Но онъ съ удивленіемъ замѣтилъ во время ихъ первыхъ прогулокъ по лугу освѣщенному солнцемъ въ теплые мартовскіе дни, что страстное томленіе уже начинаетъ овладѣвать прекраснымъ, хотя все еще слабымъ тѣломъ молодой женщины. Она дѣлала на него впечатлѣніе невѣсты, которая предвкушая радости любви, не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ ощущеній. Ему стоило большого труда справиться съ собою. Хотя она ласково улыбалась, встрѣчая его взглядъ, но онъ не могъ приписать своему присутствію яркій румянецъ вспыхивающій на ея щекахъ, блескъ темныхъ, большею частью опущенныхъ глазъ, полураскрытыя губы, возраставшую полноту плечъ и рукъ. Все это какъ и прежде не принадлежало ему: она разцвѣтала на его глазахъ подъ вліяніемъ склонности къ другому человѣку, наполнявшей безмятежной радостью ея наболѣвшее сердце.

Въ виду этого Флорентинъ держалъ себя крайне осторожно съ своей молочной сестрой, такъ какъ опытъ показалъ ему, что давъ волю своимъ чувствамъ, онъ можетъ испортить все дѣло. Между тѣмъ Франциска становилась всѣ рѣшительнѣе, и ему скоро пришлось убѣждать ее не торопиться и быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Она съ пренебреженіемъ отвѣчала на робкія замѣчанія Химены, когда молодая дѣвушка высказывала свое мнѣніе относительно трудныхъ обязанностей, связанныхъ съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Для Франциски не существовало теперь никакихъ практическихъ соображеній и въ своихъ планахъ она заходила гораздо дальше, нежели того хотѣлъ Флорентинъ. Благодаря этому, чѣмъ беззаботнѣе относилась она къ своей будущности, тѣмъ осторожнѣе выражался священникъ въ своихъ письмахъ въ Парижъ. Онъ настоятельно требовалъ чтобы ему объявили въ точности какого рода обязательство беретъ на себя король въ томъ случаѣ, если его предполагаемый бракъ съ графиней Шатобріанъ встрѣтитъ непреодолимыя препятствія и хотѣлъ чтобы относительно этого была составлена формальная бумага за подписью короля и вручена ему для храненія въ архивѣ аббатства св. Женевьевы.

Она улыбалась, когда Флорентинъ намекалъ ей на мѣры, предпринятыя имъ для обезпеченія ея будущности, и приводила его въ смущеніе своимъ легкимъ взглядомъ на жизнь, такъ что у него не хватало мужества разубѣждать ее. Между тѣмъ, онъ хорошо зналъ, какъ необходимо обезпечить будущность Франциски, изъ отзывовъ разныхъ духовныхъ лицъ, которыя писали ему изъ Парижа, что онъ долженъ, во что бы то ни стало заключить письменное условіе. По

ихъ словамъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что легкомысліе и непостоянство составляютъ основныя черты характера короля Франциска и что напрасно многіе приписывали эти свойства его молодости. Тоже говорили лица расположенныя къ королю и, восхваляя его доброе сердце, добавляли, что нельзя положиться на его честное слово.

Такого рода переговоры продолжались до половины марта. Флорентинъ, предполагая, что дѣло достаточно выяснилось послалъ верховаго къ Шабо де-Бріону съ опредѣленными требованіями относительно будущности графини Шатобріанъ и съ заявленіемъ, что если требованія эти будутъ выполнены, то король можетъ немедленно пріѣхать за своей невѣстой. Послѣднее было очень важно для Флорентина, потому что онъ не зналъ, долго ли останется Франциска въ аббатствѣ и ему было бы крайне не удобно удерживать ее вторично противъ воли. Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ отпустить ее одну въ Парижъ, хотя былъ убѣжденъ, что это можетъ случиться въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ она ежедневно спрашивала его, скоро ли пріѣдетъ король? Онъ зналъ, какъ ловкій дѣлецъ, что неожиданный отъѣздъ графини можетъ дурно отозваться на его настоящемъ положеніи, представлявшемъ такія несомнѣнныя преимущества.

Флорентинъ не сомнѣвался въ искреннемъ посредничествѣ Бріона, и разсчиталъ заранѣе, какъ поступитъ молодой сеньеръ подъ вліяніемъ своей простодушной, романической любви, которая совпадала съ его преданностью къ королю и съ утратою всякой надежды на взаимность графини Шатобріанъ. Такимъ образомъ Флорентину не стоило особеннаго труда убѣдить Бріона въ безграничной любви графини къ королю и, доказать ему, что только способствуя этой привязанности, онъ можетъ надѣяться опять увидѣть Франциску и заставить ее уважать его чувство къ ней.

Шабо де-Бріонъ поступилъ такъ, какъ этого ожидалъ Флорентинъ. Онъ отправился ко двору въ Фонтенбло безъ всякаго опредѣленнаго плана и когда король сталъ настоятельно разспрашивать его о молодой графинѣ, то онъ послѣ нѣкотораго колебанія разсказалъ все, что ему было извѣстно изъ писемъ Флорентина. Онъ говорилъ робко и съ видимою неохотою и тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ на короля, который не имѣя повода подозрѣвать своего любимца въ какихъ либо затаенныхъ замыслахъ, не считалъ болѣе нужнымъ скрывать отъ него ту пламенную любовь, которую онъ чувствовалъ къ Францискѣ.

Между тѣмъ въ аббатствѣ дѣло быстро подходило къ развязкѣ, чему въ значительной степени способствовали слѣдующія два событія, случайно совпавшія одно съ другимъ. Гонецъ изъ Бретани привезъ письмо графинѣ Шатобріанъ, а вслѣдъ затѣмъ старая графиня

Фуа въ первый разъ послѣдовала порыву своего материнскаго чувства и отправилась въ аббатство, чтобы повидаться съ дочерью.

Было прекрасное весеннее утро. Солнце тепло свѣтило сквозь легкія облака, покрывавшія небо; съ горы St-Sauveur неслись каскадами горные ручьи. Графиня Франциска сидѣла у открытаго окна въ легкомъ бѣломъ платьѣ и задумчиво смотрѣла на лугъ, гдѣ нѣсколько козъ выщипывали первыя отпрыски весенней травы.

Въ комнату вошла Марго и подала графинѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„Отчаяніе заставляетъ меня обратиться къ вамъ графиня. Вы одна въ цѣлой Франціи можете помочь намъ, и только ваше ходатайство будетъ имѣть значеніе у короля. Мой отецъ, Жанъ де-Пуатье, графъ сенъ Валлье замѣшанъ въ заговорѣ коннетабля Бурбона и осужденъ на смертную казнь жестокосерднымъ канцлеромъ Дюпра. Всѣ просьбы моего мужа, родныхъ и многихъ пэровъ королевства не могли поколебать желѣзной воли короля. Смерть моего отца неизбѣжна! Вы можете себѣ представить тѣ мученія, которыя я испытываю въ настоящую минуту! Ходатайство герцогини Алансонской также оказалось безплоднымъ. Въ цѣлой Франціи никто не можетъ спасти графа Сенъ Валлье кромѣ васъ графиня, потому что вы одна пользуетесь расположеніемъ короля. Спасите насъ! Господь благословитъ васъ за ваше милосердіе!

Діана де-Брезе.

Франциска тотчасъ же написала королю нѣсколько словъ, упрашивая его помиловать графа Сенъ-Валлье и отвѣтила Діанѣ, что она можетъ передать ея записку королю. Едва успѣла она запечатать оба письма и передать ихъ Марго, чтобы она отнесла ихъ посланному, какъ отворилась дверь и въ комнату вошла графиня Фуа съ Хименой.

Франциска въ первую минуту была непріятно поражена появленіемъ матери, которая была главной причиной ея болѣзни и ни разу не посѣтила ее въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; но вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ своего радостнаго настроенія и остатка дѣтской привязанности она подошла къ старой графинѣ и взявъ ее за руку сказала:

— Благодарю васъ за ваше доброе желаніе помириться со мной!

Эти слова, сказанныя отъ полноты души и вызванныя гордымъ сознаніемъ нравственнаго могущества надъ любимымъ человѣкомъ, сразу уничтожили хорошее расположеніе духа старой графини.

— Помириться съ тобой! воскликнула она съ негодованіемъ. Мать не мирится, а прощаетъ своего ребенка, когда считаетъ его достаточно наказаннымъ.

— Вамъ не за что прощать меня!

— Франциска!

— Не я, а вы виноваты предо мной! Ваше безсердечіе было причиной моей болѣзни!

— Ты заболѣла отъ мученій твоей совѣсти.

— Да, я дѣйствительно была смущена упреками, которые слышала съ разныхъ сторонъ. Но теперь моя совѣсть спокойна; не будемъ больше вспоминать о прошломъ.

— Мнѣ остается только благодарить Бога, если испытаніе вынесенное тобою послужило тебѣ въ пользу и ты вернешься къ прежнему образу жизни. Я встрѣтила внизу гонца, который говоритъ на сѣверномъ нарѣчіи и тотчасъ же подумала, что онъ изъ замка Шатобріанъ. Очень рада, что ты рѣшилась, наконецъ, просить прощенія у твоего мужа и помириться съ нимъ.

— Вы ошибаетесь! Я не въ перепискѣ съ моимъ мужемъ и не имѣю никакого желанія просить прощенія у человѣка, который дурно обращался со мной, тѣмъ болѣе, что вовсе не люблю его...

— Франциска!..

— Это гонецъ изъ Нормандіи изъ замка сенешала Брезе. Дочь графа Сенъ-Валлье проситъ моего заступничества у короля за своего отца, приговореннаго къ смертной казни.

— Ты не должна имѣть никакихъ сношеній съ королемъ, даже письменныхъ!

— Я просила его ради несчастной дочери даровать жизнь отцу.

— Съ чего ты взяла, что король послушаетъ тебя?

— Я люблю его и знаю, что онъ любитъ меня.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это!.. Вотъ каково твое раскаяніе!..

— Я не чувствую никакого раскаянія.

— Ты говоришь какъ помѣшанная! Неужели ты не понимаешь, что полное выздоровленіе возможно для тебя только въ томъ случаѣ если ты забудешь о существованіи Франциска Валуа и не позволишь ему произносить твое имя.

— Я вовсе не больна!

— Молчи! Ты разсуждаешь какъ маленькій ребенокъ и я кстати пришла сюда, чтобы заставить тебя опомниться. Я позволяю тебѣ сегодня же вернуться въ замокъ и буду заботиться о тебѣ. Надѣюсь, что ты еще не успѣла дать отвѣтъ посланному?

— Мои письма переданы ему еще до вашего прихода.

— Бѣги скорѣе внизъ, Химена, и вытребуй ихъ назадъ. Я сама напишу отвѣтъ.

— Этого никогда не будетъ! Письмо было адресовано мнѣ и я никому не позволю отвѣчать на него.

— Торопись, Химена, можетъ быть тебѣ удастся задержать посланнаго! Скажи ему, что графиня Шатобріанъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ французскимъ королемъ!..

— Это была бы совершенная ложь! Прошу васъ остаться съ нами, мадемуазель Инфантадо!

— Ты осмѣливаешься называть ложью мои слова!

— Я уже сказала вамъ, что люблю короля и онъ любитъ меня!

— Я совѣтывала бы тебѣ не говорить подобныхъ вещей и еще съ такимъ нахальнымъ равнодушіемъ! Неужели ты настолько потеряла всякій стыдъ, что уже не считаешь нужнымъ скрывать свой позоръ? Съ своей стороны я употреблю всѣ усилія, чтобы въ будущемъ твоя преступная склонность не могла поддерживаться близкими сношеніями и разговорами...

— Я не считаю свои чувства преступными и больше не намѣрена скрывать ихъ.

— Ты не считаешь себя преступною? Развѣ королева и графъ Шатобріанъ умерли?

— Графъ Шатобріанъ умеръ для меня. Мы не можемъ понять другъ друга. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— Горе тебѣ, если ты въ полномъ разсудкѣ и я не могу иначе объяснить твои слова. Горе тебѣ, если...

Рѣчь старой графини была прервана приходомъ дворецкаго, который торжественно доложилъ, что въ замокъ Фуа прибыло посольство отъ французскаго короля и проситъ дозволенія представиться графинѣ Фуа.

Старая графиня, предполагая, что это посольство послано къ ней съ цѣлью переговоровъ, касающихся ея дочери, быстро направилась къ двери. Ея блѣдное старческое лицо ожило отъ рѣшимости спровадить королевское посольство такимъ способомъ, какого вѣроятно не ожидалъ Бонниве, прибывшій во главѣ его. Но прежде чѣмъ она успѣла выйти въ корридоръ, появился Флорентинъ съ докладомъ, что посолъ короля Франциска проситъ графиню Шатобріанъ принять его.

— Ты должна отвѣтить ему отказомъ! воскликнула старая графиня, обращаясь къ дочери. Не понимаю отецъ Флорентинъ, добавила она,—какъ вы берете на себя подобныя порученія, когда...

— Черезъ какія нибудь четверть часа, я буду имѣть честь явиться въ замокъ и представить вамъ мои оправданія графиня, отвѣтилъ Флорентинъ. Позвольте дать вамъ добрый совѣтъ не поступать опрометчиво съ королевскимъ посольствомъ. Я только что получилъ письмо отъ вашего сына Лотрека; онъ настоятельно проситъ васъ принять дружелюбно посланныхъ короля. Его величество въ послѣдніе мѣсяцы былъ необыкновенно милостивъ къ вашему сыну, несмотря на то, что по его винѣ лишился лучшаго войска и прекрасной страны.

— Посовѣтуйте моему сыну Лотреку, пусть онъ впредь устраиваетъ свои дѣла такимъ образомъ, чтобы не нуждаться въ милости

короля. Надѣюсь, отецъ Флорентинъ, что вы отдадите приказъ никого не впускать сюда и немедленно прійдете въ замокъ.

Съ этими словами старая графиня вышла въ корридоръ, но сойдя съ лѣстницы, она съ удивленіемъ замѣтила, что слуги украшають внутренній дворъ аббатства, какъ будто для значительнаго церковнаго празднества. Тяжелые ковры висѣли вдоль галлерей и корридоровъ; полъ былъ вездѣ усѣянъ зелеными вѣтками; главныя ворота отворены настежъ; отъ нихъ черезъ весь дворъ и по мраморнымъ ступенямъ, ведущимъ въ залу капитула аббатства, протянутъ былъ коверъ. Когда старая графиня проходила мимо этой залы, то ей показалось, что она видитъ сквозь стеклянныя двери дородную фигуру аббата въ полномъ облаченіи, расхаживающаго съ какимъ-то господиномъ въ свѣтской одеждѣ, который показался ей незнакомымъ. Сердце графини Фуа сжалось отъ несвойственнаго ей чувства страха и сознанія старости и безсилія противъ какого-то таинственнаго и неожиданнаго нападенія. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что именно угрожало ей, но она предчувствовала бѣду, хотя была слишкомъ горда и поглощена своими мыслями, чтобы спросить у окружающихъ о причинѣ такихъ торжественныхъ приготовленій. Она знала, что въ замкѣ ей должны оффиціально объявить объ этомъ, какъ владѣтельной графинѣ, и тогда она успѣетъ принять извѣстныя мѣры, если окажется нужнымъ.

Флорентинъ также чувствовалъ себя неловко, потому что развязка наступила скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ этого. Онъ боялся протеста со стороны старой графини и не зналъ, насколько ему удастся уговорить ее и лишить возможности противодѣйствовать его планамъ. Онъ торопился въ замокъ и сообщилъ Франческѣ въ короткихъ и безсвязныхъ словахъ, что получена формальная бумага отъ короля и что она можетъ, даже не читая ее, согласиться съ тѣми условіями, которыя изложены въ ней, такъ какъ всѣ пункты предварительно взвѣшены и обдуманы имъ. Франциска ничего не поняла изъ всего этого, кромѣ факта, что король желаетъ видѣть ее и что участь ея должна скоро рѣшиться. Флорентину и въ голову не приходило, что онъ долженъ присутствовать при передачѣ важной бумаги, обезпечивавшей будущность Франциски и что въ противномъ случаѣ онъ можетъ поставить на карту всю свою предусмотрительность и дорого доставшуюся побѣду. Онъ не принялъ въ разсчетъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ, на которые бываетъ способна любящая женщина, потому что судилъ о привязанности Франциски на основаніи собственнаго опыта: никто не любилъ его такимъ образомъ и его сердце было чуждо высокаго и безкорыстнаго чувства.

Онъ поспѣшилъ въ замокъ Фуа, гдѣ считалъ свое присутствіе необходимымъ и оставилъ Франциску въ тотъ моментъ, когда вошелъ аббатъ, чтобы вести ее въ залу, гдѣ ожидало ее посольство отъ короля.

Франциска, войдя въ залу капитула, застала тамъ нѣсколько

рыцарей изъ свиты короля и Шабо де-Бріона, который видимо старался скрыть грусть, проглядывавшую въ его глазахъ и выраженіи лица. Онъ также почтительно поклонился ей, какъ и прежде, но въ осанкѣ его была замѣтна нѣкоторая торжественность, сообразная тому важному порученію, которымъ удостоилъ его король. Бріонъ обратился къ графинѣ Шатобріанъ съ длинной рѣчью отъ имени короля, въ которой точно придерживался данной ему подробной инструкціи, представлявшей нѣчто среднее между сватовствомъ и лестнымъ приглашеніемъ пріѣхать къ королевскому двору. Онъ кончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что „король въ доказательство своей любви хочетъ оказать графинѣ Шатобріанъ тотъ почетъ, который предписываетъ ему его сердце и ея высокія достоинства, такъ какъ она самая красивая и даровитая женщина въ цѣломъ королевствѣ".

— Этотъ документъ, добавилъ Бріонъ, подавая ей бумагу—можетъ обезпечить вашу будущность, графиня, въ случаѣ, если явятся какія либо неожиданныя препятствія для вашего брака съ королемъ со стороны церкви или въ видѣ государственныхъ соображеній.

Франциска раскрыла бумагу и начала читать. Густая краска покрыла ея щеки; едва прочитавъ половину, она подняла голову и воскликнула:

— Кто сочинилъ эту бумагу?

— Ваши лучшіе друзья! поспѣшилъ отвѣтить аббатъ, который, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ графини, объяснилъ его по-своему.— Вы можете быть увѣрены, что здѣсь приняты во вниманіе всѣ превратности земного существованія и высочайшей милости и обдумано все, что можетъ послужить въ вашу пользу.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожалѣть, что мои лучшіе друзья такъ странно позаботились обо мнѣ! Но благодаря Бога у меня есть другъ, который лучше всѣхъ понимаетъ меня — это король! Я не желаю заключать съ нимъ никакого контракта и считаю заботы моихъ остальныхъ друзей совершенно излишними. Они упустили изъ виду одно обстоятельство, которое связываетъ людей прочнѣе всѣхъ контрактовъ: я люблю короля!

Съ этими словами графиня Шатобріанъ взяла бумагу, и прежде чѣмъ аббатъ при своемъ тугомъ соображеніи успѣлъ догадаться объ ея намѣреніи и схватить за руку, она разорвала пергаментъ на нѣсколько кусковъ.

Въ эту рѣшительную минуту вниманіе присутствующихъ было привлечено внезапнымъ звономъ всѣхъ колоколовъ аббатства и звуками трубъ, которые раздались подъ сводами главныхъ воротъ, виднѣвшихся изъ открытыхъ дверей капитульской залы.

Взоры всѣхъ невольно обратились къ воротамъ. На дворъ въѣхала толпа королевскихъ тѣлохранителей; они были на высокихъ лошадяхъ и трубили въ трубы. За ними слѣдовали герольды въ небесно-голубыхъ туникахъ, украшенныхъ золотыми лиліями. За герольдами

появилась величественная фигура короля Франциска на вороном коне, въ сопровожденіи такого множества рыцарей, что дворъ, переполненный до самаго крыльца всадниками, не могъ болѣе вмѣщать ихъ. Одновременно съ этимъ изъ внутреннихъ дверей капитульской залы появились прелаты въ богатыхъ лиловыхъ одѣяніяхъ и заняли мѣста въ залѣ.

Но Франциска не обратила никакого вниманія на то, что дѣлалось въ залѣ; съ возрастающимъ вниманіемъ смотрѣла она на герольдовъ съ знакомыми геральдическими знаками и вздрогнула отъ радости, когда всадники выстроились по обѣимъ сторонамъ двора и въ воротахъ показалась фигура короля.

— Вотъ онъ! мой король Францискъ! громко воскликнула она и поспѣшно бросилась къ стеклянной двери, выходившей на крыльцо; но король, увидя ее, соскочилъ съ коня и взбѣжалъ на лѣстницу. Она на минуту остановилась, изнемогая отъ счастья, затѣмъ протянула ему обѣ руки и, встрѣтившись съ нимъ на площадкѣ лѣстницы, упала въ его объятія при радостныхъ крикахъ многочисленной свиты короля и неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ. Воронъ Жакъ, неподвижно сидѣвшій на аркѣ перваго этажа, встрепенулся отъ внезапнаго шума и началъ кружиться надъ влюбленной парой съ своимъ обычнымъ крикомъ: Францискъ! Францискъ!

Король, взялъ подъ руку графиню Шатобріанъ и ввелъ ее въ залу, гдѣ аббатъ встрѣтилъ ихъ съ видимымъ намѣреніемъ сказать имъ рѣчь. Король остановилъ его жестомъ руки, который можно было понять двоякимъ способомъ: что онъ не желаетъ никакихъ формальностей или проситъ оратора повременить, пока не умолкнетъ звонъ колоколовъ. Сконфуженный аббатъ отошелъ въ сторону, но тутъ къ ужасу своему замѣтилъ, что король наступилъ на разорванные куски пергамента, лежавшіе на полу и поспѣшно забѣжалъ впередъ, въ надеждѣ, что успѣетъ подобрать ихъ, пока король Францискъ раскланивался съ собравшимися прелатами и отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Это не удалось ему, потому что король замѣтилъ его и наклонившись въ его сторону, спросилъ съ живостью: что онъ ищетъ по полу? Но прежде, нежели аббатъ собрался съ духомъ и придумалъ свой отвѣтъ, въ залу вбѣжалъ Бонниве съ раскраснѣвшимся лицомъ и что-то сообщилъ вполголоса королю. Франциска разслышала только послѣднія слова: не теряйте ни минуты; вотъ ведутъ иноходца...

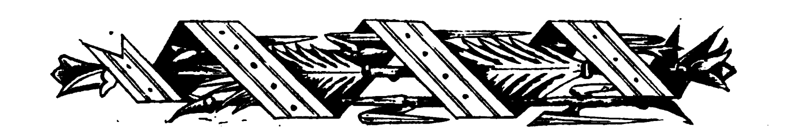
Это былъ иноходецъ, приготовленный для графини Шатобріанъ. Король поспѣшно вышелъ изъ залы съ своей дамой, но едва успѣлъ онъ посадить ее на лошадь и накинуть на нее легкій пурпуровый плащъ, лежавшій на сѣдлѣ, какъ въ воротахъ появилась старая графиня Фуа. Она шла торопливымъ шагомъ по ковру, разосланному на дворѣ аббатства и приблизилась къ крыльцу въ тотъ моментъ, когда король садился на коня.

— Остановись, Францискъ Валуа! воскликнула старая графиня, войдя на крыльцо и протянувъ къ нему свою худощавую руку съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣла схватить его и приковать къ мѣсту. Я мать этой женщины! Ты отвѣтишь мнѣ...

Бонниве, предвидѣвшій эту сцену, отдалъ приказъ королевскимъ трубачамъ наигрывать одинъ мотивъ за другимъ, чтобы не слышно было ни одного слова на дворѣ аббатства. Трубачи буквально исполнили приказъ услужливаго адмирала; старая графиня напрасно возвышала голосъ; никто не могъ разслышать того, что она говорила; но стоявшіе у крыльца видѣли, какъ шевелились ея губы и догадывались по выраженію лица, что она произносила проклятіе своей дочери и королю, которые не обращая на нее никакого вниманія, выѣхали изъ аббатства.

Когда они скрылись за воротами, старая графиня упала замертво на крыльцо, пораженная параличемъ отъ гнѣва, отчаянія и сознанія своего безсилія. Все слабѣе и слабѣе доносились звуки трубъ, но торжественный звонъ колоколовъ продолжался безостановочно и умолкъ только тогда, когда королевскій поѣздъ переѣхалъ мостъ на рѣкѣ Аріежъ и поднялся на горы. Мало по малу онъ скрылся изъ виду; исчезъ послѣдній всадникъ и только виднѣлся одинъ воронъ, который высоко поднявшись въ воздухѣ, летѣлъ вслѣдъ за поѣздомъ.

Конецъ второй части.

Часть III.

ГЛАВА I.

Лѣтомъ 1524 года сильная гроза съ утра обвила замокъ Шатобріанъ, какъ бы черной мантіей. Все ниже и ниже опускались тяжелыя тучи и къ вечеру наступила темнота, которая производила болѣе подавляющее впечатлѣніе, чѣмъ непроницаемый мракъ ночи. Громъ гремѣлъ безпрерывно; одиночные сильные удары, сопровождаемые яркими молніями предвѣщали приближеніе бури, которая должна была разразиться тѣмъ сильнѣе, что въ теченіи цѣлаго дня не выпало ни одной капли дождя.

Графъ Шатобріанъ сидѣлъ въ старой башнѣ, которая была соединена съ новымъ замкомъ висячей галереей. Эта галерея вела въ средній этажъ башни, состоящій изъ одной залы и служила единственнымъ выходомъ. Въ былыя времена дверь была устроена съ противоположной стороны и выходила на небольшую лѣстницу, ведущую къ разнымъ зданіямъ, примыкавшимъ къ башнѣ. Но съ постройкой новаго замка всѣ эти зданія были заброшены за исключеніемъ конюшенъ и дверь замурована наглухо. Башня состояла изъ трехъ этажей, соединенныхъ внутри потаенными лѣстницами, которыя въ случаѣ надобности закрывались подъемными люками. Нижній этажъ, возвышавшійся всего на десять локтей надъ поверхностью рѣки Шеръ, омывавшей башню съ восточной и сѣверной стороны, имѣлъ наиболѣе мрачный видъ, благодаря маленькимъ окнамъ, въ которыхъ были вдѣланы желѣзныя рѣшетки. Графъ Шатобріанъ устроилъ здѣсь свою спальню съ тѣхъ поръ, какъ жена покинула его, потому что новый красивый замокъ окончательно опротивѣлъ ему. Зала средняго этажа служила для него пріемной комнатой, и

здѣсь онъ проводилъ большую часть дня. Въ верхнемъ этажѣ онъ помѣстилъ свою маленькую дочь съ Луизонъ, которая вернулась въ замокъ, когда графиня уѣхала съ Батистомъ въ Пиринеи. Графъ держалъ Констанцію при себѣ, потому что искренно любилъ ее и мучился постояннымъ опасеніемъ, что графиня, которая уже не разъ требовала къ себѣ ребенка, похититъ его тѣмъ или другимъ способомъ. Луизонъ получила особенную цѣну въ глазахъ суроваго владѣльца земли своимъ возвращеніемъ изъ Блуа и мнѣніемъ, которое она выразила о своей госпожѣ. Ему и въ голову не приходило, что Луизонъ несравненно болѣе привязана къ графинѣ, нежели къ нему и осуждаетъ ея поступокъ только съ цѣлью заслужить его довѣріе. Хотя онъ не зналъ этого и не подозрѣвалъ, что она намѣрена воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отвезти ребенка къ матери, но тѣмъ не менѣе никогда не отпускалъ съ нею Констанціи безъ провожатаго. Если графъ отправлялся куда нибудь одинъ, то запиралъ за собою дверь, выходившую въ галлерею и только въ томъ случаѣ отдавалъ ключъ слугѣ, если уѣзжалъ на долгое время. Въ первые мѣсяцы онъ совсѣмъ не выходилъ изъ башни, потому что не довѣрялъ никому изъ слугъ послѣ измѣны Батиста. Но когда Батистъ, присоединившись къ королевскому поѣзду, проводилъ графиню въ Фонтенбло и съ опасностью жизни вернулся въ замокъ Шатобріана, чтобы заодно съ Луизонъ дѣйствовать въ пользу ихъ общей госпожи, то графъ приписалъ это привязанности Батиста къ нему и нѣсколько успокоился относительно своихъ слугъ. Если ему случалось отлучаться на ночь изъ дому, онъ довѣрялъ ключъ отъ башни старому слугѣ Жилловеру, котораго предки служили графамъ Шатобріанъ съ незапамятныхъ временъ.

Бѣдный графъ! Простая ограниченная женщина вѣроятно доставила бы ему все то супружеское счастье, котораго такъ жаждало его сердце. Нравственныя преимущества Франциски оказались совершенно лишними для него и не только разрушили его супружескія отношенія, но лишили его возможности пользоваться благопріятными условіями обеспеченной жизни. Онъ не считалъ возможнымъ, чтобы Батистъ возвратился въ замокъ съ опасностью жизни по какому либо другому поводу, кромѣ добросовѣстнаго сознанія своего долга. Благодаря этому, онъ почти повѣрилъ разсказу бретанца, будто бы „онъ счелъ своей обязанностью не оставлять графиню Шатобріанъ на чужбинѣ, тѣмъ болѣе, что она сказала ему, что графъ приказалъ это. Только въ Фонтенбло въ немъ проснулось недовѣріе, потому что тамъ онъ услышалъ въ первый разъ, что графиня не хочетъ болѣе носить имя своего мужа и тогда онъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуться домой и спросить господина: что ему дѣлать?“ Графъ не имѣлъ повода сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа, потому что всегда считалъ Батиста порядочнымъ малымъ и вдобавокъ простоватымъ и неспособнымъ на хитрости. Онъ при-

казалъ по обыкновенію наказать бретанца плетьми, какъ наказывалъ его въ былое время за разныя незначительныя провинности, но тѣмъ не менѣе, его прежняя вѣра въ преданность товарища молодости была отчасти утрачена. Онъ смутно чувствовалъ, что почва все болѣе и болѣе колеблется подъ его ногами и не видя исхода изъ своего тяжелаго положенія, со дня на день становился угрюмѣе и раздражительнѣе.

Во время грозы графъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ среднемъ этажѣ замка и гладилъ правой рукой кудрявую головку своей дочери, которая качалась на его колѣняхъ и все ближе прижималась къ нему по мѣрѣ того, какъ погружалась въ мракъ огромная пустая зала, со стѣнъ которой смотрѣли на подобіе привидѣній вытянутые во весь ростъ портреты предковъ графа Шатобріана самой грубой работы. Но всѣхъ страшнѣе при фантастическомъ грозовомъ освѣщеніи казался маленькой Констанціи родоначальникъ дома, портретъ котораго висѣлъ противъ стула графа Шатобріана. Его черные, колесообразные глаза, глядѣвшіе съ высоты, приводили въ ужасъ пятилѣтнюю дѣвочку и заставляли усиленно биться ея сердце.

Графъ Шатобріанъ напрасно старался сосредоточить все свое вниманіе на ребенкѣ; мысли его видимо были заняты другимъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ; но кто могъ сказать, что̀ больше всего угнетало его! Остатокъ ли той своебразной привязанности, которую онъ все еще питалъ къ своей красивой женѣ и которую та оттолкнула съ презрѣніемъ? Оскорбленная ли мужская гордость, болѣзненно дѣйствующая на человѣка при открытой измѣнѣ со стороны любимой женщины или гордость дворянина, который видитъ свою честь отданною на произволъ людского злословія? Если все это по временамъ одинаково мучило его, то въ настоящую минуту чувство глубокой тоски пересилило всѣ другія ощущенія. Его печальные глаза выражали одно желаніе:—все простить женѣ, опять принять ее въ свой домъ и доставить ей болѣе спокойную и радостную жизнь, чѣмъ та, какую она испытала до своего отъѣзда изъ замка Шатобріанъ.

Размышленія графа были прерваны приходомъ Жилловера, стараго сѣдого слуги, который, отворивъ настежь дверь, ввелъ какого-то незнакомца.

Въ комнатѣ было такъ темно, что графъ только по тону голоса и поклону могъ узнать своего друга сенешала Нормандіи.

— Знаете ли вы, что̀ дѣлается въ свѣтѣ? спросилъ пріѣзжій дружески поздоровавшись съ хозяиномъ дома.

— Ничего не знаю, вотъ уже полгода, возразилъ графъ. Въ послѣдніе три мѣсяца меня мучитъ тоска безъ всякой опредѣленной причины; все время я просидѣлъ въ этой комнатѣ и не видѣлъ никого изъ нашихъ дворянъ, которые могли бы сообщить мнѣ о томъ, что̀ творится на свѣтѣ. Къ тому же всякія вѣсти поздно доходятъ

до нашей уединенной Бретани. Разскажите мнѣ, если у васъ есть какія нибудь утѣшительныя новости, а дурное скройте отъ меня; я теперь сдѣлался такимъ же чувствительнымъ, какъ женщина и не переношу непріятныхъ впечатлѣній.

— Что могу я разсказать вамъ утѣшительнаго, мой товарищъ по несчастію!

— Товарищъ по несчастію! Что это значитъ? Развѣ Діана де Брезе?...

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ въ другое время.

— Что вашъ тесть выпущенъ на свободу или умеръ?

— Ни то, ни другое!.. Сообщу вамъ прежде болѣе крупныя новости. Счастье положительно измѣнило Франціи. Впрочемъ я могу порадовать васъ извѣстіемъ, что вся вина новаго пораженія французскихъ войскъ падаетъ на нашего общаго пріятеля Бонниве; онъ загладилъ ошибку Лотрека еще большимъ промахомъ. Король, да просвѣтитъ его Господь относительно выбора любимцевъ!—этой же весной назначилъ Бонниве главнокомандующимъ вновь организованной итальянской арміи и нашъ пріятель потерялъ это войско какъ школьникъ. Онъ погубилъ цвѣтъ французскаго рыцарства близъ Сезіи не въ открытой битвѣ, а въ позорныхъ отступленіяхъ.

— Неужели Баярдъ...?

— Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека, умеръ. Удерживая нѣкоторое время врага, стремительно бросившагося черезъ рѣку и защищаясь какъ левъ, онъ упалъ пораженный каменной пулей.—Кончено, я умираю! воскликнулъ онъ и, поцѣловавъ крестъ на своей шпагѣ, велѣлъ посадить себя подъ дерево лицомъ къ непріятелю чтобы тотъ не могъ видѣть его спины даже у мертваго. Въ это время коннетабль Бурбонъ, преслѣдуя Бонниве въ надеждѣ захватить его въ плѣнъ, приблизился къ дереву.—Какъ мнѣ жаль г-нъ Баярдъ, сказалъ онъ, что я вижу васъ въ такомъ положеніи! Вы служили образцомъ для нашего рыцарства!—Меня жалѣть нечего! возразилъ Баярдъ. Я умираю съ честью; вы скорѣе можете возбудить къ себѣ сожалѣніе, потому что измѣнили данной присягѣ и сражаетесь противъ вашего короля и отечества.—Такъ умеръ Баярдъ, оплакиваемый врагами Франціи, которые не менѣе насъ любили и уважали его за безупречную добродѣтель.

— Въ нашей странѣ скоро исчезнетъ всякая доблесть!

— Вся Франція погрузилась въ глубокую печаль, когда привезли тѣло Баярда изъ-за Альпъ на его родину Дофине, продолжалъ Брезе. На цѣлый мѣсяцъ были прекращены всякія игры и увеселенія. Всѣ убѣждены, что эта смерть приведетъ Францію къ новымъ невзгодамъ.

— Эта смерть служитъ предвѣстникомъ, что наступилъ конецъ рыцарству; капризъ короля восторжествуетъ окончательно надъ обычаемъ и закономъ; разные выскочки, обязанные своимъ возвышеніемъ

королевской милости распоряжаются сеньёрами страны. Вы еще толковали мнѣ о великой будущности, ожидающей Францію! Все это кукольная комедія, которая не можетъ долго продолжаться! Развѣ выйдетъ что либо порядочное изъ Франціи, пока ею управляютъ авантюристы?

— Къ сожалѣнію, вы, кажется, правы. Бурбонъ соединился съ испанскими и итальянскими войсками, прошелъ черезъ горы въ Провансъ и идетъ прямой дорогой на Ліонъ. Говорятъ, что всѣ сеньёры Бурбоне, Оверна, Фореза, даже Лангедока и большинство дворянъ въ остальныхъ провинціяхъ намѣрены примкнуть къ нему и свергнуть короля, у котораго Бонниве погубилъ послѣднее войско. Такимъ образомъ планъ, наскоро составленный Бурбономъ осуществится въ самомъ непродолжительномъ времени и Франція будетъ раздѣлена между Англіей, Испаніей и коннетаблемъ. Нормандія и Бретань вѣроятно достанутся англичанамъ.

— И вы находите эти извѣстія неутѣшительными! воскликнулъ Шатобріанъ, вскочивъ съ мѣста.

— Нѣтъ, они вовсе не радуютъ меня...

— Я буду благословлять тотъ день, когда Валуа получитъ должное возмездіе.

— Можетъ быть я самъ въ непродолжительномъ времени буду не менѣе васъ желать мести, тѣмъ не менѣе...

— Вѣроятно Діана де-Брезе?..

— Она по примѣру графини Франциски Шатобріанъ отправилась въ Фонтенбло противъ моей воли.

— Значитъ вы также одурачены какъ и я? Діана де-Брезе поможетъ мнѣ соединиться съ моей женой; а тамъ явится еще какая нибудь красавица и заставитъ вашу жену вернуться въ Нормандію, потому что на счастье сеньеровъ французскій султанъ не отличается постоянствомъ.

— Я увѣренъ, что вы преувеличиваете! Діана хочетъ только освободить отца, который все еще томится въ Луврской башнѣ, ожидая смерти со дня на день. Ходатайство графини Шатобріанъ только отдалило казнь, но о полномъ помилованіи нѣтъ и рѣчи.

— Мудрый Валуа ловко распоряжается своими милостями! Онъ медлитъ съ помилованіемъ графа Сенъ-Валлье, въ надеждѣ получить добавочную плату отъ прекрасной Діаны!

— Чтобы воспрепятствовать этому я самъ думаю отправиться ко двору и хотѣлъ предложить вамъ ѣхать со мной.

— Вы предлагаете мнѣ ѣхать въ Фонтенбло?

— Выслушайте меня до конца. Помимо нападенія со стороны Бурбона, мы должны имѣть въ виду и другія обстоятельства. Королева Клавдія уже не будетъ служить помѣхой для короля.

— Неужели она умерла?

— Она все равно, что мертвая, потому что ждутъ ея смерти съ

часу на часъ. Предстоящая борьба имѣетъ рѣшающее значеніе для короля: онъ самъ долженъ будетъ выступить противъ коннетабля; поэтому вы можете себѣ представить какъ усердствуютъ мнимые друзья графини: Бюде, Флорентинъ и вся ихъ клика. Они совѣтуютъ между прочимъ королю признать графиню регентшей государства въ его отсутствіе, потому что трудно выхлопотать разводъ, пока папа въ союзѣ съ Испаніей. Они думаютъ этимъ способомъ подготовить общественное мнѣніе къ событію, которое должно совершиться по прошествіи траурнаго года, такъ какъ къ тому времени будутъ вѣроятно отстранены всѣ препятствія къ разводу. Вы видите, что послѣ смерти королевы все будетъ поставлено на карту и что нужно теперь же приняться за дѣло, если вы не хотите навсегда отказаться отъ вашей жены. Но мнѣ кажется, судя по вашему характеру, что вы скорѣе желали бы видѣть ее кающейся графиней, нежели французской королевой.

— Вы совершенно правы, Брезе. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что не смотря на то, что она обезчестила мое имя, я все еще люблю ее; и мое сердце настолько слабо, что оно не можетъ отказаться отъ надежды на семейное счастье, хотя бы самое жалкое. Я знаю, что мнѣ не слѣдовало бы говорить этого.

— Жена нужна сеньеру чтобы поддержать честь его дома; но мы не можемъ идти противъ судьбы...

— Нѣтъ, Брезе, судьба тутъ ничего не значитъ. Если со мной случилось несчастіе, то я властенъ, по крайней мѣрѣ, распорядиться своей будущностью! Я рѣшилъ и далъ себѣ клятву и повторяю ее передъ портретами моихъ предковъ: если моя жена еще разъ отвергнетъ мою руку и не вернется домой, то я предамъ ее суду, какъ это дѣлали въ старину бретанцы съ невѣрными женами, а затѣмъ прикажу моимъ слугамъ умертвить ее. Да поможетъ мнѣ Господь исполнить это!..

При послѣднихъ словахъ графа Шатобріана надъ замкомъ разразился такой сильный ударъ грома, что все задрожало въ комнатѣ. Маленькая Констанція съ крикомъ бросилась къ отцу, который самъ поблѣднѣлъ какъ смерть, потому что портретъ его старѣйшаго предка освѣщенный яркой молніей, зашевелился на стѣнѣ и съ трескомъ упалъ на полъ.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Жилловеръ съ факеломъ въ рукѣ и ввелъ Батиста!

Послѣдній подошелъ къ графу и подалъ ему письмо со словами:

— Не моя вина, графъ, если ваша супруга велѣла втайнѣ передать мнѣ это письмо...

Графъ поспѣшно распечаталъ письмо, не обращая вниманія на печать.

Письмо заключало въ себѣ извѣстіе о смерти старой графини Фуа и приказъ Батисту привести во что бы то ни стало маленькую Кон-

станцію въ замокъ Фуа, гдѣ онъ долженъ былъ передать ее на попеченіе Марго.

Врядъ ли кто взялся бы написать исторію безмятежной любви! Что можемъ мы сказать о первыхъ мѣсяцахъ проведенныхъ королемъ и Франциской въ Фонтебло! Король обладалъ въ высшей степени счастливой способностью предаваться всецѣло поглощавшему его интересу и забывалъ ради него весь остальной міръ. Онъ не задавался мыслью о томъ, что скоро наступитъ конецъ и этой любви, хотя по опыту зналъ, какъ непрочны всѣ его даже самыя сильныя привязанности. Онъ не думалъ объ этомъ, потому что чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи чтобы создать себѣ новое жизненное наслажденіе взамѣнъ утраченнаго. Что касается графини Шатобріанъ, то она была изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, для которыхъ не существуетъ мимолетной любви, и которыя отдавшись однажды любимому человѣку отдаются ему навсегда и не признаютъ иныхъ предѣловъ своей любви кромѣ смерти. Чѣмъ труднѣе была для Франциски борьба съ долгомъ и нравственными понятіями, тѣмъ легче овладѣла ею страсть когда она потеряла вѣру въ прежнія убѣжденія. Чувственность, возбужденная объятіями Флорентина заговорила въ ней съ неудержимою силою при выздоровленіи отъ продолжительной нервной болѣзни.

Она спокойно поселилась въ Фонтенбло, куда привезъ ее король и, не считая нужнымъ скрывать свою связь, сдѣлалась его неразлучной подругой. Въ ея обращеніи съ окружающими не было и тѣни прежней застѣнчивости и нерѣшительности; по своимъ теперешнимъ понятіямъ она совершенно законнымъ образомъ пріобрѣла власть и высокое положеніе въ свѣтѣ, потому что они достались ей по праву любви.

Герцогиня Ангулемская, мать короля, съ неудовольствіемъ замѣтила рѣзкую перемѣну въ обращеніи молодой женщины и при всякомъ удобномъ случаѣ называла ее высокомѣрной тварью и хитрой змѣей, которая въ Блуа кокетничала кротостью и невинностью, а теперь разыгрываетъ роль настоящей королевы. Даже Дюпра въ первые мѣсяцы былъ въ нерѣшимости: не примкнуть ли ему къ восходящему свѣтилу и измѣнить герцогинѣ Луизѣ, которая въ это время потеряла всякое вліяніе при дворѣ. Но скоро у Дюпра явились личные поводы къ недоброжелательству относительно графини Шатобріанъ, потому что родные Сембланеэ обратились къ ней съ просьбой о ходатайствѣ и она обѣщала имъ свою помощь, равно какъ и Діанѣ Брезе, которая, умоляла ее въ своихъ письмахъ заступиться за несчастнаго графа Сенъ-Валлье. Дюпра не понималъ смѣлой логики любви и будучи убѣжденъ, что увѣренность графини происходитъ отъ какихъ-то таинственныхъ, неизвѣстныхъ ему причинъ, не рѣшался открыто сопротивляться ей. Онъ не отговаривалъ короля,

когда тотъ приказалъ облегчить участь Семблансэ и Сенъ-Валлье и даже въ угоду графинѣ Шатобріанъ согласился, чтобы судъ надъ этими лицами былъ отложенъ на нѣкоторое время. Черезъ это непріязнь герцогини Ангулемской къ Францискѣ дошла до непримиримой вражды, потому что съ потерей дружбы Дюпра, она лишалась главной опоры, а помилованіе Семблансэ неизбѣжно повело бы къ обнаруженію ея наглаго обмана.

Герцогиня Луиза скоро догадалась о причинѣ колебаній Дюпра и употребила всѣ старанія чтобы убѣдить его, что самоувѣренность графини ничто иное, какъ недостатокъ опытности и безстыдство свойственное всѣмъ выскочкамъ. Она краснорѣчиво доказывала Дюпра, что король, которому грозила опасность со стороны Испаніи, Германіи и Англіи не могъ быть настолько опрометчивъ чтобы при новой женитьбѣ отказаться отъ всякихъ политическихъ преимуществъ и вступить въ бракъ съ незначительной бретанской графиней, которую онъ можетъ имѣть при себѣ помимо супружескихъ обязательствъ.

— Развѣ мой сынъ, добавила она — станетъ придерживаться мѣщанскихъ нравовъ и забудетъ когда нибудь о своемъ высокомъ положеніи и возможности мѣнять женщинъ сколько ему вздумается? Кажется до сихъ поръ его нельзя было упрекнуть въ постоянствѣ. Совѣтую вамъ Дюпра теперь-же сдѣлать выборъ между мной и этой тварью; въ случаѣ малѣйшей медленности съ вашей стороны мнѣ будетъ не трудно уничтожить васъ. Я могу смѣло признаться въ моихъ прегрѣшеніяхъ: король поневолѣ проститъ матери, но при этомъ неизбѣжно обнаружатся нѣкоторыя изъ вашихъ дѣяній, и вамъ не легко будетъ оправдать себя, потому что король ненавидитъ васъ.

Эти доводы окончательно убѣдили Дюпра, и онъ рѣшилъ перейти на сторону герцогини. Такимъ образомъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ водворенія Франциски въ Фонтенбло, какъ уже враги ея трудились всѣми силами надъ ея сверженіемъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и Бонниве, который отправился въ итальянскій походъ въ качествѣ главнокомандующаго. Герцогиня могла смѣло расчитывать на его помощь. Легкомысленный и равнодушный, онъ не способенъ былъ ни на какую серьезную привязанность и не принималъ въ соображеніе, что красивая графиня еще недавно нравилась ему. Это обстоятельство напротивъ того еще больше усиливало его непріязнь къ ней, потому что при своемъ тщеславіи онъ не могъ помириться съ мыслью, что женщина, которую онъ вывелъ въ свѣтъ и, за которой ухаживалъ, была постоянно равнодушна къ нему и даже обходилась съ нимъ съ высока. Онъ охотно взялся исполнить порученіе герцогини, найти новую любовницу королю, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ подходило къ его роли фаворита. Еслибы король Францискъ отличался постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ, то это было бы крайне не выгодно для Бонниве. Чѣмъ измѣнчивѣе было расположеніе духа властелина и разнообразнѣе его желанія, тѣмъ

больше представлялось случаевъ для слуги выказать свое усердіе и, тѣмъ значительнѣе становилась ожидавшая его награда. Если французское дворянство имѣло поводъ сомнѣваться въ предводительскихъ способностяхъ Бонниве, то герцогиня нисколько не ошиблась, поручивъ ему отыскать въ Италіи красавицу, способную прельстить сердце короля.

Относительно Бріона герцогиня держалась совсѣмъ иного способа дѣйствій.

Она скоро замѣтила его склонность къ Франциски и ей не стоило особеннаго труда еще больше воспламенить эту любовь и довести влюбленнаго юношу до какой нибудь выходки, которая поставила бы въ неловкое положеніе графиню и возбудила ревность короля. Но герцогиня Луиза была слишкомъ опытна и зная, что ревность поддерживаетъ любовь, употребила все свое вліяніе на сына чтобы Бріонъ былъ посланъ въ Италію.

Такимъ образомъ Франциска въ лицѣ Бріона не только лишилась защитника и друга, но и человѣка, который искренно восхищался ею.

Послѣднее было особенно важно для герцогини, которая изучивъ до тонкости характеръ своего сына, знала, что онъ переставалъ дорожить вещью, когда видѣлъ, что другіе не придаютъ ей никакой цѣны. Король былъ слишкомъ увлеченъ Франциской чтобы можно было разсчитывать на очень скорое охлажденіе; но герцогиня приняла мѣры чтобы всякій разъ, когда рѣчь заходила о преимуществахъ молодой графини ея сынъ встрѣчалъ ту принужденную похвалу, которая лучше всего доказываетъ властелину, что съ нимъ соглашаются только изъ желанія угодить ему. Пылкія художественныя натуры не могутъ обойтись безъ одобренія окружающихъ лицъ; это одобреніе составляетъ для нихъ необходимый элементъ при всякомъ наслажденіи. Ихъ привязанность слабѣетъ, когда никто не завидуетъ ей и улетучивается все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ для нихъ становится очевиднымъ, что другіе не раздѣляютъ ихъ вкуса.

Герцогиня употребила всѣ усилія чтобы настроить придворныхъ въ этомъ тонѣ, что удалось ей въ большей или меньшей степени. Но всего труднѣе было ей справиться съ Маргаритой, которая была искренно привязана къ графинѣ Шатобріанъ и цѣнила ея достоинства. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ герцогиня Ангулемская пришла къ убѣжденію, что она не достигнетъ цѣли этимъ способомъ и что нужно выбрать окольный путь чтобы заставить короля усумниться въ непреложности мнѣній Маргариты, которымъ онъ придавалъ большое значеніе. Въ виду этого герцогиня заговорила съ сыномъ о дурномъ вліяніи еретическихъ принциповъ на Маргариту, которая все болѣе и болѣе заражается мѣщанской добродѣтелью, и потому только поддерживаетъ дружбу съ графиней Шатобріанъ, потерявшей для нея всякій интересъ, что сама способствовала ея сближенію съ королемъ.

— Маргарита не разъ говорила мнѣ, добавила герцогиня, — что она считаетъ себя виноватой въ томъ, что Франциска пожертвовала семейнымъ счастьемъ. Благодаря этому твоя сестра поставила себѣ въ обязанность заботиться о молодой женщинѣ.

Этотъ разговоръ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе на Франциска. Онъ не придавалъ вообще никакого значенія оказаннымъ ему услугамъ, а тутъ ему напоминали, что онъ долженъ чувствовать благодарность за любовь. Съ другой стороны его тяготила мысль, что Франциска будетъ въ безвыходномъ положеніи, если онъ броситъ ее, такъ какъ ея участь вполнѣ зависитъ отъ него.

— Она должна изъ эгоизма любить меня! думалъ онъ съ глубокимъ отвращеніемъ. Такъ утопающій хватается за всякій обрубокъ дерева чтобы удержаться на поверхности воды.

Не довольствуясь этими приготовленіями герцогиня стала выискивать средства чтобы лишить Франциску ея двухъ главныхъ защитниковъ Бюде и красавца Флорентина, который вскорѣ послѣ отъѣзда графини Шатобріанъ изъ Фуа получилъ ожидаемое назначеніе и явился въ Парижъ богатымъ прелатомъ.

Герцогиня знала, что ей не удастся возстановить Бюде противъ Франциски, потому что злословіе не могло подѣйствовать на этого простого и честнаго человѣка. Она рѣшила воспользоваться его совѣстливостью и употребить ее орудіемъ гибели ненавистной для нея женщины. Если ей удастся побудить канцлера постоянно напоминать королю о данномъ ему обѣщаніи жениться на Францискѣ, то это было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы король, началъ тяготиться не только своимъ обѣщаніемъ, но и самой Франциской. При этомъ герцогинѣ казалось необходимымъ возбудить какимъ нибудь способомъ недовѣріе Бюде къ Флорентину, духовнику Франциски, чтобы канцлеръ въ свою очередь счелъ нужнымъ предостеречь свою protegée отъ подозрительнаго человѣка. Посѣявъ такимъ образомъ раздоръ между друзьями Франциски, герцогиня Луиза могла ожидать, что они будутъ давать противорѣчивые совѣты молодой женщинѣ и окончательно собьютъ ее съ толку.

Что же касается Флорентина, то онъ, какъ приверженецъ господствующей церкви былъ естественнымъ противникомъ канцлера, который выказывалъ явную склонность къ ереси. Оставалось только усилить это соперничество и склонить на свою сторону Флорентина доставивъ ему болѣе высокое положеніе въ свѣтѣ. Герцогиня была убѣждена, что когда Флорентинъ узнаетъ, кто покровительствуетъ ему и отъ кого зависитъ его дальнѣйшее повышеніе, то не задумываясь измѣнитъ Франциско.—Если онъ уменъ, разсуждала про себя герцогиня, а въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, то онъ пойметъ, чья дружба для него дороже: любовницы ли короля съ ея временнымъ вліяніемъ или матери короля, пользующейся прочнымъ могуществомъ! При этомъ, разумѣется, красота

Флорентина играла на послѣднюю роль въ желаніи герцогини Луизы заслужить расположеніе молодого прелата.

Такимъ образомъ, пока Франциска безмятежно наслаждалась счастьемъ, со всѣхъ сторонъ были протянуты сѣти, которыя должны были опутать ее и лишить любви короля. Но такъ какъ на это требовалось время и герцогиня Ангулемская получила положительное удостовѣреніе отъ врачей о близкой смерти королевы Клавдіи, то нужно было рѣшиться на другія, болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы помѣшать королю принять на себя какое либо преждевременное обязательство относительно графини. Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогиня для своей личной безопасности должна была ускорить судъ надъ Семблансэ. Если онъ будетъ отложенъ до смерти королевы, то дѣло могло быть окончательно проиграно въ тотъ моментъ, когда король освободится отъ единственнаго внѣшняго препятствія къ браку съ графиней Шатобріанъ, которая уже заявила себя въ пользу Семблансэ. Герцогиня Ангулемская немедленно отправила Дюпра въ Парижъ и потребовала въ видѣ формальнаго доказательства его преданности къ ней, чтобы по истеченіи трехъ дней смертный приговоръ Семблансэ былъ въ ея рукахъ, такъ какъ она хотѣла лично представить его королю.

Затѣмъ она отправила гонца въ Нормандію съ письмомъ къ Діанѣ де-Брезе, которой она восхищалась прошлымъ лѣтомъ въ Блуа, между тѣмъ какъ ея сынъ въ это время никого не замѣчалъ, кромѣ Франциски. Герцогиня распространилась въ письмѣ насколько она сочувствуетъ несчастной участи графа Сенъ-Валлье и выразила сожалѣніе, что Діана обратилась съ просьбой о ходатайствѣ къ графинѣ Шатобріанъ. По ея мнѣнію это было совершенно безполезно, потому что графиня не помнитъ себя отъ счастья и врядъ-ли отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу. Діана поступитъ всего благоразумнѣе, если сама пріѣдетъ въ Фонтенбло, не сообщая объ этомъ мужу; тогда герцогиня, выбравъ удобную минуту доставитъ ей аудіенцію у короля и выхлопочетъ помилованіе ея отца.

Графъ Сенъ-Валлье не имѣлъ въ глазахъ герцогини особеннаго значенія потому что не могъ вредить ея интересамъ. Она готова была хлопотать объ его помилованіи лишь бы главная цѣль была достигнута и красота Діаны произвела ожидаемое впечатлѣніе на короля.

Что могла противопоставить Франциска противъ всего этого, кромѣ своей безграничной любви и нравственныхъ качествъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что это самыя могущественныя орудія въ рукахъ женщины, когда она имѣетъ дѣло съ правильно организованной натурой. Но Францискъ даже въ любви подчинялся только капризамъ своей фантазіи. Ему нравилось быть любимымъ, какъ и всякому другому человѣку, но онъ былъ избалованный король и слишкомъ пріучилъ себя къ неблагодарности, чтобы любовь Франциски могла про-

извести на него особенно сильное впечатлѣніе. Что же касается вліянія, которое она могла оказать на него своими нравственными качествами, то и съ этой стороны она была безсильна. По своему простодушію она не замѣтила намѣренія герцогини уронить ее въ мнѣніи короля и не приняла противъ этого никакихъ мѣръ. Если она была разстроена и озабочена будущностью, то не встрѣчала никакого участія со стороны своего возлюбленнаго, потому что онъ видѣлъ въ этомъ неумѣстную заботливость о собственномъ счастьи. Онъ требовалъ отъ нея полнаго безкорыстія или вѣрнѣе сказать безличности и считалъ нарушеніемъ своихъ иллюзій, что избранная имъ женщина могла интересоваться чѣмъ либо помимо его или имѣть притязаніе на сочувствіе или помощь съ его стороны.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы король Францискъ не былъ способенъ оказать какое либо вниманіе предмету своей любви; напротивъ, подражая во всемъ средневѣковому рыцарству онъ отличался крайнею любезностью. Но онъ хотѣлъ чтобы иниціатива и въ этомъ исключительно принадлежала ему и глубоко возмущался, если на него заявляли какія либо притязанія; по волѣ своей фантазіи онъ съ удовольствіемъ отдалъ бы корону, но приходилъ въ дурное расположеніе духа, если долженъ былъ взять на себя малѣйшее нравственное обязательство.

Франциска представляла съ нимъ полную противоположность. Жертвуя собой, будущностью, всѣмъ, что было въ ея власти, она отказалась отъ личныхъ желаній и помысловъ и всей душой отдалась любимому человѣку. Но эта поэтическая, беззавѣтная любовь могла только на время увлечь короля и можно было заранѣе предвидѣть, что скоро наступитъ время, когда онъ начнетъ тяготиться ею. Другимъ ближайшимъ поводомъ къ охлажденію должно было послужить прямодушіе Франциски, которая была слишкомъ честна чтобы скрыть что либо отъ своего возлюбленнаго или выжидать удобнаго момента для откровеннаго разговора.

Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ вечеровъ въ концѣ іюня, король сообщилъ графинѣ Шатобріанъ, что онъ на слѣдующее утро ѣдетъ въ Парижъ и ему будетъ очень пріятно, если она поѣдетъ съ нимъ. Въ виду стоявшихъ въ это время жаровъ предполагалось совершить путешествіе водой вдоль Сены.

— Ты должна развеселить меня, Франциска! добавилъ король.— Со всѣхъ сторонъ я получаю неблагопріятныя извѣстія; но и помимо этого путешествіе въ Парижъ тяготитъ меня. Ожидаютъ скорой смерти королевы Клавдіи и на мнѣ лежитъ непріятная обязанность еще разъ увидѣть несчастное существо, которое я высоко уважаю. Люди совершенно правы, требуя отъ меня этой формальности и, если я не исполню ее, то это можетъ повредить мнѣ въ общественномъ мнѣніи. Но я тѣмъ не менѣе съ ужасомъ думаю объ этомъ, потому что отъ долгой болѣзни едва осталась тѣнь женщины, которой я поклонялся

въ былыя времена. Постараюсь сократить свой визитъ, насколько возможно, а затѣмъ мы тотчасъ же отправимся съ тобой верхомъ въ Сенъ-Дени къ Жану Жюсту, который работаетъ теперь надъ гробницей св. Людовика. Я хочу воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произведетъ на меня умирающая Клавдія для ея гробницы и сговориться съ Жюстомъ относительно плана. Ты выйдешь на берегъ у Венсенна, сядешь на лошадь и шагомъ проѣдешь Парижъ, а я за городомъ догоню тебя.

Слова короля произвели крайне непріятное впечатлѣніе на Франциску. До сихъ поръ она избѣгала Парижа ради королевы Клавдіи, и теперь въ ожиданіи ея смерти считала тѣмъ болѣе неприличнымъ явиться туда съ королемъ. Это имѣло бы такой видъ, какъ будто она боится разстаться съ нимъ и отпустила его отъ себя всего на четверть часа къ смертному одру умирающей соперницы. Еще болѣе поразило ее равнодушіе и безсердечіе короля относительно жены, которая всегда выказывала ему неизмѣнную преданность и вполнѣ заслуживала его уваженіе. Она не думала о томъ, что быть можетъ та же участь ожидаетъ ее, потому что слишкомъ любила короля, чтобы въ эту минуту заботиться о себѣ; но горизонтъ искренней любви настолько чистъ и прозраченъ, что на немъ замѣтно малѣйшее облако, хотя бы оно поднималось издалека и, пока, не было никакого основанія ожидать, что соберется буря или дождь. Такимъ облакомъ была для Франциски мысль, что король далеко не соотвѣтствуетъ тому идеальному представленію, которое она составила себѣ о немъ. Она въ первый разъ позволила себѣ противорѣчить ему, и умоляла его отмѣнить составленный имъ планъ поѣздки.

Король Францискъ не отличался упрямствомъ и его легко было отговорить, пока его намѣреніе не перешло въ рѣшеніе, но если онъ рѣшался на что нибудь, то твердо стоялъ на своемъ и всякое предложеніе перемѣны было непріятно для него. Въ эти минуты болѣе чѣмъ когда нибудь проявлялся его деспотизмъ и онъ рѣзко останавливалъ тѣхъ, которые осмѣливались спорить съ нимъ повелительнымъ жестомъ руки. Графиня Шатобріанъ горячо отстаивала свое мнѣніе въ надеждѣ доказать королю всѣ неудобства совмѣстной поѣздки и заставить его отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія. Она въ первый разъ увидѣла какъ нахмурился его высокій лобъ надъ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ носомъ, что придавало его лицу суровое и непріятное выраженіе.

— Что съ тобой Францискъ? воскликнула она. — Если бы ты зналъ, какъ эта морщина на лбу уродуетъ твое красивое лицо! Я вижу, что ты не можешь выносить ни малѣйшаго противорѣчія даже отъ любимаго человѣка.

— Дорогая Француска, требованія жизни сложнѣе, нежели ты предполагаешь; меня осаждаютъ со всѣхъ сторонъ съ разными дѣлами! Не осуждай меня за то, что я могу посвятить всего четверть

часа на исполненіе священнаго долга; ты видишь только фактъ и не хочешь принять въ расчетъ причинъ, которыя заставляютъ меня поступать такимъ образомъ. Можетъ быть меня ожидаетъ нѣчто худшее! Если дальнѣйшія извѣстія изъ Италіи будутъ въ родѣ тѣхъ, которыя я получилъ сегодня, то скоро наступитъ печальное утро, когда въ моемъ распоряженіи будетъ не больше четверти часа чтобы проститься съ тобой.

— Нѣтъ, Францискъ, этого никогда не будетъ! Если ты отправишься на войну, то я поѣду съ тобой; тебѣ извѣстно, что я могу три дня не сходить съ лошади. Ты возьмешь меня съ собою въ Италію, покажешь мнѣ Миланъ, Болонью и можетъ быть Римъ, гдѣ еще такъ недавно работалъ Рафаэль.

— Нѣтъ моя дорогая, это невозможно!

— Почему Францискъ?

— Это невозможно пока продолжается война. Не слѣдуетъ ничего дѣлать на половину. Ударъ меча и поцѣлуй не могутъ непосредственно слѣдовать одинъ за другимъ; иначе поцѣлуй будетъ безсмысленный и мимолетный и можетъ только унизить любимую женщину. Бюде разскажетъ тебѣ какъ погибъ храбрый Антоній вслѣдствіи того, что Клеопатра сопровождала его на морскую битву. Если положеніе дѣлъ призоветъ меня въ Италію ты останешься въ Фонтенбло и пріѣдешь ко мнѣ когда я одержу рѣшительную побѣду. Тогда мы вмѣстѣ отправимся въ Римъ чтобы полюбоваться живописью Рафаэля.

— Мое существованіе будетъ самое жалкое, когда ты уѣдешь отсюда. Несмотря на все мое желаніе угодить твоей матери, я чувствую, что она смотритъ на меня неблагосклонно.

— Но здѣсь остается Маргарита, которая любитъ тебя. Только пожалуйста избавь меня отъ этого жалостнаго тона Франциска! Плаксивость вредитъ красотѣ женщины.

— Я не думаю жаловаться на судьбу. Мужество никогда не оставитъ меня въ твоемъ присутствіи; но я убѣждена, что когда я останусь одна, то сознаніе моего ничтожества будетъ терзать меня. Никто кромѣ тебя не можетъ утѣшить меня! Вчера я узнала, что моя мать умерла отъ удара въ аббатствѣ св. Женевьевы, и умирая проклинала меня. Она дурно обращалась со мной, но дѣлала это изъ любви ко мнѣ! Мысль, что она жива и, что есть существо связанное со мной хотя бы насильственными узами поддерживала меня; съ ея смертью я лишилась и этого утѣшенія! Если мнѣ суждено пережить тебя...

— Я вѣроятно умру раньше тебя, Франциска, сказалъ король, прерывая ее.—Слишкомъ продолжительную жизнь можно также считать несчастіемъ для человѣка, если его тѣло не имѣетъ твердости дуба. Къ сожалѣнію я не могу похвастаться особенно крѣпкимъ организмомъ. Въ какомъ нибудь затаенномъ уголкѣ моей крови кроется тонкій ядъ, который долженъ погубить меня; я чувствую

это иногда въ долгія тихія ночи и прихожу въ ужасъ отъ своего безсилія. Это дѣлаетъ меня нетерпѣливымъ и приводитъ къ слишкомъ поспѣшнымъ рѣшеніямъ, которыя я самъ проклинаю. Я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ и потому, быть можетъ, всего сильнѣе могу оскорбить тебя. Прости, если тебѣ прійдется страдать отъ моей болѣзненной раздражительности, которая чужда моей природѣ; но я не могу побороть ее. Какой то враждебный демонъ терзаетъ меня; я всего менѣе чувствую его присутствіе когда нахожусь въ возбужденномъ состояніи и едва начинаю успокоиваться, какъ онъ опять поднимается во мнѣ... Ты блѣднѣешь, моя дорогая Франциска, я напугалъ тебя. Въ моихъ словахъ вѣроятно много преувеличеннаго; дѣло въ томъ, что я не могу выносить ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія и зрѣлище продолжительныхъ страданій и полной безпомощности приводитъ меня въ ужасъ какъ ребенка. Но все это пройдетъ и сильное душевное потрясеніе, въ родѣ предстоящей борьбы за корону и жизнь, заставитъ меня забыть мелкія личныя непріятности. Ты хорошѣешь съ каждымъ днемъ, моя Франциска! Какъ пополнѣли твои руки и плечи съ тѣхъ поръ, какъ ты въ Фонтенбо; твои губы стали еще пунцовѣе, а большіе глаза хотя и сохранили прежнее невинное выраженіе, но получили особый блескъ...

— Какъ я счастлива, что ты находишь меня красивою; я желала бы всегда казаться тебѣ такою!..

Былъ теплый лунный вечеръ. Король и Франциска шли изъ сада къ терасѣ, гдѣ прошлую весну Францискъ считалъ, сколько лѣтъ прокукуетъ ему кукушка. Пять мраморныхъ ступеней вели съ терасы въ первую и самую красивую галлерею съ семью окнами въ видѣ арокъ, которая была устроена королемъ Францискомъ въ Фонтенбло и названа по его имени. Эти галлереи представляли собою подобіе продолговатыхъ залъ, великолѣпно украшенныхъ живописью и всевозможными произведенія искусства эпохи возрожденія. Стремленіе возстановить классическую древность замѣтно было въ картинахъ, статуяхъ, рѣзныхъ украшеніяхъ, колоннахъ и пестрой мозаикѣ. За этой галлереей слѣдовала другая, такъ называемая галлерея Улисса, гдѣ стѣнная живопись изображала жизнь и приключенія Гомеровскихъ героевъ. Эта галлерея также отличалась изяществомъ, какъ все, до чего прикасалась рука короля Франциска; тонко развитой вкусъ былъ въ немъ такимъ же врожденнымъ свойствомъ какъ талантъ живописца или скульптора. Только этимъ и можно объяснить до нѣкоторой степени, почему новый стиль Renaissance, не представлявшій никакого выработаннаго духовнаго принципа не доведенъ былъ до утрировки какъ всякое подражаніе. Если удачному воспроизведенію древне классическаго искусства въ значительной мѣрѣ способствовали такіе геніальные художники, какъ Приматисъ, Ле-Ру и другіе, то король не хуже ихъ могъ создавать планы роскошныхъ замковъ и великолѣпно убранныхъ галлерей. Даже теперь, идя подъ

руку съ Францискoй, и занятый совершенно иными мыслями, онъ замѣтилъ, что нужно позолотить рѣзьбу изъ орѣховаго дерева, украшавшую мозаичный сводъ чтобы она гармонировала съ пестрыми расписанными стѣнами. Лунный свѣтъ скользилъ по зеркальной поверхности пола необъятной залы, фантастически освѣщая то горящую саламандру служившую символическимъ изображеніемъ короля, то богато украшеннаго слона—олицетвореніе побѣды при Мариньяно. Неслышными шагами шли влюбленные по гладкому полу къ углубленію въ стѣнѣ, гдѣ барельефъ изображалъ спящую нимфу. Король остановился и пожалъ потаенную дверь въ стѣнѣ, которая тотчасъ же открылась. За нею виднѣлась небольшая освѣщенная прихожая, на потолкѣ которой была нарисована Семела погибающая въ пламени Юпитера. Потаенная дверь закрылась за ними; они вышли изъ прихошей и, сойдя внизъ нѣсколько ступеней, очутились въ амфиладѣ освѣщенныхъ комнатъ, въ которыхъ жила Франциска.

По желанію короля съ Францискoй обращались при дворѣ какъ съ будущей королевой, но ихъ отношенія были окружены таинственностью. Комнаты графини Шатобріанъ и покои короля были расположены на разныхъ сторонахъ галлереи, ихъ раздѣляли прихожія, лѣстницы и корридоры; только немногіе изъ придворныхъ знали о существованіи потаенной двери въ стѣнѣ.

Ласки короля заставили Франциску на нѣсколько минутъ забыть о непріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нее предъидушій разговоръ. Но когда онъ началъ прощаться съ нею, она невольно вспомнила о тоскливой жизни, ожидавшей ее въ томъ случаѣ если состоится его предполагаемый отъѣздъ въ Италію. Опьяненіе любви только на короткое время могло заглушить ея томительное желаніе увидѣть единственную дочь. Теперь это желаніе на ея несчастіе усилилось до послѣдней степени. Если бы Франциска знала, что ей предстоитъ новый переворотъ жизни и, что она должна избѣгать всего, что можетъ произвести дурное впечатлѣніе на короля, то вѣроятно не рѣшилась бы въ настоящую минуту просить его о похищеніи своей дочери изъ замка Шатобріана.

— Ты хочешь видѣть свою дочь? спросилъ съ неудовольствіемъ король, который вообще не интересовался дѣтьми и чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ ребенку графа Шатобріана;—она выростетъ и безъ твоихъ заботъ! Ребенокъ отвыкъ отъ тебя; увезти его изъ замка будетъ крайне затруднительно; къ тому же, подобное похищеніе возбудитъ много толковъ, которые могутъ повредить мнѣ. Въ настоящее время я по неволѣ долженъ дорожить расположеніемъ сеньёровъ!.. Стоитъ ли хлопотать о дѣтяхъ! Они вѣчно стоятъ намъ поперегъ дороги! При своемъ появленіи на свѣтъ они портятъ красоту женщины, затѣмъ поглащаютъ собою все наше вниманіе, а подконецъ грубо напоминаютъ намъ, что мы состарѣлись и должны уступить имъ мѣсто! Придумала ли ты по крайней мѣрѣ, кýда от-

дать ребенка, въ случаѣ, если удастся вырвать его изъ рукъ графа Шатобріана?

— Я не понимаю твоего вопроса Францискъ?

— Надѣюсь, что ты не намѣрена держать его въ Фонтенбло? Это немыслимо! Присутствіе ребенка слишкомъ напоминало бы обыденную и непривлекательную сторону любви. Поэзія и таинственность нашихъ сношеній исчезла бы безвозвратно! Не было бы конца вопросамъ, удивленію, перешептыванію и толкамъ. Ты знаешь характеръ моей матери...

— Я увезу мою дочь въ Фуа, чтобы имѣть возможность навѣщать ее.

— Стоитъ ли нарушать строй жизни для такого крошечнаго существа! Полно! Выбрось это изъ головы Франциска! Покойной ночи!

Первый разъ Франциска, прощаясь съ королемъ, пролила горькія слезы. Она не замѣтила какая черта характера проявилась въ его отношеніи къ ребенку, даже не считала это признакомъ равнодушія къ ней, но тѣмъ не менѣе чувствовала себя глубоко несчастной. Она любила короля той безусловной любовью, которая мирится съ дурными свойствами любимаго человѣка, принимая ихъ за нѣчто неизбѣжное и не задаваясь мыслью о томъ, что отъ этихъ свойствъ зависитъ бо́льшая или меньшая прочность отношеній! Также непоколебимо было ея материнское чувство. На слѣдующее утро прежде чѣмъ отправиться въ путь, она написала Батисту письмо, которое тотъ передалъ графу Шатобріану.

Къ несчастью Франциска во время путешествія не могла скрыть отъ короля своего печальнаго настроенія, хотя ясно видѣла, что онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Его безпокоилъ предстоящій визитъ къ умирающей женѣ, затруднительныя политическія обстоятельства и замѣчанія, сдѣланныя ему наканунѣ Франциской, которыя были тѣмъ непріятнѣе для него, что онъ самъ отчасти сознавалъ справедливость ея словъ. Онъ сердился и на материнскую заботливость своей возлюбленной, которая казалась ему совершенно неумѣстною въ его присутствіи. Никогда быть можетъ Франциск̀ѣ не была нужнѣе ея природная веселость, какъ на этой лодкѣ, убранной пестрыми коврами и флагами, которая летѣла стрѣлой вдоль рѣки, благодаря дружнымъ усиліямъ двадцати гребцовъ. Подъ балдахиномъ, вдали отъ свиты, сидѣлъ король противъ Франциски и слѣдилъ за ней полузакрытыми глазами. Лица близко знавшіе его, замѣтили бы, что накипѣвшее раздраженіе, этотъ элементъ, подрывающій хорошія отношенія людей, все болѣе и болѣе усиливалось въ немъ, и, что малѣйшій поводъ можетъ довести его до рѣзкой вспышки гнѣва. Привѣтливая улыбка на лицѣ Франциски, шутливое замѣчаніе съ ея стороны могли бы тотчасъ успокоить его. Король

всегда приходилъ въ дурное расположеніе духа, когда видѣлъ любимыхъ людей печальными и озабоченными; и также легко поддавался веселому настроенію окружавшихъ его лицъ. Веселіе было также необходимо для него, какъ воздухъ; онъ добивался его во что бы то ни стало и выходилъ изъ себя, когда это не удавалось ему.

Франциска не знала этого; она была слишкомъ привязана къ нему и слишкомъ чистосердечна чтобы притворяться или прибѣгать къ кокетству. Они молча доѣхали до Mélun. Король съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что его ожидаютъ здѣсь гонцы и сеньёры и что ему прійдется причалить къ берегу. Въ то время, какъ онъ распечатывалъ пакеты съ депешами, къ лодкѣ подошли Бюде съ Флорентиномъ чтобы доложить ему о причинѣ понудившей ихъ оставить Парижъ и выѣхать къ нему на встрѣчу.

Бюде воспользовался этой минутой чтобы шепнуть графинѣ Шатобріанъ, что участь Семблансэ рѣшается въ Парижѣ и старому вѣрному слугѣ грозитъ смертная казнь. При этомъ Бюде невольно упрекнулъ молодую женщину, что она не хлопотала у короля о несчастномъ человѣкѣ, который долженъ погибнуть вслѣдствіе ея забывчивости. Она не забыла этого, но трудно было выбрать болѣе неблагопріятную минуту, какъ для Семблансэ, такъ и для самой просительницы чтобы обратиться къ королю съ ходатайствомъ о помилованіи.

Франциска, слѣдуя порыву своего добраго сердца, не обратила на это никакого вниманія, и, едва Бюде и Флорентинъ вошли въ лодку, она кротко напомнила королю объ его милостивомъ обѣщаніи пощадить Семблансэ.

— Если я рѣшаюсь снова просить васъ, добавила Франциска,— то дѣлаю это по необходимости. Бюде только что сообщилъ мнѣ, что Семблансэ находится въ большей опасности, чѣмъ когда либо.

— Графиня, прервалъ ее король,—вы, можетъ быть, замѣчательно талантливы во всѣхъ другихъ вещахъ, только не въ дипломатіи, которая предписываетъ дѣлать все во̀-время и сообразно обстоятельствамъ. Не велика заслуга веселиться, когда другіе веселы, быть не въ духѣ, когда другіе скучны и, поднявъ паруса, плыть по вѣтру,— на это у всякаго хватитъ ума. Также я считаю крайне недипломатичнымъ съ вашей стороны вмѣшиваться въ запутанныя и опасныя дѣла, гдѣ вы ни въ какомъ случаѣ не можете разсчитывать на успѣхъ.

— Я не понимаю васъ...

— Мнѣ кажется, я говорилъ достаточно ясно.

— Но вы отклонились въ сторону и упрекнули меня въ недостаткѣ дипломатическихъ способностей, такъ что мнѣ не совсѣмъ понятно, что вы хотѣли сказать.

Этимъ способомъ было всего легче вывести изъ терпѣнія короля Франциска. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ слишкомъ достаточно, высказавъ свое неудовольствіе въ такихъ умѣренныхъ выраженіяхъ

и не ожидалъ, что кто нибудь осмѣлится сказать ему, что онъ выражается неясно. Мы раздражаемся всего сильнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда мы по собственной винѣ портимъ хорошія отношенія и стараемся заглушить упреки совѣсти, приписывая свою вину другимъ. Король ничего не отвѣтилъ, и мысленно подбиралъ самыя рѣзкія и ядовитыя слова, чтобы поразить Франциску въ самое сердце, такъ какъ принадлежалъ къ тѣмъ несдержаннымъ натурамъ, которыя безразлично изливаютъ свой гнѣвъ на всѣхъ, кто попадется имъ подъ руку и всего болѣе стараются оскорбить любимыхъ людей.

Но прежде чѣмъ король успѣлъ сказать что либо, Флорентинъ поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ, такъ какъ видѣлъ опасность, грозившую Францискѣ, и направилъ гнѣвъ короля на себя или, вѣрнѣе сказать, на Бюде. Онъ краснорѣчиво описалъ положеніе Семблансэ, невиннаго, какъ новорожденный младенецъ и предстоящее юридическое убійство, добавивъ, что слышалъ все это отъ Бюде, который, вѣроятно, подтвердитъ его слова. Тактика эта удалась вполнѣ. Гроза королевскаго гнѣва тотчасъ же обрушилась на канцлера въ видѣ вопросовъ и оскорбительныхъ упрековъ, которые быстро слѣдовали одни за другими. Но Бюде, обыкновенно робкій и нерѣшительный, всегда твердо, хотя и сдержанно, отстаивалъ правду, и его оппозиція большею частью ставила короля въ затруднительное положеніе. Это случилось и теперь. Францискъ не могъ уступить, потому что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ возраженіяхъ канцлеру, и въ тоже время имѣлъ основаніе опасаться, что, если онъ помилуетъ Семблансэ, то черезъ это обнаружится слишкомъ много погрѣшностей его матери и его собственнаго легкомысленнаго правленія. Король при своемъ теперешнемъ настроеніи считалъ это совершенно неумѣстнымъ и все болѣе и болѣе утверждался въ мысли, что онъ долженъ покончить однимъ ударомъ съ тяготившимъ его вопросомъ и принудить къ молчанію своихъ собесѣдниковъ.

— Довольно! Прекратимъ этотъ разговоръ! воскликнулъ король. Въ этихъ немногихъ словахъ, въ сопровождавшемъ ихъ повелительномъ жестѣ и нахмуренныхъ бровяхъ, выразилась такая бѣшенная ярость, что Бюде и Флорентинъ невольно отодвинулись отъ короля а у Франциски вырвался легкій крикъ испуга. Наступила мертвая тишина. Никто не рѣшался нарушить ее, потому что запальчивость короля производила подавляющее впечатлѣніе на люде,й близко знавшихъ его. Сидѣвшіе въ лодкѣ ожидали услышать нѣчто худшее отъ грознаго повелителя, который пристально глядѣлъ на воду и на чернѣвшій вдали Венсенскій лѣсъ, и какъ будто хотѣлъ притянуть его къ себѣ чтобы скорѣе избавиться отъ поѣздки и тяготившаго его общества.

Наконецъ они причалили къ берегу. Король вышелъ молча изъ лодки, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ сопровожденіи небольшой свиты. Графиня Шатобріанъ долго смотрѣла ему вслѣдъ. Когда Флорентинъ

напомнилъ ей о желаніи короля чтобы она ѣхала черезъ Парижъ, то Франциска указала ему рукой на Венсенскій замокъ, который виднѣлся вдали среди дубовыхъ и буковыхъ деревьевъ и медленно пошла впередъ съ поникшей головой. Бюде и Флорентинъ охотно послѣдовали за ней, потому что ослѣпительное лѣтнее солнце невыносимо жгло на открытомъ берегу.

Въ то время какъ друзья Франциски осаждали ее вопросами относительно загадочнаго поведенія короля и давали совѣты, какъ поступать съ нимъ на будущее время, король Францискъ пріѣхалъ въ Парижъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Депеши, полученныя имъ въ Mélun'ѣ извѣщали его, что Бонниве, какъ прежде Лотрекъ скоро объявитъ ему о гибели цѣлаго войска и, что непріятель, подъ предводительствомъ Бурбона и маркиза Пескера идетъ прямой дорогой на Провансъ. Онъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры чтобы составить новое войско изъ разсѣянныхъ остатковъ стараго и, ставъ во главѣ его, возстановить честь французскаго оружія. При такихъ обстоятельствахъ, требовавшихъ быстраго способа дѣйствій, король менѣе всего былъ расположенъ обращать вниманіе на другихъ или чувствовать сожалѣніе къ умирающей женщинѣ. Онъ нашелъ королеву Клавдію въ такомъ положеніи, что не только разговоры, но и всякая помощь были неумѣстны и поспѣшно удалился отъ зрѣлища человѣческой немощи, которое было для него непріятно даже въ обыкновенное время, а теперь тѣмъ болѣе показалось ему невыносимымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Дюпра и занялся приготовленіемъ приказовъ въ разные города своего королевства. Онъ составилъ ихъ подъ впечатлѣніемъ негодованія на Франциску и ея друзей и въ томъ же настроеніи сдѣлалъ всѣ существенныя распоряженія относительно управленія страной въ свое отсутствіе, которое было теперь окончательно рѣшено.

— Я хочу сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ! сказалъ король, обращаясь къ входившему Дюпра. Скажи мнѣ, кто по твоему убѣжденію пользуется наибо̀льшимъ уваженіемъ въ странѣ и кому я могъ бы передать правленіе въ случаѣ моей смерти или отсутствія?

— Парламентъ, ваше величество!

— Ты не понялъ меня! Я спрашиваю, кто лучше всѣхъ можетъ управлять парламентомъ.

— Ваша мать, герцогиня Ангулемская!

— А ты ея главный помощникъ, какъ въ правомъ, такъ и неправомъ дѣлѣ! Пергаментъ, который ты держишь въ рукѣ вѣроятно ничто иное, какъ смертный приговоръ Сембансэ, необходимый для моей матери.

— Парламентъ не соображается ни съ чьими желаніями и слѣдуетъ только правосудію!

— А ты самъ убѣжденъ, что Самблансэ дѣйствительно виноватъ? спросилъ король, взявъ изъ рукъ Дюпра пергаментъ и пробѣгая его глазами.

— Ваше величество!..

— Не торопись отвѣчать не выслушавъ меня. Я хочу отдать этотъ процесъ, который такъ близко касается моей матери, на разсмотрѣніе трехъ безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ людей. Предупреждаю заранѣе, что ихъ имена будутъ вамъ неизвѣстны. Совѣтую хорошенько обдумать мои слова, пока я буду читать приговоръ и отвѣтить мнѣ по совѣсти.

Король принялся читать приговоръ. Дюпра молча стоялъ передъ нимъ, не выдавъ ни однимъ жестомъ того, что происходило въ его душѣ. Когда король, окончивъ чтеніе, поднялъ голову, то онъ увидѣлъ передъ собой блѣдное лицо президента, которое показалось ему такимъ же равнодушнымъ и безстрастнымъ, какъ въ обыкновенное время.

— Теперь ты можешь отвѣтить на мой вопросъ, сказалъ король.

— Приговоръ составленъ сообразно существующему закону.

— Что такое законъ! Вы сами сочиняете его, сопоставляя извѣстнымъ образомъ факты. Я хочу знать, насколько ты дѣйствовалъ по совѣсти въ настоящемъ случаѣ?

— Ваше величество!..

— Вы подвергали пыткѣ стараго Семблансэ?

— Насколько это дозволено закономъ.

— Законъ допускаетъ пытку съ единственною цѣлью вынудить требуемое признаніе!

— Наши средства для изслѣдованія правды во всякомъ случаѣ крайне ограничены.

— Ограничены! Вы дѣйствуете съ такимъ произволомъ, что можете легко довести подсудимаго до ложнаго признанія. Ограничены! Вы на всѣхъ наводите ужасъ... Но не въ этомъ дѣло, а въ произнесенной тобой присягѣ.

При этихъ словахъ король подошелъ къ Дюпра и, глядя пристально ему въ глаза, добавилъ:

— Помня присягу, скажи по совѣсти:—считаешь ли ты Семблансэ виновнымъ?

— Я считаю его виновнымъ.

— Виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ? Отвѣчай безъ всякихъ увертокъ!

Вопросъ былъ прямо поставленъ; Дюпра не могъ болѣе прибѣгать къ уверткамъ своей іезуитской совѣсти; онъ долженъ былъ взять на свою отвѣтственность злодѣяніе, которое надѣялся совершить съ помощью другихъ. Но онъ не привыкъ останавливаться на полдорогѣ и съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ отвѣтилъ:

— Я убѣжденъ, что Семблансэ виновенъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняютъ его.

Наступила продолжительная пауза. Король проговорилъ какъ бы про себя:

— Бѣдный Семблансэ! Мужество величайшая добродѣтель и она одна властвуетъ надъ свѣтомъ!

Затѣмъ, обращаясь къ Дюпра, онъ добавилъ:

— Мнѣ остается только поздравить мою мать, что она имѣетъ такого друга, какъ ты.

— Я прежде всего служу закону!

— Оставимъ это! Мы давно знакомы другъ съ другомъ. Въ мое отсутствіе сохрани такую же преданность герцогинѣ, какую ты высказалъ до сихъ поръ. Рѣшительность въ дѣйствіяхъ даетъ силу правительству и это если не лучшій, то во всякомъ случаѣ самый вѣрный путь. Будешь ли ты служить съ такою же преданностью моей сестрѣ, если я назначу ее правительницей въ мое отсутствіе?

— Ваше величество, позвольте замѣтить вамъ, что герцогиня Алансонская, супруга вассала, и не пользуется довѣріемъ католиковъ. Ея назначеніе можетъ встрѣтить противодѣйствіе...

— Не съ твоей ли стороны?

— Со стороны вассаловъ государства; я лично не осмѣлюсь противодѣйствовать выбору вашего величества.

— Даже въ томъ случаѣ, если я выберу Франциску Фуа?

— Да, если бы она дѣйствительно была Франциска Фуа. Но мы знаемъ только Франциску Шатобріанъ и ваше величество вѣроятно не пожелаетъ поручить регентство бретонскому дворянину, который не разъ высказывалъ свое недовольство противъ существующаго правительства.

— Пустяки! Родъ Фуа всегда отличался энергіей!

— Всѣ хвалятъ графиню за ея привѣтливость; но она ничѣмъ не проявила своей энергіи и дипломатическихъ способностей.

— Это извѣстно одному Богу; я самъ не знаю ее съ этой стороны.

— Ваше величество вѣроятно приметъ въ расчетъ, что нужна не малая доля опытности и энергіи, чтобы управлять государствомъ, всѣ дѣла котораго уже почти десять лѣтъ сосредоточены въ однѣхъ рукахъ.

— По твоему мнѣнію будетъ всего безопаснѣе поручить управленіе моей матери?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ, но только при неизбѣжномъ условіи, что ваше величество окончитъ дѣло Семблансэ, прежде чѣмъ высокая особа прикосновенная къ процесу сдѣлается главою правленія.

— Въ такомъ случаѣ, она сама можетъ приговорить къ смерти своего противника.

— Можетъ быть ей угодно будетъ помиловать его...

— И то, и другое было бы неприлично. Не лучше ли мнѣ самому помиловать Семблансэ?

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ НОВОЕ ВРЕМЯ".

Мы получили отъ многихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ „Еженед. Новаго Времени" жалобы на то, что еженедѣльный срокъ выхода журнала представляетъ нѣкоторое неудобство, такъ какъ статьи, значительныя по объему, приходится давать частями, размѣщая ихъ на три, на четыре нумера. Вмѣстѣ съ этимъ неудобствомъ журналъ имѣетъ еще и другое: его названіе часто подавало поводъ гг. подписчикамъ смѣшивать съ названіемъ ежедневной газеты „Новое Время" и изъ этого происходили разныя недоразумѣнія, равно непріятныя для гг. подписчиковъ и для редакціи. Въ виду указанныхъ неудобствъ, мы рѣшились измѣнить названіе журнала и срокъ его выхода. Съ **февраля настоящаго года „Еженедѣльное Новое Время" будетъ называться „ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ЖУРНАЛОМЪ" и выходить въ двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками въ 8 и 9 печатныхъ листовъ каждая, въ томъ же самомъ форматѣ, въ какомъ выходило до сихъ поръ „Еженедѣльное Новое Время".** Въ годъ мы дадимъ 12 книгъ, сброшюрованныхъ и въ обложкѣ, которыя составятъ 104 листа, т. е. то же количество, какое давали мы въ 52 нумерахъ „Еженедѣльнаго Новаго Времени". Четыре такихъ книги будутъ составлять третной томъ цѣлаго года. Программа журнала и цѣна остаются прежнія.

Тѣхъ изъ гг. подписчиковъ „Еженедѣльнаго Новаго Времени", которые не пожелаютъ получать ежемѣсячный „Литературный Журналъ", мы просимъ увѣдомить объ этомъ редакцію и имъ будутъ немедленно возвращены подписныя деньги.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

3 2044 022 601 447